

МАБИНОГИОН

ЛЕГЕНДЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО УЭЛЬСА

НАСЛЕДИЕ КЕЛЬТОВ
ИСТОЧНИКИ

МАБИНОГИОН

ЛЕГЕНДЫ
СРЕДНЕВЕКОВОГО
УЭЛЬСА

НАСЛЕДИЕ КЕЛЬТОВ

ИСТОЧНИКИ

МАБИНОГИОН

ЛЕГЕНДЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО УЭЛЬСА

Перевод с валлийского

АГРАФ
Москва
2002

ББК 83.3(0)4
М12

Перевод с валлийского
В. Эрлихмана

Оформление серии художника
А. Осеновой

Информационный спонсор –
радиостанция «Эхо Москвы»

Мабиногион: Легенды средневекового Уэльса. — М.:
М12 Аграф, 2002. — 416 с.

Сборник валлийских легенд «Мабиногион», составленный в XII–XIII веках, включает в себя двенадцать повестей. Некоторые из них переосмысливают сюжеты древней кельтской мифологии, другие созданы под влиянием европейских рыцарских романов, которые, в свою очередь, испытали воздействие кельтских преданий о короле Артуре и его рыцарях, Тристане и Изольде, Святом Граале. К повестям сборника примыкает история приключений легендарного барда Талиесина, жившего в VI веке. Красочные и глубоко самобытные легенды «Мабиногион» представляют интерес не только для специалистов, но и для широкого круга читателей.

ББК 83.3(0)4

ISBN 5-7784-0209-0

© Эрлихман В.В., перевод,
послесловие, комментарии, 2002
© Издательство «Аграф», 2002

ЧЕТЫРЕ ВЕТВИ
МАБИНОГИ

ПУЙЛЛ, КОРОЛЬ ДИВЕДА

К

ороль Пуйлл¹ был правителем² в семи областях³ Диведа⁴. Однажды пребывал он в своем главном дворце⁵ в Арберте⁶ и пришло ему на ум и сердце желание отправиться на охоту⁷. Та часть его владений, где он собрался поохотиться, называлась Глин-Кох⁸. И в тот же вечер он покинул Арберт и добрался до верхней части Ллуйн-Диарви⁹. Там он заночевал, а на рассвете дня поехал

в Глин-Кох, пустил собак в чащу и протрубил в рог, объявляя начало охоты. И он поспешил вслед за собаками и растерял своих спутников. Вслушиваясь в лай собак, слышал он лай другой своры, доносившийся со стороны. Он устремился на этот звук, и выехал на большую поляну посреди леса, и увидел на одном краю той поляны свою свору, а на другом краю – чужих собак, что преследовали большого оленя. На середине поляны они настигли его и повалили наземь. Пуйлл же смотрел не на оленя, а на этих собак, ибо он никогда в жизни не видел собак, подобных им по цвету¹⁰. Шерсть их была снежно-белой, а уши – алыми; и белизна их шерсти сияла так же ярко, как алость их ушей¹¹. И он направился в сторону собак, и отогнал свору, убившую оленя, и подпустил к нему собственную свору.

Когда он созывал своих собак, он увидел скачущего к

нему на большом сером коне всадника¹² с охотничьим рогом на шее, одетого в охотничий костюм из серой шерсти. И всадник приблизился и заговорил с ним.

– Господин! – сказал он. – Я знаю, кто ты, и я не приветствую тебя.

– Что ж, – ответил Пуйлл, – может быть, по своей знатности ты и не должен делать этого¹³.

– Клянусь Богом, – сказал тот, – не моя знатность причиной тому.

– Что же, о господин? – спросил Пуйлл.

– Видит Бог, причина – в твоём невежестве и грубости¹⁴.

– О какой грубости ты говоришь, господин?

– Я никогда не знал большей грубости, – сказал тот, – чем отогнать собак, убивших оленя, и подпустить к нему собственную свору. Это верх невежливости и, хотя я не стану мстить тебе, но клянусь Богом, что возьму с тебя цену сотни оленей¹⁵.

– Господин, – сказал Пуйлл, – если я обидел тебя, я возьму обиду.

– И как же ты собираешься возместить ее?

– По твоей знатности, но для этого я должен узнать, кто ты.

– Я король¹⁶ своей страны.

– Доброго тебе дня, государь, – сказал Пуйлл. – Из какой же страны ты явился?

– Из Аннуина¹⁷, – ответил тот. – Я Араун¹⁸, король Аннуина.

– Государь, – спросил тут Пуйлл, – как мне добиться твоей дружбы?

– Есть такой способ, – сказал король. – Тот, чьи владения граничат с моими, постоянно враждует со мною, и это Хавган, король Аннуина¹⁹. Ты легко можешь освободить меня от него и, сделав это, заслужить мою дружбу.

– Я рад сделать это, – сказал Пуйлл, – однако скажи мне как?

– Я скажу тебе, как это сделать, – отвечал тот. – Я одарю тебя своей дружбой и дам тебе моего коня, чтобы ты добрался на нем до Аннуина. И еще я дам тебе прекраснейшую из всех виденных тобою женщин, чтобы ты спал

с нею каждую ночь²⁰; и придам тебе мой облик и подобие так, что ни паж²¹, ни воин и никто из моих людей не догадаются, что это не я. И это будет длиться год и день²², пока мы вновь не встретимся на этом месте.

– Согласен, – сказал Пуйлл, – но когда я буду жить там этот год, как я узнаю того, о ком ты говоришь?

– Ровно через год, – отвечал тот, – мы с ним уговорились встретиться у брода. Ты отправишься туда вместо меня, и достаточно будет одного твоего удара, чтобы лишить его жизни²³. И хотя он будет просить тебя нанести ему второй удар, не делай этого, как бы он ни умолял тебя, ибо когда я сделал это, на другой день он опять бился со мною²⁴.

– Хорошо, – сказал Пуйлл, – однако что будет с моими владениями?

– Я сделаю так, – сказал Араун, – что ни мужчина, ни женщина в твоих владениях не отличат меня от тебя, и поведу туда на твоём коне.

– Тогда я отправляюсь в путь, – сказал Пуйлл.

– Твой путь будет чистым, и ничто не помешает тебе достичь Аннуина, ибо я сам поведу тебя.

И он вел его, пока не достигли они жилых мест и дворца²⁵.

– Смотри, – сказал Араун, – дворец и все королевство в твоём распоряжении. Входи во дворец, где никто тебя не знает, и присмотришь к здешним порядкам, чтобы узнать обычаи моего двора.

И Пуйлл вошел во дворец и увидел там спальни, и залы, и дивно украшенные покои²⁶, каких он никогда еще не видел. И он вошел в зал, чтобы переменить одежду²⁷, и бывшие там пажи и юноши подошли, чтобы помочь ему, и все, кто там был, приветствовали его. Два рыцаря сняли с него охотничий костюм и облачили его в атласное одеяние, расшитое золотом²⁸. И он вошел в зал, и увидел там придворных и стражу; самую мощную и хорошо вооруженную из всех виденных им, и с ними королеву, прекраснейшую во всем мире даму, одетую в платье из блестящего атласа. И они омыли руки и сели за стол. Вот как они уселись: по одну сторону от него села королева, по другую же – некто, показавшийся ему графом²⁹. И он за-

говорил с королевой, и показалось ему по ее речам, что она самая благородная и чистосердечная дама из всех. И они ели, и пили, и пели, и веселились³⁰, и ни один дворец на земле не мог сравниться с этим по изобилию еды, питья, золотой утвари и драгоценностей. Пришло время им ложиться спать, и он отправился спать с королевой. И когда они легли в постель, он отвернул от нее лицо и отвернулся сам; и с этого момента до самого утра не сказал ей ни единого слова. Наутро же они вновь вели благородную и изящную беседу, но как бы ни возрастала их приязнь друг к другу, каждую ночь до конца года он вел себя точно таким же образом, как и в первый раз³¹.

И год прошел в охоте, в песнях и празднествах и в увеселениях с придворными, пока не настала ночь, назначенная для битвы. Об этой ночи знали во всех уголках королевства, так что, когда он пошел к месту встречи, с ним отправились все его приближенные³². И, подойдя к броду, увидели они там всадника, который сказал:

– Слушайте, люди! Это спор между двумя королями и только между ними. Мы двое будем сражаться за землю и владения, а вы стойте в стороне и ждите исхода схватки³³.

И два короля сошлись на середине брода, и первым ударом тот, кто был в обличье Арауна, поразил Хавгана в середину его щита³⁴. Щит раскололся пополам, и все доспехи Хавгана оказались разбиты, и сам он упал с коня на землю, и нога его запуталась в стремях, и он был смертельно ранен.

– О господин! – воззвал Хавган, – что за причина у тебя желать моей смерти? Я не сделал тебе ничего дурного, и не знаю, зачем тебе убивать меня³⁵. Но, ради Бога, раз уж ты сотворил это, доверши то, что начал.

– Господин, – ответил тот, – я не сделаю этого, чтобы после не раскаяться. Поищи того, кто сможет добить тебя, я же не буду это делать.

– Мои верные слуги! – промолвил Хавган. – Унесите меня домой. Пришла моя смерть, и я не могу больше править вами.

– Люди! – сказал и тот, кто был в обличье Арауна. – Посоветуйтесь и скажите, кто из вас хочет служить мне.

– О господин, – ответили знатные, – мы все хотим этого, ибо теперь в Аннуине нет короля, кроме тебя.

– Тогда, – сказал он, – тех, кто придет ко мне по своей воле, я приму милостиво, а непокорных подчиню силою меча.

И он получил клятву верности³⁶ от знатных, и к следующему полудню оба королевства оказались в его власти. После этого он сел на коня и отправился в Глин-Кох. И когда он прибыл туда, его встретил Араун, король Аннуина, и они рады были видеть друг друга.

– Поистине, – сказал Араун, – Бог воздаст тебе за оказанную мне услугу, о которой я уже знаю. Возвратись же в свои владения, и ты увидишь, что я сделал для тебя.

– Что бы ты ни сделал, – сказал Пуйлл, – пусть Бог воздаст и тебе.

После Араун вернул Пуйллу, королю Диведа, его облик и подобие и сам обрел свой собственный вид и отправился в свой дворец в Аннуине, где рад был видеть своих придворных, которых не видел долгое время. Они же не знали о его отсутствии и удивились его появлению не более чем всегда. И этот день прошел у них в веселье и развлечениях, и он сидел и беседовал с женой и приближенными. И когда время сна сменило время веселья, они отправились на покой.

Король лег в постель, и к нему пришла жена. Сперва он заговорил с нею, а после они разделили удовольствие³⁷. И, будучи лишена внимания целый год, она задумалась. «Интересно, – спросила она себя, – что заставило его сегодня изменить своему обыкновению?» Она думала долгое время, и он встал и обратился к ней дважды и трижды, но не получил ответа. Он спросил:

– Почему ты не говоришь со мной?

– Господин, – сказала она, – я не могу сразу выговориться за целый год.

– О чем ты? – спросил он. – Ведь мы всегда говорим с тобой.

– О стыд! – воскликнула она. – Ведь уже год до вчерашнего вечера с момента, как мы ложились в постель, между нами не было ни разговоров, ничего другого, и ты даже не повернул ко мне лица.

Король весьма удивился и подумал: «Клянусь, я нашел человека, чья дружба тверда и нелжива». И потом он сказал жене:

– Госпожа, не брани меня. Видит Бог, я не спал в одной постели с тобою весь прошлый год до этой самой ночи.

И он рассказал ей всю историю.

– Поистине, господин, – сказала она, – ты можешь довериться этому человеку и в искушениях плоти, и в словах правды.

– Да, госпожа, – сказал он. – Я как раз думал об этом сейчас, пока ты молчала.

– Поистине, такое поведение достойно хвалы, – добавила она.

В это время Пуйлл, король Диведа, прибыл в свои владения и начал расспрашивать своих приближенных о том, что случилось за год.

– О господин, – сказали они, – твоя мудрость никогда еще не была так велика, ты никогда не был столь добр к своим слугам, никогда так щедро не расточал даров, и твоя власть никогда не была справедливее, чем в этот год.

– Клянусь Богом, – сказал Пуйлл, – за все это вы должны благодарить не меня, а того, кто был с вами все это время, и вот как это было.

После этого Пуйлл поведал им все.

– Поистине, господин, – сказали они, – надо возблагодарить Бога за то, что ты приобрел такого друга, и не нужно менять установленных им порядков.

– Беру небо в свидетели, – сказал Пуйлл, – что я не стану их менять.

И после этого короли укрепили дружбу между собой и посылали друг другу коней, и борзых, и соколов, и все, что они считали приятным друг для друга. И по причине того, что Пуйлл прожил год в Аннуине, и правил там столь удачно, и объединил два королевства в одно³⁸ своим мужеством и отвагой, его стали называть не Пуйлл, король Диведа, но Пуйлл, Государь Аннуина.

Однажды пребывал он в своем главном дворце в Арберте, где готовился большой праздник для него и его приближенных. И после завтрака Пуйлл решил прогу-

ляться и подняться на вершину холма за дворцом, что звался Горседд Арберт³⁹.

– Господин, – сказал один из придворных, – у этого холма есть одно свойство – если кто-либо из знатных взойдет на него, он не спустится без того, чтобы с ним не случилось одно из двух. Либо он получит раны и увечья, либо увидит какое-нибудь волшебство⁴⁰.

– С таким числом спутников я не побоюсь ни ран, ни увечий, – сказал он. – Что до волшебства, то я с удовольствием его увижу. Пойдем же и сядем на вершине холма.

И он с придворными уселся на холме. И, сидя там, они увидели даму на большом и могучем белом коне⁴¹, в сверкающем золотом одеянии, которая медленно ехала по дороге, ведущей к холму. Казалось, что конь ее движется почти шагом.

– Люди, – спросил Пуйлл, – кто среди вас знает эту всадницу?

– Никто, господин, – отвечали они.

– Пойдите кто-нибудь ей навстречу, – приказал он, – и узнайте, кто она такая.

И один из них встал и вышел на дорогу, когда она проезжала мимо, и пустился за нею так быстро, как только мог, но чем быстрее он бежал, тем дальше она была от него. И, увидев, что он не в силах ее догнать, он вернулся к Пуйллу и сказал ему:

– Господин, никто не сможет догнать ее пешком.

– Тогда, – сказал Пуйлл, – ступай во дворец, возьми там самого резвого скакуна и поезжай за нею.

И тот взял коня и устремился в погоню. Он выехал в поле и прищпорил коня, но чем больше он его погонял, тем дальше от него была всадница. Она же ехала так же медленно, как и раньше. И его конь начал выбиваться из сил и, наконец, совсем остановился; тогда он вернулся к месту, где был Пуйлл.

– О господин, – сказал он, – бесполезно преследовать эту даму. Я не знаю на всем свете коня быстрее этого, и он не смог догнать ее.

Пуйлл сказал:

– Должно быть, это и есть волшебство. Давайте вернемся во дворец.

И они вернулись во дворец и провели там день. И настал следующий день, и пришло время обеда. После пира Пуйлл сказал:

– Теперь мы, те же, кто был вчера, подыдемся на вершину холма. А ты, – сказал он одному из пажей, – выведи в поле самого быстрого коня.

И тот сделал это. Они подошли к холму вместе с конем и, просидев там немного времени, увидели даму на том же коне и в том же одеянии, едущую по той самой дороге.

– Смотрите, – сказал Пуйлл, – вот и вчерашняя всадница. Будь готов, юноша, – обратился он к пажу, – узнать, кто она.

– Я с радостью сделаю это, господин, – ответил тот.

В это время всадница приблизилась к ним. Паж подошел к коню, но, прежде чем он вскочил в седло, она проехала мимо и удалилась от него, хотя скорость ее была ничуть не большей, чем прежде. Он же последовал за ней, надеясь быстро достичь ее, но из этого ничего не вышло. Тогда он пустил коня в галоп и все же не приблизился к ней ни на шаг. И чем больше он погонял коня, тем дальше от него была всадница, хотя скорость ее оставалась такой же, как раньше. Когда он увидел, что не может ее догнать, он вернулся к месту, где был Пуйлл.

– Господин, – сказал он, – ты видишь, конь не в силах ее догнать.

– Я вижу, – сказал Пуйлл, – что бесполезно кому-либо из вас пытаться настигнуть ее. Видит Бог, она направляется к кому-то в этой местности, если только такая неторопливость позволит ей до него добраться. Вернемся же во дворец.

И, вернувшись во дворец, они провели вечер в песнях и увеселениях, пока не отошли ко сну. И утром следующего дня они предавались развлечениям до завтрака. Когда они заканчивали трапезу, Пуйлл сказал:

– Где те, кто был со мной вчера и позавчера на холме?

– Мы здесь, господин, – сказали они.

– Пойдемте, – сказал он, – и сядем на вершине холма. А ты, – обратился он к своему конюшему⁴², – оседлай моего лучшего коня и поспеши с ним к дороге, да захвати с собою мои шпоры.

И конюший сделал это. Они же пошли и сели на холме, и через короткое время увидели всадницу, что ехала по той же дороге с такой же скоростью.

– Юноша, – сказал Пуйлл, – я вижу ту всадницу. Подведи скорее моего коня!

Он сел на коня, и когда он сделал это, всадница уже проехала мимо. Он поскакал за нею, пустив коня рысью, и ему уже казалось, что он вот-вот настигнет ее, но она была не ближе к нему, чем раньше. Он увеличил скорость коня вдвое, потом втрое, но это ничуть не помогло ему достичь ее.

– О дева, – воскликнул тогда Пуйлл, – именем человека, которого ты больше всего любишь, прошу тебя остановиться.

– Я с радостью остановлюсь, – сказала она, – и для твоего коня было бы лучше, если бы ты попросил об этом куда раньше.

И она остановилась, и подняла накидку, закрывавшую ее лицо, и устремила на него взгляд, и заговорила с ним.

– О дева, – спросил он, – откуда ты и куда держишь путь?

– Я еду по своему делу⁴³, – ответила она, – и я рада тебя видеть.

– И я рад, что вижу тебя, – сказал он, подумав, что красота всех дев и дам, виденных им прежде, не может сравниться даже с тенью ее красоты.

– Госпожа, – сказал он, – расскажи мне о своем деле.

– Я расскажу о нем, – ответила она. – Клянусь Богом, моим главным делом было отыскать тебя.

– Постине, – сказал Пуйлл, – мне радостно, что твои поиски достигли своей цели. Скажи же мне, кто ты.

– Я скажу тебе, господин, – ответила она. – Я Рианнон⁴⁴, дочь Хевейдда Старого⁴⁵, и меня пожелали выдать замуж против моей воли. Но я не захотела этого потому, что люблю одного тебя, и мне не нужен другой муж, если только ты меня не отвергнешь⁴⁶. Вот я пришла и жду твоего ответа.

– Клянусь Богом, вот мой ответ, – сказал Пуйлл, – если бы я мог выбирать из всех знатных дам и дев мира, я выбрал бы только тебя.

– Если таково твое решение, – сказала она, – женись на мне, пока меня не отдали другому.

– Чем скорее это будет, тем отрадней для меня, – сказал Пуйлл, – и я приду за тобой туда, куда ты скажешь.

– Я буду ждать тебя через год и день во дворце Хевейдда и велю подготовить свадебный пир к твоему прибытию.

– Я с радостью явлюсь туда, – сказал он.

– Господин, – сказала она, – будь здоров и помни свое обещание. Сейчас же я должна удалиться.

Тут они расстались, и он вернулся к своим спутникам. И на все вопросы о его встрече с всадницей он не отвечал, переводя разговор на другие предметы. Когда же прошел год со дня их встречи, он снарядил сотню рыцарей и отправился с ними во дворец Хевейдда Старого. И он прибыл туда, и во дворце возрадовались его прибытию, и собрался народ, и было общее веселье, и все богатства дворца были отданы в его распоряжение. Для них был приготовлен зал, и они сели за столы так: Хевейдд Старый с одной стороны от Пуйлла, а Рианнон с другой, прочие же уселись по их знатности. И они ели, и веселились, и беседовали друг с другом, и в конце пира в зал вошел высокий⁴⁷ темноволосый юноша благородного обличья в атласном одеянии, расшитом серебром. И, войдя в зал, он приветствовал Пуйлла и сидевших с ним.

– Милость Божия с тобой, друг мой⁴⁸, – сказал Пуйлл, – входи и садись.

– Не могу, – сказал тот, – я пришел по делу и должен сделать его.

– Что же это за дело? – спросил Пуйлл.

– Господин, – сказал тот, – мое дело касается тебя, и я хочу обратиться к тебе с просьбой.

– Клянусь, что, какой бы ни была твоя просьба, я выполню ее, если это в моих силах.

– О! – воскликнула Рианнон, – для чего ты дал это обещание?

– Он дал его, госпожа, и все эти люди тому свидетели, – сказал юноша.

– Друг мой, – сказал Пуйлл, – так в чем же твоя просьба?

– Эта дама, которую я люблю, должна сегодня стать

твоей женой, и я прошу тебя уступить ее мне вместе со свадебным пиром⁴⁹.

Пуйлл молчал, ибо он не мог ничего ответить.

– Молчи теперь, сколько хочешь, – воскликнула Рианнон, – ибо никто из людей не проявлял еще так мало ума, как ты.

– Госпожа, – сказал он, – я не знал, кто это.

– Это тот человек, за которого меня хотели выдать против моей воли, – сказала она, – Гваул, сын Клида⁵⁰, муж, богатый стадами⁵¹. После того, что ты обещал, не отдать меня ему будет для тебя позором.

– Госпожа, – сказал он, – я никогда не сделаю этого, что бы ты ни говорила.

– Предоставь это мне, – сказала она, – и я сделаю так, что он никогда меня не получит.

– Как же ты сделаешь это? – спросил Пуйлл.

– Я дам тебе маленький мешок⁵², – ответила она, – храни его бережно. Ты скажешь ему, что не в твоей власти подарить ему свадебный пир, который я даю для гостей и своих придворных. Я же, в свою очередь, пообещаю ему выйти за него через год и день. И в конце этого года ты должен быть здесь с этим мешком, а сотню своих рыцарей спрячь в саду. И когда начнется пир, войди во дворец в одежде нищего⁵³, захвати с собой этот мешок и попроси наполнить его едой. Я же, – сказала она, – сделаю так, что вся еда и питье в этих семи областях не заполнят его. И когда он спросит тебя, не наполнился ли мешок, ты ответишь, что он не наполнится, пока муж знатный и богатый не ступит на него и не придавит еду ногами, сказав при этом: «Теперь довольно». Когда он встанет и придавит ногами еду в мешке, быстро подними мешок, чтобы он ушел в него с головой, и затяни завязки. Возьми с собой охотничий рог, и как только ты поймаешь его в мешок, труби в рог и зови своих рыцарей. И они услышат звук рога и явятся к тебе во дворец.

– Господин, – сказал Гваул, – пора дать ответ на мою просьбу.

– Хотя ты и попросил многого, – сказал Пуйлл, – ты получишь все, что в моей власти.

– Друг мой, – сказала тут Рианнон, – нынешний пир я

устроила для гостей из Диведа и для моих придворных и воинов, поэтому я не могу подарить его тебе. Через год и день в этом дворце будет устроен пир для тебя, и на нем я стану твоей женой.

После этого Гваул отбыл в свои владения, и Пуйлл тоже вернулся в Дивед. И прошел год, и настал срок пира во дворце Хевейдда Старого. Гваул, сын Клида, пришел на праздник, что был устроен в его честь, и вошел во дворец, и был принят там весьма радушно. А Пуйлл, Государь Аннуина, прятался в саду с сотней рыцарей, как велела ему Рианнон, и взял с собой мешок. И он оделся в старые лохмотья и надел на ноги грубые башмаки. И когда закончился пир, и началось веселье, он вошел прямо в зал и, войдя, приветствовал Гваула, сына Клида, и всех его спутников, мужчин и женщин.

– Благослови тебя Бог, – сказал Гваул, – чего ты хочешь?

– Господин, – сказал Пуйлл, – пусть Бог хранит тебя. У меня к тебе просьба.

– Что ж, – сказал Гваул, – если твоя просьба разумна, я с радостью ее исполню.

– Я прошу совсем немногого, господин, – сказал Пуйлл, – наполни едой этот вот маленький мешок.

– Ну, это скромная просьба, – сказал тот, – и я исполню ее. Дайте ему еды! – велел он.

И вошло множество слуг, и принялись наполнять мешок, но, сколько они туда ни клали, мешок не становился полнее.

– Друг мой, – спросил Гваул, – твой мешок еще не полон?

– Клянусь Богом, он не наполнится ничем, что в него ни положишь, – сказал Пуйлл, – пока муж, владеющий землями, имениями и богатствами, не встанет сверху, и не придавит еду обеими ногами, и не скажет: «Теперь довольно».

– О друг мой⁵⁴, – сказала Рианнон Гваулу, сыну Клида, – полезай скорее в этот мешок.

– Хорошо, я сделаю это, – сказал он.

И он поднялся с места и стал обеими ногами в мешок. Тогда Пуйлл поднял мешок кверху так, что Гваул оказался в нем с головой, и быстро затянул завязки на мешке, и

протрубил в рог. И вот во дворец вбежали его люди, и они схватили тех, кто был с Гваулом, и бросили их в темницу⁵⁵. И Пуйлл скинул грязные лохмотья и старые башмаки, что были на нем. И каждый из его рыцарей, когда входил, ударял по мешку и спрашивал: «Кто там?» И ему отвечали: «Барсук». Так они забавлялись, ударяя по мешку ногой или палкой. И каждый из них, входя, спрашивал:

– Что это вы делаете?

– Мы играем в барсука в мешке, – отвечали ему. Так возникла эта игра⁵⁶.

– Господин, – сказал человек, что сидел в мешке, – делай, что хочешь, но выслушай меня. Не по чести мне быть забитым в этом мешке.

– Господин, – сказал тут и Хевейдд Старый, – он говорит верно. Тебе подобает выслушать его, поскольку такая смерть его недостойна.

– Тогда, – сказал Пуйлл, – посоветуйте, что мне с ним сделать.

– Вот совет для тебя, – сказала Рианнон, – ты сегодня должен одарить просителей и поэтов⁵⁷, так пусть он делает это вместо тебя. И возьми с него клятву не мстить за то, что с ним сделали. Этого наказания будет с него довольно.

– Я с радостью сделаю это, – сказал человек в мешке.

– И я охотно это сделаю, – сказал Пуйлл, – раз таков совет Хевейдда и Рианнон.

– Да, таков наш совет, – сказал Хевейдд.

– Я принимаю его, – сказал Пуйлл. – Давай же своих заложников⁵⁸.

– Мы будем заложниками за него, – сказал Хевейдд, – пока не освободятся его люди.

И Гваул вылез из мешка, и его люди были освобождены.

– Вот теперь потребуй от Гваула заложников, – сказал Хевейдд, – и мы знаем, кого следует оставить за него.

И он назвал заложников. Гваул же сказал:

– Назови же свои условия.

– Довольно будет того, о чем говорила Рианнон, – сказал Пуйлл.

И они составили договор, вписав⁵⁹ в него пункт о заложниках. И Гваул сказал:

– Господин, я тяжко изранен и получил много ушибов. Мне нужно омыться⁶⁰, и я с твоего позволения удалюсь. Я оставлю своих людей, чтобы они ручались за меня.

– Хорошо, – сказал Пуйлл, – так и сделай.

И Гваул отправился в свои владения. После этого был приготовлен пир для Пуйлла, и его людей, и для всех, кто был во дворце, и они сели за столы так же, как сидели год назад. И они ели и веселились, и, когда пришло время ложиться спать, Пуйлл с Рианнон удалились в свои покои и провели ночь в удовольствии и любви. И наутро в начале дня Рианнон сказала:

– Господин, вставай и прими просителей и поэтов и никому сегодня не отказывай в своей щедрости.

И Пуйлл встал, и выслушал всех просителей, и наделил каждого по его просьбе. И праздник продолжался, и никому не было отказано в участии. Когда же празднество закончилось, Пуйлл сказал Хевейдду:

– Господин, с твоего позволения я завтра возвращусь в Дивед.

– Хорошо, – сказал Хевейдд, – пусть Бог благословит тебя. Назови время, когда Рианнон должна приехать к тебе⁶¹.

– Клянусь Богом, – сказал Пуйлл, – мы поедем туда вместе.

– Такова твоя воля, господин? – спросил Хевейдд.

– Да, клянусь Богом, – ответил Пуйлл.

И на следующий день они отправились в Дивед и прибыли в Арберт, где для них уже готов был праздник. И там собралось множество родовитых мужей и знатнейших дам той страны, и никого из них Рианнон не обделила богатыми подарками, будь то кольцо, или браслет, или драгоценный камень. И они благополучно правили страной год и другой. На третий же год мужи страны опечалились, видя человека, любимого ими, своего господина и названного брата⁶² лишенным потомства. И они пришли к нему в место, что называется Пресселеу в Диведе⁶³.

– Господин, – сказали они, – мы видим, что ты старше многих мужей этой страны, и печалимся, что нет у тебя потомства от твоей жены. Возьми другую жену, от которой ты сможешь иметь детей. Ты не вечно будешь оста-

ваться с нами, и хоть ты и доволен тем, что есть, но мы этого не потеряем.

– Поистине, – сказал им Пуйлл, – мы еще не так давно вместе, и многое может случиться. Подождите до конца года, и если через год ничего не изменится, я последую вашему совету.

Такой срок они и установили⁶⁴. И до конца этого срока у него родился сын. Он родился в Арберте, и в ту же ночь прислали няnek⁶⁵, чтобы ухаживать за матерью и младенцем. И няньки уснули, и Рианнон, мать мальчика, тоже спала; няnek же в покоях было шестеро. И они не спали до полуночи, а потом одна за другой уснули и пробудились только утром. И, поглядев туда, где они оставили младенца, они не увидели его.

– О! – воскликнула одна из няnek, – мальчик пропал!

– Верно, – сказала другая, – и самой малой карой за это нам будет костер или смерть⁶⁶.

– Кто же, – воскликнула третья, – скажет, что нам теперь делать?

И тут одна из них сказала:

– Я дам вам хороший совет.

– Какой? – спросили другие.

– Здесь есть сука со щенятами, – сказала она. – Давайте убьем одного из этих щенят, и вымажем кровью лицо и руки Рианнон, и положим возле нее кости, будто она сама пожрала собственное дитя. И она не сможет оправдаться против нас шестерых.

И они так и поступили⁶⁷.

Днем Рианнон проснулась и спросила:

– Няньки, где мое дитя?

– Госпожа, – сказали они ей, – не спрашивай о своем сыне. Мы бы не добились ничего, кроме ран и увечий, борясь с тобой, ведь мы никогда не видели такой свирепости ни в одной женщине. Мы не смогли справиться с тобой, и ты сама погубила⁶⁸ своего сына. Так что не спрашивай нас о нем.

– Увы! – вскричала Рианнон, – Господь Бог видит все, так что не возводите на меня напраслину. Бог видит все, и видит, что я невиновна. Если вы оговорили меня из страха, я клянусь защитить вас.

– Поистине, – сказали они, – мы никому не позволим причинить нам зло.

– Так и правда не причинит вам зла, – сказала она. Но на все ее увещевания и жалобы у них был один ответ.

Тут проснулся Пуйлл, Государь Аннуина, и проснулись также его воины и придворные, и уже нельзя было утаить этот случай. Весть о нем разнеслась по стране, и все люди слышали об этом. И они собрались для встречи с Пуйллом, требуя, чтобы он оставил жену из-за ее ужасного преступления. На это Пуйлл ответил, что они не вправе требовать развода по иной причине, кроме как отсутствие детей.

– Мы же знаем, – сказал он, – что у этой женщины был ребенок, и я не разведусь с ней; если же она виновна, давайте придумаем ей наказание⁶⁹.

Тут Рианнон призвала наставников и мудрецов⁷⁰, и, поскольку она предпочла понести наказание, чтобы не спорить с няньками, она приняла то, что ей назначили. А в наказание ей было назначено оставаться в замке в Арберте до истечения семи лет, и сидеть каждый день возле каменной коновязи у ворот, и рассказывать свою историю всем входящим, кто, как она думала, ее не знает, и предлагать всем, кто захочет, довести их до дворца на своей спине⁷¹. Однако мало кто позволял ей делать это. И так прошел остаток года.

В это время Тейрнион Туриф Влиант⁷² правил в Гвент-Искоэд⁷³, и был он лучшим человеком в мире. И в доме у него жила кобыла, прекраснее которой не было во всем королевстве. Каждый год накануне первого дня мая⁷⁴ она жеребилась, но жеребята пропадали неведомо куда. И вот однажды Тейрнион сказал своей жене:

– Госпожа, не странно ли, что наша кобыла каждый год жеребится, а у нас нет ни одного жеребенка?

– Что же тут можно поделать? – спросила жена.

– Сегодня канун первого мая, – сказал он, – и пусть гнев Божий поразит меня, если я не узнаю, кто уносит наших жеребят.

И он велел ввести кобылу в дом, а сам вооружился и начал ждать ночи. И вот ночью кобыла родила большого и красивого жеребенка, который сразу же встал на но-

ги. И Тейрнион встал и подивился росту жеребенка, и тут вдруг послышался страшный шум, и вслед за этим огромная когтистая лапа просунулась в окно и схватила жеребенка за гриву. Тогда Тейрнион выхватил меч и отрубил лапу до локтя, так что часть ее вместе с жеребенком осталась внутри дома⁷⁵. И после этого опять послышались шум и жалобный вой. Он отворил дверь и выскочил наружу, но не увидел шума⁷⁶ из-за темноты ночи. Тут он вспомнил, что не запер дверь, и поспешил вернуться. И у входа лежал младенец в пеленках, завернутый в атласное покрывало. И он взял младенца и увидел, что тот очень крепок для своего возраста. Он запер дверь и вошел в покои, где была его жена.

– Госпожа, – позвал он, – ты спишь?

– Нет, мой господин, – сказала она, – я спала, но проснулась, когда ты вошел.

– Вот дитя для тебя, – сказал он, – ведь у тебя нет своих детей.

– Мой господин, что с тобой приключилось? – спросила она.

– Вот что, – сказал он и поведал ей всю историю.

– Господин, – спросила она, – а в какую ткань был завернут этот младенец?

– В атласный плащ, – ответил он.

– Наверное, он сын знатного человека, – сказала она. – Послушай, мой господин, что я придумала. Я созову своих служанок и скажу им, что была в тягости и родила его.

– Хорошо, сделай это, – сказал он.

И они так сделали и, окрестив после ребенка⁷⁷, дали ему имя Гури Валлт Эурин⁷⁸, ибо волосы на его голове были желтыми, как золото.

Мальчика нянчили в доме, пока ему не исполнился год. Через год он уже мог ходить и выглядел старше трехлетнего ребенка, даже самого рослого и здорового. Когда же ему пошел второй год, он выглядел как шестилетний. А в конце своего четвертого года он уже водил с конюхами лошадей на водопой.

– Господин, – спросила однажды жена у Тейрниона, – где тот жеребенок, которого ты спас в ночь, когда нашелся мальчик?

– Я отдал его конюхам, – ответил он, – и велел присматривать за ним.

– Не лучше ли было бы, господин, – сказала она, – отдать его мальчику, ведь они вместе появились в нашем доме.

– Я не стану спорить с тобой, – сказал Тейрнион, – и отдам его мальчику.

– Господин, – сказала она, – пусть Бог вознаградит тебя.

И коня отдали мальчику и велели конюхам ухаживать за ним и обучать, чтобы он не подвел, когда мальчику придет пора на нем ездить⁷⁹. И в это время они услышали историю о Рианнон, о ее проступке и наказании. И Тейрнион Туриф Влиант внимательно выслушал эту историю и с тех пор просил каждого, кто приходил к нему в дом, вновь и вновь рассказывать ее, пока не разузнал все о печальной судьбе Рианнон и о постигшей ее каре.

После этого Тейрнион много думал, и смотрел на мальчика, и увидел, что никто из сыновей не походит так на отца, как мальчик был похож на Пуйлла, Государя Аннуина. Он хорошо знал обличье Пуйлла, ибо когда-то служил у него. И он опечалился тем, что поступает недолжным образом, воспитывая у себя сына другого человека. Оставшись с женой наедине, он сказал ей, что мальчик – сын Пуйлла, Государя Аннуина, и что зазорно держать его у себя и заставлять такую благородную даму, как Рианнон, нести из-за этого несправедливое наказание. И жена Тейрниона согласилась, что они должны отослать мальчика к Пуйллу.

– И этим, господин, – сказала она, – мы приобретем три вещи: благодарность и дары от Рианнон за освобождение ее от наказания, благодарность Пуйлла за воспитание его наследника, и третье – если мальчик вырастет благородным, он будет нашим названным сыном и сделает нашу старость спокойной.

На том они и порешили.

И не позже чем на следующий день Тейрнион собрался в путь с двумя всадниками, и четвертым поехал мальчик на подаренном ему коне. И они направились к Арберту и через короткое время были там. И, войдя в ворота дворца, они увидели Рианнон, сидящую возле коновязи. Когда они поравнялись с нею, она сказала:

– Господа, постойте! Я должна довести одного из вас до дворца на своей спине, и это мое наказание за то, что я убила и пожрала собственного сына.

– О благородная госпожа, – сказал Тейрнион, – я думаю, никто из нас не позволит себе сесть тебе на спину.

– Пусть кто хочет садится, – сказал мальчик, – я не сяду.

– Правильно, друг мой, – сказал Тейрнион, – никто из нас не сделает этого.

И они вошли во дворец, и все возрадовались их приходу. Они попали на праздник, устроенный по поводу возвращения Пуйлла из поездки по Диведу⁸⁰, и вошли в комнату для умывания, и Пуйлл приветствовал Тейрниона. И они сели за стол: Тейрнион между Пуйллом и Рианнон, а два спутника Тейрниона напротив Пуйлла, и мальчик между ними. Закончив есть, они завели разговор, и Тейрнион рассказал всю историю о кобыле и мальчике, и о том, как они с женой воспитывали мальчика, словно своего сына.

– Смотри, госпожа, вот твой сын, – сказал Тейрнион, – и те, кто обвиняли тебя, повинны во лжи. И когда я услышал о твоём несчастье, мне было тяжело, и я опечалился. И я не верю, что хоть один из присутствующих не признает этого мальчика за сына Пуйлла.

– Да, это он, – сказали все.

– Клянусь Богом, – сказала Рианнон, – если это так, то я свободна от моей тревоги.

– Госпожа, – сказал Пендаран Дивед⁸¹, – твой сын был твоей тревогой, и ты должна назвать его Придери*, сын Пуйлла, Государя Аннуина⁸².

– погоди, – сказала Рианнон. – Может быть, его нынешнее имя лучше.

– Как его зовут? – спросил Пендаран Дивед.

– Гури Валлт Эурин – вот имя, что мы дали ему, – сказал Тейрнион.

– Пускай его зовут Придери, – сказал Пендаран Дивед.

– Правильно, – сказал Пуйлл, – лучше будет, если мальчик получит имя по слову, которое его мать произнесла, услышав о нём радостную весть.

* Pryderu, pryder – «тревога», «забота» (валл.).

На том и порешили.

– Тейрнион, – сказал Пуйлл, – Бог вознаградит тебя за воспитание этого мальчика, и, если он вырастет благодарным, он также оплатит тебе добром.

– Господин, – сказал Тейрнион, – никто на свете не печалится о нем больше моей жены, которая его вырастила. Хорошо, если он сохранит в памяти то, что мы для него сделали.

– Клянусь Богом, – сказал Пуйлл, – пока я жив, я не оставлю тебя и твоих людей. И пока он будет жить, для него будет справедливее помогать тебе, чем мне. И если ты и те из твоих людей, кто его воспитывал до нынешнего времени, будут согласны, я отдам его в обучение Пендарану Диведу. Вы же будете его спутниками и названными родителями.

– Это хорошая мысль, – сказали все.

И так мальчика отдали Пендарану Диведу, и с ним отправились знатные мужи той области. И Тейрнион Туриф Влиант и его спутники вернулись в свою землю, окруженные любовью и вниманием. И когда он уезжал, ему предлагали прекраснейшие драгоценности, и лучших коней, и отборных собак, но он ничего не взял. И так они жили в своих владениях. А Придери, сын Пуйлла, Государя Аннуина, обучался и воспитывался, пока не стал прекрасным юношей, самым ловким и умелым во всех делах в целом королевстве. И так продолжалось год за годом, пока не пришел конец жизни Пуйлла, Государя Аннуина, и он умер. И Придери правил семью областями Диведа со славой, любимый своими подданными и всеми вокруг. И после того, как он завладел тремя областями Истрад Тиви и четырьмя областями Кередигона⁸³, они стали называться семью областями Сейсиллуг. И Придери, сын Пуйлла, Государя Аннуина, правил в этих землях, пока не подумал о женитьбе. И он взял в жены Кикву⁸⁴, дочь Гвинна Гохиу, сына Глоу Валлта Ллидана, сына Каснара Вледига⁸⁵ из правителей этого острова. И тут кончается первая Ветвь Мабиноги⁸⁶.

БРАНВЕН, ДОЧЬ ЛЛИРА

И

то вторая Ветвь Мабиноги.

Бендигейд Вран⁸⁷ сын Ллира⁸⁸, царствовал над всем этим островом и был увенчан короной в Лондоне⁸⁹. Однажды пребывал он в своем дворце Харлех⁹⁰ в Ардудви⁹¹. И он сидел на вершине над морем, и были с ним Манавидан, сын Ллира⁹², его брат, и два его брата по матери, Ниссиэн и Эвниссиэн⁹³, и множество знатных, что всегда

окружали короля. Его братья по матери были сыновьями Эуросвидда⁹⁴ от их матери Пенарддим, дочери Бели, сына Маногана⁹⁵. И один из этих братьев был добрым мужем, и всегда поддерживал мир среди своей родни, и примирал родичей, даже когда они пылали гневом⁹⁶. И это был Ниссиэн. Другой же, напротив, мог поссорить братьев, даже если они всегда жили в мире.

И, сидя там, увидали они тринадцать кораблей, плывущих с юга Ирландии⁹⁷, и корабли двигались к ним, легко и плавно скользя по волнам, и попутный ветер быстро приближал их.

– Я вижу корабли, плывущие сюда, – сказал король, – Скажите придворным, чтобы они вооружились и пошли узнать, кто это и что им нужно.

И придворные собрались и пошли к пристани. И вблизи те корабли оказались самыми большими и хоро-

шо снаряженными из всех, что они когда-либо видели, и над ними развевались прекрасные атласные знамена. И над бортом одного из кораблей, шедшего впереди прочих, они увидели щит, поднятый над палубой острым концом кверху в знак мира⁹⁸.

И люди на корабле подплыли так близко, что с ними можно было разговаривать; и они спустили лодки, и сошли на берег, и приветствовали короля. Он же выслушал их с того места, где он сидел, с вершины над их головами.

– Помогите вам Бог, – сказал он, – и добро пожаловать. Кому принадлежат эти корабли, и кто на них старший?

– Наш господин, – сказали они, – Матолх, король Ирландии⁹⁹, и ему принадлежат эти корабли.

– Что ему нужно, и сойдет ли он на берег? – спросил король.

– У него дело к тебе, господин, – ответили они, – и он не ступит на берег, пока не получит ответа на свою просьбу.

– И какова же его просьба? – спросил король.

– Он хочет породниться с тобою, господин, – ответили они, – и прибыл просить в жены Бранвен, дочь Ллира¹⁰⁰. И этим он желает связать воедино Остров Могучих¹⁰¹ и Ирландию, чтобы они стали еще сильнее.

– Что ж, – сказал король, – пусть он сойдет на берег, и мы поговорим.

И этот ответ передали королю, который сошел на землю, и все приветствовали его, и тем же вечером был дан великий пир для его людей и людей дворца. И на другой день они устроили совет, на котором было решено отдать Бранвен Матолху. А она была третьей по знатности из дам этого острова¹⁰² и прекраснейшей девой на свете.

И по соглашению между ними он должен был отпраздновать свадьбу с нею в Аберфрау¹⁰³. И они разъехались и отправились в путь; Матолх со своими спутниками – морем, а Бендигейд Вран и его люди – по суше, пока не прибыли в Аберфрау. Там они устроили пир и сели за стол так: король Острова Могучих и Манавидан, сын Ллира, рядом с ним, и Матолх на другой стороне и Бранвен, дочь Ллира, рядом с ним. Они сидели не в доме, а в шатре, ибо ни один дом не вмещал Бендигейда Врана¹⁰⁴. И они стали пировать, и ели, и пили, и веселились. И ког-

да они увидели, что лучше для них лечь спать, чем продолжать веселье, они отправились спать, и эту ночь Матолх провел с Бранвен. На другой день все люди дворца встали, и позаботились об устройстве гостей и их коней, и разместили их на просторе до самого моря.

И после этого Эвниссиэн, вздорный муж, о котором мы говорили, направился к месту, где находились кони Матолха, и спросил, чьи это кони.

– Это кони Матолха, короля Ирландии, – ответили ему.

– И что они здесь делают? – спросил он.

– Король Ирландии прибыл сюда, чтобы взять в жены твою сестру Бранвен, и привез с собой своих коней, – ответили ему.

– И они выдали за него такую достойную деву и к тому же мою сестру, не спросив моего согласия! Они не могли нанести мне большего оскорбления!¹⁰⁵ – воскликнул он.

И после он накинулся на коней с оружием и отрезал губы на их ртах, и уши на их головах, и хвосты на их крупах, и там, где он смог добраться до глаз, он вырезал их до самых костей. Так он обезобразил коней и лишил их всей красоты. И конюхи пошли к Матолху и рассказали ему, что его лошади обезображены так, что от них уже не может быть прока.

– О господин! – сказал один из них, – тебе нанесено оскорбление, и ты должен отомстить.

– Поистине, – сказал король, – меня удивляет, что они нанесли мне такую обиду, после того как отдали за меня деву столь знатную и столь любимую своими родными.

– Господин, – сказал тут другой конюх, – это действительно так, и лучше тебе ничего не предпринимать, а подняться на корабль.

И после этого он взошел на свой корабль.

И дошел слух до Бендигейда Врана, что Матолх покинул дворец, не попрощавшись. И он отправил послов узнать, в чем дело; послами же были Иддик, сын Анарауга, и Хевейдд Хир¹⁰⁶. И они пришли к Матолху и спросили, по какой причине он хочет их покинуть.

– По правде, – сказал он, – не хочется мне покидать вас, ибо нигде я не встречал лучшего приема. Но одно меня удивило.

– Что же это? – спросили они.

– Вы выдали за меня Бранвен, дочь Ллира, третью по знатности даму острова и дочь короля Острова Могучих, и после этого оскорбили меня. И я удивлен тем, что это оскорбление мне не нанесли до того, как вручили мне такую высокородную деву.

– Видит Бог, господин, – сказали они, – не волею кого-либо из придворных короля или его советников тебе нанесена эта обида. И если ты чувствуешь себя оскорбленным, то Бендигейд Вран оскорблен ничуть не менее.

– Я верю этому, – сказал он, – однако это не может стереть моей обиды.

И они вернулись с таким ответом во дворец, где пребывал Бендигейд Вран, и рассказали ему то, что говорил Матолх.

– Нельзя допустить, – сказал он, – чтобы он отплыл в столь недружелюбном настроении, и мы этого не допустим.

– Да, господин, – сказали они, – надо сейчас же отправить к нему посланцев.

– Я отправлю их, – сказал он. – Встаньте, Манавидан, сын Ллира, и Хевейдд Хир, и Уник Глеу Игсвидд¹⁰⁷, и идите к нему, и передайте, что он получит лучшую лошадь за каждую из испорченных. И кроме того, в возмещение он получит серебряный посох¹⁰⁸ толщиной с его палец и высотой с него самого и золотую пластину шириной с его лицо¹⁰⁹. И скажите ему, что за человек это сделал, и что сделано это против моей воли, и что это сделал мой брат по матери, которого мне нелегко предать смерти¹¹⁰. И пригласите его навестить меня, – сказал он, – и мы заключим мир на условиях, которые он предложит.

Послы отправились к Матолху и передали ему все сказанное в дружелюбном тоне, и он, выслушав это, сказал:

– Нам нужно посоветоваться.

И он созвал совет, и на совете решили, что, если они отвергнут предложение короля, они не избавятся от бесчестья и вдобавок не получат возмещения. И он согласился с этим и отпустил послов с миром во дворец. Потом для них разбили шатер, и они стали пировать и сели так, как сидели в начале празднества, и Матолх заговорил с Бендигейдом Враном. И Бендигейду Врану показалось, что

Матолх не так весел, как прежде, и он подумал, что король опечалился из-за малости возмещения за свою обиду.

– Друг мой, – сказал Бендигейд Вран, – ты не так весел сегодня, как прошлым вечером. Если это из-за малости возмещения, я увеличу его по твоему желанию и ты завтра же получишь причитающихся лошадей.

– Господин, – сказал тот, – Бог вознаградит тебя.

– И я еще увеличу возмещение, – сказал Бендигейд Вран, – я дам тебе котел¹¹¹, и свойство этого котла таково, что если погрузить в него сегодня убитого человека, то назавтра он будет так же жив, как раньше, кроме того, что не сможет говорить.

И Матолх поблагодарил его за это и весьма развеселился. И на другое утро они дали Матолху всех лошадей, что у них оставались. И оттуда они двинулись с ним в другую общину¹¹² и там возместили ему остаток лучшими жеребятами, и поэтому та община стала называться Талеболион¹¹³.

И они пировали вместе вторую ночь.

– Господин, – спросил Матолх, – откуда ты взял котел, который дал мне?

– Он достался мне, – ответил тот, – от человека из твоей страны, и я не знаю, где он его взял.

– Кто это был? – спросил он.

– Лласар Ллесгивневидд, – ответил тот, – который явился из Ирландии со своей женой Кимидей Кимейнволл¹¹⁴. Они спаслись из Железного Дома в Ирландии, где для них был разожжен костер¹¹⁵, и бежали сюда. Я удивлен, что ты ничего не знаешь об этом.

– Я знаю нечто, господин, – сказал Матолх, – и все, что я знаю, я расскажу тебе. Однажды я охотился в Ирландии на холме над озером, что называлось Озером Котла¹¹⁶. И я увидел громадного рыжеволосого мужчину, идущего от озера с котлом на спине. Он имел вид свирепый и пугающий, и с ним была женщина. И хотя он был высок, она была выше его вдвое. И они подошли ко мне и приветствовали меня. «Что вы тут делаете?» – спросил я у них. «Вот, господин, наше дело, – ответил он, – через месяц эта женщина должна родить, и ее ребенок, который родится в конце месяца, будет самым хорошо вооруженным из во-

инов»¹¹⁷. Я предложил им свое покровительство, и они прожили у меня год. И этот год я безропотно терпел их, но неприязнь к ним росла, и уже к концу четвертого месяца они стали ненавистны всем в моей стране, ибо угнетали и оскорбляли придворных и народ¹¹⁸. И наконец мои люди потребовали, чтобы я выбирал между ними и этими пришельцами. Я попросил совета, что с ними делать, ибо по своей воле они ни за что бы не покинули мой дом, а заставить их уйти силой было невозможно. И мне посоветовали изготовить дом из железа. Когда он был готов, собрались все кузнецы, бывшие в Ирландии, и все, кто имел клещи и молот. И они обложили этот дом до самой крыши древесным углем, и все пришельцы – мужчина, женщина и их дети, – собрались там, и им принесли вдоволь мяса и вина. Когда они опьянели, кузнецы принялись разжигать уголь и раздувать мехи¹¹⁹, пока дом не раскалился докрасна. Тогда пришельцы собрались в середине дома и устроили совет. Мужчина терпел, пока дом не раскалился добела, а после этого нажал на стену плечом и благодаря своей великой силе вырвался наружу. То же сделала его жена, но кроме них оттуда никто не спасся. После этого, я думаю, господин, – сказал Матолх Бендигейду Врану, – они и бежали к тебе.

– Да, – сказал тот, – они пришли и отдали мне этот котел.

– И что же, господин, ты сделал с ними? – спросил он.

– Я расселил их с их потомством по своим владениям, и повсюду они множились, и процветали, и снабжали области, где они жили, лучшими воинами и оружием¹²⁰.

В эту ночь они беседовали до тех пор, пока могли, и пили, и пели; когда же они увидели, что им лучше лечь спать, чем продолжать беседу, они отправились спать. И потом пир продолжился, а по окончании его Матолх отплыл в Ирландию вместе с Бранвен, и их тринадцать кораблей отплыли из Абер-Менаи¹²¹ и прибыли в Ирландию. И там была великая радость по этому случаю. И все люди Ирландии, мужи и жены, навестили Бранвен, и всем она дарила браслеты, и кольца, и драгоценные камни, и все, на что падал их взгляд. И так она провела счастливо год в большой славе, в почете и уважении.

И случилось в это время, что она забеременела, и че-

рез положенное время родился у нее сын. Вот имя, что они дали ему: Гверн, сын Матолха¹²². И они отдали его на воспитание лучшим людям Ирландии. Но на второй год в Ирландии началась смута из-за оскорбления, которому Матолх подвергся в Уэльсе, и из-за увечья его лошадей. И за это его названные братья и ближние люди попрекали его, и он не знал покоя из-за постоянных смут, пока они не придумали наказание за его бесчестье. И они назначили такую месть: они изгнали Бранвен из дома мужа, заставили ее стряпать для всех людей дворца, и мясник каждый день после разделки мяса приходил к ней и давал ей оплеуху¹²³. Такое ей придумали наказание.

– И еще, господин, – сказали Матолху его люди, – запрети всем кораблям и лодкам¹²⁴ плавать в Уэльс, а тех, кто приплывет оттуда, заключай в темницу, чтобы там ничего не узнали обо всем этом.

И они так и сделали.

Все это продолжалось не менее трех лет. За это время Бранвен вырастила в крышке от квашни¹²⁵ скворца, научила его говорить и рассказала ему, как выглядит ее брат. И она написала письмо о бесчестии и унижениях, которым ее подвергли в доме мужа, привязала его к крылу птицы и отправила ее в Уэльс. И птица прилетела туда, и отыскала там Бендигейда Врана в Каэр-Сейнт в Арвоне¹²⁶, где он вершил суд, и села на его плечо, и встопорщила перья так, что он увидел письмо и понял, что птица ручная. И он взял письмо и прочел его. И, прочитав письмо, он весьма опечалился, узнав о несчастиях Бранвен. И он приказал собрать войска со всего острова, и созвал посланцев из семижды двадцати и еще четырех областей¹²⁷, и поведал им о том, что случилось с его сестрой.

И они держали совет и решили всем идти на Ирландию, оставив дома лишь семь человек во главе с Карадаугом, сыном Брана¹²⁸. Их оставили в Эдейрнионе, и поэтому селение там получило название Сейт-Мархауг¹²⁹. Вот эти семеро: Карадауг, сын Брана, и Хевейдд Хир, и Уник Глеу Исгвидд, и Иддик, сын Анарауга Гваллтгруна, и Фодор, сын Эрвилла, и Гулх Минаскорн, и Лласнар, сын Лласара Ллесгигвидда, и с ними Пендаран Дивед, как самый юный¹³⁰. И эти семеро остались управлять ос-

тровом, и Карадауг, сын Брана, был над ними старшим. И Бендигейд Вран со спутниками, о которых мы говорили, отплыл в Ирландию, и он сам шел по мелководью, ибо море тогда было нешироким. Там были две реки, называемые Лли и Архан, но потом море разлилось и затопило многие земли¹³¹. И он со спутниками, с бардами и поэтами, которых он нес на плечах, приблизился к берегу Ирландии¹³².

И свинопасы Матолха в один из дней пасли свое стадо на морском берегу, и увидели нечто в море, и пришли с этим к Матолху.

– Господин, – сказали они, – доброго тебе дня!

– Храни вас Бог, – сказал он. – Какие у вас новости?

– Господин, – сказали они, – у нас удивительные новости. Мы видели лес в волнах, где никогда не росло ни единого дерева.

– Поистине это удивительно, – сказал он. – Что же вы видели еще?

– Мы видели, господин, – сказали они, – высокий холм над водой, и он двигался. И на вершине его была скала и два озера по ее сторонам. И лес, и холм, и все эти предметы тоже двигались.

– Наверное, – сказал он, – никто не сможет растолковать все эти чудеса, кроме Бранвен. Пошлите за ней.

И люди отправились к Бранвен.

– Госпожа, – спросили они, – что ты думаешь об этом?

– Хотя я давно уже не госпожа, – ответила она, – я могу сказать, что это¹³³. Это пришли мужи Острова Могучих, узнав о моих несчастьях и о моем горе.

– А что за лес виден в море? – спросили они.

– Это мачты кораблей, – ответила она.

– А что же, – спросили они, – за холм в стороне от кораблей?

– Бендигейд Вран, мой брат, – ответила она, – идет по мелководью, ибо нет корабля, способного его выдержать.

– А что за скала и озера по ее сторонам? – спросили они.

– Он, – ответила она, – смотрит на этот остров в гневе, и его два глаза по сторонам его носа подобны озерам¹³⁴.

Тогда быстро сошлись все воины Ирландии и все моряки¹³⁵ и стали держать совет.

– Господин, – сказали они Матолху, – нет способа спастись, кроме как перейти через реку Ллинон¹³⁶ и оставить реку между тобой и им, разрушив мост. На дне этой реки лежит магнитный камень, и ни корабль, ни лодка не могут пересечь ее.

И они перешли через реку и разрушили за собой мост. Бендигейд Вран ступил на землю, и флот его подошел к берегу.

– Господин, – сказали его спутники, – ты знаешь чудесное свойство этой реки. Никто не может пересечь ее, и на ней нет моста. Из чего ты собираешься соорудить мост?

– Тот, кто ведет войско, – ответил он, – должен стать мостом. Я и стану мостом¹³⁷.

И так это было сказано впервые, а впоследствии вошло в поговорку. И он лег поперек реки, на него положили доски, и все войско прошло по нему через реку. И когда он встал, к нему подошли посланцы Матолха, и приветствовали его, и передали привет от Матолха, его родича, и заверения в самых добрых его намерениях.

– Матолх, – сказали они, – уступает престол Ирландии Гверну, сыну Матолха, твоему племяннику и сыну твоей сестры¹³⁸, в возмещение за то зло, которое причинили Бранвен. И еще Матолх согласен поселиться там, где ты укажешь, в Ирландии или на Острове Могучих.

– Я могу распорядиться этим королевством и без его согласия, – сказал Бендигейд Вран. – Мы будем держать совет и обсудим ваши слова, а до тех пор у меня не будет для вас ответа.

– Если у нас будут хорошие вести, – сказали они, – мы немедленно сообщим их тебе, а ты дождись нашего возвращения.

– Я подожду, – сказал он, – только возвращайтесь скорее.

И посланцы пришли к Матолху.

– Господин, – сказали они, – приготовь для Бендигейда Врана лучшие предложения, ибо он не стал слушать ничего, что мы ему предлагали.

– Люди мои, – спросил Матолх, – каков будет ваш совет?

– Господин, – сказали они, – у нас есть один совет. Бендигейда Врана не вмещает ни один дом. Выстрой же дом,

в котором он мог бы поместиться, чтобы в нем на одной стороне расположились бы он и люди Острова Могущества, а на другой – ты и твои люди, и вверь свое королевство его воле, и принеси ему клятву верности. Он никогда не имел дома, вмещающего его, – сказали они, – поэтому он примет это за честь и пойдет на мир с тобою.

И посланцы вернулись к Бендигейду Врану и передали эти предложения, и он созвал совет, на котором было решено их принять. И это было сделано по просьбе Бранвен, и она же упросила их не разорять остров. И они заключили мир, и для них был выстроен громадный и прочный дом. Но ирландцы придумали хитрость. Вот что они придумали: они вбили крючья по обеим сторонам каждого из сотни столбов, что были в доме, и повесили на каждый крюк по кожаному мешку¹³⁹ и посадили в каждый мешок по вооруженному воину.

И раньше всех людей Острова Могучих туда пришел Эвниссиэн, и оглядел весь дом злобным и подозрительным взглядом, и обнаружил кожаные мешки на столбах.

– Что в этих мешках? – спросил он у одного из ирландцев.

– Мука, друг мой¹⁴⁰, – ответил тот.

Тогда он ощупал мешок, пока не нашел голову, и сдвинул ее так, что его пальцы сквозь кость вошли в мозг. И он оставил этот мешок и подошел к следующему, и опять спросил:

– Что там?

– Мука, – опять ответил ирландец.

И так он поступил со всеми мешками, пока никого не осталось в живых, кроме одного, и он подошел к последнему мешку и снова спросил:

– Что там?

– Мука, друг мой, – снова ответил ирландец.

И он ощупывал его, пока не обнаружил голову, и он сдвинул ее, как и другие. Хотя голова была в шлеме, он не оставил этого человека, пока не умертвил. И после произнес такой энглин.¹⁴¹

– Снарядился ты, вождь, для битвы
Вместе с воинами своими;
Отправляйся же вслед за ними!¹⁴²

После этого его спутники вошли в дом. Люди Ирландии сели с одной стороны стола, а люди Острова Могучих – с другой. И как только они уселись, они заключили мир и отдали королевство в руки того мальчика. Когда условия мира были оговорены, Бендигейд Вран призвал мальчика к себе, и от него он перешел к Манавидану, и все, кто его видел, полюбили его. И после Манавидана Ниссиэн, сын Эуросвидда, призвал мальчика, и тот отправился к нему с радостью.

– Почему, – спросил его брат Эвниссиэн, – мой племянник, сын моей сестры, не подошел ко мне? Если бы он и не был королем Ирландии, я был бы рад завести с ним дружбу.

– Пусть он подойдет, – сказал тогда Бендигейд Вран, и мальчик охотно подошел к нему.

– Клянусь Богом, – сказал себе Эвниссиэн, – никто в этом доме не подозревает, какое зло я сейчас сотворю.

И он внезапно встал и, прежде чем кто-либо опомнится, схватил мальчика за ноги и швырнул его прямо в пылающую печь¹⁴³.

И когда Бранвен увидела своего сына горящим в огне, она попыталась кинуться в печь с места, где она сидела между двумя своими братьями. Но Бендигейд Вран удержал ее одной рукой, а другой поднял свой щит. Тогда все в доме вскочили, и началось величайшее смятение, и каждый схватился за оружие, и раздались крики: «Псы Гверна, цельте ему в бедро!»¹⁴⁴ И когда они все обнажили оружие, Бендигейд Вран прикрыл Бранвен своим щитом. Ирландцы же разожгли огонь под котлом оживления и принялись бросать туда мертвые тела, пока котел не наполнился, и на следующее утро мертвые воины стали такими же, как раньше, кроме того, что не могли говорить. И когда Эвниссиэн увидел, что мертвые Острова Могучих не оживают, он сказал себе: «Боже! это я послужил причиной гибели людей Острова Могучих. Горе мне, если я не исправлю этого». И он спрятался среди мертвых тел, и два босоногих¹⁴⁵ ирландских воина взяли его и бросили в котел, приняв за одного из своих. И он уперся в стенки котла и расколол его на четыре куска, но при этом разбилось и его сердце¹⁴⁶.

И в битве победили люди Острова Могучих, но после этой победы в живых остались лишь семь человек, и Бендигейд Вран был ранен в ногу отравленным дротиком¹⁴⁷. Вот те семеро, что остались живы: Придери¹⁴⁸, Манавидан, Гливизу Эйл Таран¹⁴⁹, Талиесин¹⁵⁰, Инаук, Гридиэн, сын Муриэла¹⁵¹, и Хейлин, сын Гвинна Хена¹⁵². И Бендигейд Вран приказал им отрезать его голову¹⁵³.

– Возьмите мою голову, – велел он, – и отнесите ее на Белый Холм в Лондоне¹⁵⁴ и похороните там лицом к стране франков¹⁵⁵. Долгим будет ваш путь. В Харлехе вы будете пировать семь лет, и птицы Рианнон будут петь вам¹⁵⁶. И моя голова должна все время быть с вами, как будто она на моих плечах. И в Гваласе в Пенвро¹⁵⁷ вы должны оставаться четырежды двадцать лет, и вы останетесь там, пока не отопрете дверь в Абер-Хенвелен¹⁵⁸ и Корнуолл¹⁵⁹. И когда вы отопрете эту дверь, вы отправитесь в Лондон и похороните там мою голову.

И эти семеро отрезали ему голову и с нею отплыли обратно, и Бранвен была с ними восьмой. И они высадились в Абер-Алау в Талеболионе¹⁶⁰ и сели там отдохнуть. И Бранвен поглядела в обе стороны, на Ирландию и на Остров Могучих.

– Увы! – прошептала она, – горе мне, что я родилась! Люди двух островов истреблены из-за меня.

И она испустила тихий стон, и сердце ее разбилось. И они вырыли ей могилу и похоронили ее под четырехгранным курганом¹⁶¹ на берегах Алау. И после эти семеро отправились в Харлех, унося голову с собой. Когда они шли, им встретилось множество людей, мужчин и женщин.

– Есть ли у вас новости? – спросил их Манавидан.

– Нет, – ответили они, – кроме того, что Касваллаун, сын Бели¹⁶², завоевал Остров Могучих и был коронован в Лондоне¹⁶³.

– А что же случилось, – спросили у них, – с Карадаугом, сыном Брана, и теми семерыми, что остались с ним на острове?

– Касваллаун вышел против них и убил шестерых, а сердце Карадауга разбилось, ибо он видел их гибель от меча, но не видел, кто держал меч. Касваллаун надел волшебную одежду¹⁶⁴, и никто из убиваемых не видел его, а

только его меч. Касваллаун не хотел убивать своего племянника, сына своего кузена, и Карадауг стал третьим, чье сердце разбилось от горя¹⁶⁵. Пендаран Дивед же, который был младшим из них, бежал и скрылся в лесу, – так им было сказано.

И они пришли в Харлех и расположились там. Им принесли мясо и вино, и стали они есть и пить. И прилетели три птицы и запели, и из всех песен, слышанных ими, ни одна не могла сравниться с этой. И хотя птицы парили далеко от них, над морем, но им казалось, что они совсем рядом. И так для них прошли семь лет, и на исходе этих семи лет они отправились в Гвалас в Пенвро. Там они нашли красивое место высоко над морем и рядом с ним большой зал. И, войдя в него, они увидели две открытые двери, а третья, что вела в Корнуолл, была закрыта.

– Смотрите, – сказал Манавидан, – вот дверь, что мы не должны открывать.

И эту ночь они пировали и веселились, и из всего их горя не помнили ничего – ни того, что случилось с ними, ни прочих печалей. И они оставались там четырежды двадцать лет, но так, что не делались старше, чем были, когда пришли туда, и не замечали прошедшего времени¹⁶⁶. Не казалось им странным и то, что с ними голова, а не живой Бендигейд Вран. И так прошли все эти годы, и потому их пребывание там названо Гостеприимством Достопочтенной Головы. Время же, проведенное ими в Ирландии, называется Гостеприимством Бранвен и Матолха¹⁶⁷. И однажды Хейлинн, сын Гвинна Хена, сказал:

– Позор мне¹⁶⁸, если я не открою дверь и не узнаю, правда ли то, что о ней сказано.

Он открыл дверь и увидел за ней Корнуолл и Абер-Хенвелен. И когда он открыл дверь, они разом вспомнили все зло, что с ними приключилось, и всех друзей и соратников, которых они потеряли, и все свои приключения, а главное – судьбу их господина. И с того часа они не знали отдыха, пока не добрались с головой до Лондона. И они похоронили голову на Белом Холме; и это было одно из Трех счастливых погребений этого острова и причина одного из Трех злосчастных выкапываний, ибо

никакая опасность не приходила на остров с моря, пока голова не была выкопана¹⁶⁹.

И на этом заканчивается рассказ о тех, кто вернулся из Ирландии. В Ирландии же не осталось в живых никого, кроме пяти беременных женщин в отдаленной пещере. У этих пяти женщин родилось пять сыновей, и они выросли, и задумались о женах, и решили овладеть ими. И так каждый из них женился на матери другого, и они владели страной, и заселили ее, и разделили между собою. С тех пор Ирландия делится на пять частей¹⁷⁰. И они осмотрели место, где было сражение, и нашли там золото и серебро, и стали богатыми¹⁷¹.

И здесь заканчивается эта Ветвь Мабиноги, повествующая о горе Бранвен, что было Третьим горчайшим горем этого острова¹⁷², и о Гостеприимстве Бендигейда Врана, когда люди из семижды двадцати областей пришли в Ирландию, чтобы отомстить за зло, причиненное Бранвен, и о семилетнем пире в Харлехе, и о пении птиц Рианнон, и о Гостеприимстве Головы в течение четырехжды двадцати лет.

МАНАВИДАН, СЫН ЛЛИРА

И

то третья Ветвь Мабиноги.

Когда те семеро, о которых мы рассказывали, похоронили голову Бендигейда Врана на Белом Холме в Лондоне лицом к стране франков, Манавидан, их вождь, посмотрел на город Лондон и на своих спутников и глубоко вздохнул, и скорбь и томление овладели им.

– О Боже Всемогущий, горе мне! – сказал он. – У одного меня в эту ночь нет здесь пристанища.

– Господин, – сказал Придери, – пусть это не тяготит тебя. Твой кузен стал владыкой Острова Могучих, и хотя он добился этого не по праву, не к лицу тебе затевать с ним раздор из-за земли и владений. Ведь ты – один из Трех благородных правителей¹⁷³.

– Хотя он и мой кузен, – ответил Манавидан, – я не рад видеть его на месте моего брата Бендигейда Врана и не могу быть счастлив под одной крышей с ним.

– Нужен ли тебе мой совет? – спросил его Придери.

– Да, я сейчас нуждаюсь в совете, – ответил Манавидан. – Что ты хочешь посоветовать?

– Мне принадлежат семь областей Диведа¹⁷⁴, – сказал Придери, – и там сейчас моя мать Рианнон. Я отдам тебе ее и с нею власть над всем Диведом¹⁷⁵. И хоть не будет у тебя иных владений, кроме этих семи областей, это луч-

ше, чем ничего. Моя жена – Киква, дочь Гвинна Глеу, и я получил эти семь областей в наследство и могу отдать их тебе и Рианнон, если тебе понадобятся владения.

– Не понадобятся, о вождь, – сказал Манавидан, – но Господь воздаст тебе добром за твою дружбу.

– Я одарю тебя лучшей дружбой в мире, если ты мне позволишь, – сказал Придери.

– Позволю, мой друг, и пусть Господь вознаградит тебя, – сказал Манавидан. – Я обязательно отправлюсь с тобой, чтобы увидеть Рианнон и ее владения.

– Ты правильно сделаешь, – сказал Придери, – и я уверен, что ты никогда не видел более разумной женщины. К тому же в расцвете лет никто не мог сравниться с нею красотой, и даже сейчас ты не разочаруешься, увидев ее.

Они немедленно отправились в путь и наконец прибыли в Дивед. В Арберте для них уже был приготовлен пир, который устроили Рианнон и Киква. И Манавидан с Рианнон сели и завели беседу, и она показала свой ум и рассудительность так, что он подумал, что никогда не встречал женщины, подобной ей.

– Придери, – сказал он, – я последую твоему совету.

– Что же это за совет? – спросила Рианнон.

– Госпожа, – сказал Придери, – я пообещал тебя в жены Манавидану, сыну Лпира.

– Я с радостью соглашусь с этим, – сказала Рианнон.

– Я тоже согласен, – сказал Манавидан, – и благодарю Бога за то, что у меня такой друг.

И еще до конца пира он взял ее в жены.

– О господин, – сказал ему Придери, – развлекайся и пируй здесь, сколько захочешь, я же отправлюсь в Ллогр¹⁷⁶, чтобы принести клятву верности Касваллауну, сыну Бели.

– Господин, – сказала Рианнон, – Касваллаун сейчас в Кенте¹⁷⁷, и ты можешь остаться с нами, пока он не вернется.

– Хорошо, я подожду, – сказал он, и они продолжили празднество.

И они объезжали Дивед, и охотились, и проводили время в развлечениях. Когда же они объехали весь край, то увидели, что нет страны более населенной, и имеющей лучшие охотничьи угодья, и более богатой рыбой и ди-

ким медом. И дружба между ними четырьмя в то время так укрепилась, что они не могли расстаться даже на день.

В свое время Придери отправился в Оксфорд¹⁷⁸ к Касваллауну, сыну Бели, и принес ему клятву верности, и был принят с великой радостью и обласкан за свою преданность. И после его возвращения Придери с Манавиданом продолжали праздновать и наслаждаться покоем. Они начинали празднество в Арберте, где был их главный дворец, и оттуда объезжали свои владения¹⁷⁹. И вот после завтрака однажды утром они вчетвером поднялись и вошли на холм в Арберте¹⁸⁰ вместе со своей свитой. И когда они сидели там, внезапно поднялся сильный шум и разыгралась буря, и все скрылось в тумане, таком густом, что никто из них не мог разглядеть прочих. Когда же туман рассеялся и они огляделись кругом, то там, где раньше были стада, дома и нивы, они не увидели ничего: ни дома, ни дыма, ни огня, ни зверя, ни человека. Один лишь дворец стоял пустой и заброшенный, и там тоже не было ни людей, ни других живых тварей. И все их спутники также исчезли, остались лишь они четверо¹⁸¹.

– О Боже! – воскликнул Манавидан, – где же люди из дворца и наши спутники? Спустимся скорее и поищем их!

Они вошли во дворец и не нашли там никого; они входили в залы и покои и никого не видели, и в погребке и на кухне тоже не было ни души. И они закончили праздник вчетвером, и пировали, и охотились, и объезжали свои владения, чтобы найти там дома и жителей, но не видели никого, кроме диких зверей. И когда у них кончились припасы, они стали жить охотой и собирать дикий мед и провели так год и второй, и тут их терпение иссякло.

– Поистине, – сказал однажды Манавидан, – мы не можем больше так жить. Давайте отправимся в Ллогр и займемся каким-нибудь ремеслом¹⁸², чтобы прокормиться.

И они отправились в Ллогр и пришли в город Херефорд¹⁸³. Там они обучились седельному делу, и Манавидан принялся разминать кожи и красить их, как это делал Лласар Ллесгигвидд, синей известью, которая с тех пор зовется «краской Лласара»¹⁸⁴. И когда он занялся этим ремеслом, ни один седельник в Херефорде не мог больше

продать ни одного седла, и они лишились всех доходов, ибо не могли состязаться с Манавиданом. И они сошлись и порешили убить его и его спутников¹⁸⁵. Но те были предупреждены об этом и стали решать, что им делать.

– Негоже нам, – сказал Придери, – бежать из этого города; лучше пусть эти холопы¹⁸⁶ убьют нас.

– Нет, – сказал Манавидан, – позорно для нас биться с ними и попасть в темницу за разбой. Нам будет лучше отправиться в другой город и поселиться там.

И они все вчетвером отправились в другой город.

– Чем мы здесь займемся? – спросил Придери.

– Мы будем делать щиты, – ответил Манавидан.

– А знаешь ли ты, как их делать? – спросил Придери.

– Никто не мешает нам попробовать, – ответил тот.

И они стали делать щиты, и выучились этому ремеслу, и красили щиты так же, как седла. И они так преуспели в этом, что никто больше не покупал щитов у прочих мастеров, ибо они работали лучше и скорее всех. И это продолжалось до тех пор, пока горожане не возмутились и опять не решили убить их. И они были предупреждены о том, что их хотят предать смерти.

– Придери, – сказал Манавидан, – эти люди снова хотят убить нас.

– Давайте сразимся с этими холопами и перебьем их, – сказал Придери.

– Нет, – ответил Манавидан, – Касваллаун и его люди узнают об этом и погубят нас. Мы должны уйти в другой город.

– И чем же мы займемся там? – спросил Придери.

– Мы будем выделывать обувь, ибо сапожники не посмеют ни запретить нам это, ни сразиться с нами¹⁸⁷.

– Но я не умею, – сказал Придери.

Манавидан ответил:

– Я обучу вас шить обувь, а чтобы не заниматься выделкой кожи, мы будем покупать готовую и работать с ней.

И он стал покупать лучшую кордовскую кожу¹⁸⁸ и познакомился с лучшим золотых дел мастером, и тот обучил его золотить пряжки, что набивают на обувь. И по этой причине его прозвали одним из Трех золотильщиков обуви¹⁸⁹. И когда они начали делать обувь, никто из са-

пожников города не мог продать больше ни тувель, ни сапог. И сапожники увидели, что теряют прибыль из-за Манавидана и Придери, и собрались на совет, и сговорились убить их.

– Придери, – сказал Манавидан, – эти люди задумали убить нас.

– До каких пор мы будем бегать от этих грязных холопов? – воскликнул Придери. – Давайте же сразимся и перебьем их всех!

– Нет, – сказал Манавидан, – мы не можем ни сражаться с ними, ни оставаться в Ллогре. Мы вернемся в Дивед и там решим, как быть.

И они отправились в путь и прибыли в Арберт. И они зажгли там очаг¹⁹⁰ и стали жить, добывая пропитание охотой. Так прошел месяц, а потом и весь год. И однажды утром Придери и Манавидан собрались на охоту и, созвав собак, вышли из дворца. Несколько собак бежало впереди их; и, достигнув куста, что рос у дороги, они вдруг отпрянули, и шерсть их от страха поднялась дыбом.

– Подойдем к кусту¹⁹¹, – предложил Придери, – и посмотрим, что там.

И они подошли к кусту, и из него поднялся огромный вепрь, весь сияющий белизной¹⁹². Собаки кинулись к нему, но он отбежал немного от людей и встал там, спокойно слушая лай собак. Когда люди подошли ближе, он вновь отступил. И так они преследовали его, пока не вышли к большому и мощному замку, который казался недавно построенным и стоял там, где они никогда раньше не видели ни замка, ни дома, ни даже камня. Вепрь побежал прямо в замок, и собаки последовали за ним. И когда они скрылись в замке, Придери и Манавидан изумились, увидев замок там, где его не было совсем недавно. И с вершины холма они пытались разглядеть или расслышать собак, но не услышали ни лая, ни других звуков.

– Господин, – сказал Придери, – я пойду в этот замок и отыщу собак.

– Поистине, – сказал Манавидан, – негоже идти в замок, который так внезапно появился в этом месте. Послушай моего совета и не ходи туда. Этот замок выстроил тот, кто заколдовал нашу страну.

– Я не могу бросить своих собак, – возразил ему Придери и, не слушая советов Манавидана, направился к воротам замка. Войдя внутрь, он не увидел ни человека, ни зверя, ни вепря, ни собак, ни дома, ни жилища. Только в середине двора был мраморный фонтан, и на краю его – золотая чаша, подвешенная на четырех цепях, которые уходили ввысь так, что конца их не было видно. И он был очарован блеском золота и красотой чаши и подошел, чтобы взять ее. Но как только он взялся за чашу, его руки прилипли к ней, а ноги – к мраморной плите, на которой он стоял, и дар речи покинул его, так что он не мог произнести ни слова¹⁹³.

И Манавидан ждал его до конца дня, и убедившись, что Придери и его собаки не вернулись, отправился домой. Когда он пришел, Рианнон спросила:

– Где же твой спутник и собаки?

– Выслушай, – сказал он, – что с ними случилось.

И он рассказал ей обо всем.

– Поистине, – молвила Рианнон, – ты оказался плохим товарищем, а хорошего товарища потерял.

И с этими словами она ушла и направилась туда, где, по словам Манавидана, стоял замок. Она увидела, что ворота замка открыты и лишены охраны, и вошла внутрь. И, войдя туда, она увидела Придери, державшего чашу, и подошла к нему.

– О сын мой! – воскликнула она, – что ты здесь делаешь?

И она протянула руку к чаше, и, как только она коснулась ее, рука ее точно так же прилипла к чаше, а ноги – к мраморной плите, и она не могла произнести ни слова. Так стояли они, пока не спустились сумерки, и тогда раздался грохот, и замок растаял в тумане со всем, что в нем было.

Когда Киква, дочь Гвинна Глеу, жена Придери, увидела, что во дворце не осталось никого, кроме нее и Манавидана, она так опечалилась, что смерть показалась ей лучше жизни. И Манавидан обратился к ней.

– Видит Бог, – сказал он, – ты не права, женщина, коль боишься довериться мне. Призываю Бога в свидетели, что нет у тебя друга преданнее меня. Ведь я с юных лет был товарищем Придери, и как я дружил с ним, так буду

дружить и с тобой. Поэтому не бойся меня. Бог свидетель, что я сделаю для тебя все, что в моих силах, пока небесам будет угодно посылать нам горе и несчастья.

– Господь воздаст тебе, – ответила она, – я не сомневаюсь в твоей дружбе.

И она¹⁹⁴ возвеселилась, и страх исчез из ее сердца.

– Итак, – сказал Манавидан, – нам нельзя оставаться здесь, ибо мы лишились собак и не можем больше добывать пропитание. Отправимся в Ллогр, там нам будет легче прожить.

– Хорошо, господин, – сказала Киква, – мы так и сделаем.

И они отправились в Ллогр.

– Господин, – спросила она его, – каким же ремеслом мы займемся теперь?

– Я могу только делать то же, что и раньше, – ответил он, – шить обувь.

– Господин, – возразила она, – эта грязная работа не подобает мужу такого достоинства, как ты.

– Так мы хотя бы сможем прокормиться, – ответил он. И он стал работать с лучшей кожей, какую мог достать, и делал туфли с золочеными пряжками так хорошо, что работа прочих мастеров того города показалась грубой и неуклюжей по сравнению с его работой. И вскоре никто не стал покупать у них ни туфель, ни сапог. Так прошел год, пока сапожники не собрались и не сговорились против него, но он был предупрежден и сказал Кикве, что сапожники намереваются его убить.

– Господин, – сказала Киква, – куда же нам скрыться от этого мужичья?¹⁹⁵

– Мы вернемся назад в Дивед, – ответил он, и они отправились в Дивед. А когда они собирались в путь, Манавидан захватил с собою немного пшеничных зерен. И они пришли в Арберт и поселились там. И для него не было места приятнее, чем Арберт, где они жили с Придери и Рианнон. Он рыбачил и охотился на оленей, а вскоре засеял три поля, и там взошла лучшая в мире пшеница, которая разрослась так обильно, как никто еще не видел¹⁹⁶.

Пришло время собирать урожай, и он пошел на первое поле и увидел, что пшеница поспела. «Я сожну ее завтра», –

сказал он себе. Ночь он провел в Арберте и рано утром поднялся, чтобы сжать пшеницу. Но, придя на делянку, он не увидел там ничего, кроме голых стеблей. Все колосья были аккуратно срезаны и унесены, и Манавидан сильно подивился этому. И он пошел на другое поле и увидел, что урожай и там поспел. «Я сожну пшеницу завтра», – сказал он. И наутро он встал, чтобы пойти на поле, придя туда, опять обнаружил только голые стебли.

– О Боже! – воскликнул он, – кто же готовит мне голодную смерть? Не тот ли это, кто уже опустошил мой край?

И он отправился на третье поле, и, когда пришел туда, там не было ни души, и он увидел, что пшеница и там поспела. «Будь я проклят, – сказал он, – если этой ночью я не увижу, кто здесь хозяйничает». И он взял оружие для охраны поля и рассказал обо всем Кикве.

– Что же ты сделаешь? – спросила она.

– Я пойду этой ночью в поле, – сказал он.

И он отправился в поле, и провел там половину ночи, и тут вдруг услышал сильнейший в мире шум, и узрел великое множество мышей, которых нельзя было ни сосчитать, ни измерить. И он не понимал, что это значит, пока мыши не добрались до поля, и тогда каждая из них взобралась на стебель пшеницы, пригнула его своим весом и отгрызла колос так, что ни одного целого колоса не осталось. И мыши пустились бежать, унося с собою колосья. Тогда, исполненный гнева, он ворвался в середину мышинного скопища, но не смог поймать ни одной мыши, ибо все они были проворнее мошек или летящих птиц, кроме одной, которая была в тягости и все же бежала так быстро, что пеший человек едва мог поспеть за ней. Но он все же догнал ее, схватил, посадил в свою перчатку и принес домой. Он вошел в покои, где была Киква, и зажег огонь, и повесил перчатку на гвоздь.

– Что там, господин? – спросила Киква.

– Там вор, – сказал он, – которого я застиг на месте преступления.

– Что же это за вор, что ты смог посадить его в перчатку?

– Слушай же, – и он поведал ей, как его поля были разорены и как мыши опустошили последнее на его глазах. – И одна из них была в тягости, и я смог поймать ее;

вот она в перчатке. Завтра я повешу ее¹⁹⁷ и, клянусь Богом, сделаю то же с ними всеми, если поймаю.

– О господин, – сказала она, – негоже такому благородному мужу, как ты, гневаться на эту ничтожную тварь. Ты должен не рядиться с этой мышью, а отпустить ее.

– Будь я проклят, – воскликнул он, – если я не истреблю всех их, кого только смогу изловить.

– Что ж, – сказала она, – защищая эту мышь, я хотела лишь не допустить умаления твоей чести. Делай как знаешь.

– Назови хоть одну причину, по которой я должен ее пощадить, и я послушаюсь, – сказал Манавидан. – Я же не знаю таких причин и хочу с ней покончить.

– Тогда так и сделай, – сказала Киква.

И после этого он взошел на холм в Арберте¹⁹⁸, неся с собою мышь. И на вершине он соорудил виселицу из двух рогулк, и в это время к нему подошел клирик¹⁹⁹ в бедной и поношенной рясе. А ведь прошло семь лет с тех пор, как он видел там человека или зверя, кроме тех, что жили с ним вместе до своего исчезновения.

– О господин, – сказал клирик, – приветствую тебя.

– Да благословит тебя Бог, клирик, – ответил ему Манавидан. – Откуда ты?

– Я иду из Ллогра²⁰⁰, господин, – сказал тот, – а почему ты спрашиваешь об этом?

– Потому что за последние семь лет, – сказал Манавидан, – я не видел здесь ни одного человека, кроме четверых, живших здесь, и я один из них.

– Понимаю тебя, господин, – сказал тот, – я же иду через эту землю к себе на родину. А что ты делаешь здесь?

– Я вешаю вора, который ограбил меня.

– И что это за вор? – спросил клирик. – Я вижу в руке у тебя нечто, напоминающее мышь, и странно, что муж столь знатного вида держит в руке такую тварь. Прошу тебя, отпусти ее, а я дам тебе фунт, который мне дали из милости²⁰¹.

– Клянусь Богом, я не отпущу ее и не продам, – ответил он.

– Как хочешь, господин, – сказал тот, – хоть я и огор-

чен, видя тебя, благородного господина, с этой мышью в руках, но я не стану тебя уговаривать.

И клирик удалился. Манавидан уже положил на рогульки перекладину, когда к нему подъехал священник на оседланной лошади.

– Приветствую тебя, господин, – сказал он.

– Да поможет тебе Бог, святой отец, – ответил ему Манавидан. – Благослови меня.

– Благословение Божие на тебе, – сказал священник. – Что это ты здесь делаешь?

– Я вешаю вора, который ограбил меня, – ответил он.

– И что это за вор? – спросил тот.

– Это тварь, именуемая мышью, – ответил Манавидан, – она обокрала меня, и я казню ее смертью.

– О господин, – сказал тот, – не губи эту мышь. Я заплачу любую цену, чтобы ты помиловал ее.

– Клянусь Богом, в которого я верю, я не продам ее и не отпущу.

– За мышь не положено виры²⁰², – сказал священник, – но чтобы ты не осквернялся прикосновением к этому животному, я дам тебе три фунта, если ты отпустишь ее.

– Клянусь Богом, я не приму этого выкупа, – сказал Манавидан, – ибо желаю отомстить за свое погубленное добро.

– Что ж, господин, тогда делай как пожелаешь, – сказал священник и удалился. Манавидан же надел волосяную петлю на шею мыши и уже хотел повесить ее, как вдруг увидел подъезжающего к нему на коне епископа с поклажей²⁰³ и многочисленной свитой. Тут он оставил свое занятие.

– Благослови меня, господин епископ, – сказал он.

– Благословение Божие на тебе, сын мой, – ответил тот, – что ты делаешь здесь?

– Я вешаю вора, – сказал Манавидан, – который ограбил меня.

– Не мышь ли, – спросил тот, – держишь ты в руке?

– Да, – ответил он, – это и есть вор.

– О! – воскликнул епископ. – Я не могу допустить убийства Божьей твари и хочу выкупить ее у тебя. Я дам тебе семь фунтов, чтобы ты не осквернял себя прикосно-

вением к жалкой мыши. Отпусти ее, и ты получишь эти деньги.

– Клянусь Богом, я не отпущу ее, – сказал он.

– Хорошо, я дам тебе двадцать фунтов и еще четыре, чтобы ты отпустил ее.

– Я не отпущу ее ни за какие деньги, – сказал он.

– Если тебе не нужны деньги, – сказал епископ, – я дам тебе всех коней, что ты видишь здесь, и семь тюков разного добра, и семь лошадей, что их везут.

– Мне не нужно всего этого, клянусь Богом, – сказал он.

– Раз так, назови свою цену.

– Освободи Рианнон и Придери, – сказал он.

– Ты получишь их.

– Этого мало, клянусь Богом.

– Чего же ты еще хочешь?

– Сними чары и наваждение с семи областей Диведа, – сказал он.

– Я сделаю все это, если ты отпустишь мышь.

– Клянусь Богом, я не отпущу ее, – сказал он, – пока не узнаю, кто эта мышь.

– Это моя жена. Если бы не это, я не стал бы ее выкупать.

– Для чего она явилась ко мне? – спросил он.

– Чтобы украсть твое зерно, – ответил тот. – Я Ллуйд, сын Килкозда²⁰⁴, и я навел чары на семь областей Диведа из мести за Гваула, сына Клида, с которым я дружен. И я отомстил Придери за игру в барсука в мешке, что Пуылл, Государь Аннуина, затеял с Гваулом при дворе Хевейдда Старого. Услышав, что ты вновь явился в эту страну, мои люди пришли ко мне и попросили, чтобы я обратил их в мышей и позволил погубить твою пшеницу. И они пришли в первую и вторую ночь и сгубили два твоих поля. И на третью ночь пришла ко мне жена со своими дамами, и просили они, чтобы я тоже превратил их в мышей. И я сделал это; она же была в тягости, и если бы не это, ты ни за что бы не поймал ее. Но раз уж это случилось, я верну тебе Придери и Рианнон и сниму с Диведа чары и наваждение. Вот я сказал тебе, кто она. Теперь отпусти ее.

– Я не отпущу ее, клянусь Богом, – сказал Манавидан.

– Чего ты еще хочешь? – спросил тот.

– Я хочу, чтобы никакие чары больше никогда не сходили на семь областей Диведа.

– Быть по сему, – сказал тот. – Отпусти же ее.

– Нет, клянусь Богом, – сказал он.

– Чего же ты хочешь еще? – спросил тот.

– Я скажу тебе. Я хочу, чтобы ты никогда не мстил ни Придери, ни Рианнон, ни мне.

– Я выполню это условие, и ты мудро поступил, вспомнив о нем, иначе я обрушил бы на твою голову все бедствия мира.

– Я знал это, – сказал Манавидан, – потому и сказал так.

– Теперь отпусти мою жену на волю.

– Я не отпущу ее, клянусь Богом, пока не увижу здесь Придери и Рианнон.

– Смотри, вот они, – сказал тот.

И тут появились Придери и Рианнон. И он направил к ним, и приветствовал, и усадил их рядом.

– Теперь отпусти мою жену, – сказал муж в обличье епископа, – и ты получишь все, о чем попросил.

– Теперь я охотно отпущу ее, – сказал Манавидан и выпустил мышь из рук. Епископ коснулся ее волшебной палочкой, и она преобразилась в молодую даму, прекраснейшую из всех виденных им.

– Оглянись и посмотри вокруг, – молвил епископ, – и ты увидишь все дома и их жителей на прежнем месте.

И Манавидан встал и оглядел землю. И там, куда он смотрел, он увидел землю вновь заселенной, полной людей и животных.

– Какое же наказание, – спросил он, – несли у тебя Придери и Рианнон?

– Придери носил на шее молоток от ворот моего дворца, а Рианнон – ярмо, под которым ослы возят сено. Это и было их наказание.

По этой причине история именуется также Мабиноги Ярма и Молотка²⁰⁵. И это конец третьей Ветви Мабиноги.

МАТ, СЫН МАТОНВИ

И

то четвертая Ветвь Мабиноги.

Мат, сын Матонви²⁰⁶ правил в Гвинедде²⁰⁷, а Придери, сын Пуйлла, был королем двадцати и одной области юга. Это были семь областей Диведа, семь областей Морганнога, четыре области Кередигона и три – Истрад-Тиви²⁰⁸. И в то время Мат, сын Матонви, не мог прожить без того, чтобы ноги его, когда он

сидел, не покоились на коленях девушки, за исключением времени, когда он отправлялся на войну²⁰⁹. Девушку, что была тогда с ним, звали Гэвин, дочь Пебина из Дол-Пебин в Арвоне²¹⁰, и она была прекраснейшей из дев того времени.

И Мат всегда жил в Каэр-Датил в Арвоне²¹¹ и не объезжал своих владений; вместо него это делали Гилвайтви, сын Дон, и Эвейдд, сын Дон²¹², его племянники, дети его сестры, со своими дружинами. И девушка эта всегда была с Матом; и Гилвайтви, сын Дон, заметил ее и влюбился так, что не находил себе места, и даже его обличье и цвет лица так изменились от любви к ней, что его трудно было узнать. И в один из дней Гвидион, его брат²¹³, внимательно поглядел на него и спросил:

– Что с тобой, о юноша?

– А почему ты спрашиваешь об этом?

– Я вижу, – сказал Гвидион, – что ты худ, и бледен, и плохо ешь.

– Брат мой, – ответил тот, – я не могу открыть никому причину охватившей меня тоски.

– Почему же, друг мой? – спросил Гвидион.

– Ты ведь знаешь Мата, сына Матонви, – сказал тот, – если самый тихий шепот двоих будет подхвачен ветром, он услышит его²¹⁴.

– Это так, – сказал Гвидион, – тогда лучше молчи, ибо я знаю твои мысли: ты влюблен в Гэвин.

И вот что сделал Гилвайтви, когда брат сказал ему это: он издал самый тяжкий в мире вздох.

– погоди вздохать, друг мой, – сказал Гвидион, – может статься, с моей помощью ты добьешься своего. Я подниму весь Гвинедд, и Поуис, и Дехейбарт²¹⁵, – сказал он, – чтобы ты смог получить эту деву. Поэтому возвеселись, и ты достигнешь желаемого тобой.

И после они пошли к Мату, сыну Матонви.

– Господин, – сказал Гвидион, – слышал я, что на юге появились звери, не виданные на этом острове.

– И как же их зовут? – спросил тот.

– Кабаны, господин²¹⁶.

– И что же это за звери?

– Это небольшие звери, но их мясо вкуснее, чем говядина.

– Значит, они маленькие?

– Да, и они меняют имена. Сейчас они зовутся свињьями²¹⁷.

– И кто ими владеет?

– Их хозяин – Придери, сын Пуйлла; их прислал ему Араун, король Аннуина.

– Хорошо, – сказал король, – и как же нам их добыть?

– Я сам, господин, отправлюсь к нему с дюжиной спутников под видом бардов и выпрошу свиней.

– Он может отказать тебе, – возразил король.

– Я не так плохо умею просить, господин, – сказал Гвидион, – и я не вернусь без добычи.

– Что ж, – сказал король, – тогда иди.

И так он вместе с Гилвайтви и десятью другими людьми отправился в Кередигион, в место под названием Руддлан-Тейви²¹⁸, где пребывал тогда Придери со своим двором. Они пришли в обличье бардов и были радушно приняты, и тем вечером Придери усадил Гвидиона рядом с собой.

– Я буду рад, – сказал Придери, – услышать от вас какую-нибудь историю.

– О господин, – ответил ему Гвидион, – по нашему обычаю, когда мы приходим к столь знатному мужу, в первую ночь с ним говорит главный бард²¹⁹. Я с радостью поведаю тебе те удивительные истории, которые знаю.

А Гвидион был лучшим рассказчиком в мире²²⁰ и весь вечер он развлекал короля и его свиту историями и беседой так, что все были очарованы им и сам Придери говорил с ним.

– Господин, – сказал он наконец, – может, пришла пора прислать к тебе другого барда?

– Нет нужды, – ответил Придери, – ты лучший из рассказчиков.

– Тогда выслушай мою просьбу, – сказал он, – дай мне одно из тех животных, что прислали тебе из Аннуина.

– Не было бы ничего легче, – сказал Придери, – если бы не договор с моими людьми, которым я обещал никому не отдавать этих животных, пока их число не удвоится.

– О господин, – сказал Гвидион, – это легко исправить. Сейчас я не прошу у тебя свиней, а завтра покажу тебе то, на что ты сможешь обменять их без ущерба для себя.

И той же ночью он собрал на совет своих спутников.

– Друзья мои, – сказал он, – нам не отдадут свиней просто так.

– На что же, – спросили они, – можем мы их обменять?

– Сейчас увидите, – ответил он.

И он показал свое искусство, сотворив чудесные вещи. Он сотворил дюжину коней и дюжину борзых, черных с белой грудью, и дюжину ошейников и поводков для них, и никто из видевших их не догадался бы, что эти вещи не из золота. И еще он сотворил дюжину седел для коней, каждая часть которых была из железа, покрытого золотом, и такие же уздечки. И с этими лошадьми и собаками он пришел к Придери.

– Доброго тебе дня, господин, – сказал он.

– Благослови тебя Бог, – ответил тот, – и добро пожаловать.

– Господин, – сказал он, – ты сказал мне прошлой ночью, что не можешь ни продать, ни подарить своих свиней. Но ведь ты можешь обменять их, и я дам за них эту дюжину коней, которых ты видишь, и их седла с уздечками, и дюжину

борзых, и их ошейники с поводками, и дюжину золоченых щитов, что ты здесь видишь, – в щиты же он обратил шляпки грибов.

– Что ж, – сказал Придери, – я созову совет.

Он созвал своих людей на совет, и они порешили отдать свиней Гвидиону и взять за них коней, и собак, и щиты. И они отправились в путь, захватив с собою свиней.

– Друзья мои, – сказал Гвидион, – нам придется поспешить. Волшебство сохранит силу лишь до утра²²¹.

И той ночью они со свиньями дошли до высочайшего места Кередигона, которое по этой причине получило имя Мохдрэф²²². На другой день они продолжили путь, прошли через Эленидд и к ночи оказались между Кери и Арвистли, в месте, которое тоже называется с тех пор Мохдрэф. И потом они отправились дальше и дошли до места в Поуисе, что с того времени зовется Мохнант, и заночевали там. И после они дошли до области Рос, и в месте их ночевки после возникло селение, названное также Мохдрэф.

– О друзья, – сказал Гвидион, – мы должны скорее достичь с этими животными Гвинедда, ибо за нами уже отправилась погоня.

И они дошли до верхней части Арлехведа и устроили там загон для свиней, поэтому селение, что появилось там, стало называться Крейвирион²²³. И после этого они пришли к Мату, сыну Матонви, который ждал их в Каэр-Датил. И они нашли короля и народ в волнении.

– Какие у вас новости? – спросил Гвидион.

– Придери поднял против нас двадцать одну область юга, – ответили ему, – и странно, что они не нагнали вас.

– Где же те животные, за которыми вы ездили? – спросил Мат.

– Они укрыты в загоне внизу²²⁴, – сказал Гвидион.

И тут они услышали звук рога, призывающий к оружию²²⁵, и вместе с войском отправились к Пенардду в Арвоне. Но той же ночью Гвидион, сын Дон, и Гилвайтви, его брат, вернулись тайно в Каэр-Датил, и Гилвайтви ворвался в покои Мата, сына Матонви, грубо выгнал оттуда слуганок и соединился с Гэвин, дочерью Пибина, на ложе короля Мата против ее воли.

И утром следующего дня они вернулись в то место, где

был Мат, сын Матонви, со своим войском. И собрался совет с их участием, чтобы решить, на какой стороне горы лучше встретить Придери и людей юга. Было решено собрать войска Гвинедда в Арвоне и расположить их между селений Менаур-Пенардд и Менаур-Козд-Алун²²⁶. И Придери напал на них, и в битве обе стороны понесли тяжелые потери, и люди юга отступили к месту, которое называется Нанткалл²²⁷. Воины Гвинедда преследовали их и убили великое множество, и они бежали до места, называемого Дол-Пенмайн²²⁸, где они остановились и решили просить мира. И Придери отправил заложников, чтобы заключить мир, и это были Гурги Гвастра²²⁹ и двадцать четыре знатных юноши. После этого он, не вступая в битву, добрался до Трайт-Маур²³⁰, но когда он с остатками войска бежал в Меленрид, никто не мог помешать простолюдинам стрелять в него²³¹. Тогда Придери отправил к Мату послов и умолял его пощадить его воинов и устроить поединок между ним самим и Гвидионом, сыном Дон, который был главным виновником раздора. И это предложение дошло до Мата, сына Матонви.

– Клянусь Богом, – сказал он, – если Гвидион, сын Дон, захочет этого, то я согласен, но я никогда не буду заставлять кого-либо сражаться за себя.

– Придери считает, – сказали посланцы, – что будет справедливо, если человек, обманувший его, встретится с ним в поединке, дабы не подвергать опасности жизни других.

– Но я не стану побуждать моих людей сражаться, пока я сам могу выйти на бой с Придери. Я с удовольствием померяюсь с ним силами.

И этот его ответ передали Придери.

– Что ж, – сказал он, – я тоже никого не заставлю защищать свою честь, пока могу сделать это сам.

И они вооружились, и встали друг против друга, и начали биться. И мощью Гвидиона, соединенной с чарами, Придери был сражен²³². Его похоронили на холме Маэн-Тиваук над Меленридом, и там его могила²³³. И люди юга с печальными песнями отправились в свои земли, ибо они потеряли своего господина, и множество товарищей, и большую часть коней и оружия. Люди же Гвинедда вернулись домой с победой.

– О господин, – сказал Гвидион Мату, – мы не должны удерживать заложников из людей юга, которых нам отпра-

вил Придери для заключения мира. Не следует держать их в темнице.

– Мы освободим их, – сказал Мат. И эти заложники были отправлены вслед за армией южан. После этого Мат вернулся в Казр-Датил, а Гилвайтви, сын Дон, со своими людьми не поехали ко двору, а удалились объезжать Гвинедд. И Мат вошел в свои покои и отправился в место отдыха, приготовленное для него так, чтобы он мог поставить ноги на колени девушки, как он это делал.

– О господин мой, – сказала тут Гэвин, – найди другую девушку, которая будет держать твои ноги, ибо я стала женщиной.

– Что же с тобой случилось? – спросил Мат.

– Надо мною сотворили насилие, господин, хотя я кричала и сопротивлялась, и все при твоём дворе слышали это. И это дело рук твоих племянников Гвидиона и Гилвайтви, сыновей твоей сестры. Они обесчестили меня и запятнали твою честь, ибо один из них спал со мной в твоей комнате и на твоём ложе.

– Что ж, – сказал он, – я сделаю все, что смогу. Я защищу твои права, и сделаю тебя своей женой, и дам тебе власть над моими землями.

А они не вернулись ко двору, но продолжали объезжать земли, пока не дошла до них весть, что они лишены еды и питья²³⁴. Сначала они не хотели возвращаться, но в конце концов пришли к Мату.

– Господин, – сказали они, – желаем тебе доброго дня.

– Ну, – спросил он, – и что же мне сотворить с вами?

– Мы в твоей воле, господин.

– Вот моя воля: не в ваших силах вернуть тех людей и добро, которых я лишился из-за вас. Не можете вы отплатить и за мое бесчестье, и за смерть Придери. Но раз уж вы пришли, я назначаю вам наказание.

И он поднял волшебный жезл и ударил им Гилвайтви, и тот превратился в оленюху. Он ударил и Гвидиона, который хотел убежать, и тот стал оленем.

– Раз вы двое так неразлучны, я велю вам жить вместе, как диким зверям, облик которых вы приняли, и у вас будет то же потомство, что и у них. Через год в этот же день вы придете ко мне²³⁵.

И ровно через год он услышал шум за стенами дворца и лай собак.

– Посмотрите, что там, – велел он слугам.

– Господин, – сказали ему, – там олень с оленихой и с ними детеньш.

Услышав это, он встал и вышел на крыльцо. И там он увидел трех зверей: оленя, олениху и красивого олененка. И тогда он поднял свой жезл.

– Тот из вас, кто был этот год оленихой, станет диким кабаном, а тот, кто был оленем, станет свиньей, – сказал он и ударил их жезлом, – детеньша же я воспитаю и окрещу.

И он дал ему в крещении имя Хиддун²³⁶.

– Пусть же один из вас будет кабаном, а другой свиньей. Идите и живите, как эти дикие звери, а через год приходите ко мне в этот же день вместе с потомством.

И через год он услышал лай собак и шум за дворцовой оградой. Тогда он встал и вышел наружу, где увидел трех зверей. Это были дикий кабан и дикая свинья и с ними маленький поросенок.

– Что ж, – сказал Мат, – я возьму его и воспитаю.

И он ударил поросенка волшебным жезлом, и тот превратился в красивого мальчика с каштановыми волосами. И в крещении он получил имя Хихдун²³⁷. Им же он сказал:

– Тот из вас, кто был кабаном, в следующем году будет волчицей, а тот, кто был свиньей, станет волком, – и он ударил их жезлом так, что они превратились в волка и волчицу.

– Вы будете носить облик этих зверей в течение года, – сказал он, – а через год приходите сюда же вместе с вашим потомством.

И в тот же день год спустя он услышал шум и лай собак за стенами дворца. Он встал и вышел наружу, где увидел волка с волчицей и с ними здорового и сильного волчонка.

– Я возьму его, – сказал он, – и окрещу, и у меня есть уже имя для него. Пусть он зовется Блейддун²³⁸. Теперь у вас уже трое потомков, и они:

Трое ложных сынов Гилвайтви
Удивят своей доблестью мир –
Блейддун, Хиддун и Хихдун Хир²³⁹.

И после этого он коснулся их обоих волшебным жезлом, и они обрели свой первоначальный облик.

– Люди, – сказал он, – если вы сделали мне зло, то вы испустили его. И за позор, причиненный мне, вы уплатили своим позором, ведь каждый из вас выносил ребенка другого. Приготовьте же для них баню, и вымойте их, и оденьте.

И это было сделано для них. И, одевшись, они пришли к королю.

– Вы заслужили прощение, – сказал он им, – и я одарю вас своей дружбой, если вы посоветуете, какую деву могу я приблизить к себе.

– Господин, – сказал Гвидион, сын Дон, – я с легкостью скажу, что это Арианрод, дочь Дон²⁴⁰, твоя племянница и дочь твоей сестры.

И ее привели к нему, и она вошла.

– О дева, – спросил он ее, – девица ли ты?

– Я не знаю, господин, кем я еще могу быть.

Тогда он взял волшебный жезл и низко опустил его.

– Переступи через него, – сказал он, – и если ты девственна, я увижу это²⁴¹.

И как только она переступила через жезл, из нее вдруг выпал²⁴² красивый светловолосый младенец, который сразу же поднял крик. Услышав этот крик, она выскочила в дверь и по дороге выронила какой-то маленький предмет, но, прежде чем кто-нибудь заметил это, Гвидион подобрал его, завернул в атласный платок и спрятал на дне сундука у изножия его кровати.

– Что ж, – сказал Мат, сын Матонви, глядя на светловолосого мальчика, – я окрещу его и дам ему имя Дилан.

И мальчик был окрещен и сразу вслед за этим нырнул в море, поскольку был морской породы и плавал лучше любой рыбы. Его прозвали Дилан Сын Волны²⁴³, и волна всегда поддерживала его²⁴⁴. Удар, что оборвал его жизнь, нанес ему его дядя Гованнон, и это был один из Трех коварнейших ударов²⁴⁵.

В один из дней Гвидион лежал в постели и вдруг услышал плач, который раздавался из сундука в ногах. Он расслышал его, хотя плач был негромким. Тогда он быстро встал, и отпер сундук, и увидел в нем маленького мальчика, тянущего к нему ручонки из складок платка. И он взял мальчика на ру-

ки и отнес в город, где отдал его на воспитание одной женщине, которая могла выкормить его. И он договорился с этой женщиной, и мальчик пробыл у нее год. И в конце этого года он выглядел как двухлетний. А на второй год он вырос настолько, что смог сам явиться ко двору. И когда он пришел туда, Гвидион стал заботиться о нем, и мальчик привязался к нему и полюбил больше всех на свете. И он оставался при дворе, пока ему не исполнилось четыре года, и он был таким рослым, что выглядел на восемь. И однажды Гвидион с мальчиком отправились в Каэр-Арианрод²⁴⁶. И когда они пришли туда, Арианрод вышла встретить их, и приветствовала, и пригласила их войти.

– Да поможет тебе Бог, – сказал он ей.

– Что это за мальчик с тобой? – спросила она.

– Это твой сын, – ответил Гвидион.

– Увы тебе! Зачем ты позоришь меня? Зачем ты ищешь моего бесчестья и никак не можешь успокоиться?

– Если ты испытала то же бесчестье, что и я, когда воспитывал такого мальчика, то поистине невелико было твое бесчестье.

– Как же его зовут? – спросила она.

– По правде говоря, – ответил он, – у него еще нет имени.

– Я вижу его судьбу, – сказала она, – и знаю, что у него не будет имени, пока он не получит его от меня²⁴⁷.

– Клянусь Богом, – воскликнул Гвидион, – ты злая женщина! Но он получит имя, хочешь тебе этого или нет. Ты же подумай о том, что никто больше не назовет тебя девицей.

И он в гневе удалился в Каэр-Датил и провел там ночь.

На следующий день он поднялся и, взяв с собою мальчика, отправился к берегу моря в Абер-Менаи. И там он нашел водоросли и морскую траву и сотворил из них корабль, а другую траву превратил в кордовскую кожу, которую раскрасил самым искусным образом. И затем он поднял на корабле паруса и приплыл на нем вместе с мальчиком в гавань Каэр-Арианрод. И там он начал делать из кожи обувь и шивать ее так, чтобы это увидели из дворца. Когда же их увидели, он изменил свой облик, и придал себе и мальчику иной вид так, что никто не мог их узнать.

– Что за люди на этом корабле? – спросила Арианрод.

– Это сапожники, – ответили ей.

– Идите же и поглядите, что у них за кожа и какую работу они могут делать.

И пришли из дворца, а Гвидион в это время красил и золотил кордовскую кожу²⁴⁸. И посланцы вернулись и рассказали об этом Арианрод.

– Снимите мерку с моей ноги, – велела она, – и попросите, чтобы они сшили мне туфли.

И он сшил туфли, но не по мерке, а намного больше. Слуги принесли ей туфли, и она примерила их и увидела, что они велики.

– Они слишком большие, – сказала она, – но он получит за них плату, если сделает другие, чуть поменьше.

Тогда Гвидион сшил туфли гораздо меньшие, чем ее нога, и отослал их ей.

– Передайте ему, что эти туфли не налезают мне на ногу, – велела она. И ему сказали это. Тогда он сказал:

– Я не могу сделать туфли по размеру, пока не увижу ее ноги.

– Хорошо, – сказала она, – я сама пойду к нему.

И она пришла на корабль и увидела, что сапожник шьет обувь, а мальчик ему помогает.

– Приветствую тебя, госпожа, – сказал он.

– Да поможет тебя Бог, – сказала она. – Я очень удивлена, что ты не можешь сшить туфли по мерке.

– Вот теперь я смогу это сделать, – сказал он.

И тут на мачту корабля сел крапивник²⁴⁹. Мальчик выстрелил в него из лука и пригвоздил к мачте, попав ему в лапку между сухожилием и костью. Увидев это, она улыбнулась.

– Поистине, – сказала она, – с такой твердой рукой впору охотиться на льва.

– Бог не воздаст тебе за это, – ответил он, – но теперь у него есть имя, и это хорошее имя. Отныне он будет зваться Ллеу Ллау Гифес²⁵⁰.

И тут вся его работа опять превратилась в водоросли и морскую траву, и он не смог ее закончить. За это его прозвали одним из Трех золотильщиков обуви²⁵¹.

– Поистине, – сказала она, – тебе не видать добра за то зло, что ты мне сделал.

– Я пока еще не сделал тебе никакого зла, – возразил он и придал себе и мальчику истинный облик.

– Что ж, – сказала она, – я предскажу этому мальчику будущее: он не получит оружия и доспехов, пока я сама не дам их ему.

– Клянусь Богом, – воскликнул Гвидион, – вопреки твоей злобе, у него будет оружие!

И они отправились в Динас-Динллеу²⁵², и там он воспитывал Ллеу, пока тот не научился управляться с конем и не вырос совершенным по красоте, силе и ловкости. И Гвидион увидел, что Ллеу мечтает о коне и оружии, и призвал его к себе.

– О юноша, – сказал он, – возвеселись, ибо завтра мы с тобой отправимся в дорогу.

– Я рад этому, – ответил юноша.

И на другой день они собрались и двинулись по берегу моря к Брин-Ариэн²⁵³. На вершине Кевин-Клиддно они нашли для себя коней²⁵⁴ и поехали в Каэр-Арианрод. Приблизившись к воротам, они изменили свой облик и обрели подобие двух юношей, из которых Гвидион казался старшим.

– Привратник! – позвал он. – Иди и скажи госпоже, что прибыли барды из Морганнога²⁵⁵.

Тот пошел и сказал об этом.

– Впусти их, да благословит их Господь, – сказала Арианрод и встретила их с великой радостью. И для них накрыли стол, а когда они поели, она попросила Гвидиона рассказать что-нибудь, а он был лучшим из рассказчиков. Когда же настала ночь, им отвели покой и они пошли спать.

И рано на рассвете Гвидион поднялся и сотворил волшебство. И тогда по всей этой земле прокатился шум, и гром, и звуки труб. Вскоре они услышали стук в дверь, и Арианрод попросила впустить ее. Юноша встал и отпер ей дверь, и она вошла вместе со служанкой.

– Друзья мои, – сказала она, – мы в беде!

– Госпожа, – сказал Гвидион, – мы слышали шум и трубный зов; что же это?

– Мы не видим волн, – ответила она, – от множества кораблей, которые плывут к берегу с большой скоростью. Что вы можете посоветовать?

– Госпожа, – сказал Гвидион, – у нас нет другого совета, кроме как запереть замок и оборонять его всеми силами, и мы поможем тебе в этом.

– Да воздаст вам Бог, если вы защитите нас, – сказала она, – а оружие я дам вам в изобилии.

И она вышла и вернулась с двумя служанками, которые принесли оружие и доспехи на двух человек.

– Госпожа, – сказал Гвидион, – помоги снарядиться этому юноше, а я снаряжусь сам с помощью этих служанок. Скорее, ибо я слышу приближение войска.

– Я займусь этим без промедления, – сказала Арианрод и полностью снарядила юношу для битвы.

– Закончила ли ты свое дело? – спросил Гвидион, и она ответила утвердительно.

– И я готов, – сказал он, – а теперь снимем эти доспехи, ибо в них нет нужды.

– Как? – воскликнула она. – Ведь нас окружает войско!

– О женщина, – сказал он, – здесь нет никакого войска.

– Так откуда же взялся этот гром?

– Этот гром, – сказал он, – расстроил твои козни против собственного сына и позволил ему получить оружие, не унижаясь перед тобой.

– Клянусь Богом, – сказала она, – что ты совершил зло, ибо многие люди здесь могли лишиться жизни из-за того, что ты устроил сегодня. И я предсказываю этому юноше, что он никогда не женится на деве из тех людей, что населяют сейчас землю.

– Поистине, – сказал он, – твоей злобе нет предела, но это тебе не поможет, ибо он найдет себе жену.

И они пришли к Мату, сыну Матонви, и пожаловались ему на коварство Арианрод, и заодно Гвидион рассказал, как он добыл оружие для юноши.

– Ну что ж, – сказал Мат, – мы с тобой применим наше волшебство и сотворим ему жену из цветов. Ведь он уже вырос и сделался прекраснейшим юношей из всех.

И они взяли цветы дуба, и цветы таволги, и цветы ракичника, и сотворили из них самую прекрасную в мире деву, и крестили ее их крещением²⁵⁶, дав ей имя Блодейведд²⁵⁷. И они поженились и стали жить вместе.

– Нелегко прокормить семью, не имея земли, – сказал Гвидион.

– Это так, – сказал Мат, – поэтому я дам ему лучшие из моих земель.

– Господин, что это за земли? – спросил Гвидион.

– Это область Динодиг²⁵⁸, – ответил Мат. Теперь эти места зовутся Эйвионидд и Ардудви.

И Ллеу выстроил дом в месте, называемом Мур-и-Кастелл²⁵⁹, у пределов Ардудви²⁶⁰. И там он жил и правил, и все были довольны им и его женой. И в один из дней он отправился в Каэр-Датил, чтобы навестить Мата, сына Матонви. И когда он уехал, жена его вышла из дома на прогулку и услышала в лесу звук рога. Вслед за этим мимо пробежал олень, а за ним – собаки и охотники. Следом за собаками и охотниками показалось множество пешеходов.

– Пусть слуга пойдет, – велела она, – и узнает, кто это такие.

Слуга пошел и спросил об этом.

– Здесь Грону Пебир, владетель Пенллина²⁶¹, – ответили ему, и он передал это госпоже.

И этот человек погнался за оленем и у реки Кинваэл догнал его и сразил. И он пребывал там до заката, разделявая оленя и бросая куски собакам. И на исходе дня, когда солнце садилось, он подошел к воротам двора.

– Видит Бог, этот господин будет говорить о нас недобро²⁶², – сказала она, – если в столь поздний час мы не пригласим его войти.

– Это так, госпожа, – сказали все, – нам надо пригласить его.

И слуги отправились к нему, и он с радостью принял приглашение и вошел в дом. Она вышла, и радушно приветствовала его, и пригласила войти.

– О госпожа, – сказал он, – Бог воздаст тебе за твою доброту.

Они сели ужинать, и как только Блодейведд взглянула на него, она не могла уже не думать о нем. И к нему, когда он посмотрел на нее, пришли такие же мысли. Он не мог скрывать своих чувств к ней и сказал ей об этом, и она возрадовалась, и они до самой ночи проговорили о своей любви, что расцвела всего за один вечер. Соблазн был слишком велик, и в ту же ночь они легли спать вместе.

И наутро он собрался уходить, но она сказала:

– Видит Бог, ты не покинешь меня сегодня.

Ту ночь они тоже провели вместе и той же ночью задумались о том, как они могут соединиться.

– Есть лишь один способ, – сказал он, – это выпытать у Ллеу, каким способом можно его извести, и тогда мы его уьем.

И на другой день он вновь собрался уходить.

– Поистине, – сказала она, – я не хочу, чтобы ты покинул меня сегодня.

– Раз ты не хочешь, – сказал он, – я не уйду. Но есть опасность, что твой муж скоро вернется.

– Завтра я позволю тебе уйти, – сказала она. И когда на следующий день он стал собираться, она не удерживала его.

– Помни, – сказал он, – что я говорил тебе, и узнай от него под видом любви и заботы, от чего может настать его смерть.

И той же ночью Ллеу вернулся домой. И они провели день в веселье, пирах и беседах, а когда легли спать, он обратился к ней, но не получил ответа.

– Что с тобой, – спросил он ее, – здорова ли ты?

– Я думаю, – сказала она, – о том, что будет, если ты умрешь раньше меня.

– Да воздастся тебе за твою заботу, – сказал он, – но пока не захочет Бог, я вряд ли смогу умереть.

– Ради Бога и меня скажи, от чего может настать твоя смерть, ибо моя память сохранит это лучше твоей.

– Что ж, я скажу тебе, – сказал он, – меня можно убить только ударом копья, которое нужно закаливать ровно год. И убить меня этим копьём можно только во время воскресной мессы.

– Неужели это так? – притворно удивилась она.

– Да, – ответил он, – и меня нельзя убить ни в доме, ни на улице, ни на коне, ни пешком.

– Так как же тебя можно убить? – спросила она.

– Я скажу тебе, – ответил он. – Нужно сложить для меня баню на речном берегу, окружив котел с водой плетеной оградой и закрыв его соломенным навесом. Потом надо привести козла и поставить его рядом, и когда я поставлю одну ногу на край котла, а другую – на спину этого животного, всякий, кто застигнет меня в таком положении, может убить меня.

– Я благодарю Бога, – сказала она, – что ты легко можешь избежать этой смерти²⁶³.

И вскоре после этого разговора она послала весть о нем Грону Пебиру. Грону начал закалывать копьё, и в тот же день через год оно было готово. И он дал ей знать об этом.

– Господин, – сказала она мужу, – я все время думала о том, как может быть правдой рассказанное тобой. Не покажешь ли ты, как можно стоять одновременно на краю котла и на спине козла, если я сама приготовлю тебе баню?

– Хорошо, я могу тебе показать, – сказал он.

И она тут же послала за Грону и велела ему спрятаться на вершине холма, что зовется ныне Брин-Кивергир²⁶⁴. Это было на берегу реки Кинваэл. И она собрала всех коз в округе и пригнала их к реке. И на другой день она пришла и сказала:

– Господин, баня для тебя готова.

– Что ж, – сказал он, – пойдем посмотрим.

И они отправились смотреть баню.

– Будешь ли ты мыться? – спросила она его.

– Конечно, – ответил он и вошел в баню и стал мыться.

– Господин, – спросила она опять, – точно ли животное, о котором ты говоришь, зовется козлом?

– Да, – сказал он, – поймай его и приведи сюда.

И она сделала это. Тогда он вылез из воды и поставил одну ногу на край котла, а другую – на спину козла. Тут Грону сбегал с холма, называемого Брин-Кивергир, встал на одно колено, и метнул отравленное копьё, и поразил Ллеу в бок так, что древко копья отлетело, а наконечник застрял в теле. Тогда Ллеу взмыл в воздух в обличье орла и издал крик боли. И никто после этого не видел его²⁶⁵.

Когда это случилось, они вернулись в дом и эту ночь провели вместе. А на следующий день Грону встал и объехал Ардудви²⁶⁶. И он завладел этой землей и правил ею, и Ардудви с Пенллином оказались в его власти. Новость эта дошла до Мата, сына Матонви, и опечалила его, а еще более – Гвидиона.

– Господин, – сказал Гвидион, – я не найду покоя, пока не узнаю что-либо о моем племяннике.

– Что ж, – сказал Мат, – пусть тебе поможет Бог.

И Гвидион покинул Каэр-Датил и пустился в странствие. Он обошел весь Гвинедд и Поуис до самых пределов и наконец пришел в Арвон, где остановился на ночлег в Менаур-

Пенардд²⁶⁷, в хижине бедняка²⁶⁸. И когда он был там, в дом вошли хозяин и его семья, а последним зашел свинопас.

– Эй, парень, – спросил хозяин, – вернулась ли твоя свинья?

– Она вернулась, – ответил тот, – и уже в свинарнике.

– А куда эта свинья уходит пастись? – спросил Гвидион.

– Она убегает каждый день, как только откроют свинарник, и никто не видит ее и не знает, куда она уходит, как будто она проваливается под землю.

– Прошу тебя, – сказал ему Гвидион, – не открывай завтра свинарник, пока я не приду туда вместе с тобой.

– Я с радостью сделаю это, господин, – сказал свинопас.

И они пошли спать, а на рассвете свинопас поднялся и разбудил Гвидиона. Тот оделся и пошел за свинопасом к свинарнику. Когда свинарник был открыт, свинья вырвалась из него и побежала прочь с небывалой скоростью. Гвидион последовал за ней до лощины, которая ныне зовется Нант-Ллеу²⁶⁹, и там свинья остановилась и стала пастись. Гвидион встал рядом и стал смотреть, что она ест, и увидел, что она подбирала падаль и червей. Тогда он взглянул на вершину дерева и там увидал орла, и когда орел хлопал крыльями, вниз летели черви и куски падали, которые подбирала свинья. И он подумал, что этот орел – Ллеу, и произнес такой энглин:

– Дуб растет между двух озер,
Затмевая небо и дол.
Если я говорю нелживо,
То мой сын на его вершине²⁷⁰.

Тогда орел слетел чуть пониже и уселся на ветку, словно слущая. И Гвидион сказал другой энглин:

– Дуб растет высоко в горах,
Он исхлестан злыми ветрами,
Но зато не сгнил под дождями;
Мой сын Ллеу в его ветвах²⁷¹.

И после этого орел слетел на самую нижнюю ветку. Тут Гвидион спел еще один энглин:

– Дуб красуется в вышине,
Ветви вытянув над обрывом.
Если я говорю нелживо –
Мой сын Ллеу придет ко мне!²⁷²

И орел спустился к ногам Гвидиона, который тотчас ударил его волшебным жезлом, и он приобрел свой истинный вид. Никто, однако, не видел более плачевного зрелища, чем этот человек, ибо от него остались лишь кожа да кости. Тогда они пришли в Каэр-Датил, и лучшие лекари королевства взялись за лечение Ллеу. И уже к концу года он был совершенно здоров.

– Господин, – сказал он Мату, сыну Матонви, – пришло мне время отомстить человеку, который хотел погубить меня.

– Поистине, – сказал Мат, – ему не уйти от возмездия.

– Чем скорее я войду в свои права, – сказал Ллеу, – тем радостнее это будет для меня.

И они собрали всех людей Гвинедда и двинулись в Ардудви. Гвидион шел впереди и был уже в Мур-и-Кастелл. Когда Блодейведд услышала об их приближении, она взяла с собою служанок и побежала в направлении гор. И через реку Кинваэл они смотрели на приближающееся войско и пятились в страхе, пока не свалились в озеро. И все утонули, кроме нее, ее же вытащил Гвидион. И он сказал ей:

– Я не стану убивать тебя, но сделаю нечто худшее. Я обращу тебя в птицу, и из-за горя, что ты причинила Ллеу Ллау Гифесу, ты никогда больше не увидишь солнечного света, и все птицы будут ненавидеть тебя, и бить, и клевать, если обнаружат. И ты не лишишься своего имени, но всегда отныне будешь зваться Блодейведд²⁷³.

И сейчас «блодейведд» – это сова на нашем языке, и вот почему все птицы враждуют с нею. И до сих пор кимры зовут сову «блодейведд».

А Грону Пебир бежал в Пенллин и оттуда прислал посланцев. И они спросили Ллеу Ллау Гифеса, может ли он отплатить ему за его обиду²⁷⁴ землей или владениями, золотом или серебром.

– Нет, клянусь Богом! – ответил Ллеу. – Единственное, чего я требую от него, – чтобы он пришел туда, где стоял в тот

день я, а я встал бы там, где стоял тогда он, и бросил бы в него копьё. И только такое возмещение приму я от него.

Это передали Грону Пебиру.

– Неужели мне придется пойти на это? – спросил он. – О мои придворные, воины и названные братья, есть ли среди вас тот, кто примет этот удар за меня?

Но все они отказались. И за отказ принять удар за своего господина они с того дня стали известны как Третья из неверных дружин²⁷⁵.

– Хорошо, – сказал тогда Грону, – я сделаю это.

И они вышли на берег реки Кинваэл. И Грону Пебир встал туда, где стоял Ллеу Ллау Гифес, когда он пронзил его копьём, а Ллеу встал на место, где стоял Грону. И тогда Грону Пебир обратился к Ллеу.

– Господин, – сказал он, – поскольку лишь по наущению женщины пошел я на это дело, заклинаю тебя – позволь мне поставить камень, что я вижу на берегу, между тобой и мной.

– Хорошо, – сказал Ллеу, – в этом я тебе не откажу.

– Да воздаст тебе Бог, – сказал Грону, и он взял камень и поставил между собой и Ллеу. И Ллеу метнул в него копьё, и оно пробило камень и его тело так, что переломило ему хребет. Так погиб Грону Пебир. А этот камень до сих пор стоит на берегу реки Кинваэл в Ардудви с дырой посередине. Поэтому его называют Ллех Гронви²⁷⁶. И Ллеу Ллау Гифес во второй раз вступил во владение своей землей и правил ею в мире и процветании. После же, как говорит история²⁷⁷, он сделался королем Гвинедда²⁷⁸. И таков конец этой Ветви Мабиноги.

СТАРИНА ОСТРОВА
БРИТАНИИ

ВИДЕНИЕ

МАКСЕНА ВЛЕДИГА

Н

то Видение Максена Вледига.

Максен Вледиг²⁷⁹ был императором в Риме, и слыл он благороднейшим и мудрейшим из мужей и правил лучше всех императоров, живших до него. Однажды он созвал королей на совет и молвил им, своим друзьям:

– Хочется мне отправиться завтра на охоту.

И утром следующего дня он со своими спутниками отправился в путь, и они достигли долины реки, что протекала неподалеку от Рима. И они охотились там до полудня. С ним отправились тогда тридцать два коронованных короля, что были его вассалами²⁸⁰, и всех их император призвал не просто чтобы насладиться охотой, но чтобы оказать им честь. И солнце высоко поднялось у них над головами, паля их жаром. И сон сморил его; и тогда пажи из его свиты заслонили его от солнечных лучей щитами. Под голову ему положили золоченый щит, и Максен уснул.

И ему приснился сон. Вот что ему снилось: что шел он долиной реки к ее истокам, направляясь к высочайшей вершине мира. Ему казалось, что эта вершина касается неба; и, поднявшись на нее, он увидел по другую сторону прекраснейшие и богатейшие земли, о которых он не знал ранее. И перед ним предстала величайшая в мире ре-

ка, текущая от вершины к морю, и он двинулся к ее устью. После долгого пути он достиг устья этой реки и увидел там большой город, а над ним крепость²⁸¹, окруженную стеной с мощными башнями разных цветов. И он увидел флот, стоящий в устье реки, и был это самый большой флот из всех, виденных им. И еще он увидел корабль больше и красивее всех прочих, и борт корабля над водой был наполовину золотым, наполовину же серебряным. И от корабля на берег перекинута была мостки из морской кости²⁸², и ему захотелось пройти на корабль²⁸³ по этим мосткам. И едва он сделал это, корабль поднял паруса и отплыл в открытое море.

И вот он достиг прекраснейшего в мире острова, и прошел по нему до крайних его пределов, и увидел там долины, и холмы, и высокие горы, и цветущие плодородные земли, каких он никогда еще не видел. И после он увидел в море другой остров, а между ним и островом раскинулась гористая область, в которой равнины были велики, как моря, а горы – обширны, как леса. И у подножия гор он увидел реку, текущую через эту область к морю. И возле устья реки стояла могучая и величественная крепость, и ворота ее были открыты. И он вошел в крепость и увидел там обширный зал, потолок в котором казался сделанным из чистого золота, стены были сплошь из сияющих дивных самоцветов, а двери – также из золота.

И в зале он увидел скамьи из золота и столы из серебра, и на одной скамье сидели двое темноволосых юношей, играющих в шахматы²⁸⁴. И шахматная доска была сделана из серебра, фигуры же на ней – из золота. Одеты были те юноши в платье из дорогого черного атласа, и на головах их были обручи из червонного золота²⁸⁵, усыпанные самоцветами – красными и белыми камнями, алмазами и рубинами. На ногах у них были туфли из кордовской кожи с застежками червонного золота. И возле одной из колонн в этом зале он увидел седовласого старца, сидящего в кресле из слоновой кости с ручками в виде двух орлов из червонного золота. На руках у него были золотые браслеты, а на пальцах – множество золотых колец, на шее надета золотая гривна²⁸⁶, а на голове – золотой об-

руч. Осанка его была поистине царственной, и в руке он держал золотую пластину, из которой вырезал стальным левзием шахматные фигуры.

И напротив его в кресле из червонного золота сидела дева. Легче было смотреть на ярчайшее солнце, чем на нее, — так она была прекрасна. И на ней было платье²⁸⁷ из белого шелка с золотой застежкой на груди, а поверх него плащ из золоченого атласа. Волосы ее поддерживал обруч из червонного золота с красными и белыми самоцветами и жемчугами, а вокруг талии обвивался пояс из червонного золота. Прекраснейшим зрелищем была она для мужского взора. И дева, увидев его, встала со своего кресла, и он обнял ее за плечи, и они вдвоем сели в кресло и поместились в нем не хуже, чем она одна. Но лишь только он обнял деву и приблизил свои губы к ее губам, как от лая собак, и ржания коней, и звона щитов наступило пробуждение.

И, проснувшись, император не знал ни сна, ни покоя из-за девы, виденной им во сне. Не было части в его теле, до самых кончиков ногтей, которая не была бы охвачена любовью к ней. Тут его спутники обратились к нему и сказали: «Государь, настало время обеда». Тогда он в печали и раздумье сел на коня и направился в Рим. И на все, что ему там говорили, он не мог ответить из-за великой печали²⁸⁸. И так прошла целая неделя. Когда его придворные отправлялись пить вино и мед из золотых кубков, он не шел с ними. И когда они слушали песни и сказания, он не сопровождал их, и хотелось ему только спать, поскольку он надеялся во сне снова увидеть ту, кого полюбил. А когда он не спал, то тщетно мучился, не зная, как отыскать ее.

И однажды сказал ему его паж, который, хоть и звался пажом, был королем римлян²⁸⁹:

— О государь, твои приближенные беспокоятся о тебе.

— Почему же? — спросил император.

— Да потому, что уже неделю твои советники и все прочие не слышат от тебя повелений, которые должны получать подданные от своего государя. Это и есть причина их беспокойства.

— Ах, юноша, — ответил император, — призови ко мне

мудрейших со всего Рима, и я поведаю им причину своей печали.

И пришли к нему мудрейшие люди Рима, и он сказал им:

– О мудрецы Рима! Мне приснился сон, и в этом сне увидел я деву, из-за которой мне не милы теперь ни жизнь, ни корона.

– О государь, – сказали они ему, – раз уж ты призвал нас к себе, выслушай наш совет. Разошли на три года гонцов в три стороны света²⁹⁰ на поиски этой девы, и пока днем или ночью ты не получишь от них вестей, пусть надежда питает твое сердце.

И гонцы отправились в один конец света, чтобы отыскать деву из сна. Но, вернувшись через год, они не знали ни словом больше, чем в первый день. И император опечалился, думая, что никогда ничего не узнает о той, кого любит. И затем другие гонцы отправились в другой конец света. И они, вернувшись через год, также не знали ни словом больше, чем в первый день. И император опечалился еще сильнее. И тогда король римлян сказал императору:

– О государь, отправляйся на охоту той же дорогой, которой ты ехал во сне, на запад или же на восток.

И император отправился в путь, и скоро достиг берега реки, где ему приснился сон, и сказал:

– Вот здесь я видел сон, и во сне я шел к устью этой реки на запад.

И тринадцать посланцев императора поехали в этом направлении и увидели там высочайшую вершину, которая, как им показалось, достигала неба. А к плащу каждого был прикреплен знак посланца²⁹¹, чтобы избавить их от опасностей в чужих и враждебных странах. И когда они поднялись на вершину, то увидели за ней обширные земли и могучую реку, текущую к морю. И они сказали: «Вот страна, которую видел наш государь».

И они направились к устью реки и увидели там большой город и крепость, окруженную стеной с мощными башнями разных цветов. И увидели флот в устье реки и корабль, что был больше прочих. И тогда они сказали: «И это наш государь видел во сне». И они взошли на этот корабль, и пустились в плавание, и достигли Острова

Британии, и прошли его до самого Эрири²⁹². И тогда они сказали: «Вот гористая земля, которую видел наш государь». И они отправились дальше, пока не увидели перед собой остров Мону и Арвон²⁹³. И тут они сказали: «Вот остров, что наш государь видел во сне».

И они достигли устья Сейнта, где стояла крепость²⁹⁴, и увидели, что ее ворота открыты, и вошли внутрь. Там перед ними предстал обширный зал. «Вот, – сказали они, – зал, который наш государь видел во сне». Они вошли в зал и увидели двух юношей, играющих в шахматы на золотой скамье. И увидели они седовласого старца в кресле из слоновой кости, вырезающего из золотой пластины шахматные фигуры, и увидели деву, сидящую в кресле из червонного золота. И посланцы склонились к ее ногам и сказали ей:

– О императрица Рима, приветствуем тебя!

– Друзья мои, – сказала им дева, – у вас вид достойных мужей и знаки посланцев. Зачем же вы шутите со мной?

– Мы не шутим, госпожа. Император Рима увидел тебя во сне и лишился из-за тебя покоя. Поэтому ответь нам, отправишься ли ты с нами в Рим, чтобы сделаться императрицей, или ты желаешь, чтобы император сам явился сюда и взял тебя в жены?

– Друзья мои, – ответила дева, – я не могу ни усомниться в ваших словах, ни поверить им. Если император действительно любит меня, пускай он придет ко мне сюда.

День и ночь посланцы скакали назад, меняя по пути загнанных коней на свежих. Когда они прибыли в Рим, то явились к императору и попросили позволения рассказать ему обо всем, что видели. И они сказали ему:

– Государь, мы проведем тебя по морю и по суше до места, где живет та, кого ты любишь, ибо мы узнали ее имя, и род, и звание.

Император немедля собрал войско и отправился в поход, а эти люди вели его. И они достигли Острова Британии, переплыв море, и в сражении отвоевали этот остров у Бели, сына Маногана, с его сыновьями, и прогнали их за море²⁹⁵. И император направился в Арвон и узнал там местность, которую он видел во сне. И когда он увидел крепость Абер-Сейнт, то сказал:

– Друзья мои, в этой крепости я встретил свою любовь.

И он вошел в ворота и увидел зал, где играли в шахматы Кинан и Адеон, сыновья Эудафа²⁹⁶. И он увидел самого Эудафа, сына Карадауга, что сидел в кресле из слоновой кости и вырезал шахматные фигуры. И увидел деву из своего сна, которая сидела в золотом кресле.

– О императрица Рима, – сказал он, – приветствую тебя!

И он обнял ее, и в ту же ночь она стала его женой. И на следующий день императрица потребовала выкуп²⁹⁷ за свое девство, и он предложил ей назначить любой выкуп. И она попросила для своего отца Остров Британии от Морудда²⁹⁸ до Ирландского моря и три прилегающих острова, чтобы они подчинялись императрице Рима, а для себя – три мощные крепости в тех местах Острова Британии, что она выберет сама. И самая могучая крепость для нее была выстроена в Арвоне, и туда привезли много римской земли, благодатной для сна, отдыха и прогулок императора. Две другие крепости для нее были выстроены в Каэрлеоне и Каэр-Вирддине²⁹⁹. И однажды император выехал на охоту из Каэр-Вирддина и добрался до вершины Врени-Ваур, где раскинул шатер. С тех пор это место зовется Кадейр-Ваксен³⁰⁰, а Каэр-Вирддин назван так потому, что его строило множество людей³⁰¹. Кроме того, Элен³⁰² попросила проложить для нее дороги от одной крепости к другой, и это было сделано. И до сих пор эти дороги зовутся дорогами Элен Лиддауг, ибо она была родом из этой страны, и местные жители не стали бы строить эти дороги ни для кого, кроме нее³⁰³.

Семь лет прожил император на Острове Британии. А в то время у людей Рима был обычай: если император пробудет в другой стране более семи лет, он должен остаться там и не возвращаться в Рим. И потому они избрали себе другого императора, и он послал Максену письмо-угрозу, в котором была только одна фраза: «Приходи, если посмеешь». Это письмо нашло Максена в Каэрлеоне, и он тут же послал ответ человеку, объявившему себя императором в Риме. И в этом письме было написано только: «Посмею и приду». Вслед за этим Максен со своим войском двинулся на Рим и завоевал Францию, Бур-

гундию и все земли до самого Рима и осадил город Рим. Целый год длилась осада, но победа казалась не ближе, чем в первый день. Тогда на помощь ему пришли братья Элен с Острова Британии с небольшим войском, но могучих воинов в нем было вдвое больше, чем во всем войске римлян. Императору доложили, что рядом с его войском встало лагерьм другое, и что никто еще не видел войска более сильного, и с лучшим вооружением, и с более красивыми знаменами.

И Элен вышла посмотреть на это войско и узнала знамена своих братьев. После этого Кинан и Адеон, сыновья Эудафа, пришли к императору, и он радушно приветствовал их. И они посмотрели, как римляне осаждают город, и Кинан сказал брату:

– Если мы не возьмем этот город, они этого тем более не сделают.

И ночью они тайком измерили высоту стен, и послали плотников в лес, и изготовили по лестнице для каждого четырех воинов. Каждый день оба императора, каждый в своем лагере, садились пировать, и, пока они не вставали из-за стола, бой не начинался. И в этот день люди Британии с утра начали пир и пили, пока не преисполнились храбрости³⁰⁴. Когда оба императора пировали, бритты подобрались к стене, приставили к ней лестницы и взобрались на нее. Не успел новый император взяться за оружие, как они ворвались в город и убили его, а с ним еще многих³⁰⁵. Три дня и три ночи они бились с жителями города, пока не одолели их.

И Максен сказал Элен:

– Я очень удивлен, госпожа, – сказал он, – что твои братья не спешат вернуть мне власть над городом.

– Государь император, – сказала она, – мои братья – разумнейшие юноши в мире. Попроси их вернуть тебе город, и они не замедлят это сделать, если уже победили твоих врагов.

Вслед за этим император и Элен отправились в город и потребовали вернуть им власть над ним. И им сказали, что никто не брал власть и никто не может отдать ее ему, кроме воинов Острова Британии. И ворота Рима открылись, император взошел на свой трон, и люди Рима при-

несли ему клятву верности. Тогда император сказал Кинану и Адеону:

– Теперь, когда все мои владения снова в моей власти, я отдаю вам все это войско, чтобы вы завоевали с ним ту часть мира, какую захотите.

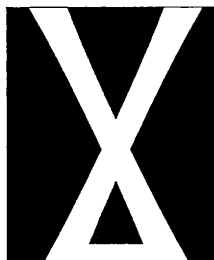
И они отправились в путь и завоевывали земли, и замки, и укрепленные города; там они убивали всех мужчин, а женщин оставляли в живых. И так продолжалось до тех пор, пока юноши, отправившиеся с ними в поход, не посидели в сражениях. И тогда Кинан спросил Адеона, своего брата:

– Чего ты желаешь, – спросил он, – остаться в этой стране или вернуться на родину?

И тот решил вернуться на родину, и многие пошли с ним; а Кинан с прочими остался в той стране и жил там. И он держал совет с теми, кто остался, и они решили отрезать языки женщинам, дабы те не испортили их наречие. С тех пор люди Арморики зовутся Ллидау из-за молчаливости их женщин. И те, кто живет там, до сих пор говорят на их языке³⁰⁶.

И эта история называется Видение Максена Вледига, императора Рима, и таков ее конец.

ЛЛУДД И ЛЛЕВЕЛИС

Бели Великого, сына Маногана, было три сына: Ллудд, Касваллаун и Нинни-ау³⁰⁷ – а по этой истории у него был еще и четвертый сын по имени Ллевелис³⁰⁸. И когда Бели умер, корона Острова Британии досталась Ллудду, его старшему сыну, и он стал править страной. Он восстановил стены Лондона и укрепил их множеством башен. После этого он велел горожанам выстроить себе дома, с которыми не могли сравниться никакие дома в других городах³⁰⁹. Кроме того он был храбрым воином и господином, щедрым на еду и питье для всех, кто ему служил; и хотя у него было много замков и укрепленных городов, этот он любил более всех прочих. Там он проводил большую часть года, и потому его называли Каэр-Ллудд или Каэр-Лундейн. Когда же им овладели пришельцы из-за моря³¹⁰, он стал называться Лондейн или Лондрис.

Ллудд любил Ллевелиса больше, чем прочих братьев, из-за его мудрости и благоразумия. И когда Ллевелис услышал, что умер король Франции, не оставив наследников, кроме дочери, которой он завещал все владения, он пришел к брату и попросил у него совета и помощи. Не ради собственной прихоти, но ради увеличения чести, славы и могущества своего рода, он решил отправиться

во Францию и добыть эту деву себе в жены. Брат согласился с его решением, и он был рад получить согласие. Тут же снарядили корабли с вооруженными воинами, и он с ними отплыл во Францию. Сразу после высадки он отправил послов к знатнейшим людям Франции, чтобы сообщить им цель своего прибытия. После совета с правителями и знатными людьми было решено отдать ту деву Ллевелису вместе с королевской короной. И он правил своими владениями мудро и справедливо до конца своих дней.

И вот по прошествии времени на Остров Британии нашло три напасти, подобных которым не видели нигде. И первой из них было некое племя, называемое Коранайд³¹¹ и обладавшее столь великими знаниями, что они могли слышать любой, самый тихий, разговор, если только его подхватывал ветер³¹². И из-за этого никто не мог причинить им вреда. Второй напастью был крик³¹³, который каждый год раздавался над Островом Британии в ночь накануне Майского дня³¹⁴. И он проникал в души всех людей и вселял в них такой страх, что мужчины бледнели и лишались сил, а женщины выкидывали плод. Юноши и девы теряли рассудок, а все животные, растения, земля и воды становились бесплодными.

И третьей напастью было то, что все запасы еды и питья, хранящиеся в королевском дворце, пусть даже они были запасены на год³¹⁵, исчезали неведомо куда, кроме того, что съедалось в тот же день. И не было никого, кто ведал бы причину этих двух напастей; поэтому было больше надежды избавиться даже от первой, чем от двух других. И король Ллудд встревожился и опечалился, не зная, как избавить страну от этих напастей. Он призвал к себе всех знатных людей королевства и спросил у них совета, и по их единодушному совету Ллудд, сын Бели, отправился к своему брату Ллевелису, королю Франции, чтобы просить его помощи, поскольку он был мужем великого ума. Они снарядили флот в глубокой тайне и при полном молчании, чтобы это племя не узнало об отплытии короля³¹⁶. Когда все было готово, Ллудд и те, кого он взял с собой, сели на корабли и поплыли к берегам Франции.

Когда об этом узнал Ллевелис, он, не зная причины прибытия брата, собрал громадный флот и отплыл навстречу ему. Увидев это, Ллудд отослал все корабли назад, оставив лишь один, на котором он поплыл навстречу брату. И тот сделал то же самое, и они встретились, и обнялись, и приветствовали друг друга с братской любовью³¹⁷. После того как Ллудд поведал брату о цели своего прибытия, Ллевелис сказал, что ему это известно; и тут они стали думать, как сделать так, чтобы ветер не донес до слуха Коранияйд то, о чем они будут говорить. Для этого Ллевелис взял длинный рог, сделанный из меди, и говорил через этот рог. Но что бы каждый из них не говорил, в роге они не слышали голосов друг друга, а только грубую брань. Тогда Ллевелис догадался, что это дьявол морочит их, желая поссорить; и он налил в рог вина, и его силой дьявол был изгнан³¹⁸.

Когда их разговор стал слышен, Ллевелис сказал брату, что даст ему неких насекомых³¹⁹, часть из которых он должен сохранить, дабы схожая напасть не повторилась в будущем, а прочих бросить в воду, чтобы истребить племя Коранияйд. Он посоветовал Ллудду, вернувшись домой, созвать всех людей своего народа и племени Коранияйд на пир якобы для заключения мира и, когда они будут там, напоить их волшебной водой. Он сказал, что эта вода погубит всех Коранияйд, но не причинит вреда никому из его подданных.

– Вторая напасть в твоём королевстве, – сказал он, – происходит из-за дракона³²⁰, который живет в твоей стране, и чужеземный дракон все время бьется с ним и хочет его одолеть, и поэтому твой дракон кричит от боли. Вот что тебе нужно сделать: когда ты вернешься домой, измерь свой остров в длину и в ширину и найди его середину. В самой середине острова прикажи вырыть яму и помести в нее котел с самым лучшим медом, какой сможешь найти, и накрой сверху котел атласным покрывалом. После этого жди, и ты увидишь драконов в образе чудовищных зверей, сражающихся друг с другом. Потом они поднимутся в небо и превратятся в драконов, и наконец, измучив друг друга в смертельной схватке, они в виде двух маленьких свиней упадут на покрывало, и прова-

лятся вместе с ним в котел, и осушат его до самого дна. Когда они выпьют мед, то крепко уснут. Тогда, не медля ни минуты, заверни их в покрывало и закопай в каменном сундуке³²¹ в своей самой мощной крепости. И пока они будут закопаны там, никакая напасть извне не придет на Остров Британии.

– Причина же третьей напасти, – продолжал он, – могущественный колдун, который похищает твои припасы. Посредством своего колдовства он погружает всех в сон. Поэтому ты должен сам наблюдать за приготовлениями к празднику, а чтобы он не уснул тебя, держи рядом чан с холодной водой. И как только сон начнет одолевать тебя, сразу же полезай в этот чан.

И Ллудд вернулся домой и созвал на пир всех людей своего народа и племени Коранияйд. Как и учил его Ллевелис, он бросил насекомых в воду и напоил этой водой всех гостей. И тут же все племя Коранияйд сгнуло, из людей же Острова Британии не пострадал никто. Через какое-то время Ллудд велел измерить остров в длину и в ширину, и его середина оказалась в Оксфорде³²². Там он приказал вырыть яму и поставить в нее котел, полный самого лучшего меда и накрытый атласным покрывалом. И он сам остался там на ночь. И когда он был там, он увидел в небе сражающихся драконов; и вот они выбились из сил, и спустились на покрывало, и вместе с ним упали в котел. И, выпив мед, они уснули; Ллудд тут же завернул их в атлас и, отыскав в Эрири надежное место, закопал их там в каменном сундуке. С тех пор это место зовется Динас-Эмрис³²³. До того же оно называлось Динас-Фараон-Дандде, в память о третьем из тех, чье сердце разорвалось от горя³²⁴. Так король покончил с причиной крика, опустошавшего его владения.

Когда подошло время, король Ллудд велел готовить большой праздник. После того как все припасы были собраны, он налил в чан холодной воды и уселся рядом ждать. И стоя там во всеоружии, глубокой ночью³²⁵ он вдруг услышал сладостное пение и музыку и неудержимо захотел спать. Тогда, помня наставления брата, он быстро залез в воду. Тут во дворец вошел человек громадного роста, богато одетый и хорошо вооруженный, неся с со-

бой корзину. И он положил в эту корзину все приготовленные яства и напитки и собрался уходить. Более всего удивила Ллудда корзина, в которую вошло столь много³²⁶.

Тут Ллудд предстал перед ним и воскликнул:

– Остановись! Ты причинил мне много зла и убытка, но я не позволю тебе причинить еще, пока ты не докажешь, что превосходишь меня силой и храбростью.

И тот мгновенно опустил корзину на пол и кинулся на него. И они сражались до тех пор, пока их оружие не раскалилось. Наконец удача склонилась на сторону Ллудда, и он поверг противника на землю. И когда он одолел колдуна своей силой и храбростью, тот попросил пощады.

– Как могу я простить тебя, – спросил король, – после того как ты причинил мне столько вреда?

– Все, что ты потерял, – сказал тот, – я возьму тебе. И я больше никогда не потревожу тебя и всегда буду твоим верным слугой.

Тогда король отпустил его.

И так Ллудд освободил Остров Британии от трех напастей. И до конца дней своих Ллудд, сын Бели, правил своим королевством в мире и процветании. И вот история, рассказанная о приключениях Ллудда и Ллевелиса, и таков ее конец.

КИЛУХ И ПЛВЕН

Ж

ак-то Килидд, сын Келиддона Вледи-га³²⁷, решил жениться, чтобы не сидеть одному за столом³²⁸. Вот та, кого он взял в жены: Голейдидд, дочь Анлаудда Вледига³²⁹. Сразу после свадебного пира все жители их страны начали молиться о даровании им потомства, и спустя положенный срок у нее родился сын. Но все время беременности она

была лишена рассудка и скиталась в пустынных местах³³⁰; когда же пришло разрешение от бремени, рассудок вернулся к ней. И в это время она оказалась в месте, где свинопас держал свиней, и из страха перед свиньями родила мальчика. И свинопас принял ребенка и отнес его во дворец, и там он был крещен и назван Килух*, ибо он родился в свином загоне³³¹. При всем том мальчик был благородного происхождения и близкого родства с самим Артуром³³², и его воспитали при дворе.

Вскоре мать мальчика Голейдидд, дочь Анлаудда Вледига, тяжело занемогла. Она позвала к себе мужа* и сказала ему:

– Я скоро умру, и ты захочешь жениться еще раз. Жена – дар Господа, но не допускай, чтобы она повредила твоему сыну. И умоляю тебя – не женись, пока на

* Kulhwch – «свиной загон» (валл.).

моей могиле не вырастет куст шиповника с двумя верхушками³³³.

И он пообещал ей это. Она же призвала исповедника³³⁴ и попросила его каждый год пропалывать ее могилу, чтобы на ней ничего не могло вырасти. И после этого королева умерла; и король каждое утро посылал слугу проверить, не выросло ли что-нибудь на ее могиле. И на седьмой год исповедник как-то забыл сделать то, о чем попросила его королева. В один из дней король отправился на охоту и проезжал мимо кладбища. И захотелось ему взглянуть на могилу, поскольку он томился без жены. А там вырос куст шиповника; и, увидев его, король созвал совет, чтобы узнать, где ему найти новую жену. И один из его приближенных сказал:

– Я знаю подходящую для тебя женщину. Это жена короля Догеда³³⁵.

И они решили похитить ее силой, и убили ее мужа, и разорили его земли, и привезли ее к королю вместе с дочерью.

И вот однажды королева отправилась на прогулку и зашла в дом к старой колдунье, что жила неподалеку и была так стара, что во рту ее не осталось ни единого зуба. И королева сказала ей:

– О колдунья, ради Бога, ответь мне на один вопрос. Есть ли дети у человека, который овладел мною против моей воли?

И колдунья ответила:

– У него нет детей.

Тогда королева сказала:

– Горе мне, что мой муж бездетен.

– Не печалься, – сказала ей колдунья, – предсказываю, что у тебя будут от него дети, и они унаследуют трон. Кроме того, у него есть еще один сын.

И королева вернулась во дворец радостная и сказала мужу:

– Зачем ты скрываешь от меня своего сына?

И король ответил:

– Теперь я не стану его скрывать³³⁶.

И он отправил гонцов за своим сыном, и они доставили его ко двору. Мачеха обратилась к нему:

– Сын мой, тебе надо жениться, а у меня есть дочь, лучшая невеста в мире.

Он же возразил ей:

– Не достиг я еще возраста женитьбы³³⁷.

Тогда она сказала:

– Что ж, я предскажу тебе судьбу: ты не женишься ни на ком, кроме Олвен, дочери Исбаддадена, Повелителя Великанов³³⁸.

Тут юноша залился краской, и внезапно любовь к этой деве проникла во все его члены, хотя он никогда не видел ее. И, заметив это, отец спросил его:

– Что с тобой, сын мой? Что тебя опечалило?

– Моя мачеха предсказала мне, что я не женюсь ни на ком, кроме Олвен, дочери Повелителя Великанов.

– Что ж, сын мой, ничего трудного в этом нет, – сказал ему отец. – Ведь в родне у тебя сам Артур. Иди к Артуру и принеси прядь своих волос ему в дар³³⁹.

И юноша сел на коня светло-серой масти, четырех зим от роду, крепкого в ногах и хорошо подкованного, с уздечкой и седлом из чистого золота. И в руке у юноши были два острых копья с серебряными наконечниками, что были вдвое длиннее мужской руки. Ими можно было до крови ранить ветер, и разили они стремительней, чем капля росы падает с травы на землю в иконе, в самую росную пору³⁴⁰. На боку его висел меч с золотой рукоятью, на золотом лезвии которого был выложен золотом крест, призывающий благословение небес; рог же его был из слоновой кости³⁴¹.

И впереди него бежали две борзые, белые с рыжими пятнами, в ошейниках из червонного золота. Та, что была слева, перебегала направо, а та, что была справа, перебегала налево, и так они кружили вокруг Килуха подобно чайкам. Четыре кома земли вылетали из-под четырех копыт его коня и мелькали над его головой, как четыре ласточки – то вверх, то вниз, то снова вверх. На нем был пурпурный четырехугольный плащ, на каждом конце которого красовалось по золотому яблоку ценой в сотню коров³⁴². И дороже трех сотен коров были его золоченые стремяна и сапоги дивной работы, доходящие от верха бедра до края подошвы. И когда он скакал, трава

не гнулась под ним³⁴³ – столь легким и быстрым был его конь, на котором он подъехал к воротам дворца Артура.

Юноша позвал:

– Привратник, где ты?³⁴⁴

– Я здесь, и зачем ты, не умеющий молчать, тревожишь меня? Я сторожу ворота Артура каждый первый день января, а весь прочий год их сторожат мои подручные, имена которых Хуандау, и Гогихох, и Ллаэскеним³⁴⁵, и Пеннпингион, который ходит на голове, оберегая ноги, и уподобляется катящемуся камню³⁴⁶.

– Так открой же мне ворота.

– Я не открою их.

– Почему ты не хочешь их открыть?

– Нож уже в мясе, и питье в роге³⁴⁷, и множество гостей собрались во дворце Артура. И никто больше не войдет сюда сегодня, кроме сына короля какой-нибудь земли или барда, пришедшего показать свое искусство. Ты получишь пищу для своих собак, и сено для своего коня, и жареное мясо с лучшим вином для себя, и тебя развлекут сладкими песнями. Еду для пяти десятков мужей подадут в зал для гостей, где уже ждут те, кто не успел сегодня попасть во дворец Артура. Ты наилучшим образом проведешь там время, и получишь женщину на ночь, и слушаешь песни и баллады. Наутро же, когда ворота откроются для гостей, что явились сегодня, ты войдешь в них первым и сможешь сесть на любое место во дворце Артура, какое тебе понравится.

Юноша сказал:

– Поистине, я не сделаю этого. Если ты сейчас откроешь ворота, я войду. Если же нет, то ты навлечешь беду на себя и бесчестье на своего господина. Ибо я спою у этих ворот три песни позора³⁴⁸, которые услышат от вершины Пенгваэдд в Корнуолле³⁴⁹ до подножия Динсола на Севере и до Эсгейр-Эрвел в Ирландии³⁵⁰. И тогда все беременные женщины, что живут в этом дворце, не смогут родить, а те, кто еще не беременны, исполнятся такого страха, что никогда не сумеют понести.

Глеулуйд Гаваэллаур³⁵¹ сказал ему:

– Какими бы песнями позора ты ни угрожал, я не впусти тебя во дворец, пока не посоветуюсь с Артуром.

И после этого он вошел в зал, и Артур спросил его:

– Что нового у ворот?

И Глеулуйд сказал:

– Две трети своей жизни провел я рядом с тобой. Я был с тобой в Каэрсе и Ассе, в Сах и Салах, в Лотор и Фотор, в Большой и Малой Индиях, в битве двух Иниров³⁵², где мы взяли двенадцать заложников из Ллихлина. Я был с тобой в Европе, и в Африке, и на острове Корсика, и в Каэр-Бритух, и в Бритах, и в Нертах³⁵³. И я был с тобой, когда ты сразил спутников Клейса, сына Мерина, и когда ты одолел Мила Дду, сына Дугума³⁵⁴. Я был с тобой, когда ты завоевал всю Грецию до самых пределов Востока. Я был с тобой в Каэр-Оэт и Аноэт³⁵⁵, и в Каэр-Невенхир³⁵⁶. Девять могучих властителей, прекрасных собою, видел я там, но никогда прежде не встречал мужа, равного тому, кто стоит сейчас у ворот.

И сказал Артур:

– Если ты шел сюда шагом, то обратно беги бегом. Пусть все, кто еще видит свет и может открыть глаза, прислуживают ему, и пусть ему подадут вино в золотом роге и жареное мясо с перцем, пока не нажарят нового мяса и не принесут нового вина. Негоже оставлять под ветром и дождем такого мужа, как он.

Тут Кей³⁵⁷ сказал:

– Клянусь рукой друга, если ты послушаешь моего совета, то не станешь нарушать ради него обычаи двора.

– Конечно, дорогой Кей, но мы же благородные люди, и чем большее гостеприимство мы выкажем, тем больше будут наша слава и наша честь.

И Глеулуйд пошел к воротам и открыл их. И хотя перед воротами положено было спешиваться, Килух не сделал этого и въехал в них на коне. И он сказал:

– Приветствую тебя, владыка этого острова! Приветствие мое обращено к низким не менее, чем к высоким, и равно касается всех твоих гостей, и воинов, и приближенных не меньше, чем тебя самого. И пусть твоя власть, и твоя мощь, и твоя слава множатся на всем этом острове.

– На то воля Божья, – ответил ему Артур. – Приветствую и я тебя, вождь. Садись меж двух моих людей и послушай наших бардов, и, пока ты не покинешь нас, тебе

будут оказываться королевские почести³⁵⁸. И когда я стану раздавать дары моим гостям, прибывшим издалека, ты тоже не будешь обделен.

Юноша ответил:

– Я пришел к тебе не ради еды и питья. Если ты выполнишь мою просьбу, я воздам тебе хвалу; если же нет, то я донесу слова позора³⁵⁹ до четырех отдаленнейших концов земли, где сейчас восхваляют тебя.

Тогда Артур сказал:

– Хоть ты и не из моих людей, ты получишь все, что твой ум сможет измыслить, а язык сказать. Это так же верно, как то, что ветер сушит, дождь мочит, солнце восходит и заходит, море окружает сушу, а земля тверда под ногами. Только не проси мою корону, и мою мантию, и мой меч Каледволх, и мое копье Ронгомиант, и мой щит Винебгортухир, и мой кинжал Карнвенан, и мою супругу Гвенвивар³⁶⁰. Клянусь Богом, все остальное я дам тебе.

– Тогда отрежь прядь моих волос.

– Я сделаю это.

И Артур взял серебряные ножницы с золотым гребнем и отрезал у него прядь волос, после чего сказал:

– Я чувствую, как в моем сердце растет приязнь к тебе. Поистине, ты моей крови. Скажи мне, как твое имя?

– Я скажу тебе, – ответил юноша. – Я Килух, сын Киллидда, сына Келиддона Вледига, от Голейдидд, дочери Анлаудда Вледига, моей матери.

– Я знаю тебя, – сказал Артур, – ты мой двоюродный брат³⁶¹. Говори, чего ты хочешь, и ты получишь все, что сможет выговорить твой язык. Клянусь Богом и моим королевством, тебе ни в чем не будет отказа.

– Я скажу тебе. Помоги мне добыть Олвен, дочь Исбаддадена, Повелителя Великанов³⁶².

И об этом он попросил также Кея, и Бедуира³⁶³, и Грейдаула Галлдовидда, и Гуитира, сына Грейдаула³⁶⁴, и Грейта, сына Эри³⁶⁵, и Киндделика Киварвидда³⁶⁶, и Татала Туйла Голеу³⁶⁷, и Мэлвиса, сына Бедана³⁶⁸, и Книхора, сына Неса³⁶⁹, и Куберта, сына Даэре, и Перкоса, сына Пэха, и Ллубера Бейтнаха, и Корвила Берваха, и Гвина, сына Нудда³⁷⁰, и Эдирна, сына Нудда³⁷¹, и Кадви, сына Герайнта³⁷², и Флеудира Флама Вледига³⁷³, и Риауна Пе-

бира, сына Дората³⁷⁴, и Бравена, сына Морена Минауга, и самого короля Морена Минауга³⁷⁵, и Даллдафа, сына Кимина Кофа³⁷⁶, и сына Алуна Диведа, и сына Сайди, и сына Гориона³⁷⁷, и Ухтрида Ардивада Када³⁷⁸, и Кинваса Курвагила³⁷⁹, и Гурхира Гвартегфраса³⁸⁰, и Исперира Эвингата³⁸¹, и Галлкоэда Говиниада³⁸², и Дуаха, и Гратаха, и Нертаха, сыновей Гваурдура Кирваха, что прибыли от самых пределов Аннуина³⁸³, и Килидда Канастира, и Канастира Канллау³⁸⁴, и Корса Канта Эвина³⁸⁵, и Эсгайра Килуха Говинкауна³⁸⁶, и Дриста Дурнхеарна³⁸⁷, и Глеулуйда Гаваэлваура, и Ллуха Ллавиниауга³⁸⁸, и Аннваса Адейнауга³⁸⁹, и Синноха, сына Сейтведа³⁹⁰, и Гвенвинвина, сына Нау³⁹¹, и Бедиу, сына Сейтведа, и Гобруи, сына Эхела Вордуит Толла, и самого Эхела Вордуит Толла³⁹², и Мэла, сына Ройкола³⁹³, и Дадвира Даллпенна³⁹⁴, и Гарвили, сына Гвитауга Гвира, и самого Гвитауга Гвира³⁹⁵, и Горманта, сына Рикки³⁹⁶, и Мену, сына Тейргваэдда³⁹⁷, и Дигона, сына Алара³⁹⁸, и Селифа, сына Синойта³⁹⁹, и Гусга, сына Атеу⁴⁰⁰, и Нерта, сына Кадарна⁴⁰¹, и Друдваса, сына Трифина⁴⁰², и Турха, сына Перифа, и Турха, сына Аннваса⁴⁰³, и Иону, короля франков⁴⁰⁴, и Села, сына Селги⁴⁰⁵, и Терегуда, сына Иазна, и Сулиена, сына Иазна, и Бравена, сына Иазна, и Морена, сына Иазна, и Сиауна, сына Иазна, и Крадауга, сына Иазна – это были родители Артура со стороны отца, что жили в Казр-Датил⁴⁰⁶, – и Дирмига, сына Кау⁴⁰⁷, и Иустика, сына Кау, и Этмика, сына Кау, и Ангаудда, сына Кау, и Ована, сына Кау, и Келина, сына Кау, и Коннина, сына Кау, и Мабсанта, сына Кау, и Гвингада, сына Кау, и Ллойбира, сына Кау, и Коха, сына Кау, и Мейлика, сына Кау, и Кинваса, сына Кау, и Ардиада, сына Кау, и Эргириада, сына Кау, и Неба, сына Кау, и Гильдаса, сына Кау, и Калкаса, сына Кау, и Хуэйла, сына Кау⁴⁰⁸, и Самсона Финсиха⁴⁰⁹; и Талиесина, Лучшего из бардов⁴¹⁰, и Манавидана, сына Ллира⁴¹¹, и Ллари, сына Каснара Вледига⁴¹², и Исперина, сына Ферганта, короля Ллидау⁴¹³, и Саранона, сына Глитмира⁴¹⁴, и Плаура, сына Эру⁴¹⁵, и Аннианнауга, сына Мену, сына Тейргваэдда, и Гвина, сына Нуифре, и Флама, сына Нуифре⁴¹⁶, и Герайнта, сына Эрбина⁴¹⁷, и Дифела, сына Эрбина, и Гвина, сына Эрмида, и Киндруина, сына Эрмида⁴¹⁸,

и Хивейдда Унллена⁴¹⁹, и Эйдона Ваурвридига⁴²⁰, и Рейдона Арви⁴²¹, и Горманта, сына Рикки – он был братом Артура по матери, старшим из правителей Корнуолла⁴²², – и Ллаунроддеда Варваука⁴²³, и Надаула Вариф Турха⁴²⁴, и Берта, сына Кадо, и Рейддона, сына Бели, и Искована Хэла, и Искавина, сына Панона⁴²⁵, и Морврана, сына Тегида – в битве при Камлане никто не осмелился скрестить с ним оружие из-за его устрашающего вида, и все подумали, что это сам дьявол, ибо волосы его торчали, как рога оленя⁴²⁶, – и Санде Брида Ангела, которого никто не коснулся копьем в битве при Камлане, поскольку из-за его красоты все подумали, что это ангел небесный⁴²⁷, и Киннвила Санта, что был одним из трех, спасшихся после битвы при Камлане, и последним покинул Артура на своем коне Хенгроэне⁴²⁸, и Ухтрида, сына Эрима, и Эуса, сына Эрима, и Хенваса Адейнауга, сына Эрима, и Хенбедестира, сына Эрима, и Сгилти Исгаунтройта, сына Эрима – у этих мужей было три свойства: Хенбедестир никогда не встречал человека, способного его обогнать на коне или пешком; от Хенваса Адейнауга не могло убежать ни одно четвероногое на расстоянии акра вокруг него; Сгилти Исгаунтройт, когда господин посылал его с поручением, никогда не выбирал дороги, а шагал прямо по верхушкам деревьев или по вершинам холмов, и трава не гнулась под его ногами из-за его легкости⁴²⁹, – и Тейти Хена, сына Гвинхана – чьи владения поглотило море, и он сам с трудом спасся, после чего пришел к Артуру и принес с собой чудесный нож, к которому с тех пор, как он появился там, не подошла ни одна рукоять; от этого Тейти Хен стал чахнуть, а потом и умер⁴³⁰, – и Карнедира, сына Говиниона Хена⁴³¹, и Гвенвинвина, сына Нау Гуссевина, воина Артура⁴³², и Ллисгадруда Эмиса с Гарбото Хеном – они были дяди Артура, братья его матери⁴³³, – и Гулванавида, сына Горiona⁴³⁴, и Лленлеауга, ирландца из земли Гамон⁴³⁵, и Дивнуала Маэла⁴³⁶, и Дунарда, короля Севера⁴³⁷, и Тейрниона Торифа Влианта⁴³⁸, и Теквана Глофа, и Тегира Талгеллауга, и Гурдивала, сына Эбреи, и Морганта Хэла⁴³⁹, и Гвистила, сына Нейтона, и Рина, сына Нейтона, и Ллуйдеу, сына Нейтона⁴⁴⁰, и Гуидре, сына Ллуйдеу от Гвеннабви, доче-

ри Кау, его матери – Хуэл, его дядя, ударил его, и из-за этого возникла вражда между Хуэлом и Артуром⁴⁴¹, – и Дрема, сына Дремидида, который из Гэлливика в Корнуолле мог разглядеть комара в Пенн-Блатаоне, что в Британии⁴⁴², и Эйдиола, сына Нера⁴⁴³, и Голиддина Плотника, который выстроил Эхангвен, главный зал дворца Артура⁴⁴⁴, и Кинира Кейнварвауга⁴⁴⁵ – когда он узнал, что у него родился сын, он сказал жене: – Если я отец этого мальчика, пусть сердце его всегда будет холодным, а в руках не останется тепла. И еще: если он мой сын, он всегда и во всем будет стойким. И еще: пока он будет нести груз, тяжелый или легкий, ни один человек не увидит его ни спереди, ни сзади. И еще: никто не сможет находиться в огне или в воде так долго, как он. И еще: никто не сравнится с ним по верности в служении, – и Хенваса, и Хенвинеба, и Хери Кидимдейта, и Гваллгоэга – куда бы он ни приходил, даже в город с тремя сотнями домов, никто в этом месте не спал, пока он оставался там⁴⁴⁶, – и Бервина, сына Геренхира⁴⁴⁷, и Париса, короля франков – от него получил свое имя город Париж⁴⁴⁸, – и Ослу Длинного Ножа⁴⁴⁹ – у него был клинок с широким лезвием, и, когда Артур со своими спутниками встретили на пути бурную реку, он положил этот клинок поперек реки, и по нему, как по мосту, перешли люди трех островов Британии и трех прилегающих островов⁴⁵⁰ со всем своим снаряжением, – и Гвиддауга, сына Менестира – который убил потом Кея, за что Артур убил его и всех его братьев⁴⁵¹, – и Гаранвина, сына Кея, и Амрена, сына Бедуира⁴⁵², и Эли Амира, и Рея Руидда Дириса, и Рина Рудверна, и Эли с Трахмиром, старших среди охотников Артура, и Ллидеу, сына Килкоэда, и Хунабви, сына Гуирона, и Гвинна Годиврона, и Гвейра Датара Гвенидауга, и Гвейра, сына Каделлина Тал Арианта⁴⁵³, и Гвейра Гурхида Эннвира с Гвейром Гвинн Баладир Хиром – а это были дядья Артура, братья его матери, сыновья Ллоха Ллавиннауга⁴⁵⁴, – и Лленлеауга Ирландца⁴⁵⁵, и некоего Одержимого Британии, и Каса, сына Сайди, и Горвана Гваллт Айвина, и Гвилленина, короля франков⁴⁵⁶, и Гвиттарта, сына Оэда, короля Ирландии, и Гарселита Ирландца, и Панаура, главу воинов, и Флендора, сына Нау, и Гвинхивара, на-

местника Корнуолла и Девона, – девятерых, что вели полки в битве при Камлане⁴⁵⁷, – и Кели с Куэли, и Гилла Оленью Ногу – он мог преодолеть одним прыжком расстояние в три сотни акров и был лучшим прыгуном в Ирландии⁴⁵⁸, – и Сола, и Гвадина Оссолла, и Гвадина Одиэйти – Сол мог простоять целый день на одной ноге; Гвадин Оссол, став на вершине высочайшей горы в мире, мог превратить ее в ровное поле, Гвадин Одиэйт мог затоптать ногами самое сильное пламя, поэтому они прокладывали путь для Артура в его походах⁴⁵⁹ – и Хира Эрома с Хиром Атромом – в день, когда они приходили на пир, три области оказывались опустошенными, ибо они ели, пока не съедали все, и пили до темноты, а потом отправлялись спать; утром же они опять были голодны, как будто накануне не ели ни крошки, а когда они уходили с пира, после них не оставалось ни жирного, ни постного, ни горячего, ни холодного, ни горького, ни сладкого, ни свежего, ни соленого, ни вареного, ни сырого⁴⁶⁰, – и Хуарвара, сына Авлауна, который все время просил есть и был одним из трех бедствий Корнуолла, ибо на лице его не появлялось улыбки, покуда он не насыщался⁴⁶¹, – и Гориваллта Эйрина⁴⁶², и двух щенят Рими, Гвиддруда и Гвидднеу Аструса⁴⁶³, и Сугина, сына Сугнедидда⁴⁶⁴ – он мог выпить море, вмещающее три сотни кораблей, до самого дна, такая широкая у него была грудь⁴⁶⁵, – и Какумри, слугу Артура⁴⁶⁶ – как только ему показывали амбар, пусть даже с зерном с тридцати полей, он бросался на него с железным цепом, пока и стропила, и балки, и доски не превращались в ссыпанный на пол овес, – и Дигифлонга, и Анозта Вейдауга⁴⁶⁷, и Хира Эйдила и Хира Амрена⁴⁶⁸, двух слуг Артура, и Гвевила, сына Гвестада⁴⁶⁹ – в дни, когда он печалился, одна его губа свисала до низа живота, а другая нависала над головой, как капюшон, – и Ухтрида Варифа Драуса⁴⁷⁰, который мог обмотать своей рыжей нечесаной бородой все сорок восемь столбов в главном зале дворца Артура, и Элидира Киварвидда⁴⁷¹, и Искирдафа с Искидиддом⁴⁷² – это были двое слуг Гвенвивар, которые, когда их посылали куда-то, двигались со скоростью мысли, – и Бриса, сына Бриссетаха с горы Черный Фернбрак в Британии⁴⁷³, и Грудлоина Горра⁴⁷⁴,

и Болха, и Кифолха, и Сефолха, сыновей Кледдифа Кифолха, внуков Кледдифа Дифолха⁴⁷⁵ – три блестящих белых – это их щиты, три тонких пронзающих – это их копья, три острых режущих – это их мечи, три их пса – Глас, Глессик и Глейсад; три их коня – Калл, Куалл и Кавалл; три их жены – Хуирдидог, Дрогдидог и Ллоирдидог; три их внука – Ох, Гарим и Диаспад; три их дочери – Ллухед, Невед и Эйссивед; три их служанки – Дрог, Гваэт и Гваэ-таф Олл; и еще Эхейбрид, дочь Кифолха, Гораскорн, дочь Нерта, и Гваэддан, дочь Кинвелина, привратника Пуйлла, который был получеловеком⁴⁷⁶, – и Донна Дес-сика⁴⁷⁷, и Эйладира, сына Пенн Лларкана, и Кинедира Уиллта, сына Хеттона Сребролобого⁴⁷⁸, и Савила Высокого Лба⁴⁷⁹, и Гвальхмаи, сына Гвиара⁴⁸⁰, и Гвальхаведа, сына Гвиара, и Гурхира Гвальстауда Иэтгоэдда, который знал все языки⁴⁸¹, и Кетрома Прорицателя⁴⁸², и Клу-ста, сына Клуствейнидда⁴⁸³ – если его закапывали в землю на семь локтей, он слышал, как ползет муравей за пятьдесят миль от него, – и Медира, сына Метредидда⁴⁸⁴ – он мог, находясь в Гэлливике, подстрелить крапивника в Исгейр-Эрвел, что в Ирландии⁴⁸⁵, – и Гвиауна Кошачьего Глаза⁴⁸⁶, который мог поразить комара в угол глаза, не задев сам глаз, – и Ола, сына Олвидда⁴⁸⁷ – за семь лет до его рождения у его отца украли свинью, и он, когда вырос, отправился за ней и привел домой семь свиных стад, – и епископа Бедвини⁴⁸⁸, что благословлял еду и питье при дворе Артура.

И еще он попросил об этом украшенных золотыми кольцами дочерей этого острова: Гвенвивар, старшую королеву, и Гвенвивах, ее сестру⁴⁸⁹, и Раттиэу, дочь Уника Клемимила, и Келемон, дочь Кея, и Тангвен, дочь Гвейра Датара Венидауга, и Гвенналарх, дочь Кинвила Каноха, и Эурнейд, дочь Клиддно Эйддина, и Эневауг, дочь Бедуира, и Энридвег, дочь Тудватара, и Гвенвледир, дочь Гваредура Кирваха, и Эрдувил, дочь Трифина, и Эуролвен, дочь Гудолвина Горра, и Телери, дочь Пеула⁴⁹⁰, и Индег, дочь Гарви Хира⁴⁹¹, и Морвидд, дочь Уриена Регедского⁴⁹², и Гвенллиан Прекрасную, деву высочайших достоинств⁴⁹³, и Крейддилад, дочь Ллуда Серебряной Руки – она была самой прекрасной девой трех Ос-

тровов Могущества и трех прилегающих островов⁴⁹⁴, и Гуитир, сын Грейдаула, с Гвином, сыном Нудда, бьются за нее каждые календы января и будут биться до самого Страшного суда, – и Эллило, дочь Неола Кинна Крока, что пережила три поколения⁴⁹⁵, и Эсиллт Винвен, и Эсиллт Вингул⁴⁹⁶. И всех их Килух, сын Килидда, попросил принять его дар.

Тогда сказал Артур:

– Друг мой, я никогда не слышал ни о деве, о которой ты говоришь, ни о ее родичах. Я с радостью отправлю гонцов на ее поиски.

Юноша сказал:

– Что ж, я буду ждать вестей с этого вечера и до конца года.

И Артур разослал гонцов во все страны света на поиски девы, и в конце года они вернулись, не узнав об Олвен ничего, кроме того, что знали в первый день поисков. И тогда Килух сказал:

– Каждый из вас получил, что хотел, а я нет; я уезжаю и увожу с собой твою честь.

Тут Кей сказал:

– Терпение, о вождь! За что ты упрекаешь Артура? Подем с нами, и мы не расстанемся, пока не убедимся, что этой девы нет на свете, или пока не найдем ее.

И Кей поднялся со своего места. А он мог девять дней и ночей пребывать под водой и не утонуть и еще мог девять ночей и дней оставаться без сна. Никакой лекарь не мог залечить рану, нанесенную его мечом. Много всего умел Кей. Когда он хотел, то мог сделаться высоким, как высочайшее в мире дерево. Было у него и еще свойство – внутри у него пылал жаркий огонь, и в самый сильный дождь на расстоянии вытянутой руки от него все оставалось сухим. И если его спутники страдали от холода, он согревал их лучше всякого костра.

И призвал Артур Бедуира, ибо тот не мог оставаться в стороне от похода, в котором участвовал Кей. А Бедуир был прекраснее⁴⁹⁷ всех людей этого острова, кроме Артура и Дриха, сына Кидбара⁴⁹⁸, и кроме того, хотя он был одноруким, он в бою проливал больше вражеской крови, чем трое сильнейших воинов. И еще одно свойство было

у него: рана от его копья была тяжелее девяти ран, нанесенных любим другим оружием. И Артур также призвал на поиски Киндделига Следопыта⁴⁹⁹, который мог вести их по стране, не виденной им ни разу, так же хорошо, как по своей родной. И еще он призвал Гурхира Гвальстауда Изтоэдда, который знал все языки. И призвал Гвальхмаи, сына Гвиара, который никогда не возвращался домой, не найдя того, что искал. Никто лучше его не ходил пешком и не ездил верхом, и был он племянником Артура, сыном его сестры и его двоюродным братом. И еще Артур призвал Мену, сына Тейргваэдда, который, если бы они очутились среди врагов, мог окружить их волшебным туманом так, что их бы никто не видел, а они видели всех.

И они отправились в путь и достигли обширного поля, где увидели крепость, величайшую из всех крепостей мира. И они шли к ней до самого вечера, но так и не приблизились ни на шаг. И они шли второй день и третий и наконец с большим трудом достигли ее стен⁵⁰⁰. И, подойдя к ней, они увидели огромное стадо овец, у которого не было ни конца, ни начала. Рядом, на вершине холма, увидели они одетого в шкуры пастуха, стерегущего этих овец, и его косматого пса, что был больше, чем девятилетний жеребец. А этот пес никогда не терял ни ягненка, ни взрослого барана, и никакая сила не могла убить его или обратить в бегство. Множество деревьев и кустов вокруг были дотла сожжены его огненным дыханием⁵⁰¹.

Тут Кей сказал:

– Гурхир Гвальстауд Изтоэдд, иди и поговори с этим человеком.

– Кей, – ответил тот, – я не давал клятвы идти впереди тебя.

– Тогда пойдем вместе, – сказал Кей.

Тут вмешался Мену, сын Тейргваэдда:

– Не бойтесь, ибо я наложил на пса заклятие и он не учует вас.

И они подошли к месту, где был пастух, и заговорили с ним.

– Как тебе живется, пастух? – спросили они его.

– Желаю, чтобы и вам жилось не хуже, чем мне, – ответил он.

– Значит, ты сам себе хозяин?

– Я никому не позволяю командовать мною, кроме моей жены.

– А чьих же овец ты пасешь, и кто владеет этой крепостью?

– Всему миру ведомо, что это крепость Исбаддадена, Повелителя Великанов.

– А кто же ты такой?

– Я Кустеннин⁵⁰², прозванный Неудачно Женатым, и мой брат Исбаддаден, Повелитель Великанов, притесняет меня из-за моей жены⁵⁰³. А кто вы такие?

– Мы посланцы Артура, разыскивающие Олвен, дочь Исбаддадена.

– Храни вас Бог! Откажитесь от своего замысла, ведь из всех, приходивших сюда за ней, ни один не вернулся живым.

Тут пастух встал, и когда он собирался уходить, Килух дал ему золотое кольцо. И пастух хотел надеть его на палец, но оно не налезало, поэтому он положил кольцо в свою перчатку и, вернувшись домой, отдал женщине, с которой жил. И она достала кольцо из перчатки и, осмотрев его, спросила:

– Откуда у тебя это кольцо, муж? Нечасто ты приносишь такие находки.

– Я пошел к морю за рыбой⁵⁰⁴, – сказал он, – и увидел труп, вынесенный на берег волнами, и я никогда не видел юноши прекраснее. С его пальца я и снял это кольцо.

– О муж! Раз море не приняло столь прекрасного утопленника, покажи его скорее мне.

– О жена, этого утопленника ты сможешь увидеть вечером.

– Кто же это? – спросила она.

– Это Килух, сын Килидда, сына Келиддона Вледига, от Голейдидд, дочери Анлаудда Вледига, и он пришел просить в жены Олвен.

Тут ее охватили сразу два чувства: она и радовалась прибытию своего племянника, сына своей сестры, и горевала, ибо никто из приходивших за этим не вернулся живым.

Тут они вошли в дом Кустеннина Пастуха, и она услышала это и радостно устремилась к ним, чтобы встре-

тить. Кей незаметно вытащил полено из поленницы, и, когда она хотела их обнять, он подсунул ей это полено, и она сжала его с такой силой, что оно расколосось.

– О женщина, – сказал Кей, – если бы ты сдавила так мою шею, то уже никто не смог бы обнять меня. Поистине, твоя любовь зла.

Они вошли в дом и сели отдохнуть. Когда они уселись по местам, женщина открыла каменный сундук, стоявший напротив очага, и выпустила из него кудрявого светловолосого мальчика. Гурхир спросил:

– Зачем ты прятала его туда? Неужели кто-то может желать его смерти?

И женщина ответила:

– Он последний из двадцати трех моих сыновей, и всех их убил Исбаддаден, Повелитель Великанов. И у меня не больше надежд уберечь этого, чем остальных⁵⁰⁵.

Тогда Кей сказал:

– Отпусти его с нами, и его не убьют, пока нас не убьют вместе с ним.

Они поужинали, и после женщина спросила:

– Чего вы ищете здесь?

– Мы пришли просить Олвен в жены этому юноше.

– Во имя Господа, уходите, – сказала женщина, – ибо многие приходили в крепость за этим, но никто не вернулся живым.

– Видит Бог, мы не уйдем, пока хотя бы не увидим эту деву, – сказал Кей. – Скоро ли она будет здесь, чтобы мы могли ее увидеть?

– Каждую субботу она приходит сюда мыть свою голову; и в лодке, где она моется, она каждый раз оставляет все свои украшения, но не забирает их обратно и не посылает слуг забрать их.

– Придет ли она сюда, если ты за ней поплешь?

– Бог свидетель, что я не хочу ни погубить свою душу, ни предать тех, кто доверился мне. Но если вы поклянетесь вашей верой, что не причините ей вреда, я позову ее.

– Мы клянемся в этом, – сказали они.

Тогда женщина послала за девой, и та пришла. Она была одета в платье из огненно-красного шелка, и на шее ее была гривна из червонного золота с дивными изумру-

дами и рубинами. Волосы ее были желтее цветов ракитника, кожа – белее пены волн, руки ее и пальцы – прекраснее лилий, цветущих в лесу над гладью ручья. Ни глаз обученного для охоты ястреба, ни глаз трижды линиявшего сокола⁵⁰⁶ не блестели ярче, чем ее глаза. Белее была ее грудь, чем грудь белого лебеда; краснее были ее щеки⁵⁰⁷, чем алые цветы наперстянки. И всякий, кто видел ее, тут же в нее влюблялся. Четыре цветка белого клевера расцвели в том месте, куда ступала ее нога, потому ей и дали имя Олвен*.

Она вошла в дом и села на скамью рядом с Килухом, и он узнал ее, как только увидел. И он обратился к ней:

– О дева, ты та, кого я люблю. Бежим со мной отсюда, и пусть о нас говорят, что угодно. Ведь уже давно я люблю одну тебя.

– Не могу я этого сделать. Я поклялась отцу, что не покину его без его согласия, ибо жизнь его продлится лишь до тех пор, пока я не уйду от него с моим мужем. Потому он не отпустит меня. Но я дам тебе совет – иди к отцу и проси у него моей руки. Обещай ему все, что он попросит, и ты добьешься меня. Если же ты откажешь ему в чем-нибудь, ты не получишь меня и будешь рад, если спасешь свою жизнь.

– Я пообещаю все, о чем он попросит, – сказал он.

Она пошла назад в свои покои, а они поднялись, и вошли в крепость следом за ней, и убили девять привратников у девяти ворот так, что никто из них не успел крикнуть, и девять псов так, что никто из них не залаял.

И они прошли прямо в зал и сказали:

– Именем Бога и людей приветствуем тебя, Исбаддаден, Повелитель Великанов!

– Что вам нужно? – спросил он.

– Мы пришли просить Олвен, твою дочь, в жены Килуху, сыну Килидда, сына Келиддона Вледига.

– Эй вы, бездельники-слуги и пажи! Поднимите вилы мои веки, чтобы мог я видеть своего будущего зятя!⁵⁰⁸

Так те и сделали. Посмотрев на них, он сказал:

– Приходите завтра, и я отвечу вам.

* Olwen – «белые следы» (валл.).

Они встали и пошли к выходу; и тогда Исбаддаден, Повелитель Великанов, пустил им вслед одно из трех отравленных каменных копий⁵⁰⁹, которые он держал в руке. Но Бедуир поймал копьё, и бросил назад, и поразил Исбаддадена в бедро. И он воскликнул:

– Проклятый невежа-зять! Теперь я до конца дней своих буду хромать, спускаясь с горы. Это отравленное железо жжется, как укус овода. Будь проклят кузнец, что его ковал, и наковальня, на которой оно сковано!

И эту ночь они провели в доме Кустеннина Пастуха. И наутро они поднялись, и пошли в крепость⁵¹⁰, и вошли в зал, и сказали:

– Исбаддаден, Повелитель Великанов, отдай нам твою дочь и скажи, какой выкуп⁵¹¹ хочешь ты за нее себе и своему роду. Если же ты не отдашь ее, ты умрешь.

И он сказал им:

– Еще живы четверо ее прадедов и четыре прабабки⁵¹². Я должен посоветоваться с ними.

– Что ж, – сказали они, – сделай это, пока мы обедаем.

И когда они выходили, он схватил второе каменное копьё из тех, что были у него в руке, и пустил им вслед. И Мену, сын Тейргваэдда, поймал его, и бросил назад, и поразил его в середину груди так, что оно вышло из спины.

– Проклятый невежа-зять! – воскликнул Исбаддаден. – Как укус конской пиявки, жжет меня это железо. Пусть будут прокляты печь, в которой его плавил, и кузнец, что его ковал! Теперь я не смогу подняться на гору, не почуяв боли в груди, и колик в желудке, и тошноты.

Они же пошли обедать.

И на третий день они опять пришли в крепость и сказали Исбаддадену, Повелителю Великанов:

– Не кидай в нас больше копий, если не желаешь своей смерти⁵¹³.

– Эй, слуги! – крикнул он. – Поднимите вилами мои веки над глазами, чтобы мог я видеть моего зятя!

Когда же они сделали это, Исбаддаден схватил третье отравленное каменное копьё и пустил в них, но Килух поймал его и бросил назад, и оно поразило великана прямо в глаз так, что вышло из основания шеи.

– Проклятый невежа-зять! – воскликнул он. – Теперь я до конца жизни не смогу видеть, как все люди. Когда я пойду против ветра, глаза мои начнут слезиться и пылать, и лунными ночами меня будут мучить видения. Будь проклят огонь, в котором плавил это железо! Оно жжет меня, как укус бешеной собаки.

Они же отправились обедать.

На следующий день они вновь пришли к нему и сказали:

– Перестань злоумышлять против нас, если не желаешь ран, мучений и смерти. Отдай нам свою дочь, или мы убьем тебя.

– Кому из вас нужна моя дочь?

– Мне, Килуху, сыну Килидда⁵¹⁴.

– Подойди, чтобы я мог разглядеть тебя.

И ему поставили кресло, и они уселись лицом к лицу. И спросил Исбаддаден, Повелитель Великанов:

– Значит, ты хочешь взять в жены мою дочь?

– Да, я этого хочу, – ответил Килух.

– Тогда поклянись, что исполнишь все, что я попрошу тебя сделать, чтобы получить ее.

– Клянусь, что ты получишь все, что захочешь, – сказал Килух, – говори же⁵¹⁵.

– Я скажу. Видишь ли ты тот большой холм? Я хочу, чтобы его сдвинули с места, и сровняли с землей, и распалили, и засеяли в один день, и из собранного с него урожая приготовили пищу и питье для свадебного пира. И все это нужно сделать в тот же день.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным⁵¹⁶.

– Если ты и сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Никто не сможет вспахать эту землю, кроме Аметона, сына Дон⁵¹⁷, а он не придет сюда ни по доброй воле, ни по принуждению.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Сковать плуг для этой земли может только Гованнон, сын Дон⁵¹⁸, а он не сделает этого ни для кого, кроме урожденного короля, и ты не заставишь его и не упростишь.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты и сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Только на двух серых быках Голулидда Гвинеу⁵¹⁹ под одним ярмом можно распахать эту землю, а он не даст их тебе ни по доброй воле, ни по принуждению.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Тебе придется запрячь в одно ярмо быков Желтого и Пестрого⁵²⁰.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Один из этих быков пасется по одну сторону Минидд-Банног⁵²¹, а другой – по другую, и ни одного из них тебе не удастся перевести – ведь это Нинниау и Пейбиау, которых Господь обратил в быков за их грехи⁵²².

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Видишь ли ты красную вспаханную землю? В год, когда я впервые увидел мать этой девы, там было посеяно девять мер льна, и с тех пор не возшло ни одного семени, ни белого, ни черного. Я хочу, чтобы ты собрал этот лен и соткал из него рубашку, которую моя дочь наденет в день свадьбы.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Ты должен добыть мед⁵²³ вдвоятеро крепче обычного, без воска и мертвых пчел, чтобы сделать из него напиток для свадебного пира.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Для этого напиток потребует золотая чаша Ллуира, сына Ллуириона⁵²⁴, поскольку ни один другой сосуд не выдержит его. А эту чашу он не отдаст тебе ни по доброй воле, ни по принуждению.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Мне нужен ларь, принадлежащий Гвиддно Гаранхиру⁵²⁵. Во время праздника трижды девять людей находят в нем любую пищу, какую пожелают. Я хочу есть из этого ларя в ту ночь, когда ты разделишь ложе с моей дочерью. А он не отдаст тебе его ни по доброй воле, ни по принуждению.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. В ту ночь для меня должен трубить рог Гулгауда Гододдина⁵²⁶, а его он не отдаст ни по доброй воле, ни по принуждению.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Мне понадобится и арфа Тейрту⁵²⁷, что играет и умолкает сама по себе. Ты не получишь ее ни по доброй воле, ни по принуждению.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Я хочу, чтобы птицы Рианнон, что оживляют мертвых и усыпляют живых, пели для меня в ту ночь⁵²⁸.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Потребуется добыть котел Диурнаха Ирландца, который служит Одгару, сыну Аэда, королю Ирландии, чтобы сварить еду для свадебного пира⁵²⁹.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Перед свадьбой мне нужно вымыть голову и сбрить бороду. Для этого понадобится клык Иггитирвина, Вождя кабанов⁵³⁰, а он отдаст его только вместе с головой.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Никто в мире не может снять с него голову, кроме Одгара, сына Аэдда, короля Ирландии.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Поднять этот клык может лишь Кадо, который правит трижды двадцатью областями Британии⁵³¹. Он же не покинет своих владений ни по доброй воле, ни по принуждению.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Мне нужно будет умягчить мои жесткие волосы, а это можно сделать, только смочив их кровью ведьмы Ордду, дочери Орвенн, из Пеннант-Говуд, что у пределов Аннуина⁵³².

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Эта кровь нужна мне только горячей. Во всем мире нет сосуда, в котором жидкость оставалась бы горячей, кроме кувшина Гвиддолвина Горра⁵³³, который он не отдаст тебе ни по доброй воле, ни по принуждению.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Потребуется мне и молоко, но хранить его можно лишь в горшках Риннона Рина, в которых молоко никогда не прокисает⁵³⁴. Он же не отдаст их никому ни по доброй воле, ни по принуждению.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. В целом мире нет гребня, бритвы и ножниц, что могли бы справиться с моими жесткими волосами, кроме тех, что спрятаны между ушей Турха Труйта, сына Таредда Вледига, Великого кабана⁵³⁵. Он не отдаст их тебе ни по доброй воле, ни по принуждению.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Загнать его может только Друдвин, щенок Грейта, сына Эри⁵³⁶.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. В целом мире нет поводка, способного сдержать его, кроме поводка Корса Канта Эвина⁵³⁷.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Ни один ошейник не может удержать этих собак, кроме ошейника Канастира Канллау.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Тебе понадобится цепь Килидда Канастира, чтобы прикрепить ошейник к поводку.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Лишь один охотник в мире может охотиться с этими собаками – Мабон, сын Модрон, которого забрали у матери на третий день после рождения, и с тех пор никто не знает, где он и жив он или мертв⁵³⁸.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Под Мабоном во время охоты на Турха Труйта должен скакать Гвин Мигдон, конь Гведдо, легкий, как волна⁵³⁹. А Гведдо не отдаст тебе его ни по доброй воле, ни по принуждению.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Тебе никогда не найти Мабона без помощи Эйдозла, сына Аэра⁵⁴⁰. А искать его бесполезно, поскольку он приходится Мабону двоюродным братом.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Гарселит Ирландец⁵⁴¹ – лучший в Ирландии охотник, и без него тебе не удастся загнать Турха Труйта. А он не придет к тебе ни по доброй воле, ни по принуждению.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не можешь сделать. Чтобы удержать этих собак, понадобится еще поводок, сделанный из волос Диллуса Бородача, которые нужно выдернуть из его бороды щипцами, пока он жив⁵⁴². Если он будет жив, это никому не удастся сделать, а если он умрет, его борода станет бесполезной, поскольку волосы в ней сделаются ломкими.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не можешь сделать. Нет в мире пса, что управился бы с этими собаками, кроме Киледира Уиллта, сына Хеттона Прокаженного, который вдвоятеро более дик, чем самый дикий зверь в горах⁵⁴³. Ты не сможешь поймать его и не получишь мою дочь.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не можешь сделать. Турха Труйта не удастся загнать без помощи Гвина, сына Нудда, которого Господь поставил стеречь демонов Аннуина, чтобы они не уничтожили мир⁵⁴⁴. Тебе не удастся вызволить его из преисподней.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не можешь сделать. Нет в мире коня, что мог бы скакать под Гвином на этой охоте, кроме черного коня Моро Эрведауга⁵⁴⁵.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не можешь сделать. Турха Труйта нельзя загнать, пока в охоте не примет участия Гиленнин, король франков⁵⁴⁶. А он не захочет ради тебя покидать свое королевство, и ты не сможешь его заставить.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не можешь сделать. Турха Труйта нельзя загнать без помощи сына Алуна Диведа, который должен спустить собак с поводка⁵⁴⁷.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не можешь, сделать. Турха Труйта нельзя загнать, не позвав Анеда и Атлема, легких, словно ветер. Нет зверя, которого они не смогли бы догнать⁵⁴⁸.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не можешь сделать. Только Артур со своими воинами может одолеть Турха Труйта. Но он правит королевством и не покинет его ради тебя, к тому же он послушен моей воле.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не можешь сделать. Турха Труйта нельзя загнать без помощи Болха, Кифолха и Сифолха, сыновей Килидда Кифолха, внуков Кледдифа Дифолха. Три блестящих белых – это их щиты, три тонких пронзающих – их копья, три острых режущих – их три меча. Три их пса – Глас, Глессик и Глейсад, три их коня – Калл, Куалл и Кавалл, три их жены – Хуирдидог, Дрогдидог и Ллоирдидог; три их колдуньи – Ох, Гарим и Диаспад; три их дочери – Ллухед, Невед и Эйссивед; три их служанки – Дрог, Гваэт и Гваэтаф Олл. Эти трое мужей трубят в рога, а остальные так кричат, что кажется, будто небо падает на землю⁵⁴⁹.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не можешь сделать. Турха Труйта можно убить лишь мечом Гурнаха Великана⁵⁵⁰, а он не отдаст тебе его ни по доброй воле, ни по принуждению.

– Я с легкостью сделаю это, хоть тебе это кажется трудным.

– Если ты сделаешь это, то не сможешь сделать всего

того, о чем я сказал. Разыскивая эти вещи, ты не сможешь заснуть даже на одну ночь, и все равно не отыщешь их и не получишь мою дочь.

– Я добуду и коней, и всадников для них; мой благородный родич Артур даст мне все эти вещи, и я получу твою дочь, а ты лишишься жизни.

– Иди же и не заботься ни о еде, ни об одежде для моей дочери⁵⁵¹. Добудь все эти вещи, и тогда ты получишь ее.

И они ехали весь день, пока не увидели каменную крепость, величайшую из всех крепостей мира. И глазам их предстал черный человек, выходящий из ворот крепости, что был в три раза выше любого из людей, и они спросили его:

– Откуда ты идешь?

– Из крепости, что вы видите, – отвечал он.

– А кто же ею владеет?

– Поистине, вы глупцы, если не знаете того, что знает весь мир, – этой крепостью владеет Гурнах Великан.

– А как обращаются в этой крепости с гостями и проезжими путниками? – спросили они.

– Храни вас Бог, господи! Великан никого из приходящих сюда не отпускает живым, а войти может только тот, кто владеет каким-нибудь ремеслом.

Они вошли в ворота, и Гурхир Гвальстауд Иэтоэдд спросил:

– Привратник, где ты?

– Я здесь, и ты можешь лишиться головы, если я выйду к тебе.

– Открой нам ворота.

– Я не открою их.

– Почему же ты не хочешь открыть их?

– Нож уже в мясе, и напиток в роге, и начинается пир во дворце Гурнаха Великана. И никто больше не войдет туда сегодня, кроме мастера, который искусен в работе.

Тогда Кей сказал:

– О привратник, я и есть такой мастер.

– И что ты умеешь делать?

– Я лучше всех на свете чищу мечи.

– Я пойду и скажу об этом Гурнаху Великому, а потом вернусь с его ответом.

Привратник вошел в зал, и Гурнах Великан спросил его:

– Что нового у ворот?

– Там мужи, которые хотят войти.

– Ты спросил их, что они умеют делать?

– Да, господин, – ответил он, – и один из них сказал, что умеет лучше всех в мире чистить мечи. Надобен ли он тебе?

– Долго я искал того, кто почистил бы мой меч, и не мог найти. Что ж, зови его сюда.

Привратник пошел и отворил ворота, и Кей вошел в зал и приветствовал Гурнаха Великана. Ему поставили сиденье, и Гурнах спросил его:

– Правду ли мне сказали, что ты умеешь чистить мечи?

– Да, я умею делать это лучше всех на свете, – ответил Кей.

Тогда ему принесли меч Гурнаха. Кей достал из-за пазухи точильный камень и спросил, до синего блеска чистить меч или до белого.

– Делай то, что считаешь нужным, – сказал Гурнах, – как если бы это был твой меч.

Тогда Кей начистил до блеска половину лезвия и показал свою работу Гурнаху:

– Нравится ли тебе моя работа?

– Поистине, она сделана лучше, чем я когда-либо видел. Жаль, что у тебя нет спутников.

– О господин, есть у меня один спутник, хотя он и не владеет этим искусством.

– А что он умеет?

– Вели своему привратнику впустить его, и я покажу, на что он способен, – сказал Кей. – Наконечник на его копье слетает с древка и до крови ранит ветер, а потом возвращается на свое место.

И дверь открылась, и вошел Бедуир, и Кей сказал:

– Вот Бедуир, доблестный муж, хоть он и не умеет чистить мечи.

Между теми же, кто остался снаружи, когда Кей с Бедуиром вошли внутрь, возник спор. И пришедший с ними юноша, последний сын Кустеннина Пастуха, с немногими спутниками захотел проникнуть во дворец и убить

всех, кто там находился, и они вошли внутрь, миновали три поста стражи и оказались во дворе замка. И его спутники сказали:

– Поистине, ты лучший из мужей.

С тех пор его стали звать Гореу, сын Кустеннина⁵⁵². И они прошли по всем палатам дворца и убили всех, кто там находился, так, что великан ничего не услышал.

А Кей, до блеска начистив меч, показал его Гурнаху Великану, чтобы узнать, доволен ли он работой. И великан сказал:

– Работа добрая, я доволен.

Тогда Кей сказал:

– Твой меч ржавеет от ножен. Отдай их мне, я заменю в них деревянные части.

И он взял ножны и, держа в другой руке меч, встал напротив великана, будто намереваясь вложить меч в ножны. И он нанес великану сильный удар мечом по голове и отрубил ее. Тогда они обошли всю крепость и взяли все, что хотели, из ее богатств и припасов. И ровно через год после своего отбытия они вернулись ко двору Артура с мечом Гурнаха Великана и рассказали Артуру обо всем, что с ними случилось.

И Артур спросил их:

– Какую же из этих трудных задач должны мы решить первой?

– Было бы лучше, – сказали они, – сперва отыскать Мабона, сына Модрон, найдя перед этим Эйдозла, сына Аэра.

И Артур со всем воинством Острова Британии отправился на поиски Эйдозла и встал лагерем перед Каэрглини⁵⁵³, где тот был заточен. Глини поднялся на вершину башни и спросил:

– Артур, чего ты хочешь за то, чтобы оставить меня в покое? Нет у меня никакого добра, ни пшена, ни овса, и живу я в своей крепости без радости и утешения. Незачем тебе причинять мне зло.

– Я не причиню тебе зла, – отвечал Артур, – только выдай мне своего пленника.

– Я отдам его тебе, хотя и не собирался никому отдавать, а ты прими это как знак моей верности.

Тогда люди сказали Артуру:

– Господин, возвращайся домой, ибо не к лицу тебе делать то, с чем мы сами можем справиться.

И Артур сказал:

– Гурхир Гвальстауд Иэтоэдд, отправляйся на поиски. Ты ведь знаешь все языки и понимаешь, о чем говорят птицы и звери. И ты, Эйдоэл, по праву должен помогать моим людям искать своего родича. Вы же, Кей с Бедуином, всегда исполняете все, за что беретесь. Идите же и найдите Мабона, где бы он ни был.

И они пошли прямо к Дрозду из Килгори⁵⁵⁴. И Гурхир спросил его:

– Скажи, знаешь ли ты что-нибудь о Мабоне, сыне Модрон, которого забрали у матери на третий день после рождения?

И Дрозд из Килгори сказал им:

– Когда я прилетел сюда, я был еще молод, а на этом месте стояла наковальня. Она была заброшена, и лишь я каждый вечер точил о нее свой клюв. Теперь от этой наковальни остался кусочек размером с орех, но прокляни меня Бог, если за все эти годы я хоть что-нибудь слышал о том, кого вы ищете. Но я сделаю что смогу для посланцев славного Артура. Есть ведь твари, которых Господь создал задолго до меня, и я отведу вас к ним.

И они пошли к месту, где пребывал Олень из Рединфре, и Гурхир сказал ему:

– О Олень из Рединфре, мы, посланцы Артура, пришли к тебе, ибо не знаем животного старше тебя. Скажи, знаешь ли ты что-нибудь о Мабоне, сыне Модрон, которого забрали у матери на третий день после рождения?

И Олень сказал:

– Когда я пришел сюда, лишь по одному отростку было на моих рогах, а здесь не росло ни единого дерева, кроме молодого дуба, который с тех пор разросся в дерево с сотней ветвей, и рухнул, и превратился в трухлявый пенек, и с того дня до этого я не слышал ничего о том, кого вы ищете. Но я сделаю что смогу для посланцев славного Артура. Есть тварь, созданная Господом задолго до меня, и я отведу вас к ней.

И они пошли к месту, где жила Сова из Кум-Каулуд.

– О Сова из Кум-Каулуйд, – сказали они, – мы посланцы Артура. Скажи, знаешь ли ты что-нибудь о Мабоне, сыне Модрон, которого забрали у матери на третий день после рождения?

– Если бы я знала, я сказала бы вам. Когда я появилась здесь, поле, что вы видите, было лесистой долиной, и люди пришли и вырубали лес. Потом здесь вырос другой лес и за ним третий; и за это время мои крылья иссохли, и я не могу больше летать. Ни разу с тех пор я не слышала о том, кого вы ищете. Но я сделаю что могу для посланцев славного Артура. Я отведу вас к самой древней из тварей этого мира, к Орлу из Гвернабви.

И Гурхир сказал:

– О Орел из Гвернабви, мы, посланцы Артура, пришли к тебе спросить, слышал ли ты что-нибудь о Мабоне, сыне Модрон, которого забрали у матери на третий день после рождения?

И Орел ответил:

– Давно я прилетел сюда; и когда это случилось, здесь лежал большой камень, с вершины которого я каждый вечер смотрел на звезды⁵⁵⁵. Теперь этот камень не больше кулака, и за все это время я не слышал о том, кого вы ищете. Но однажды я летал на поиски добычи в Лин-Ллиу и там вонзил когти в лосося, думая насытиться им надолго, однако он потащил меня вглубь, и мне едва удалось вырваться и улететь. Тогда я со всем своим родом прилетел туда, желая отомстить, и он послал к нам своих гонцов, чтобы заключить мир. Потом он сам пришел ко мне, и в спине его я насчитал пятьдесят торчащих острог. Если он ничего не знает о том, кого вы ищете, то этого не знает никто на свете. Я же могу только отвести вас туда, где он живет.

И они пошли туда, и Орел сказал:

– О Лосось из Лин-Ллиу, я пришел к тебе с посланцами Артура, чтобы спросить, слышал ли ты что-нибудь о Мабоне, сыне Модрон, которого забрали у матери на третий день после рождения?

И Лосось ответил:

– То, что я знаю, я скажу вам. С каждым разливом я поднимаюсь по реке до стен Глостера⁵⁵⁶, и в этом месте я ви-

жу много зла и страданий. Если двое из вас сядут мне на спину, я смогу доставить вас туда.

И Кей с Гурхиром уселись на спину Лосося и доплыли на нем до высокой стены, за которой раздавались вздохи и стоны. Гурхир спросил:

– Кто стонет в этом каменном узилище?

– Увы, это тот, у кого хватает причин стонать. Я, Мабон, сын Модрон, заключен здесь, и никто в заключении не страдал больше меня, даже Ллудд Серебряной Руки и Грейт, сын Эри⁵⁵⁷.

– А можно ли освободить тебя с помощью золота и серебра или других богатств этого мира или с помощью силы?

– То небольшое, что от меня осталось, можно освободить только силой.

И они вернулись обратно, и прибыли в место, где находился Артур, и рассказали ему о местонахождении Мабона, сына Модрон. Тогда Артур собрал войско Острова Британии и повел его на Глостер, где был заточен Мабон. Кей же с Бедуиром поплыли туда на спине лосося. Пока воины Артура осаждали крепость, Кей перебрался через стену и вынес Мабона из темницы на руках. И Артур вернулся домой, и с ним был освобожденный Мабон.

И Артур спросил:

– Какую же из этих трудных задач должны мы решить теперь?

– Теперь нам нужно отыскать двух щенят суки Рими.

– Где же они? – спросил Артур.

– Они в Абер-Деу-Кледдиф⁵⁵⁸.

И Артур пришел в дом Трингада в Абер-Деу-Кледдиф и спросил его:

– Что знаешь ты о суке Рими?

– Она видом похожа на волчицу, – сказал тот, – и живет со своими двумя щенками недалеко отсюда, в пещере. Она часто ворует мой скот.

Тогда Артур отправил часть своих людей по морю на корабле Придвен⁵⁵⁹, а прочих по суше, чтобы изловить суку, и они обложили ее со щенятами в их логове, и вернули им изначальный вид⁵⁶⁰, и привели к Артуру.

И в один из дней Гуитир, сын Грейдаула, шел через лес

и вдруг услышал жалобы и стоны. Он бросился на помощь, обнажив меч, и увидел у самой земли муравейник, охваченный огнем, и погасил огонь. И муравьи сказали ему:

– Да будет с тобой милость Божия! Мы же сделаем для тебя то, что не может сделать человек.

И они собрали с поля, которое показал Килуху Исбаддаден, девять мер льна целиком, кроме одного семени, но до наступления темноты хромой муравей успел принести и это семя.

И вот, когда Кей с Бедуиром сидели на сигнальной башне на холме Пимлиммон⁵⁶¹, они увидели на юге большой дым, поднимающийся против ветра. И Кей сказал:

– Клянусь рукой друга, это костер разбойника⁵⁶².

Они пошли туда и уже издалека увидели, что это был Диллус Бородач, который жарил кабанью тушу. Он же был свирепым разбойником и не боялся даже Артура⁵⁶³. И Бедуир спросил Кея:

– Знаешь ли ты его?

– Да, я знаю его, – ответил Кей, – это Диллус Бородач. Нет поводка, способного сдержать Друдвина, щенка Грейта, сына Эри, кроме поводка, свитого из бороды этого человека. И волосы нужно выдернуть из бороды щипцами, пока он жив, иначе они потеряют всю свою силу.

– И как же нам сделать это? – спросил Бедуир.

– Подождем, пока он съест все мясо и уснет.

И когда он уснул, они подошли к нему с щипцами наготове. И Кей вырыл рядом с ним глубочайшую в мире яму, и столкнул его туда, и засыпал землей так, что они смогли быстро выщипать ему всю бороду волосок за волоском. После этого они убили его. И они прибыли в Гэлливик в Корнуолле с поводком, свитым из бороды Диллуса Бородача, и Кей отдал его Артуру. По этому поводу Артур сложил такой энглин:

«Кей обманом добыл поводок,
одолея во сне великана,
а сразиться честно не смог»⁵⁶⁴.

За это Кей так обиделся, что стоило большого труда

помирить его с Артуром. И с тех пор ни беды Артура, ни гибель его людей не могли побудить Кея прийти к нему на помощь.

И Артур спросил:

— Какую же из этих трудных задач должны мы решить теперь?

— Теперь нам нужно отыскать Друдвина, щенка Грейта, сына Эри.

А незадолго до этого Крейддилад, дочь Ллудда Серебряной Руки, стала невестой Гуитира, сына Грейдаула, но не успел он жениться на ней, как Гвин, сын Нудда, похитил ее силой. Гуитир собрал войско и отправился биться с Гвином, сыном Нудда, и Гвин одолел его и пленил Грейта, сына Эри, и Глиннеу, Сына Грома, и Гургуста Ледлума, и Дивнарта, его сына. И он пленил также Пена, сына Нетауга, и Нейтона, и Киледира Уиллта, его сына. И он убил Нейтона, и вырвал у него сердце, и заставил Киледира съесть сердце собственного отца. И по этой причине Киледир лишился рассудка⁵⁶⁵.

И Артур, узнав обо всем этом, отправился на север и велел Гвину, сыну Нудда, предстать перед ним, и он освободил всех, кто был у него в плену, и заключил мир между Гвином, сыном Нудда, и Гуитиром, сыном Грейдаула. По их соглашению дева вернулась в дом отца, не доставшись никому, и Гвин с Гуитиром должны были биться за нее каждые календы мая до самого Судного дня; тот же из них, кто одолеет в Судный день, получит эту деву в жены. Освободив этих пленников, Артур получил Мигдона, коня Гведдо, и поводок Корса Канта Эвина. После этого Артур направился в Ллидау, взяв с собой Мабона, сына Меллта, и Гури Валлта Эурина, чтобы отыскать двух псов Глитмира Бретонца. И, найдя их, Артур отправился на запад Ирландии на поиски Гурги Севери вместе с Одгаром, сыном Аэда, королем Ирландии. Оттуда же он отправился на север и пленил там Киледира Уиллта.

И он поехал охотиться на Исгитирвина, Вождя Кабанов, и с ним был Мабон, сын Меллта, с двумя псами Глитмира Бретонца и с Друдвином, щенком Грейта, сына Эри. Сам же Артур вывел на охоту своего пса Кавалла. И первым догнал кабана Кау Британский⁵⁶⁶ на Ллам-

реи, кобыле Артура⁵⁶⁷. Он взял большой топор и, бесстрашно подскакав к кабану, разрубил его голову пополам и вырвал у него клык. Загнали же его не собаки, о которых говорил Килуху Исбаддаден, а собственный пес Артура Кавалл.

И, убив Исгитирвина, Вождя Кабанов, Артур и его спутники отправились в Гэлливик в Корнуолле. Там он послал Мену, сына Тейргваэдда, узнать, действительно ли между глаз Турха Труйта спрятаны вещи, о которых говорил великан, ибо если их нет, то сражаться с ним было бы ниже достоинства Артура. Но вещи оказались на месте, а сам Турх Труйт только что закончил опустошать третью часть Ирландии. Мену отыскал его в Эсгайр-Эрвел, что в Ирландии, и превратился в птицу, и слетел к нему на спину, и попытался выклевать спрятанные вещи, но смог выдернуть только одну щетинку. Кабан вскочил и стал отряхиваться, и яд его попал на Мену, который с тех пор болел до конца своих дней.

После этого Артур послал гонцов к Одгару, сыну Аэда, королю Ирландии, прося у него котел его сенешаля⁵⁶⁸ Диурнаха. Одгар попросил у Диурнаха его котел, но тот сказал:

– Видит Бог, любой, узнавший достоинства этого котла, отказался бы отдать его.

И посланцы Артура вернулись из Ирландии ни с чем. Тогда Артур сел на свой корабль Придвен с малым числом спутников, и прибыл в Ирландию, и вошел в дом Диурнаха. И когда они поели и выпили, Артур потребовал у него котел. Диурнах сказал:

– Если я и отдам его кому-нибудь, то только по просьбе Одгара, короля Ирландии.

Услышав отказ, Бедуир встал, и взял котел, и взвалил его на спину Хигвидда, слуги Артура, который был братом по матери Какумри, другого слуги Артура, и обязанностью его было носить котел Артура и разводить под ним огонь. А Лленлеауг Ирландец схватил меч Каледволх, взмахнул им и убил Диурнаха и многих его людей. Воины Ирландии пытались завязать бой, но Артур и его спутники убили их всех и сели на корабль, унося с собой

котел, полный ирландского золота⁵⁶⁹. И они пристали к берегу в Порт-Керддин в Диведе⁵⁷⁰ близ дома Ллуйдеу, сына Килкоэда⁵⁷¹.

И Артур созвал всех, кто мог носить оружие, с трех островов Британии и трех прилегающих островов, и из Франции, и из Бретани, и из Нормандии, и из Летней страны⁵⁷², и всех пеших копейщиков и конных воинов. И с ними он отправился в Ирландию, и там поднялась великая паника. Когда Артур высадился на берег, ирландские святые явились к нему искать защиты. Он одарил их своими милостями, и они благословили его. И люди Ирландии пришли к Артуру и принесли ему вдоволь еды и питья. Артур же отправился в Эсгайр-Эрвел, где находился Турх Труйт вместе с семьей молодыми свиньями. Впереди себя он пустил собак, и они подняли Турха Труйта, и в этот день ирландцы сражались с ним до самого вечера, и все равно он опустошил пятую часть Ирландии. На другой день с ним сражались воины Артура и не смогли его одолеть. На третий день с ним сражался сам Артур, и бился девять дней и девять ночей, но смог убить только самую маленькую свинью. Его люди спросили, что это за свинья, и Артур ответил:

– Это король, которого Господь превратил в свинью за его грехи.

И Артур послал Гурхира Гвальстауда Изтоэдда на переговоры. Гурхир обернулся птицей, и прилетел в логово кабана, и сказал ему:

– Именем Сущего⁵⁷³, кто придал тебе этот облик, если ты можешь говорить, иди и поговори с Артуром.

Ему ответил Гругин Серебряная Щетина⁵⁷⁴, у которого щетина была словно серебристые крылья, и, шел ли он по лесу или по открытому полю, он нигде не мог скрыться от чужих глаз из-за серебряного сияния. Вот что Гругин ответил:

– Мы не станем говорить с Артуром именем Сущего, ибо Он сотворил против нас зло, превратив нас в свиней, а Артур сейчас сражается с нами.

– Артуру нужны только гребень, бритва и ножницы, что спрятаны меж глаз Турха Труйта.

Гругин сказал:

– Он лишится жизни прежде, чем получит эти вещи. И следующим утром мы покинем эти места, и придем в земли Артура, и разорим их, как только сможем⁵⁷⁵.

И они вплавь направились к Уэльсу. Артур же, со всеми своими людьми, и с лошадьми, и с собаками взошел на борт Придвена. Турх Труйт вышел на берег у Порт-Клейс в Диведе⁵⁷⁶, а Артур провел ночь в Минию⁵⁷⁷, и утром вышел навстречу свиньям, и застал их избивающими скот у Кинвас-Корр. До этого же они убили все, что было живого в Деу-Кледдиф. Увидев Артура, Турх Труйт побежал к Преселеу, а Артур с войском двинулся следом. Артур разместил своих людей для охоты – Эли и Трахмира со щенком Гвейда, сына Эри, и Гвартегида, сына Кау, с двумя псами Глитмира Бретонца и Бедуира с Каваллом, псом Артура. И он расставил воинов по обе стороны реки Нивер, и туда пришли к нему три сына Кледдифа Дифолха, что стяжали славу, загнав Исгитирвина, Вождя Кабанов⁵⁷⁸. И Турх Труйт вышел из Глинн-Нивер и пришел в Кум-Кервин. Там он убил четверых воинов Артура – Гвартегида, сына Кау, и Тарауга из Аллт-Клуйда, и Рейдина, сына Эли Атвера, и Искована Хэла. И убив их, он снова вернулся к устью и там убил Гуидре, сына Артура, и Гарселита Ирландца, и Глеу, сына Искауда, и Искавина, сына Панона, и сам он был ранен. Утром следующего дня они снова настигли его, и он убил Хуандау, Гогигура и Пеннпингона, трех помощников Глеулуйда Гавалваура, и у него не осталось подручных, кроме Ллаэскенима, от которого не было никакого проку⁵⁷⁹. Там же пали и многие другие, в том числе Голиддин, старший плотник Артура. И Артур настиг Турха Труйта у Пелумиага, где тот убил Мадауга, сына Тейтиона, и Гвина, сына Трингада, и сына Неведа, и Эйриона Пеннлорана. После этого он побежал к Абер-Тиви и убил там Кинласа, сына Кинана, и Гиленнина, короля франков. Потом он побежал к Глинн-Исту, и люди с собаками потеряли его след.

Тогда Артур призвал Гвина, сына Нудда, и спросил, знает ли он что-нибудь про Турха Труйта, и тот сказал, что не знает. Тут охотники обложили свиней в Дифрин-Ллихор, и Гругин Серебряная Щетина с Ллидаугом Го-

винниадом кинулись на охотников и убили их всех, кроме одного. В это время Артур и его воины приблизились к месту, где были Гругин и Ллидауг, и спустили на них собак. И, услышав это, сам Турх Труйт прибежал к ним на помощь, и люди с собаками бросились на него, и он отступил к Минидд-Манау, где была убита Бано, одна из его свиней. И там жизнью уплатили за жизнь, ибо убили также Турха Ллавина и еще одну свинью по имени Гвис. Оттуда он пробежал к Дифрин-Аману, где пали Бано и Беннви⁵⁸⁰. И из всех свиней, кроме него, остались в живых лишь Гругин Серебряная Щетина⁵⁸¹ и Ллидауг Говинниад.

И они побежали в Ллох-Эвин, и Артур настиг их там. И в том месте они убили Эхела Вордуидтолла, и Гарвили, сына Гвидауга Гвира, и еще многих людей и собак. И оттуда они побежали в Ллох-Тиви, где Гругин Серебряная Щетина отделился от них и двинулся в Динтиви, а оттуда в Кередигион, и его преследовали Эли и Трахмир с множеством воинов. И он дошел до Гарт-Грегин и там был убит. Ллидауг же кинулся на них и убил Рудвиу Риса и еще многих. И после он побежал в Истрад-Иу, где его встретили люди Бретани. И там он убил Хира Пейссауга, короля Бретани, и Ллигадрудда Эмиса, и Гарбото Хена, дядей Артура, и братьев его матери. И там он был убит сам. Турх Труйт же бежал между Тиви и Эвиасом, а Артур поднял против него Корнуолл и Девон до самого Северна⁵⁸². И Артур сказал воинам:

– Турх Труйт убил уже многих моих людей, и я, покуда жив, не пушу его в Корнуолл. Я не стану больше гоняться за ним, но вызову его на смертный бой. Вы же делайте то, что должны.

И они решили отправить отряд всадников с собаками в Эвиас⁵⁸³, чтобы отогнать его к Северну. Там же была устроена засада храбрейших воинов, поджидавших его. И туда же отправились Мабон, сын Модрон, верхом на Гвине Мигдоне, коне Гведдо, и Гореу, сын Кустеннина, и Мену, сын Тейргваздда, и они встали между Ллин-Лливан и Абергви.

И навстречу ему вышел Артур со своими воинами, среди которых были Осла Длинного Ножа, и Манави-

дан, сын Ллира, и Какумри, слуга Артура, и Гвингелли. И они схватили Турха Труйта за ноги и столкнули его в Северн. И на одном берегу Мабон, сын Модрон, прищипорил коня и выхватил у него бритву, а на другом берегу Киледир Уиллт нагнулся и выхватил ножницы. Но прежде, чем они успели забрать у него и гребень, он нащупал ногами дно, а если он стоял на земле, ни человек, ни конь, ни пес не могли с ним совладать. И хотя он причинил уже много бед, еще больше испытали они, спасая тех двоих, кого он чуть не утопил. Когда Какумри свалился в воду, два жернова на его спине потянули его вниз, и его еле удалось вытащить. Когда же Осла бросился вслед за Турх Труйтом, его нож выпал из ножен и утонул, а ножны наполнились водой и едва не утопили его. После этого Артур и его воины кинулись вслед за кабаном в Корнуолл и перенесли еще много бедствий, пытаясь задержать его и отнять гребень. Наконец гребень был отобран у него, и его прогнали из Корнуолла и загнали в море. С тех пор о нем никто не слышал, и Анед с Атлемом пропали вместе с ним. И тогда Артур прибыл в Гэлливик в Корнуолле, чтобы омыться и отдохнуть.

И спросил Артур:

– Все ли из этих трудных задач мы решили?

Один из его людей сказал:

– Нам осталось добыть кровь ведьмы Ордду, дочери Орвенн, что живет в Пенаннт-Говуд, у пределов Аннуина.

Артур отправился на север, и пришел в место, называемое Ведьмина Пещера, и, по совету Гвина, сына Нудда, и Гуитира, сына Грейдаула, послал туда Какумри и его брата Хигвидда. Они вошли в пещеру, и ведьма набросилась на них, схватила Хигвидда за волосы и ударила оземь. Тогда Какумри схватил за волосы ее саму, но она вырвалась, и избивала их обоих, и отняла у них оружие, и вытолкала из пещеры, колотя их и царапая. И Артур разгневался, увидев такое унижение своих слуг, и захотел сам войти в пещеру. Но Гвин и Гуитир сказали ему:

– Не к лицу тебе, господин, сражаться с этой ведьмой. Пошли против нее Хира Амрена и Хира Эйдилла.

И они пошли, но если первым двоим пришлось худо,

то этим еще хуже, так что все четверо не могли идти обратно, а ехали на спине Лламреи, кобылы Артура. Тогда Артур сам бросился в пещеру и своим кинжалом Карнвенаном разрубил ведьму пополам так, что хлынувшая из нее кровь заполнила два ведра. И Кау Британский взял эти ведра и понес их.

И после этого Килух, и Гореу, сын Кустеннина, и все те, кто желал смерти Исбаддадена Повелителя Великанов, пошли к нему со всеми чудесными вещами, и Кау Британский сбрил ему бороду вместе с кожей и мясом и выколол оба его глаза⁵⁸⁴. И спросил Килух:

– Хорошо ли ты выбрит?

– Хорошо, – ответил тот.

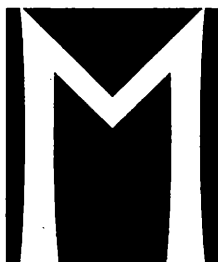
– Теперь ты отдашь мне свою дочь?

– Бери ее, – сказал тот, – и благодари не меня, а Артура, который сделал это для тебя. По своей воле я ни за что бы не отдал ее тебе. Теперь же пришло мне время расстаться с жизнью.

И Гореу, сын Кустеннина, схватил его за волосы, и отрезал голову, и насадил ее на кол от изгороди. И он завладел крепостью и всеми землями, и в ту же ночь Килух взял Олвен в жены, и она оставалась его единственной женой, пока он был жив. А воины Артура разошлись, каждый в свою страну.

Так Килух получил Олвен, дочь Исбаддадена, Повелителя Великанов.

ВИДЕНИЕ РОНАБВИ

Мадауг, сын Маредудда⁵⁸⁵, владел всем Поуисом⁵⁸⁶ от Порфордда до Гвауана в горах Арвистли. И был у него брат, чье положение было не таким высоким; и звали его Иорверт, сын Маредудда. И он сильно печалился и завидовал, видя почет, доставшийся на долю его брата. И он созвал своих друзей и родичей и держал с ними совет о том, как ему изменить свое положение, и они все вместе решили добиваться для него власти. Тогда Мадауг предложил брату должность главы войска⁵⁸⁷ и коней, и оружие, и половину своих владений. Но Иорверт отказался и стал со своими людьми совершать набеги на Англию, избивая людей, сжигая дома и уводя пленников⁵⁸⁸. По этой причине Мадауг созвал людей Поуиса на совет. И решили они набрать по сотне воинов из всех областей Поуиса, и это было сделано в самой населенной части Поуиса от Абер-Кейриог до Алликтон-Вер и далее до Рид-Вилур⁵⁸⁹. Эти три общины составляли лучшую и самую плодородную часть Поуиса, где все благородные имели земли и скот⁵⁹⁰. И всех этих людей разместили в Ниллистон-Треван⁵⁹¹.

И был среди них некий муж по имени Ронабви⁵⁹², и в один десяток с ним попали Кинориг Врихгох из Мауддвиги и Кадоган Фрас из Мэлфре, что в Киннлейте⁵⁹³. И они втроем пришли в дом Хейлина Гоха, сына Кадогана, сы-

на Иддона. Подойдя к дому, они увидели, что это старая, полуразвалившаяся лачуга, пыльная и закопченная. Войдя же внутрь, они обнаружили в полу множество дыр, и человек легко мог поскользнуться на этом полу из-за обилия коровьих лепешек и мочи; попав ногой в дыру, он по щиколотку проваливался в жидкую грязь, смешанную с навозом. Пол кое-как прикрывали сухие ветки паду-ба⁵⁹⁴, обглоданные коровами. Когда они прошли в дальнее помещение, то увидели там лежанки, грязные и вонючие, и старую ведьму, сидевшую у очага. Когда она начала замерзать, то швыряла в огонь горсть рубленой соломы, поэтому там невозможно было находиться из-за вони и едкого дыма. Рядом они увидели на полу желтую телячью кожу, и тот, кто мог улечься на нее, посчитал бы, что ему повезло.

Усевшись, они спросили старуху, где хозяйева, но она только буркнула в ответ что-то невнятное и снова замолчала. Тут в дом вошли рыжий кудрявый мужчина грубого вида с вязанкой хвороста на спине и маленькая бледная женщина с хворостом под мышкой. Хоть они и не обрадовались, завидев гостей, все же женщина разожгла для них очаг принесенным хворостом и приготовила им ужин – ячменный хлеб, сыр и молоко, разведенное водой. Пока они ели, поднялся сильный ветер и хлынул дождь, так что невозможно было выйти из хижины, и они решили лечь спать, поскольку сильно устали. Осмотрев ложе, они нашли на нем лишь охапку грязной соломы, которую даже коровы не стали есть. На соломе лежали красное покрывало, ветхое и дырявое, такая же дырявая простыня и полупустая подушка в грязной наволочке. И они легли спать, и двое спутников Ронабви сразу же уснули, хоть их и кусали блохи, а он долго ворочался, не в силах ни спать, ни бодрствовать, пока не решил, что ему будет лучше на желтой телячьей шкуре у очага. И он лег на нее и заснул.

И как только сон смежил ему глаза, на него нашло видение, что он со своими спутниками идет по долине Аргингроиг по направлению к броду Рид-и-Грос, что на берегу Северна⁵⁹⁵. И тут они услышали шум, какого никогда еще не слышали. Оглянувшись, они увидели, что за ними на гнедом коне с серыми ногами скачет светловолосый

юноша, не начавший еще брить бороду. Одет он был в кафтан из желтого атласа, затканый зеленым шелком, а на боку его висел меч с золотой рукоятью в ножнах из кордовской кожи с кожаными застежками и золотыми бляхами. Сверху на нем был плащ из желтого атласа, затканый зеленым шелком с зеленой же бахромой. И то, что было зеленым в убранстве всадника и его коня, зеленело, как иголки ели, а то, что было желтым, желтело, подобно цветам раkitника. И из-за грозного его вида они перепугались и бросились бежать.

Он погнался за ними, и, когда конь его выдохнул воздух, их отбросило вперед, а когда вдохнул – притянуло к самым его копытам. Тут они взмолились о пощаде.

– Не бойтесь, – сказал он, – я не причиню вам никакого вреда.

– О господин, раз уж ты не замышляешь против нас зла, скажи, кто ты, – попросил его Ронабви.

– Не скрою от вас своего происхождения. Я Иддауг, сын Миниу, но меня обычно зовут не по имени, а по прозвищу.

– Скажешь ли ты нам это прозвище?

– И его скажу: меня прозвали Иддауг Возмутитель Британии⁵⁹⁶.

– О господин, – спросил Ронабви, – почему же тебя так прозвали?

– Я скажу вам причину. В дни битвы при Камлане⁵⁹⁷ я был одним из посланцев от Артура к Медрауду, его племяннику. Тогда я был пылким юнцом и, желая битвы, посеял ненависть между ними. Вот как я сделал это: Артур послал меня к Медрауду с напоминанием, что он его дядя и верховный король Острова Британии, и с просьбой заключить мир, дабы не погибли сыны властителей и множество воинов, – и эти-то самые добрые и благоразумные слова я передал Медрауду в форме грубой и заносчивой; потому меня и прозвали Возмутителем Британии. Из-за этого и случилась битва при Камлане, но за три ночи до конца битвы я покинул поле и направился к Зеленой горе в Британии⁵⁹⁸, чтобы нести там покаяние. И там я каялся семь долгих лет и вымолил прощение.

Тут вдруг они услышали позади шум сильнее прежне-

го. Оглянувшись, они увидели, что за ними скачет темно-волосый юноша, безбородый и безусый, держащийся весьма горделиво. Он скакал на могучем гнедом жеребце и был одет в кафтан из красного атласа, затканый желтым шелком, и в плащ с желтой бахромой. И то, что было желтым в убранстве всадника и его коня, желтело, как цветы ракитника, а что было красным, алело, как свежая кровь. И всадник приблизился к ним и спросил Иддауга, можно ли ему увести кого-нибудь из этих маленьких людей.

– Они со мной, и ты можешь только быть их спутником, как и я, – ответил Иддауг. Тогда всадник повернулся и ускакал.

– Кто это был? – спросил Ронабви.

– Риваун Пибир, сын Деортаха Вледига⁵⁹⁹.

И они продолжали путь через долину Аргингрогг к Рид-и-Грос на Северне. И за милю до брода по сторонам дороги они увидели шатры, и навесы, и множество людей. И они подошли к броду и увидели самого Артура, восседающего на острове посреди реки, и по одну его руку сидел епископ Бедвин⁶⁰⁰, а по другую – Гвартегидд, сын Кау⁶⁰¹. Перед ними же стоял высокий юноша с каштановыми волосами, с мечом в руке, одетый в кафтан из черного, как гагат⁶⁰², атласа. И лицо его было белым, как слоновая кость, безбородым и безусым, а брови – черными, как гагат. Между рукавами его и перчатками были видны запястья, белые, как лилии, и крепкие, как лодыжка самого сильного воина. Тут Иддауг и его спутники приблизились к Артуру и приветствовали его.

– Да поможет вам Бог, – сказал Артур. – Где ты, Иддауг, отыскал этих малышей?

– Я встретил их на дороге, господин, недалеко отсюда.

И император горько улыбнулся.

– О господин, – спросил его Иддауг, – чему ты улыбаешься?

– Не улыбаюсь я, а грущу при мысли о том, что столь ничтожные люди, как эти, защищают наш остров вместо тех рыцарей, которые защищали его прежде⁶⁰³.

Тогда Иддауг спросил:

– Ронабви, видишь ли ты на руке императора кольцо с камнем?

– Да, я его вижу, – ответил он.

– Одно из свойств этого камня позволит тебе вспомнить все, что ты здесь видел, как только ты увидишь его; если же тебе не удастся его увидеть, ты никогда не вспомнишь этого.

Тут к броду подъехал конный отряд.

– Иддауг, – спросил Ронабви, – что это за люди?

– Это дружинники Ривауна Пебира, сына Деортаха Вледига. Они пьют мед и пиво, и дочерям властителей Острова Британии не запрещено любить их⁶⁰⁴. И они заслужили это тем, что во всех сражениях всегда идут впереди.

А в одежде их не было иных цветов, кроме красного цвета крови, и, когда один из всадников отделялся от прочих, он был как язык пламени, взвивающийся вверх. И они проехали через брод.

Вслед за этим они увидели другой отряд, подъезжающий к броду, и кони его были выше колен белее лилии, а ниже – чернее гагата. И впереди ехал всадник, загнавший коня в реку с такими брызгами, что вода хлынула на Артура, и на епископа, и на всех, кто был там, и они вымокли с ног до головы. Тогда юноша, стоящий рядом с Артуром, ударил коня меж ноздрей мечом в ножнах с такой силой, что, будь меч обнажен, он наверняка рассек бы ему голову до самой шеи. И всадник, наполовину вытащив свой меч из ножен, обратился к нему:

– Зачем ударил ты моего коня: чтобы оскорбить меня или чтобы дать добрый совет?⁶⁰⁵

– Поистине, ты заслуживаешь совета. Что за нужда была въезжать в реку с такими брызгами, что Артур, и святой епископ, и все приближенные оказались мокры, будто их вытащили из воды?

– Я принимаю твой совет, – сказал тот и поскакал за своим отрядом.

– Иддауг, – спросил опять Ронабви, – кто этот всадник?

– Это самый благородный и мудрый юноша этого острова, Адаон, сын Талиесина⁶⁰⁶.

– А кто же тот, что ударил его коня?

– Это самый горячий и упрямый юноша, Эльфин, сын Гвиддно⁶⁰⁷.

И тут некий муж горделивого вида молвил звучным голосом, что ему странно видеть их здесь, когда храбрейшие воины острова бьются у Бадона с Ослой Длинным Ножом⁶⁰⁸.

– Вы можете раздумывать, идти вам туда или нет, – сказал он, – я же отправляюсь туда.

– Ты говоришь справедливо, – сказал Артур, – и все мы пойдем с тобой.

– Иддауг, – спросил Ронабви, – кто этот муж, что так дерзко говорит с Артуром?

– Это тот, кто умеет говорить лучше всех – Карадауг Врейхврас, сын Ллира Марини, главный советник Артура и его двоюродный брат⁶⁰⁹.

И все громадное войско вместе с Иддаугом и Ронабви снялось с места и, сохраняя порядок, двинулось по направлению к Кевин-Диголл⁶¹⁰. И когда они выехали на середину брода через Северн, Иддауг развернул коня, и Ронабви увидел долину Северна, где у брода стояли два войска. Одно было сплошь белым, поскольку на каждом воине был белый плащ, окаймленный черным. И кони их ниже колен были черными, а выше колен – белыми. И знамена их были белыми, а их древки – черными.

– Иддауг, – спросил Ронабви, – откуда это белое войско?

– Это люди Ллихлина⁶¹¹, а возглавляет их Марх, сын Мейрхиона, двоюродный брат Артура⁶¹².

И они увидели другое войско в черных плащах, окаймленных белым. Их кони были черными выше колен, и знамена их были черными, а их древки – белыми.

– Иддауг, – спросил Ронабви, – откуда это черное войско?

– Это люди Дании, а ведет их Эдирн, сын Нудда⁶¹³.

И вот, когда они нагнали остальных, Артур со своим могучим войском уже подходил к крепости Бадон. И он услышал в войске великий шум и смятение, так что те, кто стоял в середине строя, оказались на краю, а те, кто стоял на краю, переместились на середину. И увидел он всадника в латах, захавшего в самый центр войска, и латы на нем и на его коне были белее лилии, а их сочленения – краснее крови. Он ехал прямо между воинами, и из-за него их ряды смешались.

– Иддауг, – спросил Ронабви, – от кого это бежит войско?

– Император Артур ни от кого никогда не бежит, и, по истине, ты не должен так говорить. Муж, которого ты видишь, – Кей, самый доблестный из рыцарей Артура⁶¹⁴, и те, кто в середине войска, спешат увидеть его великолепии, а те, кто на краю, разбегаются, чтобы их не растоптал его конь.

Тут они услышали, как зовут Кадора, графа Корнуолла⁶¹⁵. И он вышел с мечом Артура в руке, на котором были изображены два золотые змея. Из рта у них, когда меч вынимали из ножен, вырывались языки пламени, и нелегко было смотреть на них из-за их пугающего обличья. Тут порядок восстановился, и граф вновь вошел в шатер.

– Иддауг, – спросил Ронабви, – кто тот, что нес меч Артура?

– Это Кадор, граф Корнуолла, который подносит оружие королю перед сражениями.

И тут они услышали, как кличут Эйринвиха, сына Пейбиау, слугу Артура⁶¹⁶, а он был рыжим и безобразным, с рыжими усами и волосами, жесткими, как щетина. Он подошел к громадному рыжему коню, грива которого свисала с обеих сторон шеи, и снял с него большой узел. И рыжий юноша, стоящий подле Артура, развязал этот узел и достал из него золотой трон и ковер из узорного атласа, и расстелил ковер у ног Артура, и на каждом его углу оказалось по золотому яблоку. И он поставил на ковер трон, такой большой, что на него могли усесться трое воинов в латах. Ковер этот назывался Гвен⁶¹⁷, и одним из его свойств было то, что человек, ставший на него, делался невидим, сам же мог видеть всех и каждого. И еще было у него чудесное свойство: какого цвета он был вначале, таким оставался и после, что бы с ним ни делали.

И Артур уселся на трон, и к нему подошел Оуэн, сын Уриена⁶¹⁸.

– Оуэн, – сказал Артур, – давай сыграем в шахматы⁶¹⁹.

– Хорошо, господин, – ответил Оуэн, и рыжий слуга принес им шахматы, золотые фигуры на серебряной доске. И они начали игру. Пока они были увлечены игрой, Ронабви увидел белый шатер с красным верхом, который

венчала гагатово-черная змея с рубиновыми глазами и языком, подобным пламени. И оттуда вышел светловолосый юноша с рыжими вьющимися волосами, голубыми глазами и едва отросшей рыжей бородой, в кафтане из желтого атласа, в зеленых чулках и туфлях из лучшей кордовской кожи с золотыми пряжками. И на боку у него висел тяжелый меч в ножнах из черной кожи с рукояткой из червонного золота. Он подошел к месту, где император с Оуэном играли в шахматы, и приветствовал одного Оуэна. И Оуэн удивился, почему юноша не приветствовал императора Артура. Артур же догадался о его удивлении и сказал:

– Не удивляйся, что этот юноша не приветствовал меня. Мы уже виделись с ним сегодня, а сейчас он пришел к тебе.

И юноша обратился к Оуэну:

– О господин, знаешь ли ты, что пажи и воины императора гоняют и убивают твоих воронов?⁶²⁰ Если это делается против твоей воли, то запрети им делать это.

– Государь, – сказал Оуэн, – останови своих людей.

– Делай ход, – ответил император. Тогда юноша вернулся в свой шатер. И они закончили партию и начали новую. И вот посреди игры они увидели юношу с вьющимися каштановыми волосами, ясноглазого и сильного, который вышел из желтого шатра, увенчанного красным львом. Одет этот юноша был в кафтан из желтого атласа, спускающийся до колен и расшитый красным шелком, а на ногах у него были белые чулки и сапоги из черной кордовской кожи с золотыми пряжками. На боку его висел тяжелый меч в ножнах из красной оленьей кожи с узором из золота.

И он подошел к месту, где Артур с Оуэном играли в шахматы, и приветствовал одного Оуэна. И Оуэн удивился, что он не приветствовал Артура, но Артур так же мало был удивлен этим, как в первый раз. И юноша обратился к Оуэну:

– Господин, знаешь ли ты, что пажи императора продолжают убивать твоих воронов? Если это делается против твоей воли, то останови это.

– Государь, – сказал Оуэн, – останови своих людей.

– Делай ход, – ответил ему император. И юноша вернулся в свой шатер.

Партия закончилась, и они начали новую. И как только сделали они первый ход, Ронабви увидел желтый шатер, величайший и прекраснейший, увенчанный золотым орлом с головой, усеянной самоцветами. И из шатра вышел светловолосый юноша благородного вида в плаще из зеленого атласа, скрепленном у правого плеча золотой пряжкой толщиной со средний палец воина, в штанах из белой ткани и в туфлях из лучшей кордовской кожи с золотыми пряжками. Румян был этот юноша, с глазами зоркими, как у ястреба, и в руке он держал тяжелое копье с острым наконечником, к которому прикреплен был стяг.

И юноша с видом встревоженным и озабоченным подошел к месту, где император с Оуэном играли в шахматы, и приветствовал Оуэна, и сказал ему, что его лучшие вороны убиты, а прочие изранены так, что не в силах взмахнуть крыльями.

– Государь, – сказал Оуэн, – останови своих людей.

– Делай ход, – ответил Артур. Тогда Оуэн сказал юноше:

– Ступай туда и водрузи мой стяг, и пусть будет, как угодно Господу.

И юноша отправился туда, где кипела битва с воронами, и воздвиг стяг Оуэна, и там, где он его поднял, вороны взмыли вверх, оправившись от слабости и вздымая ветер своими крыльями. И они собрали все свои силы и обрушились на людей, гнавших их. И одним они вырывали глаза, другим отрывали уши, или руки, или головы, и буря поднялась от их победного полета, а люди на земле пришли в великое смятение.

И Артур с Оуэном, сидящие за шахматной доской, удивились, услышав шум. И, оглянувшись, они увидели всадника, скачущего к ним на взмыленном коне необычной масти, который выше колен был ярко-красным, а ниже колен желтым. И всадник, и конь были закованы в тяжелые доспехи⁶²¹ иноземной работы, спереди ярко-красные, а сзади – желтые. На поясе у всадника висел меч с золотой рукоятью в синих ножнах с украшениями из жел-

той испанской меди. Пояс же для меча был сделан из гагато-черной кожи с позолотой в виде креста и с застежкой из слоновой кости. На голове у всадника был шлем с драгоценными камнями, и с верхушки шлема скалился золотой леопард с рубинами вместо глаз, внушающий ужас самым храбрым воинам не менее, чем грозное лицо всадника. В руке всадник держал копье с синим древком, длинное и крепкое, окрашенное в алый цвет, покрытое алой кровью воронов и их перьями.

И всадник приблизился к месту, где сидели Артур с Оуэном. И увидели они, что он обессилен, но кипит гневом. И он приветствовал Артура и поведал ему, что вороны Оуэна убивают его пажей и воинов. Тогда Артур сказал Оуэну:

– Останови своих воронов.

– Делай ход, государь, – ответил Оуэн. И они продолжали играть. Всадник же поскакал назад, так и не получив ответа.

И они играли еще какое-то время и услышали великий шум и крики людей, и карканье воронов, которые взмывали вверх с людьми в когтях и бросали их вниз так, что те разбивались о землю. И оттуда к ним прискакал всадник на взмыленном коне светло-серой масти, ноги которого до копыт были гагато-черными. И всадник, и конь были закованы в зеленые доспехи, а на всаднике был плащ из желтого атласа, расшитый зеленым. Попона у коня была черной с золотой каймой. На поясе у всадника висел тяжелый меч в ножнах из красной кожи, пояс же был сделан из кожи оленя с золотым узором и с застежкой из моржового клыка с черным язычком. На голове его был золотой шлем с сапфиром, наделенный волшебной силой; с верхушки его скалился огненно-золотой лев с красным языком, торчащим из пасти на целый фут, и с рубиновыми глазами. В руке всадник держал копье с ясеневым древком и серебряным наконечником, сплошь покрытое кровью и перьями воронов. И он приблизился и приветствовал Артура.

– Государь! – сказал он. – Много твоих пажей, и воинов, и сыновей знатных родов Острова Британии погибло, и нелегко будет теперь защитить этот остров от врагов.

– Оуэн, – сказал Артур, – останови своих воронов.

– Делай ход, государь, – ответил Оуэн.

И они закончили партию и начали новую. И когда играли, то слышали великий шум, и крики людей, и карканье воронов, которые вздымали людей вверх вместе с конями и разбивали их о землю. И они увидели всадника на горделивом пегом коне, левая нога которого была ярко-красной, а правая нога до копыт – снежно-белой. И всадник, и конь были закованы в желтые латы из испанской меди, а на всаднике был черно-белый плащ, расшитый пурпуром. На поясе у всадника висел меч с золотой рукоятью, пояс же был из желтой кожи с застежкой из моржового клыка с черным язычком. На голове его был шлем из желтой меди с хрустальным камнем; на верхушке его восседал грифон с самоцветами вместо глаз. В руке он держал ясеневое копьё с круглым лазурным древком, серебряный наконечник которого был покрыт свежей кровью. И он приблизился и сказал:

– Вороны истребили уже почти всех воинов и сыновей знатных родов этого острова.

И он снова взмолился, чтобы Оуэн остановил своих воронов.

Тогда Артур повелел Оуэну остановить его воронов и так сдавил золотые фигурки, стоящие на доске, что они превратились в труху. И Оуэн велел Гору, сыну Регеда⁶²², опустить копьё со стягом. После этого все стихло, и воцарилось спокойствие. И Ронабви спросил Иддауга, кто были те трое, что просили Оуэна остановить убийство его воронов.

– То были люди Оуэна, – ответил Иддауг, – Селиф, сын Кинлана, и Гугаун Гледифридд, и Гор, сын Регеда, который несет его стяг во время битвы⁶²³.

– А кто же те трое, – опять спросил Ронабви, – что просили Артура остановить истребление его людей?

– Это лучшие и достойнейшие мужи, – ответил Иддауг, – Блатаон, сын Морхета⁶²⁴, и Риваун Пебир, сын Дортаха Вледига, и Хевейдд Унленн.

И в это время к Артуру прибыли двадцать четыре рыцаря от Ослы Длинного Ножа, прося перемирия сроком на полтора месяца, и Артур встал и созвал совет. И он по-

шел туда, где сидел высокий юноша с каштановыми волосами⁶²⁵. И туда же пришли епископ Бедвин, и Гвартегидд, сын Кау, и Марх, сын Мейрхиона, и Карадауг Врейхврас, и Гвальхмай, сын Гвиара, и Эдирн, сын Нудда, и Риваун Пебир, сын Деортаха Вледига, и Риоган, сын короля Ирландии, и Гвенвинвин, сын Нау, и Хоуэл, сын Эмира Ллидау⁶²⁶, и Гвилим, сын короля франков, и Данед, сын Ота, и Гореу, сын Кустеннина, и Мабон, сын Модрон⁶²⁷, и Передур Длинного копья⁶²⁸, и Хевейдд Унленн, и Турх, сын Перифа, и Нерт, сын Кадарна, и Гобруи, сын Эхела Вордуидтолла, и Гвейр, сын Гвестела, и Кадви, сын Герайнта, и Тристан, сын Таллуха⁶²⁹, и Мориев Минауг, и Гранвен, сын Ллира⁶³⁰, и Ллахеу, сын Артура⁶³¹, и Ллауродедд Варвауг⁶³², и Кадор, граф Корнуолла, и Морвран, сын Тегиды, и Риаудд, сын Морганта, и Девир, сын Алуна Диведа, и Гурхир Гвальстауд Изтоэдд, и Адаон, сын Талиесина, и Ллара, сын Каснара Вледига, и Флеудор Флам, и Грейдиал Галлдовид, и Гилберт, сын Кадгифро, и Мену, сын Тейргваэдда, и Гуртмол Вледиг⁶³³, и Каурдау, сын Карадауга Врейхвраса, и Гильдас, сын Кау⁶³⁴, и Кадириэйт, сын Сайди⁶³⁵, и мужи из Ллихлина и Дании, и мужи из Греции, и множество других собрались на совет.

– Иддауг, – спросил Ронабви, – кто этот юноша с каштановыми волосами, к которому все они пошли?

– Это Рин, сын Мэлгона Гвинедда, чье положение таково, что каждый должен советоваться с ним.

– А почему среди всех этих достойных мужей вижу я юного Кадириэйтга, сына Сайди?

– Потому что нет во всей Британии человека, который мог бы дать лучший совет.

И тут барды начали петь славу Артуру, но в их песнях не понял ни слова никто, кроме Кадириэйтга, сына Сайди. И тут пришли двадцать четыре осла, нагруженных золотом и серебром, ведомые человеком, сказавшим, что это дань Артуру с островов Греции. И Кадириэйт, сын Сайди, сказал, что нужно заключить мир с Ослой Длинным Ножом на полтора месяца, а привезенное золото отдать бардам, чтобы они за это весь месяц пели оды. На том и порешили.

– Смотри, Ронабви, – сказал Иддауг, – не разумные ли советы дает этот юноша?

И тут встал Кей и объявил:

– Те, кто хочет, пусть следуют с Артуром в Корнуолл, а те, кто не хочет, не заслужат его приязни.

И среди поднявшегося после шума и гомона Ронабви проснулся и обнаружил, что лежит на желтой телячьей шкуре, где он проспал три дня и три ночи.

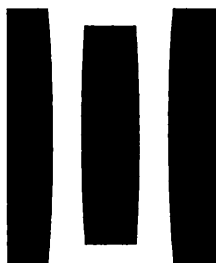
И эта история зовется Видением Ронабви. И никто, ни бард, ни сказитель⁶³⁶, не может истолковать это Видение, не обращаясь к старинным книгам, ибо полны значения все описанные в нем цвета коней, и оружия, и одежды, и драгоценных тканей, и камней с чудесными свойствами⁶³⁷.

РЫЦАРИ АРТУРА

ОУЭН, ИЛИ ХОЗЯИКА ИСТОЧНИКА ⁶³⁸

днажды, когда император Артур⁶³⁹ пребывал в Каэрлеоне⁶⁴⁰, он сидел в своих покоях, и с ним были Оуэн, сын Уриена⁶⁴¹ и Кинон, сын Клиддно⁶⁴², и Кей, сын Кинира⁶⁴³, и Гвенвивар с ее служанками, которые вышивали, сидя у окна. Что до привратника, который охранял ворота дворца Артура, то его тогда не было. За привратника был сам Глеулуйд Гаваэлваур⁶⁴⁴, который встречал гостей и проезжих путников, и воздавал им честь, и рассказывал о порядках и обычаях двора, и указывал дорогу тем, кто хотел пройти в зал или в покои. Император Артур восседал посреди своих покоев на ложе из зеленого тростника⁶⁴⁵, покрытом оранжевой атласной тканью, а под локтем его покоилась подушка из красного атласа.

И Артур сказал:

– Друзья мои, не сочтите за неуважение, но я пойду посплю, пока готовится ужин, вы же развлекайте друг друга беседой, а Кей даст вам еду⁶⁴⁶ и мед.

И император удалился. Тогда Кинон, сын Клиддно, попросил у Кея то, что обещал Артур.

– Он обещал, что я услышу занимательный рассказ, – сказал Кей.

– Друг мой, – сказал ему Кинон, – принеси сперва то,

что обещал Артур, а мы расскажем тебе самую занимательную историю из всех, что ты слышал.

И Кей пошел на кухню и принес им кувшин меда, и золотые кубки, и золотое блюдо с жареным мясом, и они поели мяса и выпили меду.

– Теперь, – сказал Кей, – оплатите мне занимательной историей.

– Кинон, – сказал Оуэн, – расскажи Кею свою историю.

– По правде говоря, – возразил Кинон, – ты старше меня и видел больше разных чудес, поэтому лучше было бы тебе что-нибудь рассказать.

– Но сначала поведай нам о самом удивительном, что случилось с тобой.

– Я расскажу, – сказал тогда Кинон. – Я был единственным сыном у своих отца и матери, и вырос гордым и своенравным, и думал, что никто в мире не справится со мной. Превзойдя в подвигах всех в моем краю, я снарядился и отправился в отдаленную и дикую часть света⁶⁴⁷. И я достиг прекраснейшей долины, где росли деревья одинаковой высоты⁶⁴⁸, и в той долине текла река и рядом с ней проходила дорога. И я ехал этой дорогой до полудня и выехал на обширное поле, на котором увидел большую и богато украшенную крепость, стоящую у самого моря.

И я направился к этой крепости и увидел там двух золотоволосых юношей с золотыми обручами на голове, в кафтанах из желтого атласа и в сапогах из новой кордовской кожи с золотыми пряжками. В руках у них были луки из слоновой кости с тетивой из оленьих жил и стрелами из моржового клыка⁶⁴⁹, оперенными перьями павлина. У ножей их были золотые лезвия и рукоятки из моржового клыка, и они забавлялись тем, что метали ножи в цель. И невдалеке я увидел светловолосого кудрявого мужа, еще не старого годами, с аккуратно подстриженной бородой, и он был одет в кафтан из желтого атласа и такой же плащ, завязанный на шее золотой лентой, и обут в сапоги из крапчатой кордовской кожи с золотыми пряжками.

И, увидев его, я подошел к нему с почтительным приветствием, но он оказался так любезен, что приветствовал меня первым. И мы с ним пошли в крепость, которая оказалась пустой, и лишь в главном зале сидели двадцать че-

тыре прекрасные девы, вышивающие на атласе. И мне показалось, Кей, что самая невзрачная из них прекраснее любой из виденных мною дам Острова Британии. Самая же прекрасная из них была прекраснее даже Гвенвивар, жены Артура, нарядившейся к пасхальной обедне⁶⁵⁰. И они встали и приветствовали меня, и шесть из них увели моего коня и сняли с меня сапоги, и шесть других взяли мое оружие и доспехи и начистили их так, что они заблестели, как новые⁶⁵¹. И другие шесть накрыли стол и приготовили еду, в то время как еще шесть сняли с меня запыленное дорожное платье и дали мне рубаху и штаны из тонкого батиста, и кафтан, и плащ из желтого атласа с широкой золотой каймой. И они усадили меня на красные батистовые подушки. Те же шестеро, что взяли моего коня, почистили его и накормили, словно лучшие конюхи Острова Британии. И они принесли серебряные кувшины с водой и полотняные полотенца, белые и зеленые, чтобы я омылся. И муж, пришедший со мною вместе, сел за стол, и я вслед за ним, и то же сделали все девы, кроме тех, что нам прислуживали.

Стол же был серебряным, а скатерть из полотна, и вся посуда на нем была сделана из золота, или из серебра, или из рога буйвола. И клянусь, что я ел много разных яств и пил много вин, но никогда не ел ничего вкуснее того, что подавали мне там, и не видел ничего приготовленного лучше. И мы ели и пили, и за это время ни юноша, ни девы не сказали мне ни единого слова. Когда же пришло время беседы, юноша спросил меня, кто я такой и куда держу путь. И я удивился, что он так долго ждал, чтобы задать этот вопрос. «О господин, – сказал он, – я мог бы спросить и раньше, но это помешало бы тебе утолить голод. Теперь же мы можем поговорить».

И я рассказал ему, кто я и какова цель моего путешествия и сказал, что ищу того, кто мог бы одолеть меня. И юноша взглянул на меня, и улыбнулся, и сказал: «Да не обидит это тебя, но я знаю того, кто способен тебя одолеть». И я весьма взволновался, и юноша, заметив это, сказал: «Если хочешь, я укажу тебе дорогу к нему. Заночуй здесь, а утром поднимайся и иди по дороге, ведущей вверх в долину, пока не войдешь в лес. И в лесу ты уви-

дишь тропинку, уходящую вправо. Сверни на нее, и ты достигнешь поляны, на которой возвышается холм, и на его вершине ты увидишь черного человека ростом с двух обычных людей. У него одна нога и один глаз на лбу, и в руке он держит железный посох, что не могут поднять два самых сильных силача. Он неприветлив и груб и служит лесничим⁶⁵² в этом лесу, и вокруг него собирается множество диких зверей. Спроси у него дорогу, и, хоть он и будет груб с тобой, но скажет, куда тебе идти, чтобы найти того, кто тебя одолеет».

И эта ночь показалась мне долгой, и утром я встал, и оделся, и оседлал коня, и направился к лесу, и достиг поляны. И на ней я увидел великое множество диких зверей и черного человека на вершине холма. И хоть юноша и говорил, что он велик, но на самом деле он оказался еще больше. И железный посох его, который, по словам юноши, поднимали двое, показался мне ношей для четверых. И черный человек говорил со мной грубо и нехотя, однако ответил на все мои вопросы. Я спросил его, какую власть он имеет над всеми этими зверями. «Я покажу тебе, человек», – ответил он. И он взял свой посох и ударил им оленя так, что тот закричал, и на этот крик сбежались все дикие звери, бесчисленные, как звезды на небе, и я оказался в самой их гуще. Там были змеи, и львы, и ехидны⁶⁵³, и все виды тварей. И он оглядел их и велел подойти к нему, и они склонились перед ним, как вассалы перед своим господином. И после черный человек сказал мне: «Видишь, человек, какую власть я имею над этими зверями?» И я спросил у него дорогу, и он, хоть и с той же грубостью, указал мне путь к месту, куда я хотел попасть.

Он узнал, кто я и чего ищу, и сказал мне: «Иди до края поляны и поднимись на холм до самой вершины и оттуда увидишь обширную долину, в центре которой растет высокое дерево, листья которого зеленее самой яркой зелени. И под деревом ты увидишь источник⁶⁵⁴, окруженный мраморной кромкой⁶⁵⁵, на которой стоит серебряная чаша, прикованная серебряной цепочкой, чтобы ее нельзя было унести. Возьми чашу в руки и плесни из нее водой на мрамор. И тогда ты услышишь гром, как будто небо рушится на землю, и потом начнется дождь и поднимет-

ся буря, такая, что тебе нелегко будет выдержать ее⁶⁵⁶. И на дереве после этой бури не останется ни единого листка, и прилетит стая птиц, и усядется на ветвях дерева, и запоет песни, прекраснее которых ты никогда не слышал. И вот, когда ты забудешь обо всем, кроме этого пения, по долине разнесется стон, и ты увидишь рыцаря на вороном коне, в плаще из черного шелка, с черным вымпелом на копье. Он быстро помчится к тебе, и если ты побежишь, он убьет тебя, если же ты не повернешь коня и дождешься его, он сохранит тебе жизнь. И если ты не испытаешь страха там, ты уже ничего не будешь бояться всю оставшуюся жизнь».

И я выехал на тропинку и поднялся на вершину холма, откуда увидел все то, о чем говорил черный человек. И я подъехал к дереву и нашел там источник, и мраморную кромку, и серебряную чашу, прикованную цепочкой. И я взял чашу, наполнил ее водой из источника и вылил на плиту. Тут же раздался грохот, еще более сильный, чем описывал черный человек, и разразилась ужасная буря. И я уверен, Кей, что ни человек, ни зверь не смогли бы спастись от этой бури, ибо град пробивал кожу и мясо и доходил до костей. Я повернул коня к ветру задом, и заслонил его голову щитом, и набросил себе на голову плащ⁶⁵⁷; и так с большим трудом я переждал бурю, хотя жизнь едва не покинула меня. И я увидел, что на дереве не осталось ни единого листка, и прилетели птицы, и уселись на ветки, и запели. И я клянусь тебе, Кей, что ни до, ни после того я не слышал столь дивного пения. И вот, когда я был очарован и забыл обо всем на свете, по долине пронесся громкий стон и некий голос воззвал ко мне. «О господин, – сказал он, – какое зло я причинил тебе, что ты обошелся со мной столь жестоко? Знаешь ли ты, что вызванный тобою град не оставил в живых ни человека, ни зверя в моих владениях?»

И тут я увидел скачущего ко мне рыцаря на вороном коне, в плаще из черного шелка, с черным вымпелом на копье. И я бросился на него, но, как отчаянно я ни бился, вскоре он сбросил меня на землю. И он зацепил копьём повод моего коня и ускакал вместе с ним, оставив меня лежать там и даже не оказав мне чести взять у меня оружие

и доспехи. И я побрел назад той же дорогой, какой пришел. На поляне меня встретил черный человек, и я клянусь тебе, Кей, что едва не сгорел со стыда из-за унижения, какому подверг меня черный рыцарь. И я вернулся в крепость, где ночевал накануне, и в этот раз ее обитатели были еще любезнее со мной, и я пировал и беседовал с юношами и девами. И никто не спрашивал меня о том, что случилось у источника, и я никому не стал об этом говорить. И там я заночевал, а на следующее утро, когда я встал, меня дожидался гнедой конь с ноздрями ярко-красными, как сырая печень. И я, взяв свое оружие и попрощавшись, отправился домой. Вот этот конь, и клянусь, Кей, что я не променяю его на самого лучшего коня Острова Британии. Но я никому еще не рассказывал той истории, что рассказал сейчас тебе, и никому не показывал того места, хотя оно находится во владениях императора Артура.

– А не отправиться ли нам на поиски этого места? – спросил Оуэн.

– Не говорит ли твой язык, Оуэн, того, чего не желает твое сердце? – спросил Кей.

– Видит Бог, – сказала ему Гвенвивар, – зря ты, Кей, говоришь такое столь доблестному мужу, как Оуэн.

– Клянусь рукой друга, милостивая госпожа, – сказал Кей, – я люблю Оуэна не менее всех вас.

Тут Артур проснулся и спросил, долго ли он спал.

– О господин, – сказал Оуэн, – ты проспал совсем недолго.

– Не пора ли нам садиться за стол?

– Пора, господин, – сказал Оуэн. И император со всеми прочими омыли руки и сели за стол. И пока они ели, Оуэн встал, и пошел в свои покои, и приготовил коня и оружие для похода.

И наутро он взял оружие, сел на своего коня и поехал в отдаленную часть света, к пустынным горам. И наконец он отыскал там долину, про которую говорил Кинон, и проехал через нее берегом реки, и увидел крепость, и приблизился к ней. И там он увидел юношей, мечущих ножи в цель, и светловолосого мужа, владельца крепости. И когда Оуэн подъехал, чтобы приветствовать его, тот при-

ветствовал его первым и провел в крепость. И Оуэн увидел там зал, и в зале в золотых креслах сидели девы, вышивающие на атласе. И они оказались еще прекраснее, чем говорил Кинон, и приняли Оуэна так же радушно, и ему еще более понравились яства, и питье, и посуда, чем Кинону.

И светловолосый хозяин спросил Оуэна, куда он едет. И Оуэн сказал:

– Я еду, чтобы одолеть рыцаря, который сторожит источник.

И хозяин улыбнулся и сказал, что не хочет отговаривать его, как прежде не отговаривал Кинона. И после этого они пошли спать. И наутро девы приготовили Оуэну коня, и он поехал прямо, пока не достиг поляны, где сидел черный человек. Оуэн еще более поразился его виду, чем Кинон, и спросил у него дорогу, и тот указал ее. И Оуэн поехал той же дорогой, что и Кинон, пока не оказался возле зеленого дерева. И там он увидел источник, и мраморную кромку, и чашу на ней. И Оуэн взял чашу, набрал в нее воды и вылил на плиту. И грянул гром, и поднялась буря, еще более сильная, чем описывал Кинон. Когда же она кончилась и небо прояснилось, Оуэн взглянул на дерево и не увидел на нем ни единого листка. И прилетели птицы, и уселись на ветвях, и запели. И когда Оуэн слушал их пение, он увидел рыцаря, скачущего к нему, и вступил с ним в бой. И они сломали свои копья и обнажили мечи, и Оуэн ударил рыцаря мечом по шлему и рассек ему шлем, подшлемник, кожу и кость так, что меч достиг мозга. И черный рыцарь увидел, что рана его смертельна, и повернул коня, и ускакал. И Оуэн поехал за ним, ибо он не хотел его добивать, но не хотел и упустить. Вскоре он увидел большую и величественную крепость и направился к ее воротам, в которые заехал черный рыцарь. Когда Оуэн хотел последовать за ним, решетка ворот упала прямо на коня Оуэна, разрубив его пополам вместе с седлом и стременами.

И половина коня осталась снаружи, а Оуэн на другой половине оказался заперт между двух ворот, ибо внутренние ворота были закрыты, и он не мог пройти ни вперед, ни назад. И через решетку он увидел улицу и дома по

обеим ее сторонам и еще увидел деву с золотым обручем на вьющихся золотых волосах⁶⁵⁸, в платье из желтого атласа и в туфлях из крапчатой кордовской кожи. И она подошла к воротам и попросила его открыть их.

– Видит Бог, госпожа, – сказал Оуэн, – я не могу открыть для тебя эти ворота, пока ты не откроешь их для меня.

– Поистине жаль, – сказала дева, – что я не могу выпустить тебя отсюда, поскольку никогда еще я не видела мужа, более любезного моему сердцу. Любой женщине ты мог стать и лучшим другом, и лучшим возлюбленным. Поэтому я сделаю для тебя все, что смогу сделать. Возьми это кольцо, надень его на палец и приложи этот палец к камню позади тебя, и пока ты будешь держать его так, ты останешься невидимым⁶⁵⁹. И когда они придут, чтобы убить тебя в отместку за смерть того человека, то не найдут тебя, а я буду ждать в стороне, и ты увидишь меня, хоть я и не смогу тебя разглядеть. Подойди и положи мне руку на плечо, и я узнаю тебя и выведу отсюда.

С этими словами она ушла, а Оуэн сделал все, как она сказала.

И вот люди крепости пришли, чтобы убить Оуэна, но не нашли ничего, кроме разрубленного пополам коня, и были весьма удивлены. Оуэн же подошел к деве и положил ей руку на плечо, и она тут же встала и пошла, и он пошел за ней, и она подвела его к входу в роскошные покои и отперла дверь, и они вошли и заперли дверь за собой. И Оуэн оглядел покои и увидел, что все они обильно расписаны яркими красками и украшены резьбой⁶⁶⁰. И дева разожгла очаг, и принесла серебряный кувшин с водой и полотенце из белого батиста, и дала Оуэну умыться⁶⁶¹, и поставила серебряный столик с узорами из золота, и накрыла его желтой полотняной скатертью, и приготовила обед. И Оуэну показалось, что он никогда не ел еды вкуснее, чем эта, и нигде не видел такого обилия изысканных яств и напитков и такого множества посуды, сделанной из золота и серебра.

И Оуэн ел и пил, пока не стемнело, и вдруг услышал в крепости сильный шум, и спросил деву, что это.

– Это причащают хозяина крепости, – ответила она.

И Оуэн пошел спать, и ложе, что постлала ему дева, было не хуже ложа самого Артура, ибо она убрала его алым атласом, и сандалом⁶⁶², и батистом. И среди ночи вдруг послышались стоны и рыдания.

– Что это такое? – спросил Оуэн.

– Хозяин крепости умер, – ответила дева, и через некоторое время они услышали плач множества людей. И Оуэн спросил, что это, и дева ответила:

– Хозяина крепости несут отпевать в церковь.

Тогда Оуэн встал, и оделся, и распахнул окно палаты, и взглянул на крепость, и не увидел конца и края толпы, что заполняла улицу, и там были вооруженные мужчины, и женщины, и монахи со всего города. И ему показалось, что небо расколосось от стенаний, и от плача, и от церковного пения. В середине же толпы стоял гроб, накрытый белой тканью, и вокруг горели восковые свечи, и у гроба не было человека менее знатного, чем барон⁶⁶³. И Оуэну показалось, что он никогда не видел сборища людей, одетых богаче, чем эти люди в шелках и атласе. И среди них увидел он золотоволосую даму с волосами, распущенными по плечам, с лицом, расцарапанным в кровь, и в изодранном богатом платье из желтого атласа, на ногах же у нее были туфли из лучшей кордовской кожи. Так сильно сжала она руки, что кровь текла из-под ногтей; и Оуэн никогда не видел дамы прекрасней, чем она. И ее плач и стенания заглушали плач всех других и даже звуки труб.

И, едва увидев даму, он воспылал к ней любовью и спросил деву, кто она.

– Всякий знает, – ответила дева, – что это прекраснейшая из женщин, самая благородная, и самая знатная, и самая мудрая – моя госпожа, прозванная Хозяйкой Источника⁶⁶⁴, и ты вчера убил ее мужа.

– Видит Бог, – сказал Оуэн, – я люблю ее.

– Бог свидетель, – сказала дева, – что она никогда не полюбит тебя за то, что ты ей сделал.

И дева встала, и разожгла очаг, и налила воду из кадки в кувшин, и взяла белое льняное полотенце, и подогрела воду, и вымыла Оуэну голову. Потом она открыла шкатулку, и достала оттуда золотую бритву с рукояткой

из слоновой кости, и обрила ему бороду, и вытерла лицо и шею полотенцем. И она встала и подала ему обед, и Оуэн опять подумал, что никогда не ел обеда вкуснее, чем этот. И когда он поел, дева приготовила для него постель.

– Отдыхай, – сказала она, – а я пока пойду тебя сватать.

И Оуэн уснул, она же заперла дверь в покои, а сама отправилась в крепость. И там она застала печаль и смятение; и госпожа ее не выходила из покоев, не желая никого видеть в своей печали. Тогда Линет сама вошла и приветствовала ее, но госпожа даже не ответила. Тогда дева обиделась и спросила:

– Что стряслось с тобой, что ты не желаешь со мной говорить?

– Линет, – ответила та, – нет у тебя сострадания к моему горю! Я возвысила тебя, а ты отплатила мне неблагодарностью и не хочешь разделить со мной мою печаль. Увы тебе!

– По правде говоря, – сказала Линет, – ты ведешь себя неразумно. Было бы лучше для тебя перестать печалиться и поскорее найти себе другого мужа. Ведь этого все равно не вернуть.

– Клянусь Богом, – сказала Хозяйка, – ни один мужчина в мире не заменит мне моего господина.

– Ошибаешься, – возразила Линет. – Есть мужчины не хуже его, а даже лучше.

– Клянусь Богом, – воскликнула Хозяйка, – не по душе мне предавать тебя смерти, ведь я вырастила тебя, но своими злыми речами ты вынудишь меня это сделать. Иди и не заставляй меня прогонять тебя.

– Я рада, – сказала Линет, – что у тебя нет другой причины прогнать меня, кроме того, что я служила твоему счастью, пусть и без спроса. Пускай беда постигнет ту из нас, что сделает первый шаг к примирению. Я не буду искать встречи с тобой, и ты меня не зови.

И с этими словами она собралась уходить, но Хозяйка встала, и пошла следом за ней, и на пороге кашлянула. Линет обернулась, и Хозяйка поманила ее назад.

– Видит Бог, – сказала Хозяйка, – ты предлагаешь не-

доброе, но коль уж ты видишь в этом выгоду, растолкуй мне ее.

– С охотой, госпожа, – сказала Линет. – Ты знаешь, что только сила и доблесть способны отстоять твои владения. Поэтому тебе нужно как можно скорее найти самого сильного и доблестного мужа.

– Как же это сделать? – спросила Хозяйка.

– Я скажу тебе. Нельзя сберечь твои владения, не охраняя источник. Охранять же его может только кто-нибудь из рыцарей Артура. И я отправлюсь ко двору Артура, – сказала Линет, – и клянусь, что приведу оттуда рыцаря, который сможет охранять источник столь же доблестно, как и тот, кто охранял его раньше.

– Поистине, это нелегко, – сказала Хозяйка, – но иди и сделай так, как обещаешь.

И Линет ушла будто бы ко двору Артура, а сама пошла в покои, где заперла Оуэна. И там она пробыла вместе с ним столько времени, сколько нужно было для того, чтобы добраться до двора Артура и вернуться обратно. И тогда она оделась и отправилась к Хозяйке, и та возрадовалась, увидев ее.

– С какими новостями ты вернулась? – спросила она.

– Поистине, госпожа, с самыми хорошими, – ответила Линет, – я выполнила то, что обещала. Желает ли ты видеть рыцаря, что пришел со мной?

– Приведи его завтра, – сказала Хозяйка, – а за это время я подготовлю ему встречу.

И в середине следующего дня Оуэн надел кафтан и плащ из желтого атласа с широкой золотой каймой и сапоги из крапчатой кордовской кожи с пряжками в виде золотых львов, и они с Линет вошли в покои Хозяйки. И та внимательно посмотрела на Оуэна.

– Линет, – сказала она, – непохоже, чтобы этот рыцарь проделал долгий путь.

– Ну и что с того, госпожа?

– Клянусь Богом, – сказала Хозяйка, – не кто иной, как он, лишил жизни моего господина.

– Это и лучше для тебя, госпожа, – сказала Линет, – значит, он не слабее, чем был твой муж. Забудь прошлое и подумай о будущем.

– Идите, – сказала Хозяйка, – я должна созвать совет.

И она на следующий день созвала всех своих людей и сказала им, что ее владения остались без защиты и что отстоять их можно лишь силой и доблестью. «И потому выбирайте: взять меня в жены кому-нибудь из вас или отдать чужеземцу, который сможет защитить меня». И они решили отдать ее чужеземцу. Тогда она призвала к себе епископа и архиепископа, и они обвенчали ее с Оуэном⁶⁶⁵, и все ее люди принесли Оуэну клятву верности. И Оуэн охранял источник копьём и мечом и всех рыцарей, приходивших туда, повергал наземь и брал с них полный выкуп, и слава о нем разнеслась среди людей его владений, и не было человека, которого они бы любили больше. И так прошло три года.

И в один из дней Гвальхмаи⁶⁶⁶ гулял вместе с императором Артуром и увидел, что тот крайне опечален. И Гвальхмаи встревожился, увидев Артура в такой печали, и спросил его:

– Государь, что с тобою?

– Клянусь Богом, Гвальхмаи, – ответил Артур, – я тоскую по Оуэну, который пропал вот уже три года назад, и если на четвертый год я не увижу его, то моя душа расстанется с телом. И мне ведомо, что Оуэн покинул нас из-за рассказа Кинона, сына Клиддно.

– О государь, – сказал Гвальхмаи, – ты можешь призвать своих рыцарей к оружию, чтобы они могли отомстить за смерть Оуэна, если он убит, или освободить его, если он томится в плену, или отыскать его, если он жив и здоров.

Так они и сделали, и Артур со своими рыцарями отправился на поиски. А было их три тысячи, не считая тех, кто ехал в обозе. Вел их Кинон, сын Клиддно, и они пришли в крепость, где побывал Кинон; и когда они туда пришли, юноши стояли там же, бросая ножи в цель, и светловолосый муж так же наблюдал за ними. Увидев Артура, он приветствовал его и пригласил войти, и Артур принял приглашение, и они вошли в крепость. И хотя их было много, они свободно разместились в той крепости, и девы приветствовали их, и все пиры, на которых они бывали, померкли в сравнении с пиром, что устроили им

девы; и даже сам Артур не видел при своем дворе таких пиров.

На другой день Артур утром встал, и снарядился в дорогу, и взял с собою Кинона. И они добрались до места, где сидел черный человек, и Артур подивился его обличью. И вот они спустились с холма, и подъехали прямо к зеленому дереву, и увидели там источник, и мрамор, и чашу. Тут Кей приблизился к Артуру и сказал ему:

– Государь, я знаю причину нашего похода; позволь же мне вылить воду из чаши, и посмотрим, что из этого выйдет.

И Кей выплеснул воду из чаши, и тут же раздался гром, и поднялась буря, сильнее которой они никогда не видели, и многие спутники Артура были убиты градом. Когда же буря улеглась, и небо прояснилось, они взглянули на дерево и не увидели на нем ни единого листка. И прилетели птицы, и уселись на ветки, и запели, и им показалось, что они никогда не слышали более сладостного пения. И тут они увидели рыцаря на вороном коне в черных латах, который стремительно мчался на них. И Кей встретился с ним и сразился, и через короткое время был повергнут на землю. Затем рыцарь ускакал, а Артур со всеми людьми вернулся в лагерь.

И, приехав туда на следующее утро, они застали там того же рыцаря с боевым вымпелом на копье. И Кей обратился к Артуру:

– Государь, вчера я потерпел неудачу, и не позволишь ли ты мне снова сразиться с этим рыцарем?

– Хорошо, – сказал Артур. И Кей опять вступил в бой с рыцарем, и тот сразу же поверг его наземь и ударил по голове древком копья так, что рассек шлем, подшлемник, кожу и мясо до кости. И Кей едва смог вернуться к своим спутникам.

И воины Артура каждый день один за другим выходили на бой с этим рыцарем, пока он не одолел всех, кроме самого Артура и Гвальхмаи. И Артур сам собрался биться с рыцарем.

– Господин, – сказал Гвальхмаи, – позволь мне первому сразиться с ним.

И Артур разрешил ему, и он выехал на поединок в ат-

ласном одеянии, которое прислала ему дочь графа Анжу⁶⁶⁷, так что никто из рыцарей не узнал его. И они съехались и бились до конца дня, и никто из них не смог одержать верх. И на следующий день они бились острыми копьями⁶⁶⁸, и опять никто не одержал победы. И на третий день они снова съехались, вооруженные копьями, бились до середины дня, и наносили друг другу такие удары, что у обоих лопнули подпруги, и они свалились с коней. Тогда они поднялись, и обнажили мечи, и вновь стали биться. И всем, кто их видел, показалось, что никогда еще они не встречали мужей такой мощи и доблести. Когда же спустились сумерки, они продолжали биться при свете искр, высекаемых их мечами. Наконец рыцарь нанес Гвальхмаи удар, сбивший шлем с его лица, и узнал его. И Оуэн сказал:

– О Гвальхмаи, я не узнал тебя из-за этой одежды, хоть ты и мой родич⁶⁶⁹. Возьми же мой меч и мои доспехи.

– Нет, Оуэн, – возразил Гвальхмаи, – ты победил, поэтому возьми мой меч.

И Артур, увидев это, подошел к ним.

– Государь, – сказал ему Гвальхмаи, – Оуэн победил меня и не хочет взять мое оружие.

– Нет, государь, – сказал Оуэн, – это он не хочет принять мой меч, хотя победа досталась ему.

– Дайте ваши мечи мне, – промолвил Артур, – ибо никто из вас не одержал победы.

Тогда Оуэн обнял императора Артура, и они приветствовали друг друга, и все рыцари подошли к ним, толкаясь, чтобы поскорее обнять Оуэна, и в этой давке многие едва не лишились жизни. И эту ночь они провели в лагере, а наутро император Артур собрался уезжать.

– Государь, – сказал Оуэн, – не делай этого. Три года назад я оставил тебя и теперь живу здесь. И все это время я готовился к встрече с тобой, ибо знал, что когда-нибудь ты захочешь повидать меня. Пойдем со мной, чтобы и ты, и твои люди могли отдохнуть и смыть дорожную пыль.

И все они двинулись в крепость Хозяйки Источника, и три месяца длился пир, устроенный для них после трех лет подготовки. И никогда они не видели пира лучшего, чем

этот. Наконец Артур решил вернуться и попросил Хозяйку отпустить Оуэна с ним на три месяца, чтобы мог он навестить друзей и родных на Острове Британии, и Хозяйка согласилась, хотя на сердце у нее было тяжело.

И Оуэн поехал с Артуром, и встретился со своими друзьями и родичами, и провел там три года вместо трех месяцев. И вот однажды, когда Оуэн пировал при дворе императора Артура в Каэрлеоне, к ним подъехала дева на гнедой лошади с завитой кольцами гривой, спускающейся до земли. Одета она была в платье из желтого атласа, а уздечка и седло лошади были сделаны из чистого золота. И она подошла к Оуэну и сняла с его пальца кольцо.

– Будь проклят⁶⁷⁰, лжец и предатель! – сказала она ему, повернула лошадь и ускакала. Тут Оуэн вспомнил о своей жене, и опечалился, и, закончив трапезу, удалился в свои покои, и не мог уснуть всю ночь.

Наутро же он поднялся и поехал не ко двору Артура, а в отдаленные части света и пустынные горы. И там он скитался до тех пор, пока одежда его не износилась, тело высохло, и весь он оброс волосами⁶⁷¹. И он жил среди диких зверей и приручал их, пока они не привыкли к нему. Наконец он ослабел так, что не мог уже там находиться, и тогда он спустился в долину и увидел там прекраснейший в мире сад, которым владела вдовствующая графиня. И вот графиня со своими служанками вышла на прогулку в сад, и они углубились в него и увидели существо, едва напоминающее человека, слабое и больное, и подступили к нему с заботой и жалостью. Увидев, что он до предела истощен, графиня вернулась в дом, и взяла сосуд с целебной мазью⁶⁷², и дала его одной из служанок.

– Иди, – велела она ей, – и возьми коня и одежду, и натри этой мазью грудь человеку, который лежит там. Если он еще жив, то он непременно поправится. Оставь рядом с ним коня и одежду и посмотри, что будет дальше.

И служанка пошла, и вылила всю мазь на грудь Оуэну, и оставила ему коня и одежду, а потом отошла и принялась наблюдать за ним. Через некоторое время она увидела, что он пошевелил рукой, и встал, и оглядел себя, и устыдился, увидев, сколь жалкое зрелище он из себя представляет. Потом он подошел к коню и отвязал от

седла приготовленную для него одежду. И он надел ее и с трудом взобрался на коня. Тогда дева вышла и приветствовала его, и он был рад, увидев ее, и спросил, в чьих владениях он находится.

– По правде говоря, – ответила она, – этим садом владеет вдовствующая графиня. Когда ее муж умер, то оставил ей два графства, но все, кроме этого дворца, отнял у нее молодой граф, ее сосед, после того, как она отказалась стать его женой.

– Поистине, это прискорбно, – сказал Оуэн, и дева отвела его в его покои, и разожгла очаг, и вышла.

И она пришла к графине и отдала ей пустой сосуд.

– Скажи мне, – спросила графиня, – всю ли мазь ты истратила?

– Да, госпожа, – ответила служанка.

– Жаль мне истратить на сто сорок фунтов⁶⁷³ превосходной мази на человека, которого я вижу впервые. Но ухаживай за ним хорошенько, и пусть он ни в чем не нуждается.

И служанка ухаживала за ним, и готовила для него еду, и питье, и постель, и баню, пока он не выздоровел, и стригла его волосы. И так продолжалось три месяца, пока кожа его не стала такой же белой, как раньше. И однажды он услышал в доме шум и великий переполох и увидел, как несут оружие.

– Что это за шум? – спросил он служанку.

– Это граф, о котором я тебе говорила, пришел с большим войском, чтобы погубить мою госпожу.

Тогда Оуэн спросил ее:

– Найдутся ли у графини конь и оружие?

– У нее лучшие кони и оружие в мире, – ответила она.

– Попроси у нее коня и оружие для меня, чтобы мог я выйти против этого войска.

– С радостью, – сказала служанка, и пошла к графине, и передала ей этот разговор. Графиня в ответ рассмеялась.

– Клянусь Богом, – сказала она, – я дам ему лучших коня и оружие, какие он когда-либо имел, но мне жаль, что все это достанется моим врагам, ибо ему ни за что не одолеть их.

И ему привели превосходного вороного коня из Гаскони и принесли седло, и оружие, и доспехи. И Оуэн снаряжился, и оседлал коня, и выехал в поле вместе с двумя пажами. И они подъехали к войску, у которого не было видно ни начала, ни конца, и Оуэн спросил пажей, где находится сам граф.

– Он там, где подняты четыре золоченых стяга, – ответили они, – два впереди него и два позади.

– Хорошо, – сказал Оуэн, – возвращайтесь и ждите меня у ворот.

Они вернулись, а Оуэн ворвался в гущу войска, и достиг графа, и выхватил его из седла, и бросил на своего коня, и вместе с ним подъехал к воротам дома, где ждали его пажи. И они вошли в дом, и Оуэн бросил графа к ногам графини и сказал ей:

– Вот тебе награда за чудесную мазь, которой ты вылечила меня.

Тогда войско графа отступило от дворца графини, и граф вернул ей два графства в обмен на свою жизнь, а за свою свободу он отдал ей половину собственных владений и все свое золото, и серебро, и драгоценности, не считая заложников. Оуэн же собрался уезжать, хотя графиня предложила ему взять ее в жены вместе со всеми владениями, и направился в пустынные горы в отдаленных краях.

И по пути он услышал среди леса громкий рев, и другой, и третий. И он устремился на этот крик и увидел в лесу высокий холм с серым камнем на вершине, а в камне была трещина, и в нее провалился белый⁶⁷⁴ лев, вокруг которого обвилась змея. И когда лев пытался выбраться, змея жалила его, и он ревел от боли. Тут Оуэн выхватил меч и, взобравшись на холм, ударил змею мечом так, что разрубил ее пополам. И он вытер меч и вернулся к своему коню, когда увидел, что лев следует за ним и бегаёт вокруг него, словно борзая. И так они путешествовали весь день до вечера. И когда пришло время ночлега, Оуэн спешился и пустил лошадь на поляну пастись, а сам развел костер, и, пока он собирал топливо, лев исчез и вернулся с большой косулей. Он положил ее к ногам Оуэна, а сам улегся у огня; и Оуэн взял косулю, и освежевал ее, и стал жарить, а половину мяса отдал льву⁶⁷⁵.

И в это время невдалеке он услышал жалобный стон, и другой, и третий. И Оуэн спросил, кто это стонет – человек или демон.

– Человек, – ответил ему голос.

– И кто же ты? – спросил он, и голос сказал:

– Я заточена здесь из-за рыцаря, которого привела от двора императора Артура, чтобы стал он мужем моей госпожи. И он краткое время жил с ней, а после ушел назад к Артуру и не вернулся. Я же любила его больше всех на свете, и вот двое злых пажей моей госпожи стали при мне поносить его, называя предателем и лжецом. Тогда я сказала, что они вдвоем не стоят его одного. И они заточили меня здесь и сказали, что мне не выйти отсюда живой, если он не придет и не освободит меня до назначенного ими дня. До этого дня осталось двое суток, и я не знаю, где он. Имя же его – Оуэн, сын Уриена.

И когда мясо было готово, он разделил его с Линет, и они поели и после этого проговорили до утра. Наутро Оуэн спросил, может ли он отыскать поблизости еду и ночлег.

– Да, господин, – сказала она, – поезжай по этой дороге через реку, и там ты увидишь большую крепость. Граф, что ею владеет, с радостью даст тебе лучшие в мире еду и кров.

И никто никогда не охранял своего господина так верно и бдительно, как лев охранял Оуэна той ночью.

И Оуэн снаряжился, и поехал по дороге, пока не увидел крепость, и вошел в нее. И его встретили с почетом, и взяли его коня, и подали ему лучшую еду. Лев же улегся у стойла коня, так что никто из людей крепости не мог к нему подойти. И Оуэн подумал, что нигде его не принимали лучше, чем в этом месте, но все его жители были так печальны, будто их ждала скорая смерть. И вот они сели за стол, и по другую – дочь графа, дева, красотой превосходившая всех, кого видел Оуэн. Лев лежал у ног Оуэна под столом, и он бросал ему по куску от каждого блюда. И Оуэн удивился, что эти люди опечалены, и вот за едой граф обратился к нему.

– Долго же ты ждал времени заговорить, – сказал ему Оуэн.

– Господин, не ты так опечалил нас, но случившееся с нами горе.

– Что же это? – спросил Оуэн.

– У меня двое сыновей, и вчера они отправились в горы охотиться, и злодей, что живет там и пожирает людей, убил их слуг и унес моих сыновей. И он назначил день, когда я должен отдать ему эту деву, иначе он убьет моих сыновей у меня на глазах. И хотя по обличью это человек, но ростом великан.

– Поистине это печально, – сказал Оуэн. – Что же ты думаешь делать?

– Видит Бог, – сказал граф, – не знаю, что хуже для меня: отдать ему на смерть моих сыновей, чтобы он растерзал их у меня на глазах, или отдать мою дочь ему на позор и поругание.

И они заговорили о другом, а потом пошли спать. И утром их разбудил сильный шум; это пришел великан и принес с собой сыновей графа. И граф поднялся на стену, чтобы увидеть своих сыновей. Оуэн же вооружился и вышел против великана вместе со львом. И, увидев это, тот бросился на него, и они стали биться. И лев сражался с великаном даже храбрее, чем Оуэн. Тогда великан сказал:

– Если бы не твой зверь, я бы легко одолел тебя.

Поэтому Оуэн завел льва в крепость, и запер за ним ворота, и опять стал сражаться. И лев сидел там, пока не увидел, что Оуэн слабеет; и тогда он вбежал в покои графа, оттуда прыгнул на стену, а со стены вниз. И он ударил великана лапой и разорвал ему грудь пополам так, что сердце вывалилось наружу, и великан упал замертво.

И Оуэн вернул графу его сыновей, и граф пригласил его в гости, но Оуэн отказался и поехал прямо туда, где томилась Линет. И там он увидел разожженный костер и двух темноволосых юношей, которые намеревались бросить деву в этот костер. И он спросил, в чем она провинилась перед ними. Они же рассказали о их споре с ней и закончили так:

– И вот Оуэн не пришел к ней, и мы сейчас предадим ее смерти.

– По правде говоря, – сказал Оуэн, – я знаю его как достойного рыцаря, и мне странно, что он не пришел спасти ее. Но, если вы согласитесь, я сражусь с вами вместо него.

– Мы согласны, и пусть Бог нас рассудит, – сказали они и напали на него с оружием, пытаясь убить. Тогда лев кинулся на помощь Оуэну, и они вдвоем стали теснить юношей, и те сказали:

– Господин, мы сражаемся с тобой, а не с этим зверем, и без него мы легко одолели бы тебя.

Поэтому Оуэн отвел льва туда, где была заточена дева, и завалил вход камнем; сам же опять стал сражаться. Но он еще не оправился после боя с великаном, и пажи начали одолевать его. Лев же долго метался, и в конце концов отвалил камень, и побежал к ним, и мгновенно умертвил обоих юношей. И так они спасли Линет от неминуемой смерти.

И после Оуэн и Линет отправились к Хозяйке Источника, и, когда они приехали туда, он увез графиню с собой ко двору Артура, и она оставалась его женой, пока он был жив. И после этого он поехал во владения Черного Лиходея⁶⁷⁶, чтобы сразиться с ним, и лев не оставил Оуэна и в этот раз. И во дворце Черного Лиходея он увидел зал, где сидели двадцать четыре дамы, самые прекрасные из всех, каких он когда-либо видел, со скорбными и печальными лицами и в жалких платьях, которые не стоили и двадцати четырех монет⁶⁷⁷. И Оуэн спросил, из-за чего они так опечалены, и они ответили, что все они жены графов и явились сюда вместе со своими мужьями.

– И вот когда мы пришли, нас приняли с величайшим почетом, и накормили, и напоили допьяна. И, пока мы спали, пришел тот демон, что владеет этим дворцом, и убил наших мужей, и забрал их коней, и одежду, и золото, и серебро, и бросил их тела в этом дворце непогребенными среди множества других. Это и есть причина нашей печали, а теперь мы печалимся еще и о тебе, поскольку тебе не избежать их участи.

И Оуэн в гневе вышел из дворца и увидел рыцаря, который приблизился к нему и радушно его приветствовал. И он понял, что это и есть Черный Лиходей.

– Видит Бог, – сказал Оуэн, – что я не ищу твоей дружбы.

– Бог видит и то, – сказал тот, – что тебе никуда от нее не деться.

И они без промедления бросились друг на друга и стали биться, и Оуэн сбросил его с коня и прижал к земле. И Черный Лиходей запросил пощады и сказал ему:

– Господин мой Оуэн, ты пришел, чтобы одолеть меня, и тебе это удалось. Я многим причинил зло, и дом мой был обителью греха, но если ты сохранишь мне жизнь, я превращу свой дом в госпиталь⁶⁷⁸ для старых и больных, до тех пор пока буду жив, во спасение своей души.

И Оуэн отпустил его и провел ночь в его дворце. И на следующий день он вывел из дворца двадцать четыре дамы, и взял их коней, и одежду, и все, чем они владели, и с ними вместе отправился ко двору Артура, и Артур был рад его приезду еще больше, чем раньше. И тем из дам, кто пожелал остаться у него при дворе, Артур разрешил остаться, а тем, кто пожелал уйти, позволил уйти.

И с тех пор Оуэн был предводителем рыцарей императора Артура, пока не вернулся в свои владения. И ему служили три сотни воронов Кинверхина⁶⁷⁹, и с ними Оуэн побеждал всех, с кем ему приходилось сражаться. И на этом кончается история о Хозяйке Источника.

ПЕРЕДУР, СЫН ЭВРАУКА

граф Эвраук владел землями Севера⁶⁸⁰, и было у него семь сыновей. И большую часть времени Эвраук проводил не в своих владениях, но на турнирах, в войнах и битвах⁶⁸¹. Как это часто случается с любителями подобных занятий, однажды он был убит вместе с шестью своими сыновьями. Седьмого его сына звали Передур⁶⁸²; он был самым млад-

шим и потому не отправился в поход. Иначе и его бы убили вместе с отцом и братьями.

Мать его была женщиной благоразумной и осмотрительной, и ее весьма беспокоила судьба единственного оставшегося в живых сына. Поэтому она решила отослать его в глухое и отдаленное место, где никто не жил, и там с ним не было никого, кроме женщин, детей и убеленных сединами старцев, не способных к войне. И никто из них в присутствии мальчика не смел даже упомянуть о конях или оружии, чтобы он ничего не узнал об этом. Мальчик же каждый день убегал в лесную чащу играть и стрелять из лука. И однажды он увидел, что к стаду коз, принадлежащих его матери, подошли две оленихи. И он удивился, что у них нет рогов, и решил, что эти козы заблудились в лесу и обломали рога о деревья. И со всех ног он пустился бежать за оленихами, пока не загнал их в сарай для коз на опушке леса, недалеко от его дома. И Передур пришел к матери.

– Матушка, – сказал он, – странную вещь я видел. Две твои козы заблудились и обломали себе рога, и они бегают так быстро, что я с трудом догнал их.

Тогда все встали, и пошли посмотреть на коз, и увидели, что это оленихи, и весьма поразились тому, что мальчик смог их догнать.

В один из дней увидели они трех всадников, едущих по дороге вдоль леса. Вот кто были эти всадники: Гвальхмаи, сын Гвиара, Гвейр, сын Гвистила⁶⁸³, и Оуэн, сын Уриена. Странствовали же они в поисках рыцаря, что разрезал золотые яблоки при дворе Артура⁶⁸⁴.

– Матушка, – спросил Передур, – скажи, кто это там?

– Это ангелы, сын мой⁶⁸⁵, – ответила она.

– По правде говоря, – сказал Передур, – мне тоже хотелось бы стать ангелом и отправиться с ними.

И он вышел к ним на дорогу.

– Скажи, друг мой, – спросил его Оуэн, – не видел ли ты здесь рыцаря нынче или вчера?

– Я не знаю, что такое рыцарь, – сказал Передур.

– Это такой же человек, как я, – сказал ему Оуэн.

– Что ж, если ты ответишь на мои вопросы, то я отвечу на твою.

– Я с радостью отвечу тебе, – сказал Оуэн.

– Что это? – спросил тогда Передур, указывая на седло.

– Это седло, – ответил Оуэн.

И так Передур узнал названия всего, что было на людях и конях, и назначение всех этих вещей. Тогда он сказал им:

– Действительно, я видел нечто похожее на то, о чем вы спрашиваете. Поезжайте, и я поеду вслед за вами и стану рыцарем.

После этого Передур вернулся к матери и сказал ей:

– Матушка, это не ангелы, а славные⁶⁸⁶ рыцари.

Услышав это, мать его лишилась чувств, а Передур пошел прямо туда, где были привязаны лошади, что привозили им пищу и питье из населенных мест. И он выбрал тощую серую в яблоках лошаденку, что показалась ему самой крепкой, и водрузил на нее мешок, сложенный в виде седла, и соорудил из веревок подобие сбруи, какую он видел на конях рыцарей. И потом он пошел к матери, которая тем временем очнулась.

– Теперь ты хочешь покинуть меня, сын мой? – спросила она.

– Да, если ты позволишь, матушка.

– Подожди немного и выслушай мои наказы.

– С радостью, – сказал он, – только говори побыстрее.

– Поезжай ко двору Артура, – сказала она ему, – ибо там собрались лучшие мужи, благороднейшие и храбрейшие. Если ты увидишь по пути храм Божий, остановись и помолись. Если увидишь еду и питье, в которых нуждаешься, возьми их, коль это не нарушит приличий. Если услышишь крик о помощи, особенно женский, иди и помоги. Если увидишь драгоценную вещь, возьми ее и отдай бедняку; так ты заслужишь уважение. Если увидишь красавицу, служи ей, даже если она того не хочет; так ты прославишься как благородный муж⁶⁸⁷.

Выслушав это, Передур сел на своего коня, и взял заточенную рогатину, и отправился в путь. Два дня и две ночи ехал он по глухому лесу без еды и без питья. И вот он увидел в лесу дивную поляну, и на поляне стоял шатер; он подумал, что это храм, и помолился. После этого он подошел к шатру, и поднял полог, и увидел у самого входа золотое кресло, в котором сидела прекрасная дева с каштановыми волосами, перехваченными золотым обручем с самоцветами, и на пальце у нее был большой золотой перстень. И Передур спешил и вошел в шатер, и дева радушно приветствовала его. В шатре он увидел стол, и на столе два кувшина с вином, и две ковриги белого хлеба, и жареное мясо.

– Моя матушка, – сказал Передур, – наказывала мне брать еду и питье там, где я их увижу.

– Бери все, что тебе нужно, господин, – сказала дева, и Передур подошел к столу и взял половину еды и вина, оставив другую половину деве. Поев, он преклонил колени перед девой и сказал:

– Моя матушка наказывала мне взять драгоценную вещь, если я ее увижу.

– Возьми ее, господин, – сказала дева, – я не откажу тебе, – и Передур снял с ее пальца перстень, поднялся с колен, поцеловал деву и поехал дальше.

И тут вернулся рыцарь, что владел шатром, а звали

его Рыцарь Поляны. И, увидев следы копыт, он спросил деву:

– Скажи, кто был здесь в мое отсутствие?

– Муж, который вел себя странно, – ответила она и описала, как Передур выглядел и что делал.

– Скажи мне, – спросил он тогда, – не учинил ли он над тобой какого-либо насилия?

– Да нет, – ответила она, – ничего плохого он со мной не сотворил.

– Клянусь, я не верю тебе, – воскликнул он, – и пока я не отыщу его и не отомщу за свое бесчестье, я не вернусь под одну крышу с тобой.

И рыцарь вскочил на коня и отправился искать Передура.

А Передур тем временем ехал ко двору Артура, но раньше его туда явился другой рыцарь и прошел прямо в зал, где были Артур со своими людьми и Гвенвивар с ее служанками. И паж двора подавал Гвенвивар золотой кубок с вином. Тут рыцарь подошел к Гвенвивар, вырвал у нее из рук кубок, и выплеснул вино ей на лицо и грудь⁶⁸⁸, и ударил ее по щеке, и после этого сказал:

– Если среди вас найдется смельчак, который заберет у меня этот кубок и отомстит за обиду Гвенвивар, то я буду ждать его в поле⁶⁸⁹.

И он сел на коня и выехал в поле; они же все потупили взоры, ибо не могли отомстить за обиду Гвенвивар этому рыцарю, искусному в чарах и колдовстве.

И тут Передур подъехал к воротам на своей костлявой лошаденке, отдал золотое кольцо привратнику, впустившему его, и вошел в зал, среди пышности которого он выглядел весьма странно и нелепо. В середине зала стоял Кей, и Передур спросил у него:

– Скажи, где мне найти Артура?

– Что тебе нужно от Артура? – спросил Кей.

– Моя матушка велела мне отправиться ко двору Артура, чтобы стать славным рыцарем.

– По правде говоря, – сказал Кей, – негоже с такими конем и оружием являться ко двору Артура.

После этого Передура обступили пажи, которые стали всячески задирать и дразнить его, радуясь такому развле-

чению. Тут подошел карлик⁶⁹⁰, который вместе с женой своей карлицей пришел за год до того ко двору Артура и попросил приюта. И за весь этот год они оба не сказали никому ни единого слова. Теперь же карлик, увидев Передура, вдруг воскликнул:

– Благослови тебя Бог, славный Передур, сын Эвраука, начальник воинов и цвет рыцарства!

– Поистине странно, – сказал Кей, – что ты целый год молчал, словно немой, когда вокруг тебя были Артур и его славные рыцари, а с этим бродягой говоришь и величаешь его начальником воинов и цветом рыцарства!

И он ударил карлика в ухо так, что тот свалился без чувств.

Тут вошла карлица и тоже воскликнула:

– Благослови тебя Бог, славный Передур, сын Эвраука, начальник воинов и цвет рыцарства!

– Ах ты, негодная карлица, – сказал Кей, – ты год прожила при дворе Артура, не перемолвившись ни с кем и словом, а сегодня вдруг заговорила с этим бродягой!

И он пнул ее так, что она упала без сознания.

– Эй, Верзила⁶⁹¹, – спросил тут Передур, – покажешь ты мне, наконец, Артура?

– Брось молот чепуху! – прикрикнул на него Кей. – Иди в поле, где ждет тебя рыцарь, сбей его с коня, забери у него кубок и возьми себе его коня и оружие – вот тогда ты заслужишь звание рыцаря.

– Ладно, Верзила, – сказал Передур, – я пойду и сделаю это.

И он повернул коня и поехал в поле. Когда он приехал туда, там восседал на коне рыцарь, гордый и уверенный в своей непобедимости.

– Эй ты, – спросил его рыцарь, – не видел ли ты какого-нибудь рыцаря, желающего сразиться со мной?

– Там был Верзила, – сказал Передур, – и он послал меня сбить тебя с коня и забрать у тебя кубок, коня и оружие.

– Замолчи, – сказал рыцарь, – лучше поезжай назад и скажи Артуру, чтобы он сам или кто другой выходили сражаться со мной, да побыстрее, иначе я не стану их ждать.

– Да нет, – сказал Передур, – я действительно хочу забрать у тебя коня, оружие и кубок, добровольно или силой.

Тогда рыцарь в гневе замахнулся и со всех сил ударил Передура по шее древком копья.

– Э, брат, – сказал Передур, – слуги моей матери не так играли со мной. Сейчас покажу тебе, как надо бить, – и он ткнул рыцаря рогатиной в глаз с такой силой, что она вышла из основания шеи, и рыцарь упал на землю мертвым.

– По правде говоря, – сказал тем временем Оуэн, сын Уриена, – ты, Кей, зло подшутил над этим простаком⁶⁹², послав его против рыцаря. Ведь с ним произошло одно из двух: либо он убит, либо пленен. Если рыцарь взял его в плен, то он признал его за рыцаря, равного по чести, и мы должны выкупить его. Если же он убит, то мы должны похоронить его, поскольку грех его смерти лежит и на нас. И я клянусь, что не вернусь сюда, пока не узнаю, что с ним случилось.

И Оуэн поехал в поле и увидел там Передура, волокущего за собой тело рыцаря.

– Что ты делаешь с ним? – спросил Оуэн.

– Хочу снять с него эти железки⁶⁹³, – ответил Передур. – По-моему, они ему больше не понадобятся.

Тогда Оуэн снял с убитого доспехи и оружие.

– Друг мой, вот тебе конь и оружие лучше, чем были у тебя, – сказал он Передуру. – Бери их и пойдем к Артуру, где тебя прославят как самого доблестного рыцаря.

– Я не пойду туда, где меня оскорбили, – возразил Передур. – Отнеси этот кубок Гвенвивар и скажи Артуру, что везде, где я буду, я стану нести его службу и прославлять его имя. И еще скажи, что я не вернусь к его двору, пока не отомщу Верзиле за обиду, что он нанес карлику и карлице.

И Оуэн вернулся ко двору и передал сказанное Артуру, и Гвенвивар, и всем рыцарям.

Передур же поехал дальше. И по пути ему встретился рыцарь.

– Откуда ты едешь? – спросил рыцарь.

– От двора Артура, – ответил Передур.

– Ты что, из людей Артура? – спросил тот.

– По правде говоря, да.

– Зря ты признался в этом мне.

– Почему же? – удивился Передур.

– Потому что я враг Артура, – сказал рыцарь, – и убиваю всех его людей, кто мне попадется, – и с этими словами он кинулся на Передура, и они сразились, и Передур ударил его так, что тот свалился с коня. Тогда рыцарь попросил пощады.

– Я пощажу тебя, – сказал Передур, – если ты отправишься ко двору Артура и передашь ему, что я победил тебя его именем. И еще скажи, что я не вернусь к его двору, пока не отомщу Верзиле за обиду, что он нанес карлику и карлице.

Рыцарь пообещал ему это, и поехал прямо ко двору Артура, и передал все, что говорил ему Передур. А Передур поехал дальше, и в течение недели он победил шестнадцать рыцарей и всех их отослал ко двору Артура с теми же словами, что и первого. И Артур и его рыцари каждый раз корили Кея и весьма его опечалили. Передур же ехал дальше, пока не достиг обширного и глухого леса, на опушке которого он увидел озеро, а на другой стороне озера – большой замок с высокими стенами. И на берегу озера сидел на атласных подушках почтенный седовласый муж в богатом наряде, а слуги его рыбачили с лодки. Увидев Передура, старик встал и пошел в замок, и Передур заметил, что он хромает⁶⁹⁴.

Передур въехал следом в открытые ворота замка и проследовал в зал. Там у горящего очага сидел тот же седой старик со своими слугами и воинами, и все они встали, приветствуя Передура, и помогли ему слезть с коня и снять доспехи, и старик пригласил его сесть рядом с собой. И они сели рядом и завели разговор, пока не пришло время обеда, а за столом Передур опять сел рядом с хозяином замка. Когда же они поели, старик спросил Передура:

– Умеешь ли ты разить мечом?

– Нет, не умею, – ответил Передур, – но очень хочу научиться.

– Обращению с мечом, – сказал старик, – учатся сперва на палках.

У него же было двое юных сыновей, один со светлыми волосами, другой – с каштановыми.

– Встаньте-ка, ребята, – велел он им, – и поиграйте с палками и щитами.

И они встали и начали драться палками.

– Скажи, друг мой, – спросил старик Передура, – кто из них, по-твоему, лучше владеет палкой?

– Мне кажется, – ответил Передур, – что светловолосый юноша легко мог бы победить, если бы захотел.

– Что ж, тогда встань, возьми у юноши с каштановыми волосами палку и попробуй одолеть светловолосого.

И Передур встал, взял палку и щит, и вступил в бой со светловолосым юношей, и вскоре ударил его так, что разбил ему лоб и залил все лицо кровью.

– Клянусь, друг мой, – сказал тогда старик, – что ты будешь владеть мечом лучше всех на этом острове. Я твой дядя, брат твоей матери, и я обещаю научить тебя обращению с оружием, и обычаям, и манерам. Забудь то, чему учила тебя мать, ибо теперь я буду твоим учителем и сделаю из тебя самого доблестного рыцаря на свете. И если кто-нибудь сумеет победить тебя, то позор поражения ляжет не на тебя, но на меня, твоего учителя.

И они еще долго говорили, а потом отправились спать.

Когда же наступило утро, Передур встал и, попрощавшись с дядей, поехал дальше. Он углубился в лес и в конце его увидел поляну, на которой стоял замок, и он подъехал к этому замку и въехал в открытые ворота. И внутри он увидел седого старика, сидевшего у очага и окруженного множеством людей. Все они встали, и приветствовали Передура, и помогли ему спешиться, и он сел рядом с хозяином замка и завел с ним разговор. Когда же настало время обеда, Передур сидел за столом рядом со стариком. А когда они закончили трапезу, старик спросил Передура, умеет ли он обращаться с мечом.

– Мне кажется, меня обучили этому, – ответил Передур.

А на полу там лежала железная палица⁶⁹⁵, такая тяжелая, что ее с трудом мог поднять человек.

– Возьми этот меч, – велел старик, – и попробуй пере рубить вон то железо.

И Передур встал и разрубил железо пополам, и меч его сломался.

– Сложи куски вместе и соедини их, – посоветовал старик.

Передур так и сделал, и куски меча срослись в одно целое. И когда он ударил второй раз, железо и меч опять раскололись пополам и опять срослись. Когда же он ударил в третий раз, ни железо, ни меч не соединились, сколько он ни прикладывал куски друг к другу.

– Что ж, юноша, – сказал тогда старик, – садись. Поистине, ты владеешь мечом лучше всех на этом острове. Две трети своего мастерства ты уже обрел; когда же ты овладеешь и третьей, никто не сможет одолеть тебя. Я твой дядя, брат твоей матери и брат того, в чьем замке ты провел прошлую ночь.

И они говорили еще долго, пока Передур не увидел двух слуг, несущих громадное копьё, с которого на пол стекали три кровавые струи. Когда же все в зале увидели это копьё, то принялись плакать и причитать так, что горестно было смотреть на них. Однако старик не прервал беседы с Передуром, и тот ничего не спросил, хоть ему и хотелось узнать, что это такое. И еще через какое-то время в зал вошли две служанки, несущие блюдо, на котором лежала окровавленная человеческая голова. Тогда все, кто был в зале, издали горестный стон, и нелегко было его слушать. После же они успокоились и вернулись к еде и беседе. Наконец для Передура приготовили покои, и он отправился спать⁶⁹⁶.

Когда наступило утро, Передур встал и, попрощавшись с дядей, поехал дальше. И, углубившись в лес, услышал он крик о помощи. Он направил коня к месту, откуда доносился крик, и увидел там прекрасную даму с каштановыми волосами, что склонилась над телом мужчины и пыталась поднять его на коня, но оно каждый раз падало на землю.

– Скажи, сестра, – спросил ее Передур, – чем я могу тебе помочь?

– О Передур Проклятый, – ответила она, – твоей помощи мне не надо.

– Почему ты проклинаешь меня? – удивился Передур.

– Ты – убийца матери, которая умерла с горя, когда ты

покинул ее против ее воли. Ты виноват в ее смерти. Знай же, что карлик с карлицей, которых ты встретил при дворе Артура, были некогда слугами твоих отца и матери; я же твоя сводная сестра, а это – мой венчанный муж, которого убил неизвестный рыцарь. Жаль, что ты не встретился ему, и он не убил и тебя.

– Сестра моя, – возразил Передур, – ты не права, обвиняя меня в своих несчастьях и в смерти матери. Брось кричать, ведь этим ты не поможешь своему горю. Сейчас я похороню твоего мужа, а потом отправлюсь вместе с тобой за этим рыцарем и отомщу ему.

И они похоронили тело и поехали туда, где был рыцарь, горделиво восседающий на коне посреди поляны.

– Откуда ты едешь? – спросил рыцарь Передура.

– От двора Артура, – ответил Передур.

– Ты из его людей?

– По правде говоря, да.

– Зря ты сказал мне об этом.

И больше они ничего не сказали друг другу, а вступили в бой. Вскоре Передур сбросил рыцаря с коня, и тот попросил пощады.

– Я пощажу тебя, – сказал Передур, – если ты возьмешь в жены эту вот даму и отнесешься к ней со всем возможным уважением, ибо ты убил ее ни в чем не повинного мужа. Поезжай с нею ко двору Артура и передай ему, что я не вернусь, пока не отомщу Верзиле за обиду карлика и карлицы.

И рыцарь поклялся сделать это, и дал даме коня, и поехал с нею прямо ко двору Артура, и передал Артуру слова Передура. И Артур и его рыцари снова принялись упрекать Кея за то, что он отвратил от двора такого доблестного рыцаря, как Передур. И Оуэн, сын Уриена, сказал:

– Поистине, этот рыцарь не вернется ко двору, пока здесь находится Кей.

– Я сам, – сказал Артур, – обыщу самые отдаленные места Острова Британии и найду этого рыцаря, а там пусть они с Кеем сами решат свой спор.

А Передур тем временем ехал дальше и достиг обширного и глухого леса, где не было следов ни людей, ни зверей, одни кусты и дикие травы. И среди леса он увидел

большой замок, увитый плющом, с мощными башнями и стенами. Вокруг замка все заросло травой, а у ворот она росла гуще всего. И Передур постучал в ворота концом копья, и в отверстии бойницы показался стройный рыжеволосый юноша.

– Чего ты хочешь, господин, – спросил он, – чтобы я впустил тебя или чтобы сказал хозяйке, что ты стоишь здесь?

– Скажи об этом своей хозяйке, – ответил Передур, – и пусть она впустит меня, если захочет.

И юноша быстро вернулся, и отпер ворота Передуру, и провел его в зал; и там он увидел восемнадцать юношей, таких же стройных и рыжеволосых и одетых так же, как тот, что открыл ему ворота. И они помогли ему слезть с коня и снять с себя доспехи, и сели, и заговорили с ним. Тут в зал вошли пять дев, и ему показалось, что он никогда не видел девы красивей, чем старшая из них. На ней было платье из цветного атласа, такое ветхое, что сквозь него просвечивала ее белая, как хрусталь, кожа. Волосы же ее с бровями были чернее гагата, а щеки – краснее крови. Она приветствовала Передура, и обняла его, и села рядом с ним.

И вскоре в зал вошли две монахини, одна из которых несла кувшин с вином, а другая – шесть ковриг белого хлеба.

– Госпожа, – сказали они, – видит Бог, это последняя наша еда.

И они уселись за стол, и Передур увидел, что дева дает ему больше еды и вина, чем другим.

– Сестра, – сказал Передур, – я раздам всем поровну⁶⁹⁷.

– Не надо, – сказала она, но он взял хлеб и вино и дал каждому равную долю. И после еды Передур сказал:

– Я устал и был бы рад отдохнуть в каком-нибудь спокойном месте.

И ему приготовили покои и отвели его туда⁶⁹⁸. После этого юноши сказали старшей и прекраснейшей из дев:

– Сестра, мы хотим дать тебе совет.

– Что же это за совет? – спросила она.

– Иди в покои к этому рыцарю и предложи ему взять тебя в жены или возлюбленные, как он захочет.

– Что за глупости! – воскликнула она. – Я, никогда не знавшая мужчин, буду предлагать ему себя столь постыдным образом, хотя я даже не знаю его имени! Я не сделаю этого никогда.

– Клянемся Богом, – сказали они, – если ты не сделаешь этого, мы отдадим тебя твоим врагам, и они поступят с тобой стократ хуже.

И, убоявшись этого, дева встала и в слезах пошла в его покои. Передур же услышал скрип двери, и проснулся, и увидел на пороге деву со слезами на глазах.

– Почему ты плачешь, сестра? – спросил Передур.

– Я скажу тебе, господин, – ответила она. – Мой отец некогда владел всеми этими землями и этим замком, и он был самым мудрым и лучшим из правителей. Потом сын другого графа захотел жениться на мне, я же не хотела выходить за него замуж, и отец не желал отдавать меня ему или еще кому-либо против моей воли. Других же детей, кроме меня, у него не было, и, когда он умер, его графство досталось мне, а я по своей слабости не смогла его удержать. Этот графский сын восстал на меня и захватил все мои земли, кроме одного этого замка. Его он не мог до сих пор взять из-за крепости стен и из-за храбрости юношей, которых ты видел, моих молочных братьев. Но у нас давно иссякли бы припасы, если бы не монахини из соседнего монастыря, помогавшие нам из-за доброты к ним моего отца. Теперь же и у них кончились еда и питье, и не далее чем завтра этот граф явится сюда со всем своим войском. Если же он пленит меня, моя жизнь у него будет не лучше жизни его конюха. И вот я пришла, чтобы предложить тебе, господин, взять меня женой или возлюбленной, как ты пожелаешь, чтобы ты защитил нас или забрал отсюда.

– Сестра, – сказал он ей, – иди спать и знай, что я не покину тебя, пока не сделаю того, о чем ты просишь.

И тогда дева вышла и пошла спать. Утром же она встала, и пошла в покои к Передуру, и приветствовала его.

– Храни тебя Бог, сестра! Какие новости ты принесла?

– Поистине, господин, все хорошо, пока ты с нами, но граф со своим войском уже стоит у ворот, и никогда я не видела большего числа шатров и рыцарей возле них.

– Что ж, – сказал Передур, – вели подать мне коня, и я выйду к ним.

И Передуру подали коня, и он сел на него и выехал в поле, где горделиво восседал на коне рыцарь с боевым вымпелом. И они сразились, и Передур поверг рыцаря на землю. После этого он сразил еще многих, и наконец на него выехал главный из этих рыцарей, и Передур одолел его. Рыцарь запросил пощады, и Передур спросил, кто он такой.

– По правде сказать, – ответил рыцарь, – я командир графской дружины.

– А какая часть владений графини досталась тебе?

– Одна треть, – ответил тот⁶⁹⁹.

– Что ж, – сказал Передур, – верни ей все эти земли, и сегодня же вели прислать сюда еду, и коней, и оружие для сотни людей. Только этим ты сможешь спасти свою жизнь, поскольку ты ее пленник.

Так и было сделано, и в тот же день деве вернули треть ее владений, и коней, и оружие, и еду, и питье, и она весьма обрадовалась этому. И они взяли, что им было нужно из еды и питья, а после этого пошли спать.

И наутро Передур опять выехал в поле и победил в этот день множество воинов. Наконец, вышел против него могучий рыцарь, и Передур поверг его на землю, и он запросил пощады.

– Кто ты? – спросил Передур рыцаря.

– По правде сказать, – ответил тот, – я сенешаль графа.

– А какая часть владений графини принадлежит сейчас тебе?

– Одна треть, – сказал тот.

– Ну что ж, – сказал Передур, – верни ей эти земли вместе с провизией, и конями, и оружием для двух сотен людей, ибо ты – ее пленник.

И все было сделано по его слову. На третий же день Передур снова выехал в поле и поверг еще больше рыцарей, чем в предыдущие дни. И в конце дня сам граф вышел против него, и Передур одолел его, и тот запросил пощады.

– Кто ты? – спросил Передур.

– Я граф, не стану этого скрывать.

– Что ж, – сказал Передур, – тогда верни деве все ее владения, и отдай ей в придачу свои, и пищу для трех сотен людей, и питье, и коней, и оружие, и сам отдайся на ее волю.

И все это было сделано.

И Передур провел там три недели, пока все права девы не были восстановлены полностью. Когда же она получила назад все свои владения, он сказал:

– С твоего позволения, сестра, я отправлюсь в путь.

– Ты хочешь покинуть меня, брат?

– Да, и я бы не пробыл здесь так долго, если бы не любил тебя.

– Назови же мне свое имя, дорогой брат.

– Я Передур, сын Эвраука с Севера, и если случится у тебя беда, позови меня, и я приду на помощь, как только смогу.

И Передур поехал дальше и встретил по пути деву на взмыленной, загнанной лошади, и она приветствовала его.

– Откуда ты, сестра? – спросил Передур, и она рассказала ему, что она претерпела от своего господина, Рыцаря Поляны.

– О сестра, – сказал он, – я тот, кто причинил тебе горе, но я же и исправлю его.

И скоро им встретился рыцарь, который спросил Передура, не видел ли он поблизости рыцаря, что мог бы сразиться с ним.

– Я тот, кого ты ищешь, – сказал Передур, – и я отмщу тебе и твоим людям за зло, что вы причинили этой даме.

И они сразились, и Передур поверг рыцаря на землю, и тот запросил пощады.

– Я пощажу тебя, – сказал Передур, – если ты возьмешь эту даму с собой и объявишь всем встречным, что нашел ее невинной, и что я победил тебя в честном бою, – и рыцарь обещал ему это.

И Передур поехал дальше, и на холме неподалеку увидел замок, и приблизился к воротам, и постучал в них концом копья. Ворота ему открыл юноша с каштановыми волосами, мальчик годами, но воин ростом и статью. Когда же Передур вошел в замок, то увидел там высокую

горделивую даму, сидящую в кресле и окруженную служанками, и она обрадовалась, увидев его. Когда же настало время обеда, они сели за стол, а после еды дама сказала:

– Господин, лучше тебе поискать ночлега где-нибудь в другом месте.

– Неужели ты не позволишь мне остаться здесь? – удивился Передур.

– Ах, господин, – сказала она, – я с моими отцом и матерью спасаемся здесь от девяти глостерских ведьм⁷⁰⁰, которые уже опустошили все наши владения, кроме этого замка, и убили всех, кто там жил.

– Что ж, – сказал Передур, – я останусь здесь и попробую помочь вам. Позор для меня бросить вас в беде, – и они пошли спать.

И как только стемнело, Передура разбудил страшный крик. Он быстро вскочил, оделся, опоясался мечом, и выскочил из покоев, и увидел, что одна из ведьм схватила дозорного, который в ужасе кричал. Передур кинулся на ведьму и бил ее мечом по голове, пока шлем ее не стал плоским, как блюдо.

– Пощади меня, славный Передур, сын Эвраука! – взмолилась ведьма.

– Откуда ты знаешь мое имя, исчадие ада? – удивился Передур.

– Предсказано, что ты одолеешь меня, – ответила ведьма, – и возьмешь у меня коня и оружие, и пробудешь у меня, пока не научишься обращаться со всем этим.

– Что ж, – сказал Передур, – я пощажу тебя, если ты обещаешь никогда больше не вредить ни этой даме, ни ее владениям.

И он взял с нее клятву, и, с позволения графини, отправился вместе с ведьмой в ее обиталище, и пробыл там три недели, после чего взял коня и оружие, что дала ему ведьма, и снова пустился в путь⁷⁰¹.

И в один из дней он достиг прекрасной долины, на краю которой стояла келья отшельника; и отшельник обрадовался, увидев его. И там он провел ночь, а утром собрался уезжать. Ночью же выпал снег, и на этом снегу орел убил дикую утку. Когда конь Передура заржал, орел испугался и улетел, и прилетел ворон, чтобы похитить

добычу. И, увидев все это – черного ворона, белый снег и красную пролитую кровь, – Передур вдруг понял, что он сможет полюбить только ту женщину, у которой волосы будут черны, как вороново крыло, кожа бела, как снег, а щеки красны, как кровь на этом белом снегу⁷⁰².

А в это время Артур и его рыцари разыскивали повсюду Передура.

– Интересно, – сказал Артур, – кто этот рыцарь с длинным копьем, стоящий вон там на краю долины?

– Господин, – сказал один из рыцарей, – я поеду и узнаю, кто он.

И рыцарь подъехал к Передуру и спросил его, кто он и что делает здесь. Передур же не ответил ему, ибо неотвязно думал о своей любви. Тогда рыцарь ударил его копьем, а Передур в ответ одним ударом поверг его на землю. И так один за другим к нему подъезжали двадцать четыре рыцаря, и он не отвечал на их вопросы, а каждого валил с коня одним ударом. Наконец, к нему подъехал Кей и заговорил с ним грубо и повелительно. Тогда Передур ударил его древком копья так, что Кей вылетел из седла и сломал себе руку. И когда он упал без чувств из-за сильной боли, конь его поскакал назад, и рыцари, увидев его, поехали к месту, где лежал Кей, и подумали сперва, что он мертв. Лишь потом они увидели, что можно срывать его кости и вылечить его. Передур же во все это время так и не очнулся от своих мыслей и не заметил никого из них. Тогда рыцари отправились вместе с Кеем к шатру Артура, и Артур опечалился из-за Кея, ибо очень его любил, и велел поручить его самым искусным лекарям.

И тогда Гвальхмаи сказал:

– Мы не должны были так досаждать этому славному рыцарю, погруженному в свои мысли; быть может, он скорбит о потере или думает о даме своего сердца и от задумчивости сотворил такое с Кеем и другими. Если хочешь, господин, я сам поеду к этому рыцарю и попытаюсь заговорить с ним; и если мне это удастся, я со всем почтением приглашу его посетить тебя.

Тут Кей очнулся и сказал сердито:

– Гвальхмаи, я знаю, что ты сможешь привести его сюда, тем более что он устал и ослабел в бою со мной. Ты

ведь многих одолел своим языком, и пока он не изменит тебе, оружие тебе не понадобится, и ни к чему будет закрывать тяжелой броней твоё нарядное платье⁷⁰³.

Тогда Гвальхмай ответил ему:

– Не к лицу мне мстить тебе за обидные и несправедливые речи, когда ты так изранен; однако я думаю, что он не сломал бы тебе руку, будь ты повежливее.

И Артур сказал Гвальхмай:

– Поистине, твои слова разумны. Иди же туда и приведи его.

И Гвальхмай снарядился и направился к месту, где стоял Передур, погруженный в свои мысли. Гвальхмай спокойно и твердо подошел к нему и сказал:

– Я заговорил бы с тобой, если бы знал, что тебе это так же приятно, как и мне. Я послан к тебе Артуром, чтобы пригласить тебя к нему. И всех, приезжавших сюда раньше, тоже послал Артур.

– По правде говоря, – сказал Передур, – все они вели себя невежливо и вступали со мной в разговор, не позаботившись узнать, приятно ли мне это, когда я погружен в свои мысли, ибо я думал о той, кого люблю. Случай заставил меня подумать о ней. Я увидел снег, и ворона, и кровь дикой утки, убитой орлом, и подумал, что кожа моей любимой должна быть бела, как снег, волосы – черны, как вороново крыло, а щеки – красны, как пролитая кровь.

И Гвальхмай сказал:

– Приятны такие мысли, и неудивительно, что тебе не хотелось от них отрываться.

Передур спросил:

– Кей все еще при дворе Артура?

– Да, – ответил Гвальхмай, – он был последним из тех, кто подъезжал к тебе, и для него это кончилось плохо. Он упал от твоего удара с коня и сломал руку.

– Тогда, – сказал Передур, – я отомстил ему за обиду карлика и карлицы.

И Гвальхмай удивился, услышав от него про карлика и карлицу, и спросил, как его имя.

– Я Передур, сын Эвраука, – ответил он, – а кто ты?

– Меня зовут Гвальхмай.

– Я рад видеть тебя, – сказал Передур, – ибо слава о тебе гремит во всех землях, через которые я проходил, и я хотел бы стать твоим другом.

– Прими мою дружбу и одари меня своей, – сказал Гвальхмаи.

И они обнялись и вместе направились к месту, где пребывал Артур. Когда Кей увидел их, он сказал:

– Ну вот, я знал, что Гвальхмаи добьется своего без боя, ибо он всего достигает сладкими речами, а не мечом, как мы.

И Передур вошел в шатер Гвальхмаи, и снял доспехи, и надел платье, что Гвальхмаи дал ему, и они вдвоем пошли к Артуру и приветствовали его.

– Вот, господин, – сказал Гвальхмаи, – тот, кого ты искал так долго.

– Добро пожаловать, друг мой, – сказал Артур, – оставайся у меня, и, если ты и впредь будешь столь же доблестен, как до сих пор, ты всегда будешь рядом со мной. Карлик и карлица, которых обидел Кей, теперь отомщены.

И тут вошли королева и ее дамы, и Передур приветствовал их, и они были рады видеть его. И Артур оказал Передуру всяческие почести и взял его с собой в Каэрлеон.

И в первый день, что Передур провел при дворе Артура, он гулял по Каэрлеону и встретил Ангарад Золоторую⁷⁰⁴.

– По правде говоря, сестра, – сказал он ей, – ты прекрасна, и я люблю тебя более всех прочих женщин.

– Нет, рыцарь, – ответила она, – я не полюблю тебя и никогда в жизни не стану твоей.

– Тогда я клянусь, – сказал Передур, – что не перемолвлюсь словом ни с одним христианином⁷⁰⁵, пока ты не полюбишь меня больше всех.

И на другой день Передур покинул Каэрлеон. Он ехал по горной тропе и увидел внизу глубокую долину, края которой поросли лесом, а посередине виднелось возделанное поле. И среди леса стояли грубо сколоченные черные хижины. Передур спешил, и повел лошадь к лесу, и увидел, что тропа огибает скалу, к которой прикован цепью громадный спящий лев. Позади же льва была глубокая яма, до половины заполненная костями людей и зве-

рей. Тогда Передур достал меч и ударил им льва с такой силой, что тот упал в яму и повис там на цепи. И другим ударом Передур перерубил цепь, и лев свалился вниз. И он вел коня по тропе, пока не спустился в долину, где увидел большой дом, и вошел в него, и там сидел огромного роста старик, который был больше любого из виденных им людей. И рядом двое юношей – один с каштановыми волосами, другой с золотыми – полировали рукоятки своих ножей из моржового клыка. И Передур подошел к старику и приветствовал его, и тот проворчал:

– Плохо мой привратник несет службу.

Тогда Передур догадался, что привратник – это тот самый лев.

И старик вместе с юношами вошел в дом, и Передур пошел следом и увидел накрытый стол с едой и питьем и выходящих из покоев старуху и молодую деву, что были больше всех виденных им ранее женщин. Они омыли руки и сели за стол, и старик уселся во главе стола рядом со старухой, а Передур с девой сели напротив двух юношей. И дева смотрела на Передура весьма печально, так что он спросил о причине этой печали.

– Я печалюсь о тебе, друг мой; ведь я полюбила тебя, как только увидела, и мне горестно знать, какая участь ждет тебя завтра. Видел ли ты черные хижинки в глубине леса? Там живут люди моего отца, и все они великаны, один больше другого. Завтра они убьют тебя. А долина эта зовется Дифрин-Кронн⁷⁰⁶.

– Что ж, добрая дева, можешь ли ты сегодня ночью незаметно приготовить моего коня и мои доспехи?

– Я с радостью сделаю это, если только смогу.

И когда пришло время ложиться спать, они пошли спать; дева же приготовила коня и доспехи для Передура.

И утром Передур услышал крики и конский топот возле дома. И он встал, вооружился и выехал в поле; и старуха с девой пришли к старику.

– Господин, – сказали они, – возьми с этого юноши клятву, что он никому не расскажет о нас, и мы ручаемся, что он не нарушит этой клятвы.

– Я не сделаю этого, – ответил старик.

И Передур сразился с великанами и перебил их третью

часть, не получив ни одной раны. Тогда старуха сказала:

– Рыцарь перебил треть твоих людей; не лучше ли тебе пойти на мировую?

– Я не сделаю этого, – снова сказал старик.

И старуха с девой вернулись к окну и стали наблюдать за битвой.

Тут Передур сразился с юношей с золотыми волосами и убил его.

– Отец, – сказала дева, – примиришься с этим рыцарем.

– Я не сделаю этого, клянусь Богом! – воскликнул старик, а в это время Передур сразился с юношей с каштановыми волосами и убил его.

– Тебе лучше было примириться с ним до того, как он убил твоих сыновей, но теперь пора подумать о том, как спасти свою жизнь, – сказала старуха.

И старик сказал:

– Дочка, ступай скорее к этому рыцарю и проси его пощадить нас, раз уж мы не захотели пощадить его.

И дева пошла к Передуру и попросила у него пощады для своего отца и тех его людей, что были еще живы.

– Я пощажу их, – сказал он, – если все они принесут клятву верности императору Артуру и расскажут ему, что их победил Передур, его рыцарь.

– Мы сделаем это, клянусь Богом.

– И еще вы должны принять святое крещение, а я сам попрошу Артура оставить эту долину вам и вашим потомкам.

И тут Передур вошел в дом, и старик со старухой приветствовали его. Старый великан сказал:

– С тех пор, как я живу здесь, ты первый христианин, ушедший отсюда живым. И теперь мы согласны подчиниться Артуру и принять крещение.

И Передур сказал:

– Я благодарен Богу, что не нарушил данного мной обета не говорить с христианами.

И он переночевал там, а утром уехал. После этого старик со своими людьми отправился ко двору Артура и поклялся ему в верности, и Артур окрестил их всех. И старик рассказал Артуру, как Передур победил их, а Артур даровал ему и его потомкам долину в вечное владение,

как просил Передур. И с его разрешения они вернулись в Дифрин-Кронн.

Тем временем Передур ехал по пустынному полю без всяких признаков жилья и увидел там маленькую хижину. А до этого он слышал, что в этой хижине обитает змей⁷⁰⁷, стерегущий золотое кольцо, и на семь миль вокруг этого места никто не живет. Тогда он пошел к хижине, и повстречал там змея, и бился с ним долго и жестоко, наконец он убил его и забрал кольцо. И так он долгое время странствовал, не говоря никому ни слова, и, удалившись от людей, потерял он всю красоту и стал непохож на самого себя. И вот он решил вернуться ко двору Артура и по дороге повстречал рыцарей во главе с Кеем, едущих по поручению Артура. И Передур узнал их, но ни один из рыцарей не узнал его.

– Куда ты едешь? – спросил его Кей раз, и другой, и третий, но не получил ответа. Тогда он, рассердившись, ударил Передура древком копья, но тот не нарушил обета и промолчал.

– Клянусь Богом, Кей, – сказал Гвальхмай, – зря ты так обошелся с этим рыцарем.

И он вернулся ко двору Артура и сказал Гвенвивар:

– Госпожа, Кей оскорбил рыцаря только за то, что тот не хотел ему отвечать. Вели же приютить его до моего возвращения, и я буду тебе благодарен.

И до того, как они вернулись, некий рыцарь выехал в поле близ двора Артура, и Передур вышел драться с ним и победил и в последующую неделю каждый день побеждал по рыцарю. И в один из дней Артур со своими рыцарями отправился в церковь и увидел рыцаря с боевым вымпелом.

– Друзья мои, – сказал Артур, – я не успокоюсь, пока не одолею его своей рукой.

И он послал слуг за конем и оружием, когда же они возвращались, Передур забрал у них все это и сам выехал в поле. И все, кто видел, как он выезжает на бой с рыцарем, забрались на крыши домов и прочие возвышенные места, чтобы наблюдать их поединок. И Передур дал сигнал к началу, и рыцарь кинулся на него, но не успел он приблизиться, как Передур пришпорил коня, и обрушил-

ся на него, и нанес ему такой удар в челюсть, что рыцарь свалился с коня и отлетел далеко в сторону. Тогда Передур вернулся, отдал коня и оружие слугам Артура, а сам пешком вернулся ко двору, где его заметили и прозвали Немым Рыцарем. И вот ему встретилась Ангарад Золоторукая.

– Клянусь Богом, господин, – сказала она, – жаль, что ты бессловесен. Если бы ты мог говорить, я бы любила тебя больше всех. Но, по правде сказать, хоть ты и молчишь, я все равно люблю тебя.

– Благослови тебя Бог, сестра, – отозвался Передур, – я тоже тебя люблю, – и так узнали, что это Передур, и он добился дружбы Гвальхмаи, и Оуэна, сына Уриена, и других рыцарей Артурова двора.

Однажды Артур пребывал в Каэрлеоне, и они с Передуром поехали на охоту. И Передур, преследуя оленя, заехал в лесную чащобу, и увидел там хижину, и вошел в нее. И в хижине сидели трое бритоголовых мужчин, видом похожих на разбойников, и играли в кости, и там же сидели три богато одетые девы. Передур сел рядом с ними, и одна из дев посмотрела на него и заплакала.

– О чем ты плачешь, сестра? – спросил Передур.

– Мне жаль, что такой юноша, как ты, обречен на гибель.

– Кто же меня погубит? – спросил он.

– Если ты не знаешь, что это место опасно, так знай это.

– И какая же опасность грозит мне здесь?

– Мой отец, – сказала дева, – владеет этим лесом и убивает всех, кто приходит сюда.

– Что же за человек твой отец, если он всех убивает?

– Он из тех, кто каждодневно творит насилие и зло и ни к кому не знает жалости.

И тут он увидел, что мужчины встали и спрятали свою игру, и услышал сильный шум, после чего в дом ввалился громадный черный человек с одним глазом, и девы приветствовали его и сняли с него сапоги. Он сел, увидел Передура и спросил:

– Кто этот рыцарь?

– Господин, – сказала одна из девушек, – это самый прекрасный и достойный юноша из всех, виденных нами, и мы молим сохранить ему жизнь.

– Что ж, ради вас я сжалюсь над ним и оставлю ему жизнь до утра.

Тогда Передур сел у огня, и ел, ипил, и беседовал с девами; когда же он захмелел, то спросил у черного человека:

– Кто же, при всей твоей силе, смог лишить тебя глаза?

– Всякий невежа, – сказал тот, – кто спрашивает меня об этом, лишается жизни.

– О господин, – сказала одна из девушек, – он пьян и потому говорит с тобой так дерзко. Сдержи слово, что ты дал нам.

– Я сдержу свое слово, – сказал черный человек, – и убью его на рассвете.

И так прошла ночь, а рано утром черный человек встал, взял оружие и приказал Передуру:

– Вставай и готовься к смерти!

– Выбирай, – сказал ему Передур, – или сражайся со мной без оружия, или позволь мне также вооружиться.

– Ха-ха! – рассмеялся тот. – Бери любое оружие, если воображаешь, что оно тебе поможет!

И дева принесла Передуру оружие, и он бился с черным человеком, пока тот не запросил пощады.

– Что ж, я пощажу тебя, если ты скажешь, кто и когда лишил тебя глаза.

– Господин, я все тебе расскажу. Я лишился глаза в битве с Черным Змеем Пещеры. Есть курган, именуемый Курганом Скорби, и в кургане том есть пещера, и в ней живет змей, в хвосте которого заключен камень, и свойство этого камня таково, что взявший его в руку получит столько золота, сколько уместится у него в другой руке. Пытаясь завладеть этим камнем, я и потерял глаз. Меня же зовут Черным Лиходеем, ибо я никогда не упустил случая сотворить кому-нибудь зло и ни к кому не знал жалости.

– Скажи мне, – спросил его Передур, – как далеко отсюда та пещера, о которой ты говорил?

– Я знаю дорогу и расскажу тебе о ней. Через день пути отсюда ты попадешь во дворец Горемычных Королевичей.

– Почему их так зовут?

– Адданк⁷⁰⁸, живущий в озере, каждый день убивает

их. Когда ты уйдешь оттуда, то попадешь во владения Хозяйки Подвигов.

– И каковы же ее подвиги?

– Триста рыцарей живут у нее, и каждый, кто к ней приходит, должен выслушивать истории об их подвигах, которыми они стараются заслужить расположение хозяйки. Когда ты уйдешь оттуда, то увидишь Курган Скорби, вокруг которого раскинута три сотни шатров, где живут рыцари, стерегущие змея.

– Ну что ж, – сказал Передур, – теперь я сделаю так, чтобы ты больше никому не сотворил зла.

И он убил его, и дева, говорившая с ним раньше, сказала:

– Если, придя сюда, ты был беден, то теперь ты богат, так как можешь забрать все, что награл Черный Лиходей, и нас в придачу.

– Богатство мне не нужно. Вы же сами ищите себе мужей по своему желанию.

И Передур поехал дальше и достиг дворца Горемычных Королевичей. И, войдя во дворец, он увидел там одних лишь женщин, и они встали и приветствовали его. И вот, когда они беседовали, к ним подъехал конь с мертвым телом в седле, и одна из женщин встала, сняла тело с седла, и положила его в большой чан с теплой водой, что стоял у входа, и смазала благоуханной мазью. После этого человек ожил, и подошел к Передуру, и приветствовал его. И потом так же прибыли двое других, и женщины поступили с ними таким же образом, как с первым. Тогда Передур спросил, что это значит, и ему ответили, что в озере живет адданк, и он каждый день убивает их. Тут наступила ночь, и они пошли спать. Утром королевичи встали, и Передур попросил их взять его с собой. Они же отказались, сказав ему:

– Если тебя убьют, некому будет оживить тебя.

И они отправились в путь, а Передур поехал следом и увидел на дороге прекраснейшую деву из всех, виденных им.

– Я знаю, куда ты идешь, – сказала она ему, – ты идешь сражаться с адданком, и он одолеет тебя не силой, но коварством. Он живет в пещере, у входа в которую стоит столб из гладкого камня, и он видит в нем всех, входящих

в пещеру, а его никто не видит. И всех, кто входит к нему, он убивает отравленным копьём. Но если ты поклянешься любить меня больше всех прочих женщин, я дам тебе камень, благодаря которому ты сможешь видеть адданка, а он не увидит тебя.

– Я клянусь тебе в этом, – сказал Передур, – ибо, как только я тебя увидел, я полюбил тебя, но где могу я отыскать тебя?

– Только добравшись до Индии⁷⁰⁹, ты отыщешь меня, – с этими словами она исчезла.

Передур же поехал дальше долиной реки, вдоль которой расстилались луга. И на одном берегу реки он увидел стадо белых овец, а на другом – стадо черных. И как только одна из белых овец бляела, черная овца переплывала реку и становилась белой. Когда же бляела черная овца, одна из белых овец переплывала реку и делалась черной⁷¹⁰. И еще он увидел на берегу реки высокое дерево, одна половина которого пылала от корней до кроны, другая же зеленела листьями⁷¹¹.

И впереди он увидел всадника на холме с двумя борзыми на привязи, и у каждой из них были белая грудь и пятнистая спина. Никогда еще Передур не встречал мужа столь гордого и величавого видом. Собаки залаяли и устремились в лес за оленем, но Передур, не обращая на них внимания, поздоровался с юношей, и тот приветствовал его. И Передур увидел три дороги, уходящие от холма, две из которых были широкими, а третья – узкой, и спросил всадника, куда они ведут.

– Одна из них, – ответил он, – ведет к моему двору, и ты можешь пойти туда, к моей жене, или остаться здесь, со мной, и я покажу тебе своих собак, что гонят сейчас оленя в лесу, и ты увидишь, что это лучшие собаки в мире. Когда же придет время обеда, мы отправимся ко мне и устроим пир.

– Благодарю тебя, господин, но я спешу.

– Другая дорога ведет в близлежащий город, и там ты можешь найти еду и кров. Та же дорога, что уже прочих, ведет к пещере адданка.

– С твоего позволения, господин, я поеду по ней.

И Передур поехал прямо к пещере и взял в левую руку

камень, что дала ему дама, а в правую – меч. И когда он вошел, то увидел адданка и тут же срубил ему голову мечом. Выйдя из пещеры, он встретил у входа трех королевичей, и они приветствовали его и открыли, что, по предсказанию, именно он должен был покончить с чудовищем. И Передур отдал им голову адданка, они же предложили ему в жены любую из своих трех сестер и в придачу половину своих владений.

– Не за женой пришел я сюда, – ответил Передур, – а то бы обязательно выбрал одну из ваших сестер.

И Передур поехал дальше, и услышал за спиной топот, и, обернувшись, увидел юношу на красном коне и в красных доспехах, что следовал за ним. И они приветствовали друг друга.

– Господин, у меня к тебе просьба, – сказал юноша.

– Чего же ты хочешь? – спросил Передур.

– Возьми меня в оруженосцы.

– И кого же должен я взять в свои оруженосцы?

– Я не скрою от тебя своего рода. Я Этлим Красного Меча, граф земель Востока⁷¹².

– Я хотел бы, чтобы ты служил тому, чьи владения не меньше твоих, а не мне, у кого ничего нет. Но раз уж ты так хочешь, я с удовольствием возьму тебя с собой.

И они вместе отправились ко двору Хозяйки Подвигов, и им там весьма обрадовались и сказали, что обычай двора таков что тот, кто победит три сотни рыцарей Хозяйки, сядет за стол рядом с ней и станет более всех мил ее сердцу. Когда же Передур победил и поверг наземь триста рыцарей, он сел рядом с Хозяйкой, и она сказала:

– Я благодарю Бога, что встретила рыцаря столь прекрасного и храброго, как ты, но я еще не нашла того, кого люблю всем сердцем.

– Кто же этот человек?

– Это Этлим Красного Меча, и я никогда не видела его.

– По правде говоря, – сказал Передур, – Этлим сейчас здесь, ибо он сопровождает меня. И если он пожелает, я с радостью оставлю его у тебя.

– Да воздаст тебе Бог, прекрасный рыцарь, за то, что ты привел ко мне того, кого я люблю.

И в ту же ночь Этлим взял Хозяйку в жены. Передур

же на следующее утро отправился к Кургану Скорби.

– Клянусь, господин, что я не оставлю тебя, – сказал ему Этлим, и они вдвоем направились к кургану и окружавшим его шатрам.

– Иди к тем шатрам, – сказал Передур Этлиму, – и потребуй, чтобы их владельцы покорились мне.

Этлим пошел и передал им это.

– Кто хочет этого от нас? – спросили они его.

– Мой господин, Передур Длинного Копья.

– Если бы ты не был посланцем, мы не оставили бы тебя в живых после столь дерзких слов и требований, чтобы мы, короли, графы и бароны, подчинились какому-то Передуру.

И Этлим вернулся к Передуру, и тот велел ему идти обратно и предложить им на выбор покориться ему или сразиться. Они все предпочли сразиться, и в тот же день Передур поверг наземь владельцев сотни шатров. И на следующий день он победил владельцев еще сотни шатров, а на третий день они решили покориться ему. Тогда Передур спросил, что делают они в этом месте, и они сказали, что ждут смерти змея, а после этого будут сражаться за камень и сильнейший из них заберет его.

– Ждите меня здесь, – сказал им Передур, – а я пойду погляжу на этого змея.

– Нет, господин, – сказали они, – мы пойдем с тобой.

– Я не позволю вам, – ответил он, – ведь тогда каждый из вас припишет победу над ним себе.

И он пошел к логовищу змея, и убил его, и взял камень, и вернулся к ним.

– Сосчитайте ваши расходы, – сказал он им, – за время, что вы провели здесь, и я верну вам это золото.

И он заплатил им столько, что они все оказались у него в долгу; но он удовольствовался тем, что они поклялись ему в верности. Этлиму же он сказал:

– Возвращайся к той, кого ты любишь, а я поеду дальше и избавлю тебя от данного мне обязательства, – и он отдал Этлиму чудесный камень.

– Храни тебя Бог, господин, – сказал Этлим, – пусть путь твой будет легким.

И Передур поехал дальше, и выехал в долину реки, и

увидел там великое множество разноцветных шатров, и удивился, увидев там же большое число мельниц, водяных и ветряных. И ему встретился высокий муж с каштановыми волосами, и Передур спросил, кто он такой.

– Я главный мельник над всеми этими мельницами.

– Могу ли я найти приют у тебя в доме? – спросил Передур.

– Я с радостью приму тебя, господин.

И Передур пришел в дом к мельнику, где ему весьма понравилось, и попросил у мельника отсрочки платы за еду и за кров, и спросил его, зачем в одном месте собрано столько мельниц. И мельник ответил ему:

– Ты либо чужестранец, либо глупец, ведь каждый здесь знает, что императрица Константинополя Великого⁷¹³ собирает в этом месте войско для своих походов, и мельницы поставлены, чтобы прокормить всех этих людей.

После этого они легли спать, а наутро Передур встал и снарядился для турнира. И он увидел шатер среди прочих, красивейший из всех, что он видел, и прекрасную деву, выглядывавшую из-за полога шатра. И это была самая прекрасная из дев, виденных им, и одета она была в платье из золоченого атласа. И любовь к ней вошла в его сердце, и он стоял там, глядя на деву, с утра до полудня и с полудня до самого вечера. Тем временем турнир окончился, и он вернулся в дом мельника, снял доспехи и вновь попросил у мельника отсрочки в уплате. И мельник дал ему отсрочку, но жена его сердилась. И на другой день он вел себя так же, и вечером опять пришел в дом ни с чем, и опять попросил отсрочки.

И на третий день он стоял там же, глядя на деву, как вдруг его сильно ударили палкой по плечу. Очнувшись от своих мыслей, он увидел мельника, который сказал ему:

– Господин, или продолжай смотреть, куда смотрел, или ступай на турнир.

Тогда Передур рассмеялся и отправился на турнир, и всех, кто принял в тот день его вызов, он поверг наземь и все свои победы посвятил императрице, а оружие и коней отдал мельнику и его жене в уплату за кров и еду. И он оставался на турнире, пока не победил всех, и всех побеж-

денных он отослал императрице, а их коней и оружие отдал мельнику.

Императрица послала за ним и пригласила его к себе, но Передур отказал первому посланцу, затем второму, а когда на третий раз она послала за ним сотню рыцарей, он сыграл с ними шутку, связав за руки и за ноги, словно оленей⁷¹⁴, и сбросив с мельничной дамбы. Тогда императрица спросила у мудреца, своего советника, что ей делать.

– Я сам пойду к нему, – сказал он, и пошел к Передуру, и вежливо попросил его посетить императрицу вместе с мельником. И он пошел к ней в шатер, и сел рядом с ней, и они долго говорили, а потом он ушел и вернулся в дом мельника.

И на другой день он снова пошел к ней. И когда он вошел в шатер, там были убраны все места, ибо они не знали, где он захочет сесть. Он же сел рядом с императрицей и заговорил с ней. В это время вошел черный человек с золотой чашей, полной вина, и преклонил колено перед императрицей, и попросил ее отдать эту чашу тому, кто примет его вызов. И она посмотрела на Передура.

– Госпожа, дай эту чашу мне, – сказал он и выпил вино из чаши, а саму чашу отдал жене мельника.

И когда они сидели там, вошел другой черный человек, еще больше предыдущего, с полной вина чашей, сделанной из драконьей лапы⁷¹⁵. И он преклонил колено перед императрицей и попросил ее отдать чашу тому, кто примет его вызов. И императрица посмотрела на Передура.

– Госпожа, дай эту чашу мне, – сказал он и выпил вино из чаши, а чашу отдал жене мельника.

И когда они сидели там, вошел третий черный человек с уродливым лицом и стоящими торчком волосами, еще выше и сильнее двух предыдущих, с хрустальной чашей, полной вина, и преклонил колено перед императрицей, и попросил ее отдать чашу тому, кто примет его вызов. И она посмотрела на Передура.

– Госпожа, дай эту чашу мне, – опять сказал он и выпил вино из чаши, а чашу отдал жене мельника.

Эту ночь Передур провел в доме мельника. Наутро же он снарядился, и выехал в поле, и убил всех троих, и по-

сле этого пошел в шатер императрицы. И она сказала Передуру:

– О прекрасный Передур, помнишь ли ты клятву, что ты дал мне у пещеры адданка?

– Я помню это, госпожа, – ответил он. И история говорит⁷¹⁶, что они правили вместе с императрицей четырнадцать лет.

Однажды Артур пребывал в Каэрлеоне, своем главном дворе, и в зале сидели четверо на шелковых подушках, и это были Оуэн, сын Уриена, и Гвальхмай, сын Гвиара, и Хоуэл, сын Эмира Ллидау⁷¹⁷, и Передур Длинного Копья. И тут они увидели курчавую черную девицу весьма уродливого вида, которая ехала на рыжем медлительном муле, подгоняя его плетью. Лицо ее и руки были чернее закопченного железа, а черты ее были еще уродливее, чем цвет кожи, – щеки раздуты, лицо вытянуто и сморщено, а нос короткий, с широкими ноздрями. Один глаз у нее был серым, а другой – черным, как гагат, и оба они глубоко сидели в глазницах. Ее кривые зубы были желтее цветов раkitника, шея крива, а груди свисали до живота. Бедра же ее были широки, но костлявы, и вся она была тощей, кроме ног, отличавшихся безобразной толщиной⁷¹⁸. И она приветствовала Артура и всех его рыцарей, кроме Передура; к нему же она обратила сердитые и обидные слова, сказав:

– Передур, я не приветствую тебя, поскольку ты не заслужил этого, как не заслужил той славы, что слепо даровала тебе судьба. Когда ты пришел во дворец хромого короля и увидел там слуг, несущих окровавленное копье, кровь с которого стекала на пол, ты не спросил, что там произошло. Если бы ты спросил об этом и вмешался, мир во владениях короля был бы сохранен, а теперь там ежедневно льется кровь, и гибнут рыцари, и их вдовы остаются без пропитания, а дочери – без защиты. И всему этому виной ты.

После этого она обратилась к Артуру и сказала:

– Господин, мой дом далеко отсюда, в замке Сиборо⁷¹⁹, о котором ты вряд ли слышал. Там сейчас пятьсот шестьдесят шесть славных рыцарей со своими дамами сердца, и всякий, кто хочет стяжать славу, может отправиться туда

и сразиться с ними. Но я знаю место, где можно обрести еще большую славу, ибо высоко в горах есть замок, где живет прекрасная дева, и замок этот осаждают враги. Тот, кто освободит деву, прославится превыше всех в мире.

С этими словами она удалилась. И Гвальхмаи сказал:

– Клянусь, я не усну спокойно, пока не освобожу эту деву, – и многие из рыцарей Артура сказали то же. Но Передур сказал иначе:

– Я клянусь, что не усну спокойно, пока не узнаю историю того копья, о котором говорила черная девица.

В это время к воротам подъехал некий рыцарь, и, въехав внутрь, он приветствовал всех, кроме Гвальхмаи. На плечах у рыцаря был щит с синей эмалевой балкой на золотом поле⁷²⁰, и таких же цветов была его одежда. И он сказал Гвальхмаи:

– Ты коварством и хитростью погубил моего господина, и я докажу это.

Тогда Гвальхмаи поднялся и сказал:

– Я вызываю тебя на бой в любом удобном месте, чтобы доказать свою невиновность.

– Я хочу, – сказал рыцарь, – чтобы мы с тобой бились перед лицом короля моей страны.

– Что ж, – сказал Гвальхмаи, – поезжай, и я последую за тобой.

Рыцарь уехал, и Гвальхмаи собрался за ним, и многие хотели ехать с ним, но он никого не взял. Они с Передуром какое-то время ехали вместе из-за большой привязанности друг к другу, а потом расстались и поехали каждый в свою сторону.

И Гвальхмаи въехал в долину, где увидел крепость, окруженную высокими и мощными стенами, и из этой крепости выехал на охоту рыцарь на черном как смоль коне, быстром, но послушном. Рыцарь этот владел крепостью, и Гвальхмаи приветствовал его.

– Храни тебя Бог, господин! – сказал он. – Откуда ты едешь?

– Я еду от двора Артура, – ответил Гвальхмаи.

– Тогда я дам тебе добрый совет, – сказал рыцарь. – Я вижу, что ты устал. Иди в крепость и отдохни, если хочешь.

– Спасибо, господин, я с радостью приму твое приглашение.

– Вот это кольцо ты покажешь привратнику, чтобы он впустил тебя, а в крепости тебя примет моя сестра.

И Гвальхмаи пошел к воротам, и показал привратнику кольцо, и поднялся в башню, где горел очаг, возле которого сидела прекрасная и гордая дева, и она обрадовалась, увидев Гвальхмаи, и приветствовала его. Он сел рядом с ней, и они пообедали, а после обеда завели приятную беседу. И в это время к ним вошел седой старик и сердито сказал:

– Эй, развратница, если бы ты знала, с кем ты сидишь и заигрываешь, то вряд ли стала бы делать это, – и в гневе он вышел прочь.

– Господин, – сказала тогда дева, – послушай моего совета и запри дверь, чтобы этот человек не устроил тебе ловушки.

Гвальхмаи вышел и увидел, что тот человек и с ним шесть десятков вооруженных направляются к нему. И он защищался от них шахматной доской и перебил их всех к тому времени, как владелец крепости вернулся с охоты. И тот, вошедши, спросил, что здесь произошло.

– Неслыханное злодейство, – сказал седой старик. – Эта вот распутница сидела и пила с человеком, убившим твоего отца, и это Гвальхмаи, сын Гвиара.

– Подожди, – сказал граф, – я сам пойду к нему.

И он вошел в покои, где был Гвальхмаи, и сказал ему:

– Господин, опасно для тебя приходить к тому, у кого ты убил отца, но я не стану тебе мстить, ибо Бог сам отомстит тебе за него.

– Друг мой, – сказал Гвальхмаи, – я не знаю, о чем ты говоришь. Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть, что убил твоего отца. Сейчас я еду на поиски девы, которой грозит беда, но до конца года вернусь, и тогда мы рассудим этот спор.

И он провел там ночь, а утром поехал дальше, и история больше ничего не говорит о случившемся с Гвальхмаи⁷²¹.

Передур же ехал своим путем и обошел весь остров, ища черную девицу, но так и не нашел. И вот он достиг

неведомой страны, где протекала река; и, проезжая вдоль нее, он встретил священника на коне, едущего ему навстречу, и попросил у него благословения.

– О несчастный! – сказал тот. – Я не дам тебе благословения, если ты продолжишь путь в такой день, как этот.

– Какой же сегодня день? – спросил Передур.

– Сегодня Страстная пятница⁷²².

– Прости, что я не знал этого, ведь уже год, как я покинул свою страну.

И Передур спешил и повел коня в поводу. Он шел, пока не свернул на тропинку, ведущую в лес, и на опушке леса увидел хижину, где сидел уже виденный им священник, и Передур вновь попросил у него благословения.

– Да благословит тебя Бог, сын мой, – сказал тот, – так-то лучше. Переночуй сегодня у меня.

И Передур остался там на ночь, а наутро встал и хотел продолжать путь.

– Сегодня ты не должен отправляться в дорогу. Остайся здесь еще на два дня, а потом я скажу тебе, где найти то, что ты ищешь, – сказал священник. И на третий день Передур собрался в путь и спросил священника, где ему искать Замок Чудес.

– Все, что знаю, я скажу тебе. Иди к той горе, и с другой стороны ее увидишь реку, в долине которой стоит королевский двор, где король празднует Пасху. Там ты и узнаешь дорогу к Замку Чудес.

И Передур поехал этим путем, и выехал к долине реки, и встретил там охотников. Среди них был муж высокого рода, и они приветствовали друг друга.

– Выбирай, господин, – сказал тот, – или поезжай ко мне во дворец, или оставайся здесь. Если хочешь, я пошлю одного из рыцарей к моей дочери, чтобы она накормила и напоила тебя, пока я не вернусь с охоты. Если же я могу помочь тебе чем-нибудь, я с радостью сделаю это.

И король послал с ним золотоволосого юношу, и когда они вошли во двор, дочь короля встала и приветствовала их и усадила Передура рядом с собой. И они отобедали, и на каждое слово Передура она отвечала громким смехом, так что все при дворе слышали это. И наконец юный слуга сказал ей:

– Клянусь, что если тебе нужен муж, то этот рыцарь вполне достоин им стать; но если он и не станет твоим мужем, боюсь, что твое сердце он уже похитил.

И юноша пошел к королю и сказал, что его дочь влюбилась в чужеземного рыцаря и нельзя отпускать его, чтобы не случилось беды.

– Что же ты посоветуешь, друг мой? – спросил король.

– Пока я посоветую заточить его в башню, чтобы он не мог уйти.

И король послал людей схватить Передура и заточить его в башню. Тогда дева пала к ногам отца и спросила:

– Зачем ты велел заточить этого славного рыцаря?

– Затем, чтобы он не ушел отсюда, где ему так хорошо, – ответил король. И она ничего не сказала в ответ и пошла к Передуру.

– Хорошо ли тебе, рыцарь?

– Я бы не оставался здесь, если бы мне не было хорошо.

– Тогда твой стол и постель будут не хуже, чем у самого короля, и лучшие певцы двора будут петь тебе, и более того – если захочешь, я сама приду к тебе ночевать и стану беседовать с тобой.

– Я не откажусь от этого, – сказал Передур, и в ту же ночь она сделала, как обещала.

И на следующее утро Передур услышал за окном великий шум.

– О красавица, что это? – спросил он у девы, и она ответила:

– Войско короля собралось сегодня в крепости.

– И что же собрало его здесь?

– Есть у нас граф, владеющий двумя графствами и более могущественный, чем король; и сегодня между ними произойдет сражение.

– Прошу тебя, – обратился к ней Передур, – добудь мне коня и оружие, чтобы я мог принять участие в бою, а потом я вернусь в эту башню.

– Я с радостью добуду все это для тебя, – сказала она и дала ему коня, и оружие, и алый плащ, и золоченый щит.

И он выехал в поле и поверг наземь всех людей графа, с кем бился в тот день. После этого он вернулся к себе в

башню. И дева спросила у него новости, но он ничего ей не сказал. Тогда она пошла к отцу и спросила, кто из рыцарей сражался лучше всех. И он сказал, что это был рыцарь в алом плаще и с золоченым щитом, которого он не знает. И дева рассмеялась, и пошла к Передуру, и любила его еще больше. И так три дня подряд Передур побеждал людей графа и возвращался в башню прежде, чем его могли узнать. На четвертый день он убил самого графа, и дева пришла к отцу и спросила его о новостях.

– Новости самые лучшие, – ответил король, – граф убит, и все его владения достались мне.

– Знаешь ли ты, кто убил его?

– Я не знаю, – сказал король, – но это опять был рыцарь в алом плаще и с золоченым щитом.

– Господин, я знаю этого рыцаря, – сказала она.

– Ради Бога, – воскликнул он, – скажи мне, кто это.

– Господин, это рыцарь, заключенный у тебя в башне.

И он пошел в башню к Передуру, и приветствовал его, и сказал, что он может просить у него все, что хочет, за свои подвиги. И когда они сели за стол, Передур сел рядом с королем, а дева – с другой стороны от него. И после еды король сказал ему:

– Я отдам тебе в жены мою дочь, и половину своего королевства, и два графства в придачу.

– Благодарю тебя, господин, – сказал Передур, – но я не могу жениться на ней.

– Тогда говори, чего ты хочешь?

– Я хочу узнать дорогу к Замку Чудес.

– Господин, ты получишь все, что просишь, – сказала дева, – проводников, и припасы, и сведения об этом замке, ибо я люблю тебя больше всех на свете.

И она сказала ему:

– Перейди через ту гору, и там ты увидишь озеро и посреди него замок, который зовется Замком Чудес, но, кроме этого, мы не знаем ничего о нем.

И Передур подъехал к замку, и увидел, что ворота его открыты, и вошел в зал, где стояла шахматная доска, на которой фигуры сражались сами по себе. И он встал за одну из сторон, но она проиграла, и тогда фигуры другой стороны закричали, как живые люди, праздную победу⁷²³.

Передур рассердился и швырнул доску с фигурами в озеро. И тут вошла черная девица и сказала Передуру:

– Покарай тебя Бог! Поистине, ты повсюду творишь зло.

– О каком зле ты говоришь, дева? – удивился Передур.

– Ты утопил шахматную доску императрицы, а без нее ей не сохранить свою империю.

– Есть ли способы вернуть эту доску?

– Только один: иди в Константинополь, где живет черный великан, опустошивший многие владения императрицы. Если ты убьешь его, ты получишь эту шахматную доску, но вряд ли ты вернешься от него живым.

– Проводишь ли ты меня туда? – спросил Передур.

– Я покажу тебе дорогу, – ответила черная девица.

И он пришел в Константинополь и сразился там с черным великаном, и тот запросил пощады.

– Я пощажу тебя, – сказал Передур, – если ты вернешь доску на место, где она была.

После этого появилась черная девица и сказала ему:

– Поистине, твой труд будет напрасен, если ты оставишь в живых этого злодея, причинившего столько бед императрице.

– Я обещал сохранить ему жизнь, – возразил Передур, – в обмен на доску.

– Доски нет на месте, – сказала девица, – поэтому вернись и убей его.

И Передур вернулся и убил великана, и во дворце его ждала черная девица.

– Скажи, – спросил ее Передур, – здесь ли императрица?

– Клянусь Богом, ты не увидишь ее, пока не убьешь чудовище, живущее в этом лесу.

– Что же это за чудовище?

– Это олень, бегущий быстрее быстрой ртути, и во лбу его один рог, что острее самого острого копья. И он поедает в лесу всю траву и зелень и убивает всякую тварь, которую встречает, прочие же умирают от голода. И хуже того: каждую ночь он приходит и выпивает пруд близ дворца, и, пока вода вновь заполнит его, вся рыба там тоже погибает.

– О дева, – сказал Передур, – иди и покажи мне этого зверя.

– Я не пойду туда, ибо уже больше года ни один человек не смеет войти в этот лес. Здесь есть собачка госпожи⁷²⁴, она и наведет тебя на след оленя, а там он выйдет и сам нападет на тебя.

И собачка привела Передура к месту, где был олень, и олень напал на Передура, который отсек ему голову мечом. И тут он увидел подъезжающую к нему даму, и она взяла собачку на руки, а голову оленя положила на седло впереди себя. На шее же у него было ожерелье червонного золота.

– О господин, – сказала она, – нехорошо ты поступил, сразив чудеснейшее создание в моих владениях.

– Мне велели сделать это, сказав, что только так я могу заслужить твою дружбу.

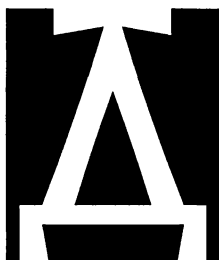
– Тогда иди вон на ту гору, и ты увидишь там камень. Сразись трижды с человеком, что выйдет из-под камня, и ты добьешься моей дружбы и признательности.

И Передур поехал туда и предложил тому человеку сразиться. И из-под камня появился громадный человек в ржавых доспехах верхом на конском скелете⁷²⁵. Они стали сражаться, но каждый раз, когда Передур повергал того человека на землю, тот вставал живой и невредимый. Тогда Передур спешился, и достал из ножен меч, но тут человек исчез, словно его и не было, и вместе с ним исчезли его конь и конь Передура. И Передур поднялся на гору, и на другой ее стороне увидел замок в речной долине, и вошел в него. И там он узрел сидевших в зале хромого короля и Гвальхмаи, и они были рады видеть его. И Передур подошел к ним и сел рядом. В это время в зал вошел золотоволосый юноша и преклонил колено перед Передуром.

– Господин, – сказал он, – это я приходил в обличье черной девицы ко двору Артура, и когда ты бросил в озеро шахматную доску, и когда ты убил черного великана в Константинополе, и когда ты сразил оленя. И это я тогда входил в зал с отрубленной головой на блюде и с копьем, с которого стекала кровь; и это была голова твоего двоюродного брата, убитого глостерскими ведьмами; и по их вине твой дядя сделался хромым. Я же – твой родич и делал все это, зная предсказание, по которому ты должен отомстить им.

Тогда Передур с Гвальхмаи решили послать за Артуром и его рыцарями, чтобы они помогли им справиться с ведьмами. И они сразились с ведьмами; и одна из них убила рыцаря, что стоял слева от Передура, а он отразил удар. И в другой раз ведьма убила рыцаря, стоявшего справа, а Передур опять отразил ее удар. И в третий раз ведьма кинулась на Передура; тогда он поднял меч и ударил ведьму по шлему так, что расколол ей шлем вместе с головой. И она закричала, чтобы прочие ведьмы скорее улетали, ибо пришел Передур, которого они обучили воинскому искусству и который должен победить их. И после этого Артур и его рыцари воевали с глостерскими ведьмами и перебили их всех до единой. И так кончается рассказ о Замке Чудес.

ГЕРДИНТ, СЫН ЭРБИНА

вор Артура обычно пребывал в Каэрлеоне на Уске⁷²⁶, где Артур оставался семь дней на Пасху и пять дней на Рождество⁷²⁷. И там же он встречал Троицын день, поскольку Каэрлеон был самым доступным местом в его владениях для приезжающих по суше и по морю. И вокруг него собрались там девять королей со своими людьми, и с

графами, и с баронами, и они гостили у него все праздники, если не находилось у них в то время важных дел.

И вот, когда он был со своим двором в Каэрлеоне, для праздничной службы было приготовлено тринадцать церквей. Вот для кого их приготовили: одна церковь для Артура с девятью королями и прочими его гостями; другая – для Гвенвивар с ее дамами; третья – для управителя двора⁷²⁸ с его помощниками; четвертая – для Одгара Франка⁷²⁹ и прочих начальников войска; девять оставшихся – для Гвальхмай и других рыцарей, которые по своей знатности и воинским подвигам водили девять дружин. И в каждой из церквей могли молиться лишь те, кого мы упомянули. Главным же привратником был Глеулуйд Гаваэлваур⁷³⁰, но он не нес службу сам, кроме как на три главнейших праздника, – за него это делали семеро его подчиненных, разделивших меж собой год, и это бы-

ли не кто иные, как Гринн, и Пеннпигон, и Ллазскимин, и Гогифолх, и Гордни Кошачий Глаз, который ночью видел не хуже, чем днем, и Дрем, сын Дремидида, и Клист, сын Клиствейнида⁷³¹. Все они служили привратниками при дворе Артура.

И на Троицын день, когда император пировал в дворцовом зале, вошел туда высокий юноша с каштановыми волосами, в узорном атласном кафтане, в туфлях из лучшей кордовской кожи, и на поясе у него висел меч с золотой рукоятью.

– Приветствую тебя, господин, – сказал он.

– Храни тебя Бог, – сказал ему Артур, – и да будет с тобой его милость. Что тебе нужно?

– Узнаешь ли ты меня, господин? – спросил юноша.

– Нет, не узнаю, – ответил Артур.

– Поистине, это странно, ведь я твой лесник из Динского леса⁷³² и имя мое Мадауг, сын Тургадарна⁷³³.

– Говори же, Мадауг, с чем ты пришел, – сказал ему Артур.

– Я скажу, господин, – ответил тот. – Я встретил у себя в лесу оленя, подобного которому никогда не видел.

– Что же в нем такого, – спросил Артур, – чего нет у других оленей?

– Он весь белый, господин, и не пасется рядом ни с одним животным из-за своей гордыни⁷³⁴, и я хочу спросить тебя, что мне с ним делать. Каков будет твой приказ?

– Лучшее, что я могу сделать, – сказал Артур, – это поехать завтра на охоту в то место, и пусть скажут об этом всем моим людям, и Руферусу – а это был старший охотник Артура, – и Элифри, главному среди пажей, и всем прочим.

Так и сделали. И он велел юноше сопровождать их. И Гвенвивар сказала Артуру:

– О господин, позволь мне завтра поехать с тобой на охоту и взглянуть на оленя, о котором говорил этот юноша.

– Что ж, – сказал Артур, – я с радостью возьму тебя с собой⁷³⁵.

– Тогда я поеду с вами, – сказала она.

И после этого Гвальхмаи сказал Артуру:

– Государь, если ты не против, позволь завтра тому, кто сразит оленя, будь то рыцарь или пеший воин, отрезать ему голову и поднести ее в дар своей даме сердца.

– И это я с радостью одобрю, – сказал Артур, – но пусть управитель завтра накажет тех, кто не выедет вовремя на охоту.

И они провели ночь, пируя, и слушая песни бардов, и беседуя, сколько душа пожелает. Когда же пришло время, они отправились спать. Наутро все они встали, и Артур призвал к себе четырех пажей, охранявших его опочивальню, и это были Кадириэйт, сын привратника Гордни⁷³⁶, и Амрен, сын Бедуира, и Амар, сын Артура⁷³⁷, и Гореу, сын Кустеннина⁷³⁸. И они вошли, и приветствовали Артура, и помогли ему одеться. И Артур удивился, что Гвенвивар еще не встала и не поднялась с постели, и все хотели дождаться ее, но Артур сказал:

– Не стоит ждать ее, если ей больше нравится спать, чем ехать с нами на охоту.

И они отправились в путь, и Артур услышал рог своего старшего охотника, и все они во главе с Артуром пустили коней к лесу. И когда Артур покинул двор, Гвенвивар встала и позвала служанок, и они помогли ей одеться. Она сказала им:

– Вчера я собиралась поехать на охоту. Пусть же одна из вас пойдет на конюшню и выберет лошадей, подходящих дамам.

И служанка пошла на конюшню, но нашла там лишь двух коней. Тогда Гвенвивар со служанкой сели на этих коней и поехали через Уск дорогой, на которой виднелись свежие следы копыт.

И вот они услышали сильнейший шум и, оглянувшись, увидели скачущего за ними всадника на громадном коне, и это был юноша благородного вида с каштановыми волосами; на боку его висел меч с золотой рукоятью, а одет он был в узорный атласный кафтан и плащ пурпурного цвета с золотыми яблоками по краям; обут же он был в сапоги из лучшей кордовской кожи. И конь его несся быстро, но легко, горделиво вскинув голову. И он приблизился к Гвенвивар и приветствовал ее.

– Храни тебя Бог, Герайнт⁷³⁹, – сказала она. – Видишь,

я узнала тебя, хотя видела очень давно. Почему ты не поехал на охоту со своим господином?

– Потому что не знал об этом, – ответил он.

– Я тоже удивилась, – сказала она, – что он уехал, не известив меня.

– Да, госпожа, вот и я спал и не слышал, как он уехал.

– О юноша, – сказала она, – поистине, ты спутник, приятнее которого нет для меня во всем королевстве, к тому же я узнаю об охоте не меньше их – ведь мы отсюда услышим и звуки рога, и лай собак.

И они выехали на опушку леса и там остановились.

– Отсюда мы услышим, – сказала она, – когда собак пустят по следу.

И тут они услышали громкий топот копыт, и взглянули туда, откуда он раздавался, и увидели карлика верхом на громадном, раздувающим ноздри коне, и в руке у него был хлыст. Следом за карликом ехала дама на прекрасном белом коне, бег которого был скор, но послушен. И на даме было платье из золоченого атласа. Следом ехал всадник на боевом коне в тяжелых сверкающих латах, и им показалось, что никогда еще они не видели коня и всадника больших, чем эти. И они съехали ближе и остановились.

– Герайнт, – спросила Гвенвивар, – знаешь ли ты этого всадника?

– Я не знаю его, госпожа, – ответил он, – и из-за этих тяжелых заморских лат не могу разглядеть его лица.

– Иди, дева, – велела Гвенвивар служанке, – и спроси у карлика, кто этот всадник.

И служанка направилась к карлику, и он, увидев ее, остановил коня. И она спросила его:

– Скажи мне, кто этот всадник?

– Я не скажу тебе этого, – отвечал он.

– Раз уж ты столь невежлив, что не желаешь этого сказать, то я спрошу его сама.

– Клянусь, ты не сделаешь этого, – сказал карлик.

– Почему же? – удивилась она.

– Не такого ты рода, чтобы говорить с моим господином.

Тогда служанка направила к всаднику своего коня, но карлик ударил ее по лицу хлыстом, бывшим у него в ру-

ке, так, что хлынула кровь. И служанка, чувствуя боль от удара, вернулась к Гвенвивар и пожаловалась ей.

– Поистине, – сказал Герайнт, – жестоко и несправедливо обошелся с тобой этот карлик. Сейчас я сам поеду и узнаю имя этого всадника.

– Ну что ж, поезжай, – сказала Гвенвивар.

И Герайнт подъехал к карлику.

– Кто этот всадник? – спросил он его.

– Я не скажу тебе этого, – ответил карлик.

– Тогда я спрошу его сам, – сказал Герайнт.

– Клянусь, ты не сделаешь этого, – сказал карлик, – не такого ты рода, чтобы говорить с моим господином.

Тогда Герайнт сказал:

– Говорил я с людьми и познатней твоего господина.

И он направил коня к всаднику, но карлик догнал его и ударил хлыстом так же, как служанку, и кровь брызнула на плащ Герайнта. И он уже опустил руку на рукоять меча, но подумал, что если он убьет карлика, то не справится без доспехов с его хозяином, и тогда он вернулся к месту, где была Гвенвивар.

– Поистине, ты поступил благородно⁷⁴⁰, – сказала она.

– О госпожа, – обратился он к ней, – с твоего позволения я последую за этими людьми до места, где я смогу добыть оружие и доспехи, чтобы сразиться с рыцарем.

– Поезжай, – сказала она, – и не вступай с ним в бой, пока не добудешь надежных доспехов. И помни, что я буду тревожиться за тебя, пока не получу вестей.

– Если я только буду жив, – ответил он, – то до завтрашнего вечера ты получишь вести от меня, – и он поехал за ними.

И они проехали по дороге мимо двора Артура в Каэрлеоне, и переехали через брод на Уске, и продвигались по обширной и дикой равнине, пока не достигли укрепленного города. И над городом возвышалась крепость, и они поехали к ней; и когда рыцарь проезжал через город, все жители вышли приветствовать его. Когда же Герайнт въехал в город, он заглядывал в каждый дом, надеясь встретить знакомых, но не узнал никого, и его никто не узнал, и никто не хотел дать ему оружие и доспехи за плату или под залог. Притом в каждом дворе он мог видеть

мечи, и щиты, и начищенные доспехи, и боевых коней. И всадник со своей спутницей и с карликом въехали в крепость, и все там были рады их прибытию, и все на стенах и в воротах склонили головы, приветствуя их.

И Герайнт подошел туда, чтобы узнать, нельзя ли и ему войти в замок, и ему велели ждать; тогда он огляделся по сторонам и увидел за городской стеной старый полуразвалившийся дворец. Не найдя в городе приюта, он направил коня туда и, въехав во двор, увидел мраморную лестницу, ведущую в верхние покои. На лестнице его встретил седой старик в ветхой, поношенной одежде. Герайнт приветствовал его, и старик спросил:

– О юноша, чего ты ищешь здесь?

– Я не знаю, – ответил Герайнт, – где мне отыскать ночлег.

– Тогдаходи, – сказал старик, – и ты получишь то немногое, что я могу тебе предложить.

И он вошел, и седой старик провел его в зал, где сидела на подушках старуха в ветхом атласном платье, и Герайнт подумал, что, когда она была в цвете лет, на свете не было дамы красивее ее. Позади нее сидела дева в платье таком поношенном, что оно едва держалось на ней. И ему показалось, что, несмотря на столь бедную одежду, он еще не встречал девы более красивой и благородной.

И старик сказал деве:

– Кроме тебя, у нас нет конюха для коня этого юноши.

– Я сделаю все, что смогу, – ответила она, – и для этого юноши, и для его коня.

И она сняла с Герайнта сапоги и насыпала его коню овса, после чего снова вернулась в верхние покои. И тогда старик сказал ей:

– Сходи в город и принеси все лучшие яства и напитки, что найдешь там.

– Я с радостью сделаю это, господин мой, – сказала она.

И пока они беседовали, дева сходила в город и вернулась в сопровождении слуги, несущего кувшин с медом и телячью ногу; она же несла ковригу хлеба и сладкие булочки⁷⁴¹. И она поднялась со всем этим в верхние покои.

– Мне не удалось достать ничего лучше, – пожаловалась она, – никто уже не дает нам в долг.

– Что ж, этого вполне достаточно, – сказал Герайнт, и они стали ждать, когда сварится мясо.

И когда все было готово, они сели за стол так: Герайнт сел между стариком и его женой, а дева села напротив; и они поели. После еды Герайнт заговорил со стариком и спросил, его ли это дворец.

– Да, я выстроил его, – ответил тот, – а когда-то мне принадлежал весь этот город и замок, которые ты видел.

– О господин, – спросил Герайнт, – как же ты потерял все это?

– Я потерял это и еще целое графство, и вот как это случилось. Был у меня племянник, сын моего брата, от которого я унаследовал все эти владения. Когда он вошел в силу, он потребовал их обратно, и пошел на меня войной, и отнял все, кроме вот этого дворца⁷⁴².

– О господин, – спросил тогда Герайнт, – скажи мне, зачем прибыл сюда рыцарь, что въехал накануне в город с дамой и карликом? И зачем в городе столько оружия?

– Я скажу тебе, – ответил старик. – Все готовятся к завтрашнему турниру, в котором примет участие молодой граф. Вот как это будет: на лугу вкопают два столба, и повесят на них серебряную перекладину, и посадят на нее ястреба⁷⁴³. Из-за этого ястреба и состоится турнир, и все люди, и кони, и оружие, что ты видел, готовятся к этому турниру; и с каждым рыцарем там должна быть его дама сердца, поскольку без таковой ни один рыцарь не может биться за ястреба. Рыцарь же, которого ты видел, выигрывал ястреба два года подряд, и если завтра он выиграет его в третий раз, то потом он будет получать его каждый год без боя. И он получит имя Рыцарь Ястреба.

– О господин, – сказал Герайнт, – что же мне делать с этим рыцарем, который оскорбил меня и служанку Гвенвивар, супруги Артура?

И он рассказал старику, как это все случилось. И тот сказал:

– Не так легко мне помочь тебе, ибо у тебя нет дамы, за которую ты мог бы биться. Но я мог бы дать тебе доспехи и хорошого коня.

– Господин, – сказал Герайнт, – да благословит тебя Бог. Конь мой достаточно хорош для меня, если будут на

мне твои доспехи; что до дамы сердца, то пусть будет ею эта вот дева, твоя дочь, и если я вернусь с турнира живым, то буду любить ее всю свою жизнь и останусь ей верен. Если же меня убьют там, то она сохранит свою чистоту, как и раньше.

– С радостью соглашаюсь, – сказал старик, – и раз уж ты решился, то нужно быть готовым уже к утру, когда в поле выедет Рыцарь Ястреба и попросит свою даму сердца взять ястреба, как ей подобает. И он скажет ей: «Ты владела им два года, и, если кто-либо попытается отобрать его у тебя, я сумею защитить твои права». Поэтому тебе нужно быть там, когда он это скажет, – продолжал старик, – а мы все трое пойдем с тобой.

Так они и решили и отправились спать, а наутро поднялись, и оделись, и приготовили коня и доспехи. И в назначенный час они вчетвером встали на берегу реки. И выехал Рыцарь Ястреба и попросил свою даму взять ястреба. Но Герайнт сказал:

– Не трогай его, ибо есть здесь дама прекраснее тебя, и чище, и знатней по рождению.

– Что ж, – сказал рыцарь, – если ты желаешь, чтобы этот ястреб достался ей, выходи биться со мной.

И Герайнт выехал в поле на коне, в тяжелых доспехах, что дал ему старик. И они сразились, и преломили копьа, и другие, и третьи, и сломали все копьа, что им дали, одно за другим. Когда одолевал Рыцарь Ястреба, то граф и его приближенные радовались, а старик с женой и дочерью печалились. И старик подавал Герайнту копьа, когда они ломались; Рыцарю Ястреба же подавал копьа его карлик. Наконец старик подошел к Герайнту и сказал ему:

– Господин, вот это копье я получил, когда был посвящен в рыцари, и с тех пор оно не ломалось и было крепче всех других копий.

Герайнт взял копье и поблагодарил старика. А карлик в это время поднес копье своему господину.

– Это не худшее из копий, – сказал он ему, – однако помни, что ни один рыцарь еще не держался так стойко в бою с тобой.

– Клянусь Богом, – воскликнул Герайнт, – ничто не поможет тебе, коль я буду жив!

И он пришпорил коня, и с яростью кинулся на рыцаря, и нанес ему сильнейший удар в середину щита так, что щит разлетелся, и броня его оказалась пробита, и подпруга лопнула, и рыцарь свалился с коня вместе с седлом. Тогда Герайнт быстро спешился, обнажил меч и бросился на рыцаря, который встал и тоже обнажил свой меч. И так они наносили друг другу удары, пока доспехи на обоих не разлетелись в куски и пока пот и кровь не застлали им глаза. И когда одолевал Герайнт, старик с женой и дочерью радовались; а когда одолевал Рыцарь Ястреба, радовались граф и его люди. И когда старик увидел, что Герайнт начал уставать, он подошел к нему и сказал:

– Господин, помни об обиде, что нанес тебе карлик! Ты должен отомстить за себя и за Гвенвивар, супругу Артура.

И Герайнт вспомнил об этом, и вновь обрел силы, и поднял меч, и с такой силой ударил рыцаря по макушке, что шлем треснул, и меч рассек ему кожу и мясо и дошел до кости. Тут рыцарь упал на колени, выронил из рук меч и обратился к Герайнту:

– Невыносимо для моей гордыни просить у тебя пощады, поэтому я не жду, что ты пощадишь меня за все мои грехи, и не прошу сохранить мне жизнь.

– Я пощажу тебя, – сказал Герайнт, – если ты немедленно отправишься к Гвенвивар, жене Артура, и попросишь у нее прощения за обиду, что твой карлик нанес ее служанке. За мою обиду я тебе уже отомстил. Поклянись, что ты не спешишься, пока не явишься к Гвенвивар и не повинешься перед ней, как это принято при дворе Артура.

– Я сделаю это, но скажи мне, кто ты таков?

– Я Герайнт, сын Эрбина, а кто ты?

– Я Эдирн, сын Нудда⁷⁴⁴.

И он с трудом сел на коня и отправился прямо ко двору Артура, и с ним поехали его дама сердца и его карлик, весьма опечаленные. Так об этом говорит история.

И после этого к Герайнту пришли молодой граф и все его приближенные, и приветствовали его, и пригласили в замок.

– Нет, – сказал Герайнт, – я пойду туда, где я провел прошлую ночь.

– Раз уж ты не хочешь принять моего приглашения, то

я велю устроить баню в том месте, где ты провел ночь, чтобы ты мог отдохнуть и омыть свои раны.

– Благодарю тебя, – сказал Герайнт, – ищи меня там.

И он отправился туда вместе со старым графом Иниолом⁷⁴⁵, и его женой, и его дочерью. И как только они вошли в верхние покои, туда явились юные пажы графа, и принесли все необходимое для бани, и затопили баню, и Герайнт омылся. Тут пришел молодой граф с сорока знатными рыцарями из числа его людей и участников турнира. И он пригласил Герайнта в зал отобедать.

– А где граф Иниол с женой и дочерью? – спросил Герайнт.

– Они в верхних покоях, надевают платья, что прислал им граф.

– Попросите деву не надевать это платье, пока сама Гвенвивар не пожалует ей платье при дворе Артура, – и дева не надела нового платья.

И все они вошли в зал, омыли руки и сели за стол. Вот как они сели: с одной стороны от Герайнта сел молодой граф, а рядом с ним – граф Иниол, с другой же стороны сели дева и ее мать. Прочие же уселись по своей знатности и положению. И они ели и пили, и им подносили самые изысканные блюда. И граф снова завел разговор и пригласил Герайнта к себе.

– Я не пойду, клянусь Богом, – ответил Герайнт. – Завтра же я отправлюсь ко двору Артура и не вернусь сюда, пока граф Иниол беден и унижен; если же я вернусь, то лишь затем, чтобы восстановить его права.

– Господин мой, – сказал граф, – не по моей вине граф Иниол лишился владений.

– Но я клянусь, – сказал Герайнт, – что, коль я буду жив, он их получит.

– Тогда разреши наш спор с графом Иниолом, и я с охотой верну все, что ему причитается.

– Я прошу вернуть ему лишь то, чем он владел, и еще возмещение за те годы, что он прожил в бедности.

– Я с радостью отдам ему все это, – сказал граф.

– Тогда вели и всем людям, что некогда служили Иниолу, принести ему клятву верности.

И они так и сделали. И граф заключил мир с Иниолом

и вернул ему замок, и город, и земли, и все, чего тот был лишен, до последнего камешка⁷⁴⁶. И после этого Иниол сказал Герайнту:

– Господин, дева, за которую ты бился на турнире, твоя и готова следовать за тобой куда угодно.

– Я хочу только отвезти ее ко двору Артура, чтобы Артур и Гвенвивар могли ее вознаградить.

И на другой день они отправились прямо ко двору Артура. Так рассказывает история о Герайнте.

Поведаем теперь о том, как Артур охотился на оленя. Он расставил охотников по местам и спустил собак одну за другой, последним же спустил своего любимого пса по имени Кавалл⁷⁴⁷. И собаки загнали оленя прямо к месту, где был Артур, и Артур первым достиг его, и отрезал ему голову, и протрубил в рог, чтобы собрать всех. И Кадириэйт подошел к Артуру и сказал ему: «Господин, там Гвенвивар с одной лишь служанкой». – «Отошли Гильдаса, сына Кау, и всех ученых мужей ко двору вместе с Гвенвивар»⁷⁴⁸, – велел Артур. Так и было сделано. После этого все сошлись и заспорили, кому достанется голова оленя, ибо каждый хотел преподнести ее своей даме сердца. И все рыцари и охотники перессорились из-за этой головы, пока добрались до двора.

Когда же Артур с Гвенвивар услышали все эти споры, Гвенвивар сказала Артуру:

– О господин, выслушай мой совет относительно головы – вели не отдавать ее никому до возвращения Герайнта, сына Эрбина.

И она рассказала Артуру о том, что случилось. «Да будет так», – сказал Артур. На другой же день Гвенвивар велела дозорным подняться на башни и высматривать Герайнта. И после полудня они увидели вдали, как им показалось, даму или девицу на лошади; сзади же ехал рыцарь с поникшей головой, весьма печальный и в разбитых доспехах. Тут же, прежде чем они приблизились к воротам, дозорные донесли об этом Гвенвивар и сказали ей, что не знают, кто эти люди.

– Сдается мне, – сказала Гвенвивар, – что это тот рыцарь, за которым отправился Герайнт, и что он не по своей воле прибыл сюда, а Герайнт нагнал его и отомстил за обиду моей служанки.

И вот к Гвенвивар явился привратник.

– Госпожа, – сказал он, – у ворот стоит рыцарь, и я никогда не видел более жалкого зрелища, нежели он. Доспехи его все разбиты, и даже не видно, какого они цвета, из-за покрывающей их крови.

– Сказал ли он, как его имя? – спросила она.

– Он говорит, что его имя Эдирн, сын Нудда, но мне он незнаком.

Тогда Гвенвивар вышла к воротам, чтобы встретить его, и он вошел. И Гвенвивар стало жаль его, когда она увидела его горестное состояние. И, войдя, он приветствовал Гвенвивар.

– Храни тебя Бог, рыцарь, – сказала она.

– Госпожа, – сказал он ей, – тебе передает привет Герайнт, сын Эрбина, лучший и достойнейший из рыцарей.

– Видел ли ты его? – спросила она.

– Да, – ответил он, – и это плохо кончилось для меня, но не по его вине, а по моей собственной. Он послал меня просить твоего прощения за обиду, что мой карлик нанес твоей служанке. Свою же обиду он простил, решив, что уже отомстил мне тем, что победил и отправил сюда, к тебе, госпожа.

– Скажи, рыцарь, где же он победил тебя?

– Там, где мы сражались за ястреба, в городе, что зовется ныне Кардифф⁷⁴⁹. У него не было спутников, кроме трех оборванцев; и это были седой старик, старуха и весьма милостивая девица в ветхом платье. Вот ради этой девицы Герайнт и вступил в бой за ястреба, и он сказал, что она более достойна этого ястреба, чем дама, что была со мной. Потому мы и стали сражаться, и, как ты видишь, госпожа, он меня одолел.

– О рыцарь, – спросила она, – когда же Герайнт будет здесь?

– Я думаю, госпожа, что он завтра же прибудет сюда вместе с той девицей.

Тут вошел Артур, и рыцарь приветствовал его.

– Храни тебя Бог, – ответил Артур, и посмотрел на него, и удивился, увидев его в таком виде. Ему показалось, что этот рыцарь знаком ему, и он спросил:

– Эдирн, сын Нудда, ты ли это?

– Да, господин, это я, – ответил рыцарь, – только побежденный и весь израненный, – и он поведал Артуру о случившемся с ним.

– Поистине, – сказал Артур, – не должна Гвенвивар жалеть тебя после того, что ты сделал.

– Господин, – сказала Гвенвивар, – если ты не помилишь его, стыд падет на мою голову, как и на твою.

– Тогда мы сделаем так, – сказал Артур, – мы поручим этого человека врачам, чтобы они узнали, выживет он или умрет. И если он выживет, мы рассудим его дело по обычаям нашего двора. Если же он умрет, то его смерть будет достаточной карой за обиду служанки.

– Пусть будет так, – сказала Гвенвивар.

И после Артур принес поручительство в этом, и то же сделали Карадауг, сын Ллира⁷⁵⁰, и Гваллауг, сын Лленнауга⁷⁵¹, и Оуэн, сын Нудда⁷⁵², и Гвальхмай, и все прочие. И Артур позвал Моргана Туда, что был при дворе главным лекарем⁷⁵³, и сказал ему:

– Возьми Эдирна, сына Нудда, к себе, и приготовь ему покой, и лечи его так, как лечил бы меня, будь я ранен, и не пускай к нему в покой никого, кроме своих подручных.

– Я с радостью сделаю это, господин, – сказал Морган Туд.

И потом управитель двора спросил:

– Господин, куда поместить эту даму?

– К Гвенвивар и ее служанкам, – ответил Артур. И управитель так и сделал. Так кончается эта история.

На другой день Герайнт прибыл ко двору, и его увидел дозорный, поставленный Гвенвивар, дабы его прибытие не прошло незамеченным. И дозорный пошел к Гвенвивар и сказал ей:

– Госпожа, мне кажется, я видел Герайнта с девой, и он сидит на коне в походном платье, а дева одета в белое.

– Собирайтесь, о девы, – сказала Гвенвивар, – и выйдите встречать Герайнта, и возрадуйтесь его возвращению.

И Гвенвивар сама вышла встретить Герайнта и деву, и когда Герайнт увидел ее, он приветствовал ее.

– Храни тебя Бог, – сказала она, – здравствуй. Поистине, удачной и славной была твоя поездка, и Бог помог те-

бе отплатить за мою обиду так полно, как только можно.

– О госпожа, – сказал он, – я и хотел сделать это. Вот дева, благодаря которой твоя обида отомщена.

– Что ж, – сказала Гвенвивар, – пусть будет с ней милость Божия, и я рада видеть ее.

И они спешили и вошли внутрь, и Герайнт пошел туда, где пребывал Артур, и приветствовал его.

– Храни тебя Бог, – сказал Артур, – я рад тебя видеть. Твоя поездка была удачной, если судить по ранам, которые получил Эдирн, сын Нудда.

– Не я виноват в этом, – сказал Герайнт, – но его собственная гордыня. Я не знал, кто он, пока не одолел его в честном бою.

– Скажи мне, – спросил его Артур, – где дева, за которую, как я слышал, ты сражался?

– Она пошла с Гвенвивар в ее покои.

И Артур пошел туда, чтобы взглянуть на деву. И Артур, и его рыцари, и все при дворе были рады видеть ее. И всем им показалось, что они никогда не видели девы прекраснее ни лицом, ни платьем. И Артур сосватал ее Герайнту, и они заключили союз⁷⁵⁴. И дева выбрала себе лучшее из платьев Гвенвивар, и всякий, кто видел ее в этом платье, смотрел на нее с любовью. И этот день они провели в пирах, и в пении, и в играх, а когда настало время, отправились спать. Постель для Герайнта и девы приготовили в палате, где спали Артур и Гвенвивар. И в ту ночь они стали мужем и женой. На другой же день Артур щедро одарил их своими дарами. И дева стала жить при дворе, и у нее появились друзья из мужей и дам, так что о ней узнали на всем Острове Британии.

И Гвенвивар сказала:

– Верно я решила, чтобы оленью голову не отдавали никому до возвращения Герайнта. Теперь ясно, кому следует отдать ее: Энид, дочери Иниола, лучшей из дев⁷⁵⁵. Не думаю, что кто-либо станет оспаривать это, поскольку никто не испытывает к ней иных чувств, кроме любви и дружбы.

И все согласились с этим, в том числе и Артур. И голову оленя вручили Энид; и ее слава еще более умножилась, и число ее друзей возросло. Герайнт же возлюбил

турниры и состязания, и во всех он выходил победителем. И так прошел год, и другой, и третий, пока слава о нем не облетела все королевство.

И вот однажды, когда двор Артура находился в Каэрлеоне на Уске, к нему пришли почтенные и мудрые посланцы, искусные в речах, и приветствовали его.

– Храни вас Бог, – сказал Артур, – и да будет с вами его милость. Откуда вы пришли?

– О господин, – сказали они, – мы из Корнуолла, и нас прислал к тебе Эрбин, сын Кустеннина, твой дядя⁷⁵⁶, и он приветствует тебя, как дядя племянника и как слуга – господина. И он извещает, что он состарился и ослаб, достигнув преклонных лет, и его соседи, узнав об этом, вторглись в его владения и хотят завладеть ими. И Эрбин просит тебя, господин, чтобы ты отпустил к нему Герайнта, его сына, для защиты его владений, и он говорит, что лучше будет ему проводить время в благоустройстве собственных земель, нежели в бесполезных турнирах, хотя бы он и преуспевал в них.

– Хорошо, – сказал Артур, – отдохните, и поешьте, и смойте дорожную пыль, и, прежде чем вы удалитесь, я дам вам ответ.

И они отправились есть; Артур же подумал, как нелегко ему будет расстаться с Герайнтом, но нелегко и запретить ему охранить те земли и границы, которые уже не в силах беречь его отец. Не меньше опечалилась и Гвенвивар, и все ее служанки, и дамы двора из-за боязни потерять Энид. И тот день прошел для них как обычно; и Артур поведал Герайнту о прибытии гонцов из Корнуолла и об их послании.

– Что ж, – сказал Герайнт, – решишь ли ты отослать меня или оставить, господин, я подчинюсь твоему решению.

– Тогда выслушай мой совет, – сказал Артур. – Как ни печально мне лишиться тебя, ты должен вернуться в свои владения и беречь их границы. Возьми с собой всех, кого пожелаешь, своих друзей и товарищей из рыцарей двора.

– Спасибо тебе за совет, – сказал Герайнт, – я так и поступлю.

– О чем вы шепчетесь? – спросила тут Гвенвивар. – Не о провожающих ли для Герайнта идет речь?

– Да, – ответил Артур.

– Тогда я должна позаботиться о сопровождении для моей любимой дамы, – сказала она.

– Ты поступишь правильно, – сказал Артур.

И они отправились спать, а на следующей день посланцы собрались уезжать, и им сказали, что Герайнт поедет следом за ними. И на третий день Герайнт собрался в путь. Вот кто отправился с ним: Гвальхмай, сын Гвиара, и Риогонед, сын короля Ирландии, и Ондриау, сын герцога Бургундии, и Гвилим, сын короля Франции, и Хоуэл, сын Эмира Ллидау, и Эливри Анаукирдд, и Гвинн, сын Трингада, и Гореу, сын Кустеннина, и Гвейр Гурхид Ваур, и Гараннау, сын Глитмира, и Передур, сын Эвраука, и Гвиннлогелл, судья при дворе Артура, и Дивир, сын Алуна Диведа, и Гореу Гвальстауд Изтоэдд⁷⁵⁷, и Бедуир, сын Бедрауда, и Кадори, сын Гуриона, и Кей, сын Кинира, и Одгар Франк, управитель двора Артура, и Эдирн, сын Нудда.

И Герайнт сказал:

– Я слышал, что он уже поправился, и прошу его поехать со мной⁷⁵⁸.

– Но хоть он и поправился, – возразил Артур, – ты не должен брать его с собой, пока он не помирился с Гвенвивар.

– Быть может, Гвенвивар отпустит его со мной через поручительство?

– Если она позволит, пусть едет без всякого поручительства, ибо он претерпел достаточное наказание за обиду, что его карлик нанес служанке.

– Что ж, – сказала Гвенвивар, – если ты и Герайнт считаете, что так надо, я с радостью позволю ему ехать.

И так она отпустила Эдирна ехать с ними. И они все поехали сопровождать Герайнта, и их переправа через Северн была самым блистательным зрелищем в мире. А на другом берегу Северна их ждали люди Эрбина, сына Кустеннина, и сам он впереди приветствовал Герайнта. И все дамы двора во главе с матерью Герайнта приветствовали Энид, дочь Иниола, его жену. И все при дворе и во всей стране возрадовались прибытию Герайнта из-за любви, что они питали к нему, и из-за славы, которую он

стяжал, когда покинул их, и из-за того, что теперь он решил вернуться в свои владения и хранить их.

И они направились ко двору и нашли там изобилие яств, вин и всяческих даров, и песни, и увеселения. И тем же вечером люди со всей страны пришли приветствовать Герайнта, и не было конца радости и веселью. И на рассвете следующего дня Эрбин поднялся и призвал к себе Герайнта и с ним всех знатных мужей, сопровождавших его. И он сказал Герайнту:

– Я уже стар и, пока я мог хранить мои владения для себя и для тебя, я хранил их. Ты молод, и силы твои в расцвете. Храни теперь свои владения.

– Но я приехал сюда от двора Артура, чтобы охранять твои владения, а не чтобы забирать их у тебя, – возразил Герайнт.

– И все же я отдаю их тебе. Сегодня же все люди поклянутся тебе в верности.

И тогда Гвальхмаи сказал:

– Лучше выслушай сегодня просьбы и жалобы, а клятву верности ты примешь завтра.

И всех просителей собрали в одно место, и Кадири-зйт⁷⁵⁹ выслушал их просьбы, и каждому из них рыцари Артура и люди Корнуолла дали то, что он просил, и даже больше. И этот день прошел среди всеобщей радости и веселья.

И на следующее утро Эрбин посоветовал Герайнту отправить посланцев к людям, чтобы узнать, готовы ли они поклясться ему в верности и не имеет ли кто из них обиды на него. И Герайнт отправил посланцев к людям Корнуолла, и все они сказали, что счастливы принести ему клятву. Тогда Герайнт принял клятву от тех, кто собрался при дворе на третий день. И на следующее утро рыцари Артура собрались уезжать, но Герайнт сказал им:

– Не торопитесь уезжать, друзья! Оставайтесь, пока я не закончу принимать клятву от всех своих людей, – и они оставались там, пока он не закончил делать это.

И после они вернулись ко двору Артура; и Герайнт вместе с Энид провожал их до Диганви⁷⁶⁰, и там они повернули назад. И когда они расставались, Ондриау, сын герцога Бургундии, сказал Герайнту:

– Поезжай сперва на границы своих владений, и осмотри их внимательно, и дай нам знать, если там что-нибудь неладно.

– Спасибо за совет, – сказал Герайнт, – так я и сделаю.

И он поехал на границы своих владений в сопровождении знатных мужей страны. И так они показали ему все владения до самых дальних окраин. И он завел там обычаи Артурова двора, и устраивал турниры, и победил на них храбрейших и сильнейших мужей, и прославился в родных краях не менее, чем в чужих. И он обогатил двор и своих приближенных лучшими конями, и лучшим оружием, и лучшими украшениями и не успокоился, пока слава его в его владениях не достигла зенита. Достигнув же этого и увидев, что никто не смеет противиться ему, он возлюбил утехы и развлечения. И он любил свою жену, и постоянно пребывал с нею при дворе в пирах и увеселениях, и записался с нею в покоях, пока совсем не забросил дел управления и не забыл о своих воинах и приближенных. И их сердца отвратились от него, и они тайком возмущались тем, что он презрел их дружбу ради любви к женщине.

И их речи дошли до Эрбина. Когда Эрбин услышал это, он передал их Энид и спросил, правда ли, что по ее вине Герайнт забыл своих ближних⁷⁶¹ и дружину.

– Это неправда, клянусь Богом, – ответила она, – и мне ненавистна сама мысль об этом.

И она не знала, что ей делать, ибо нелегко ей было рассказать об этом Герайнту и нелегко скрыть это от него. И из-за этого она была весьма опечалена. И однажды утром они лежали в своей постели. Энид не спала и смотрела в застекленное окошко⁷⁶², и луч летнего солнца упал на постель и осветил Герайнта, который спал с обнаженной грудью и руками. Она посмотрела на него и увидела, как он прекрасен, и промолвила:

– Горе мне! Из-за меня лишился он силы и славы!

Слеза ее упала ему на грудь, и он проснулся. И услышав ее слова, решил он, что она плачет от любви к другому и от нежелания оставаться с ним⁷⁶³.

И эта мысль неотвязно преследовала Герайнта, и он почувствовал гнев и позвал своего оруженосца. И тот пришел к нему.

– Вели скорее, – сказал Герайнт, – приготовить моего коня и доспехи. И ты вставай, – обратился он к Энид, – и одевайся, и вели приготовить себе коня, и надень худшее из своих платьев для верховой езды. Будь я проклят, если ты вернешься сюда прежде, чем узнаешь, лишился ли я силы и славы, о которых ты говорила. И может быть, ты освободишься от моей опеки, как ты мечтала.

И она встала, и надела самое скромное свое платье, и сказала:

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, господин.

– Скоро поймешь, – сказал он.

И после Герайнт пошел к Эрбину.

– Отец, – сказал он, – я уезжаю и не думаю, что вернусь скоро. Сможешь ты последить за своими владениями до моего возвращения?

– Смогу, сын мой, – ответил тот, – но меня удивляет, что ты уезжаешь столь неожиданно. И кто поедет с тобой? Ведь ты не из тех людей, что могут странствовать по Ллогру в одиночестве⁷⁶⁴.

– Никто не поедет со мной, отец, кроме еще одного человека.

– Ну что ж, храни тебя Бог, сын, – сказал Эрбин, – ибо многие в Ллогре затаили против тебя зло.

И Герайнт пошел к своему коню, закованному в тяжелую броню иноземной работы. И он велел Энид сесть на ее коня и ехать впереди него на большом расстоянии.

– Что бы ты ни увидела и что бы ты ни услышала, – сказал он ей, – не подъезжай ко мне; и не говори ни слова, пока я сам не заговорю с тобой.

И они двинулись в путь, и он выбрал не легкую проторенную дорогу, но глухую тропу, по которой ходили воры, разбойники да дикие звери, и по ней они ехали вдвоем. И вскоре они увидели обширный лес, и углубились в него, и там встретили четырех вооруженных людей верхом на конях. И эти люди увидели их, и один из них сказал:

– Самое время нам завладеть двумя конями, и оружием, и девицей в придачу. Ведь мы легко одолеем этого сонного и унылого рыцаря.

Энид же услышала его слова, но, боясь гнева Герайн-

та, не знала, смолчать или сказать ему об этом. «Гнев Божий падет на меня, – сказала она себе, – если я не предпочту смерть от его руки и не скажу ему то, что услышала, чтобы не дать ему умереть столь бесславно». И она дождалась Герайнта и спросила его:

– Господин, слышал ли ты, о чем говорят те люди?

Он же поднял голову и в гневе посмотрел на нее.

– Я ведь велел тебе молчать! – сказал он. – Мне ни к чему твои предупреждения и притворный страх за мою жизнь. Я вовсе не боюсь этих негодяев.

А в это время один из них опустил копьё и кинулся на Герайнта. Но Герайнт встретил его и ударил в самую середину щита, так что щит раскололся, и броня его оказалась пробита, и копьё на целый локоть вошло ему в грудь, и он свалился мертвым с коня на землю. Тогда второй всадник, увидев смерть своего товарища, в гневе набросился на Герайнта, и одним ударом Герайнт поверг его на землю, предав смерти, как и предыдущего. И когда на него кинулся третий, он убил его так же. И таким же образом он убил и четвертого. Энид же смотрела на все это в страхе и тревоге, сидя верхом на лошади. Герайнт спешился, и снял с убитых доспехи, и привязал их к седлам, и связал их коней вместе, и сел на коня.

– Слушай меня, – сказал он. – Возьми этих коней и гони их впереди себя; сама же езжай, как и раньше. И не говори мне ни слова, пока я первый не заговорю с тобой. Клянусь Богом, в которого верю, если ты нарушишь это, я накажу тебя.

– Я сделаю, как ты говоришь, господин, – сказала она.

И они ехали по лесу, пока не достигли широкого поля, поросшего кустарником, и там они увидели трех людей верхом на конях, вооруженных и закованных в броню. И Энид смотрела на них и, когда они подъехали ближе, услышала их разговор.

– Смотрите, к нам в руки идет легкая добыча, – говорили они, – четыре коня и четыре доспеха. Мы легко отберем у этого усталого рыцаря все это и деву в придачу.

– Это верно, – сказала она себе, – муж мой устал от битвы с теми людьми. Гнев Божий падет на меня, если я не предупрежу его.

И она подождала Герайнта и спросила его:

– Господин, слышал ли ты, о чем говорят те люди?

– О чем же? – спросил он.

– Они сговариваются отнять у тебя твою добычу.

– Клянусь Богом, – сказал он, – мне не так неприятны их речи, как то, что ты опять нарушила мою просьбу и не смолчала.

– Но, господин, – сказала она, – я боялась, что они захватят тебя врасплох.

– Молчи об этом, я не нуждаюсь в твоих предупреждениях.

И после этих слов один из всадников опустил копьё, и кинулся на Герайнта, и со всех сил ударил его. Но Герайнт выдержал этот удар и ударил всадника в самую середину щита, так что копьё пробило ему грудь, и он мертвым свалился с коня на землю. Тогда другие два всадника налетели на Герайнта, но их участь оказалась столь же плачевна. Энид же стояла и смотрела на это, и, с одной стороны, печалилась, думая, что Герайнт ранен ударом первого всадника, но, с другой стороны, радовалась, видя его победу. После этого Герайнт спешил, и привязал три доспеха к седлам, и связал коней вместе, так что всего их стало семь. И он сел на своего коня и велел деве гнать коней перед собой.

– Сколько можно говорить тебе, чтобы ты молчала, – упрекнул он ее, – коль ты все равно не слушаешь моих просьб.

– Я молчала, пока могла, господин мой, – возразила она, – но не могла смолчать, услышав о столь гнусном заговоре этих разбойников против тебя.

– Клянусь Богом, – сказал он, – твои слова мне не подмога. Поэтому лучше молчи.

– Я буду молчать, господин, если только смогу.

И она поехала вперед, гоня перед собою коней, а он двинулся следом.

И, пересекши поле, въехали они в изобильную и прекрасную местность, и увидели там обширный лес, которому не было видно конца, и углубились в этот лес. И там им встретились пятеро горделивых, сильных и храбрых воинов верхом на могучих широкогрудых конях, и их

оружие и доспехи сверкали на солнце. И когда они подъехали ближе, Энид услышала разговор этих людей.

– Смотрите, к нам идет легкая добыча, – говорили они, – ведь мы можем забрать всех этих коней, и доспехи, и ту девицу, а этот унылый и сонный рыцарь не сможет нам помешать.

И Энид весьма опечалилась, услышав их речи, ибо не знала, что ей делать, и наконец решила предостеречь Герайнта. И она повернула коня к нему и сказала:

– Господин, я слышу разговор этих людей, и они угрожают тебе.

Тогда Герайнт усмехнулся горько и сердито и сказал:

– Я вижу, что ты не обращаешь внимания на все мои просьбы, но ты пожалеешь об этом.

И вслед за этими словами те пятеро бросились на Герайнта, и он победил их всех, одного за другим. И он привязал их доспехи к седлам, и связал двенадцать коней вместе, и вручил их Энид.

– Я уже не вижу смысла просить тебя о чем-то, – сказал он ей, – но последний раз прошу, чтобы ты молчала.

И она поехала дальше, а Герайнт следовал за ней на некотором расстоянии. И он опечалился, увидев, сколько она терпит из-за всех этих коней, и гнев понемногу начал покидать его. И ночь застала их среди леса.

– Женщина, – сказал он, – пора нам отдохнуть.

– Да, господин, – сказала она, – делай, как ты захочешь.

– Нам будет лучше остановиться здесь и дождаться утра, чтобы ехать дальше.

– Так мы и сделаем, – сказала она.

Тогда он спешился и помог ей сойти с коня.

– Я так устал, что падаю с ног, – сказал он. – Ты же не спи и следы за конями.

– Хорошо, господин мой, – ответила она.

И он уснул прямо в доспехах, и так прошла ночь, краткая в то время года. И когда она увидела, что поднялось солнце, она посмотрела на него и заметила, что он проснулся.

– О господин, – сказала она, – я уже собиралась будить тебя.

Он же от усталости даже не вспомнил, что не разрешал ей говорить. И он встал и сказал ей:

– Бери коней и поезжай, только держись от меня на расстоянии, как я велел тебе вчера.

И так они покинули лес и выехали на открытое место, где были луга и косцы на них. И они подъехали к реке, протекавшей там, и их кони смогли напиться. После этого они поднялись вверх и встретили юношу с котомкой на плече и с синим кувшином в руке, на носике которого висела кружка. И юноша приветствовал Герайнта.

– Храни тебя Бог, – сказал Герайнт. – Откуда ты идешь?

– Я из города, что недалеко отсюда, господин, – ответил юноша. – Ты не обидишься, если я спрошу, откуда ты сам?

– Не обижусь, – сказал Герайнт. – Я еду из того леса.

– Ты больше не пойдешь туда?

– Нет, я уже провел там одну ночь.

Тогда юноша сказал:

– Должно быть, тебе было не так уж хорошо этой ночью, и ты ничего не ел и не пил.

– Так и было, клянусь Богом, – сказал Герайнт.

– Тогда послушайся моего совета, – сказал юноша, – и пообедай со мной.

– А что у тебя за обед? – спросил Герайнт.

– Я несу его тем косцам, и это всего лишь хлеб, мясо и вино; но, если хочешь, господин, я разделю его с тобой.

– С удовольствием, – сказал Герайнт, и он спешился, и юноша помог Энид слезть с коня.

И они омыли руки и сели есть, и юноша разрезал хлеб, и налил им вина, и уселся ждать, пока они поедят. Когда они закончили есть, юноша встал и сказал Герайнту:

– Господин, с твоего позволения остальное я отнесу косцам.

– Сначала иди в город, – сказал ему Герайнт, – и найди мне самое лучшее жилье и лучшую конюшню для этих коней. И выбери себе любого коня, какого пожелаешь, в уплату за эти услуги.

– Да воздаст тебе Бог, господин, – сказал юноша, – этого хватит и за большую службу, чем та, что я сослужу тебе.

И юноша отправился в город и нашел там для Герайнта самое лучшее и удобное жилье. Потом же он пошел ко двору своего графа и рассказал ему всю историю.

– А сейчас, господин, я пойду к этому рыцарю и проведу его в его жилище.

– Ступай, – сказал граф, – и пусть ему будет хорошо там.

И юноша пошел к Герайнту и сказал ему, что граф пригласил его к себе, но Герайнт пошел в тот дом, что подыскал ему юноша. Там он увидел обширные покои, где было много покрывал. И он поместил коней в удобное место, и юноша принес им еды. Когда же они разместились, он обратился к Энид:

– Иди на другой конец покоев и не приближайся ко мне. Если тебе понадобится служанка, можешь ее позвать.

– Хорошо, господин, – отвечала она, – я сделаю все, как ты сказал.

И хозяин дома пришел к Герайнту, и приветствовал его и предложил ему поесть. Герайнт поел, и после этого юноша обратился к нему:

– Не желаешь ли ты выпить чего-нибудь, прежде чем отправиться к графу?

– Желаю, – сказал Герайнт.

Тогда юноша пошел в город и вернулся с вином для него. И они выпили, и Герайнт сказал:

– Теперь я хочу только спать.

– Что ж, – сказал юноша, – спи, а я сам пойду к графу.

– Иди, сказал Герайнт, – но после возвращайся сюда.

И он уснул, и Энид уснула тоже. Юноша же пошел к графу, и граф спросил, где живет рыцарь, о котором он говорил. Юноша объяснил ему и сказал:

– Он велел мне вернуться туда до вечера.

– Возвращайся, – сказал граф, – и передай ему, что вечером я сам приду его навестить.

– Так я и сделаю, – сказал юноша, и пошел в дом, и стал ждать, пока они проснутся.

И они проснулись и поужинали, а юноша продолжал ждать их. Тогда Герайнт велел хозяину, чтобы он привел к нему лучших людей города и угостил их за его счет. И

великое множество людей пришло туда, и они веселились, и ели, и пили за счет Герайнта. В это время пришел к нему граф с двенадцатью знатными рыцарями, и Герайнт встал и приветствовал его.

– Храни тебя Бог, – ответил граф.

И все они уселись по своей знатности, и граф спросил Герайнта, куда он едет.

– Я еду искать приключений, – ответил Герайнт.

Тогда граф внимательно посмотрел на Энид, и ему показалось, что он никогда не видел девы прекрасней, чем она. И в сердце его запала мысль о ней, и он спросил Герайнта:

– Позволишь ли ты мне поговорить с той девой, ибо я вижу, что она скучает в одиночестве?

– С радостью, – ответил Герайнт, и граф подошел к ней и сказал:

– О дева, я вижу, что путешествие с этим человеком не радостно для тебя.

– Вовсе нет, – ответила она, – мне нравятся и дорога, и путешествие.

– У тебя ведь нет ни пажей, ни служанок.

– Но для меня стократ приятнее путешествовать с этим человеком, чем с пажами или служанками, – сказала она.

– Выслушай мое предложение, – сказал он ей. – Я отдам тебе все мое графство, если ты останешься со мной.

– Нет, клянусь Богом, – ответила она. – Этому человеку я принадлежу, с ним я и останусь.

– Подумай, – сказал он. – Если я убью его, то заберу тебя и сделаю с тобой все, что захочу; когда же ты надоешь мне, я просто выгоню тебя из дворца. Если же ты останешься со мной по доброй воле, между нами будут мир и согласие, пока я жив⁷⁶⁵.

Она подумала о том, что он сказал, и решила притворно обнадежить его, и сказала:

– Господин, на меня не должна падать тень подозрения, поэтому приходи завтра и заberi меня, словно я ничего об этом не знала.

– Так я и сделаю, – сказал он и после этого встал и вышел вместе со своими людьми. Она же ничего не сказала Герайнту об этом разговоре, боясь его гнева.

И когда пришло время, они отправились спать, и она сперва уснула, но в полночь поднялась и собрала вместе оружие и доспехи Герайнта, чтобы он мог быстро взять их. И в испуге она подошла к постели Герайнта и осторожно сказала ему:

– Господин, вставай и одевайся. Граф говорил со мной нечестиво и задумал недоброе.

И она рассказала ему обо всем. И хоть он был сердит на нее, но внял предупреждению, встал и оделся. Она же зажгла свечу, чтобы осветить ему.

– Потуши свечу, – сказал он, – и позови сюда хозяина дома.

Она пошла и привела хозяина, и Герайнт спросил его:

– Сколько я должен тебе?

– Я думаю, что немного, господин.

– Сколько бы я ни был тебе должен, возьми эти одиннадцать коней и одиннадцать доспехов.

– Да воздаст тебе Бог, господин, – сказал хозяин, – но я не заслужил столь щедрой платы.

– Что тебе за дело? – сказал Герайнт. – Не отказывайся от богатства. Знаешь ли ты короткий путь из города?

– Я с радостью выведу тебя, – сказал хозяин, – но куда ты хочешь идти?

– В ту сторону, откуда я пришел.

И хозяин проводил его до городских ворот. Герайнт велел женщине ехать позади; она так и сделала, и они двинулись в путь, а торговец вернулся домой. И, подходя к дому, он услышал сильнейший шум и, оглянувшись, увидел восемьдесят вооруженных рыцарей, едущих к дому. И впереди них был сам граф Донн⁷⁶⁶.

– Где тот рыцарь, что жил у тебя? – спросил граф.

– С твоего позволения, господин, – ответил он, – он недавно уехал.

– Почему же, холоп, ты не известил меня о его отъезде?

– Господин, – сказал торговец, – ты не приказывал мне. Если бы ты приказал, я не дал бы ему уехать.

– В какую сторону он поехал?

– Я не знаю, – сказал он, – знаю только, что он поехал вверх по дороге.

И они повернули коней туда, и увидели там следы ко-

пыт, и пустились в погоню. В это время дева оглянулась, и увидела сзади облако пыли, и испугалась, поняв, что это граф преследует их. Когда же она различила в этом облаке вооруженных рыцарей, то сказала себе:

– Я должна предупредить его, пусть даже он убьет меня; ибо лучше мне умереть от его руки, чем видеть, как его застанут врасплох.

– Господин, – сказала она, – видишь ли ты людей, догоняющих нас?

– Я вижу их, – сказал он, – и вижу, что ты опять не выполнила моей просьбы. Молчи, я не нуждаюсь в твоих предупреждениях.

И он повернулся к рыцарям и первым же ударом сшиб переднего из них с коня на землю. И так к нему по очереди подъезжали все восемьдесят рыцарей, и всех их он повергал одним ударом. И наконец к нему подъехал сам граф, и они преломили копыя, а затем и другие. Тогда Герайнт повернулся к нему и ударил его своим копьём в середину щита так, что щит треснул, и броня его была пробита, и он свалился с коня раненый. И Герайнт подъехал к нему, и от ржания его коня граф очнулся.

– Господин, – сказал он Герайнту, – пощади меня!

И Герайнт пощадил его. И из-за ярости ударов и твердости земли, на которую они упали, никто из них не вышел из этой схватки без ран и увечий.

Герайнт же поехал дальше той же дорогой, и дева за ним на расстоянии, и вскоре они увидели долину, прекраснейшую из виденных ими, и широкую реку, текущую в долине. И они увидели мост через реку, и за мостом укрепленный город, прекраснейший из всех городов. И, переехав через мост, увидели они всадника, скачущего к ним по полю на большом коне, быстром, но послушном.

– О рыцарь, – спросил Герайнт, – откуда ты едешь?

– Я еду из той долины, – отвечал он.

– Скажи мне, кто владеет этой долиной и этим укрепленным городом?

– Я с радостью скажу тебе, – ответил рыцарь. – Франки зовут его Гвиферт Пти⁷⁶⁷, а кимры называют Маленьким Королем.

– А как мне проехать дальше? – спросил Герайнт.

– Ты не проедешь через его владения, пока не посетишь его, ибо он не пропускает через свои земли рыцарей, не желающих принять его гостеприимство.

– Клянусь Богом, – сказал Герайнт, – я поеду, куда мне надо.

– Я уверен, – сказал рыцарь, – что этим ты вызовешь его злобу и месть.

И Герайнт выехал на дорогу, которая, как он думал, вела прочь от города; но не успел он отъехать далеко, как увидел рыцаря, догоняющего его на громадном, широкогрудом и тяжелом боевом коне. Сам же рыцарь был меньше всех, кого ему доводилось видеть, но в избытке вооружен и закован в броню. И, настигнув Герайнта, он крикнул ему:

– Скажи, господин, ты отказался принять мое гостеприимство и соблюсти мой обычай из-за гордыни или чтобы оскорбить меня?

– Я вовсе не знал, куда ведет эта дорога, – ответил Герайнт.

– Прежде, чем ты это узнаешь, вернись ко мне во дворец.

– Я не сделаю этого, – сказал Герайнт, – и не поеду к тебе, пока ты не признаешь Артура своим господином.

– Оставь Артура в покое, – крикнул тот, – поезжай ко мне или тебе будет плохо!

И после этого они стали сражаться. И они так били друг друга по щитам, что те потеряли свой цвет⁷⁶⁸. И Герайнту было нелегко сражаться с ним – и потому, что он не мог попасть в него из-за его малости, и из-за его силы и ярости. И они бились, пока их кони не пали на колени, и наконец Герайнт сбросил его с коня.

Тогда они встали и стали сражаться на мечах, нанося друг другу жестокие удары, и их шлемы были разбиты, и броня их покорезена, и они уже не видели света из-за пота и крови, заливавших им глаза. Наконец Герайнт рассердился, собрал все свои силы, и поднял меч, и нанес Маленькому Королю сокрушительный удар по голове, так что разрубил ему шлем, и кожу, и мясо до кости. Тогда меч выпал у того из рук, и он попросил у Герайнта пощады именем Бога.

– Ты получишь пощаду, хоть и не заслужил ее, – ска-

зал Герайнт; – при условии, что станешь моим другом и никогда больше не поднимешь на меня руку; и если ты услышишь, что я попал в беду, то придешь мне на помощь.

– Я с радостью обещаю тебе это, господин, – сказал тот, и поклялся в этом, и сказал:

– Теперь же поедем ко мне, чтобы ты мог отдохнуть и омыть свои раны.

– Не поеду, клянусь Богом, – сказал Герайнт, и после этого Маленький Король увидел Энид, и ему больно было видеть такую прекрасную и благородную деву столь измученной. И он сказал Герайнту:

– Господин, зря ты отвергаешь мой совет; как бы победа не превратилась для тебя в поражение.

Но Герайнт твердо решил ехать дальше и сел на коня, и дева его ехала сзади, и так они добрались до леса. Солнце жгло немилосердно, и доспехи его прилипли к телу от пота и крови. И когда они достигли леса, он встал под деревом, чтобы укрыться от солнца, и его мучила боль. И дева стояла под другим деревом, и, стоя там, слышали они звук рогов и конский топот. А это Артур со своей свитой проезжал через лес, и он послал человека узнать дорогу. Это был слуга управителя двора, и он заметил их и сказал управителю, что он увидел. И управитель велел оседлать коня, и взял копье и щит, и поехал к месту, где был Герайнт.

– О рыцарь, – спросил он, – что ты делаешь здесь?

– Я укрываюсь в тени от лучей солнца и его жара.

– А куда ты едешь и кто ты?

– Я еду на поиски приключений своей дорогой.

– Тогда, – сказал Кей, – поехали со мной к Артуру, он недалеко отсюда.

– Не поеду, клянусь Богом, – сказал Герайнт.

– Нет, ты поедешь, – возразил Кей.

Герайнт же узнал Кея, но Кей не узнал его. И они сразились, и Кей ударил Герайнта со всей силы, и Герайнт рассердился и ударил Кея в челюсть древком копья так, что тот свалился на землю. И он не желал причинять ему большего зла. Кей в испуге вскочил, и сел на своего коня, и поехал назад. Он вбежал в шатер Гвальхмаи и сказал ему:

– Послушай, слуга сказал мне, что тут в лесу, недале-

ко, он видел раненого рыцаря в разбитой броне. Если хочешь, поезжай и посмотри, так ли это.

– Что ж, я поеду, – сказал Гвальхмаи.

– Тогда возьми коня и оружие, – сказал Кей, – поскольку я боюсь, что он может напасть на того, кто подойдет к нему.

И Гвальхмаи взял копьё и щит, и сел на коня, и поехал к месту, где был Герайнт.

– Рыцарь, – спросил он его, – куда ты едешь и по какому делу?

– Я еду искать приключений своей дорогой.

– Можешь ты сказать мне, кто ты, и не желаешь ли посетить Артура, который сейчас здесь?

– Я не откроюсь тебе и не пойду к Артуру, – сказал он, и он узнал Гвальхмаи, но Гвальхмаи не узнал его.

– Я не оставлю тебя, пока не узнаю, кто ты, – сказал Гвальхмаи, и он опустил копьё, и ударил Герайнта в середину щита так, что щит раскололся, и их кони съехались вплотную. Тут он внимательно посмотрел на Герайнта и узнал его.

– О Герайнт, это ты? – спросил он.

– Я вовсе не Герайнт.

– Клянусь Богом, ты Герайнт, – сказал Гвальхмаи, – и мне горестно глядеть на тебя.

Тут он огляделся, и увидел Энид, и с радостью приветствовал ее.

– Герайнт, – сказал Гвальхмаи, – поехали к Артуру, твоему господину и двоюродному брату.

– Я не поеду, – ответил Герайнт, – не в том я виде, чтобы предстать перед ним.

И тут один из рыцарей приехал к Гвальхмаи, чтобы узнать новости, и он отослал его сказать Артуру, что Герайнт ранен и не хочет идти к нему, и что вид его весьма плачевен. И он шепнул рыцарю так, чтобы не слышал Герайнт:

– Вели поставить здесь шатер, поскольку он не желает идти сам, а уговорить его в таком состоянии невозможно.

И рыцарь пошел к Артуру и передал ему все это. И Артур поставил свой шатер у дороги, и Гвальхмаи отвел туда Герайнта.

– Приветствую тебя, господин, – сказал Герайнт.

– Храни тебя Бог, – ответил Артур, – кто ты?

– Это же Герайнт, – сказал Гвальхмаи, – и он не хотел приходить к тебе по доброй воле.

– Да, – сказал Артур, – недоброе случилось с ним.

И Энид пришла к Артуру и приветствовала его.

– Храни тебя Бог, – сказал Артур. – Помогите ей сойти с коня.

И один из пажей сделал это.

– О Энид, – спросил он, – куда же вы ехали?

– Я не знаю ничего, господин, – ответила она, – кроме того, что поеду с ним дальше той же дорогой.

– Господин, – спросил Герайнт, – могу я ехать дальше?

– Куда ты собрался? – удивился Артур. – Ты не должен сейчас никуда ехать, если не хочешь своей смерти.

– Он не желал слушать, когда я говорил ему то же, – сказал Гвальхмаи.

– Но меня он послушает, – сказал Артур, – и не уедет отсюда, пока не поправится.

– Господин, – сказал Герайнт, – я бы предпочел уехать.

– Я не отпущу тебя, клянусь Богом, – сказал Артур.

И он велел отвести Энид в шатер Гвенвивар, и Гвенвивар и все ее дамы были рады видеть ее, и сняли с нее дорожное платье, и дали ей новое. Артур же позвал Кадириэйт и велел ему разбить шатер для Герайнта и его врачей и доставить туда все, что может понадобиться для лечения. И Кадириэйт сделал это и привел к Герайнту Моргану Туда и его помощников. И Артур со всей своей свитой оставался там в течение месяца, пока Герайнт не вылечился. Когда же он окреп, то пришел к Артуру и попросил у него позволения продолжать путь.

– Я не знаю, выздоровел ли ты.

– Я здоров, господин, – ответил Герайнт.

– Я поверю в этом не тебе, но врачам, которые тебя лечили, – и он позвал врачей и спросил их, правда ли это.

– Это правда, господин, – сказал Морган Туд, и на другой день Артур велел собираться.

Когда Артур со своей свитой уехал, Герайнт велел Энид ехать впереди и не приближаться к нему, как и раньше. И они двинулись в путь и в это время услышали невдалеке громкие рыдания.

– Оставайся здесь, – сказал он ей, – а я пойду посмотрю, кто это плачет.

– Я так и сделаю, – сказала она.

И он пошел туда и увидел поляну, где стояли два оседланых коня, и рядом с ними лежал мертвый рыцарь в доспехах, над которым склонилась молодая дама, громко плачущая.

– О госпожа, – спросил он ее, – что здесь случилось?

– Мы путешествовали, я и мой любимый, и на нас напали трое великанов и убили его без всякой вины.

– Куда они пошли? – спросил он, и она показала ему.

И он вернулся к Энид.

– Иди, – сказал он ей, – к даме, которая там, и жди моего возвращения.

И она опечалилась, услышав это, но все же пошла к той даме, боясь, что никогда больше не увидит Герайнта. Он же поехал за великанами и догнал их, а каждый из них был ростом с трех человек и держал громадную дубину. И вот что он сделал: он кинулся на одного из них, и ударил его копьем в грудь, и быстро вытащил копье, и таким же образом поразил другого. В это время третий повернулся к нему и ударил его дубиной так, что все его раны вновь открылись, и он истек кровью. Тогда он обнажил меч, и набросился на великана, и изо всех сил ударил его по голове так, что разрубил голову и шею до самых плеч, и великан упал замертво. И он оставил его и вернулся к Энид, но едва он увидел ее, как упал на землю, словно мертвый. И Энид испустила крик горя и отчаяния и кинулась к нему, туда, где он упал.

Тут мимо проезжал граф Лимура⁷⁶⁹ со своей свитой, и он услышал ее крик и подъехал к этому месту. И граф спросил Энид:

– О госпожа, что с тобой случилось?

– Рыцарь, – ответила она, – тот, кого я любила больше всех, погиб.

– А что случилось с тобой? – обратился он к другой даме.

– Тот, кого я любила больше всех, тоже убит.

– А кто же убил их? – спросил он.

– Великаны, – ответила дама, – убили моего любимого, и другой рыцарь поехал за ними, и вон он лежит, и ты

видишь, что на нем слишком много крови. Поэтому я думаю, – продолжала она, – что он все же убил кого-то из них.

Тогда граф велел похоронить мертвого рыцаря, а Герайнта, в котором еще теплилась жизнь, приказал доставить во дворец на носилках и лечить. И две дамы поехали с ними. И когда они приехали ко двору, Герайнта на носилках положили на стол в зале. Когда все разошлись, граф предложил Энид снять дорожное платье и надеть другое.

– Я не сделаю этого, клянусь Богом, – сказала она.

– Ах, госпожа, – сказал он ей, – не грусти так.

– Трудно мне забыть о нем, – сказала она.

– Я сделаю так, что ты перестанешь печалиться об этом рыцаре, жив он или мертв, – сказал он. – Возвеселись и подумай о будущем.

– Я не буду веселиться, клянусь Богом, до тех пор пока живу.

– Пойдем поедим, – предложил он тогда.

– Я не пойду, клянусь Богом.

– Нет, пойдешь, – сказал он, и силой усадил ее за стол, и пытался заставить есть.

– Я не буду есть, клянусь Богом, – сказала она, – пока не будет есть этот человек.

– Ты этого не дождешься, – сказал граф. – Этот человек вот-вот умрет.

– Но он еще жив, – возразила она. Тогда он предложил ей кубок с вином.

– Выпей, – сказал он, – и ты изменишь свое намерение.

– Будь я проклята, – ответила она, – если я выпью прежде, чем выпьет он.

– Я вижу, – сказал граф, – что вежливое обращение тебе вредит.

С этими словами он дал ей пощечину. И она вскрикнула от боли и обиды и подумала, что если Герайнт жив, то он очнется от ее крика. И он очнулся, услышав крик, и вскочил, и схватил свой меч, лежавший рядом, и изо всех сил ударил графа по голове так, что разрубил его пополам до самого стола. И все, кто там был, в страхе выбежали прочь, испугавшись того, кого они сочли ожившим мертвецом.

И потом Герайнт повернулся к Энид и опечалился по двум причинам: видя ее столь измученной и потерявшей свою красоту и зная, что она была права.

– Госпожа, – спросил он, – знаешь ли ты, где наши кони?

– Я знаю, где твой конь, – ответила она, – но не знаю, где мой. Твой конь во дворе.

Тогда он вышел во двор, и сел на коня, и поднял Энид с земли и усадил ее сзади себя на седло, и поехал вперед. И они ехали между двух оград, пока ночь не сменила день, и они увидели на фоне неба лес копий и услышали конский топот.

– Я слышу, к нам идет войско, – сказал он, – и спрячу тебя за ограду.

И он перенес ее через ограду, и увидел рыцаря, скачущего к нему, и опустил копьё, приготовившись биться с ним. Она же, увидев это, закричала:

– О господин, что за слава тебе одолеть полумертвого!

– Да это Герайнт! – удивился рыцарь.

– Да, клянусь Богом, но кто ты такой? – спросила она.

– Я Маленький Король, – ответил он, – и спешу к вам на помощь, узнав, что вы в беде. Если бы вы последовали моему совету, ничего этого не случилось бы.

– Ничего не случается помимо Божьей воли, – сказал Герайнт.

– Ну ладно, – сказал Маленький Король, – зато теперь у меня есть хороший совет для тебя. Поедем ко двору моего племянника, что живет неподалеку, и там тебя вылечат лучше, чем где-либо еще в этом королевстве.

– Мы с радостью поедем туда, – сказал Герайнт.

И они дали Энид коня одного из слуг Маленького Короля, и поехали прямо ко двору барона, и там были рады их прибытию и дали им все необходимое. Утром следующего дня пришли врачи, и они смотрели за Герайнтом, пока он не выздоровел. И пока его лечили, Маленький Король содержал в порядке его коня и оружие. И они пробыли там месяц, пока наконец Герайнт не стал таким же сильным, как был, и Маленький Король сказал ему:

– Поедем теперь к моему двору отдохнуть и веселиться.

– Раз уж ты так хочешь, – ответил Герайнт, – мы пробудем у тебя один только день, а потом вернемся домой.

– Что ж, поехали, – сказал Маленький Король.

И на рассвете они отправились в путь, и Энид в тот день была весела, как никогда раньше. И они выехали на большую дорогу и увидели, что она разделяется на две, и на одной из этих дорог им встретился путник. И Гвиферт спросил его, откуда он идет.

– Я иду по своим делам, – ответил он.

– Скажи, – спросил Герайнт, – по какой из этих дорог нам лучше ехать?

– Лучше ехать по этой, потому что если вы поедете по другой, то уже не вернетесь. Там лежит туман⁷⁷⁰, за которым неведомые чары, и никто из ушедших туда не вернулся. И живет там граф Ивейн⁷⁷¹, что никого не пускает к себе, кроме тех, кого он хочет видеть.

– Клянусь Богом, – сказал Герайнт, – этой дорогой мы и поедем.

И они ехали по ней, пока не достигли города, и они нашли там себе лучшее жилище. И когда они пребывали там, к ним вошел юноша и приветствовал их.

– Храни тебя Бог, – ответили они.

– Что вы делаете тут? – спросил он.

– Мы хотим переночевать в вашем городе.

– Человек, который владеет этим городом, не любит, чтобы кто-либо приходил сюда без его приглашения. Я должен отвести вас к нему.

– Мы охотно пойдём к нему, – сказал Герайнт.

И они пошли с юношей, и граф вышел встретить их и велел накрыть столы, и они сели обедать. Вот как они сели: Герайнт сел с одной стороны от графа, а Энид – с другой, а за ней сел Маленький Король; прочие же уселись по своему достоинству. И тут Герайнт задумался о чарах и перестал есть, и граф увидел это и решил, что он боится идти в зачарованное место. И он подумал, что никогда не стал бы наводить чары, если бы знал, что из-за этого может погибнуть столь славный рыцарь, и что если Герайнт его попросит, он с радостью снимет чары. И он спросил Герайнта:

– О чем ты задумался, господин, почему не ешь? Если ты не хочешь идти туда, не ходи, и никто не пойдет из уважения к тебе.

– Бог с тобой, – сказал Герайнт. – Ни о чем не мечтаю я так, как о том, чтобы поскорее пойти и поглядеть на эти чары.

– Ну что ж, если тебе хочется, иди, – сказал граф.

И они поели, и отведали множество блюд, и пили лучшие вина. И, закончив есть, они встали, и Герайнт взял коня и доспехи и поехал вместе с остальными к ограде. Ограда же поднималась чуть не до неба⁷⁷², и на каждый кол ее были насажены человеческие головы, кроме двух кольев. А кольев в ограде было великое множество. Тогда Маленький Король спросил:

– Никто не может идти туда, кроме предводителя?

– Никто, – ответил граф Ивейн.

– А куда нужно идти? – спросил Герайнт.

– Не знаю, – сказал граф, – иди, куда считаешь нужным⁷⁷³.

И без страха или сомнения Герайнт пошел прямо в туман. И, пройдя через завесу тумана, он увидел обширный сад, и поляну в нем, и шелковый шатер с красным верхом, стоящий на этой поляне. Полог шатра был открыт, и у входа росла яблоня, и на ветке ее висел рог. И Герайнт спешился и вошел в шатер. Там была только одна дева, сидящая в золотом кресле, а против нее стояло другое кресло, свободное. И Герайнт уселся в него.

– Господин, – сказала дева, – не садись в это кресло.

– Почему же? – удивился Герайнт.

– Тот, кто владеет этим шатром, не любит, когда кто другой сидит в его кресле.

– Мне нет дела до того, что он не любит, – сказал Герайнт.

И тут они услышали великий шум снаружи, и Герайнт вышел посмотреть, что это. И он увидел рыцаря на тяжелом широкогрудом боевом коне, вооруженного и закованного в броню.

– Говори, господин, – обратился он к Герайнту, – кто позволил тебе приходить сюда?

– Я сам пришел, – ответил Герайнт.

– Это стыд и позор для меня, – сказал рыцарь. – Вставай же, чтобы мог я отплатить тебе за твою дерзость.

И Герайнт встал, и они начали сражаться, и сломали

копья, и другие, и третьи. И каждый из них наносил другому яростные и тяжкие удары. Наконец Герайнт рассердился, и пришпорил своего коня, и ударил рыцаря в середину щита так, что копьё разбило щит и пробило броню, и подпруга лопнула, и рыцарь свалился с коня на землю. И Герайнт быстро спешился и обнажил меч, чтобы отрубить ему голову.

– О господин, – взмолился тот, – пощади меня и я сделаю все, что ты пожелаешь.

– Я не хочу ничего, – ответил Герайнт, – кроме того, чтобы исчезли эти чары, и туман, и волшебство.

– Я сделаю это с радостью, господин.

– Убери же поскорей этот туман, – сказал он.

– Протруби в рог, – сказал рыцарь, – и в тот же миг туман исчезнет, и пока рыцарь, что победил меня, не протрубит в рог вновь, он не ляжет снова.

Энид же весьма беспокоилась о судьбе Герайнта там, где она была. И вот Герайнт вернулся и протрубил в рог, и тут же весь туман исчез. И все собрались и заключили мир друг с другом. И этот вечер Герайнт с Маленьким Королем пировали у графа, а наутро разъехались. И Герайнт вернулся в свои владения и правил ими в мире и процветании вместе с Энид, и умножил свою честь и славу⁷⁷⁴.

ВОЛШЕБНАЯ АРФА

ИСТОРИЯ ТАЛЧЕСИНА

начале правления Артура⁷⁷⁵ в области, что ныне зовется Пенллин⁷⁷⁶, жил муж благородного происхождения по имени Тегид Возл⁷⁷⁷. Дом его стоял посреди озера Тегид, а жену его звали Каридвен⁷⁷⁸. И у него родились от его жены сын по имени Морвран ап Тегид⁷⁷⁹ и дочь, названная Крейри, прекраснейшая девица в мире⁷⁸⁰. Что до сына, то

он был самым безобразным и злым человеком в мире, и потому его прозвали Авагдду⁷⁸¹. И Каридвен, его мать, решила, что из-за своего уродства он не вступит в круг людей благородной крови, пока не стяжает похвал своей мудростью. Было же все это во времена Артура и Круглого Стола.

И она решила, прочтя написанное в книге Фериллта⁷⁸², приготовить для своего сына Котел Вдохновения, чтобы обрел он знание всех тайн прошлого и будущего⁷⁸³. Она поставила котел на огонь, и он должен был кипеть, не переставая, год и еще день, пока не выйдут из него три капли вдохновения⁷⁸⁴. И она отправила туда Гвиона Баха⁷⁸⁵, сына Гореана из Лланфера в Керейнионе Поуисском⁷⁸⁶, чтобы он помешивал варево в котле, и слепого по имени Морда⁷⁸⁷, чтобы он поддерживал огонь под ним, и велела им делать это непрерывно целый год и еще

день. Сама же она принялась каждый день собирать чародейные травы, сверяясь в этом с книгами астрологов и с положением планет. И вот однажды, когда год уже истекал, Каридвен сушила травы и читала над ними заклинания, а в это время три капли волшебной влаги выплеснулись из котла и упали на палец Гвиона Баха. И они были такими горячими, что он сунул обожженный палец в рот и, проглотив волшебные капли, узнал все, что было и будет, и понял, что прежде всего ему придется спастись от гнева Каридвен, ибо все ее труды пропали зря. И в страхе он пустился бежать к родной земле. Котел же раскололся пополам, поскольку вся жидкость в нем, как только вытекли три волшебные капли, превратилась в яд, так что лошади Гвиддно Гаранхира отравились этой жидкостью, попавшей в ручей, из которого они пили. С тех пор этот ручей зовется Отрава Коней Гвиддно⁷⁸⁸.

Тут пришла Каридвен и увидела, что труд целого года погублен. И в гневе она схватила полено и ударила слепого Морду по голове так, что глаз его вытек на щеку. И он сказал:

– Ты изувечила меня, хоть я и невиновен. Не по моей вине совершилась твоя утрата.

– Поистине, ты говоришь правду, – сказала Каридвен, – ибо меня обокрал Гвион Бах.

И она погналась за ним, а он, увидев ее, превратился в зайца и побежал. Но она превратилась в борзую и догнала его. Тогда он бросился в реку и превратился в рыбу. Но она сделалась выдрой и настигла его. Тогда он превратился в птицу и взмыл в небо. Но она сделалась соколом и догнала его в небе. Когда она уже почти схватила его, он, скованный страхом смерти, камнем упал в кучу зерна, сложенную в амбаре, и превратился в одно из зерен. Тогда она сделалась черной курицей, и принялась разгребать кучу, и нашла его, и тут же проглотила. После этого, как рассказывает история, она носила его девять месяцев и, разрешившись им в положенный срок, не нашла в своем сердце сил убить его – так он был красив. Тогда она посадила его в мешок⁷⁸⁹ и в двадцать девятый день апреля пустила в море на волю Божью⁷⁹⁰.

А в то время на ручье между Диви и Абериствитом⁷⁹¹

рядом с замком Гвиддно стояла его же плотина, и в канун каждого Майского дня к этой плотине прибывало на сотню фунтов всякого добра⁷⁹². У Гвиддно был единственный сын по имени Эльфин⁷⁹³, и был он самым несчастливым из юношей, так что сам решил, будто родился в недобрый час. В том году отец по совету своих приближенных послал его работать на плотину, чтобы посмотреть, не улыбнется ли ему удача хотя бы в этот раз, а заодно обучить на будущее хоть какому-то делу.

И на другой день Эльфин пошел к плотине и не нашел там ничего. Он уже хотел возвращаться назад, когда вдруг заметил кожаный мешок, зацепившийся за одну из свай. И человек из тех, что следили за плотинной, сказал Эльфину:

– Ты всегда был неудачником, а сегодня из-за тебя и у нас не стало удачи, ибо раньше к этой плотине никогда не прибывало добра меньше, чем на сотню фунтов, а сегодня здесь нет ничего, кроме этого мешка.

– Как знать, – сказал Эльфин, – может быть, он стоит побольше сотни фунтов.

Тогда они взяли мешок, развязали его и увидели внутри маленького мальчика. И они сказали Эльфину:

– Гляди, как сияет его лицо!

– Так пусть же зовется он Талиесин*, – сказал Эльфин.

И он взял мальчика на руки и понес, проклиная свое невезение. Он сел на коня очень осторожно и вез мальчика так бережно, словно тот покоился в самом мягком кресле в мире. И тут мальчик произнес Утешение Эльфина, в котором предсказал ему славу и почет, и вот слова этого Утешения⁷⁹⁴:

Добрый Эльфин, не печалься!
Прок сыщи в том, что имеешь;
От печали нету проку,
Она в горе не подмога.
Тем, кто молится усердно,
Бог пошлет вознагражденье⁷⁹⁵.
Никогда в плотине Гвиддно
Не было улова лучше.

* Taliesin – «сияющее чело» (валл.).

Добрый Эльфин, вытри слезы!
От печали толку мало.
Не везет тебе, ты скажешь,
Но печаль не даст везенья.
Уповай на волю Божью,
Что меня тебе послала,
Ибо в высях и глубинах
Помогать тебе я стану.

Добрый и прекрасный Эльфин,
Недостойны твои слезы!
Ты не должен огорчаться,
Коль тебе я послан небом.
Хоть я плавал, словно щепка,
В грозной Дилана⁷⁹⁶ стихии,
Но полезней сотни рыбин⁷⁹⁷
Для тебя в беде я буду.

Добрый Эльфин, не печалься!
Ты не будешь невезучим;
Из мешка меня доставши,
Мудреца вернул ты к жизни.
Доверяй моим советам –
И избавишься от бедствий;
Поминай Господне имя –
И не бойся злключений!⁷⁹⁸

И это были первые стихи, спетые Талиесином, когда он утешал своего господина, который считал, что плоти-на утратила свое счастливое свойство, и того хуже – что все решат, будто это случилось по вине его невезения. И после этого Эльфин в удивлении спросил его, кто он, человек или дух. Тогда он рассказал свою историю⁷⁹⁹:

Был когда-то я простым пастушонком,
Был работником у ведьмы Каридвен;
Незаметен был я, слаб и ничтожен,
Случай сделал меня великим,
Случай дал мне сладость познания;
Но узнала это злобная ведьма⁸⁰⁰,

Рассердилась на меня, отнять хотела
То, что я у нее похитил.
Я бежал от нее зеленой лягушкой⁸⁰¹,
Я бежал в обличье черной вороны,
Я бежал со всех ног, следы заметая,
Я бежал через чащу, словно косуля⁸⁰²,
Я бежал, как волк, попавший в облаву,
Я бежал, дроздом меж кустов порхая,
Я бежал лисой, что петляет в дебрях,
Я бежал, стрижом подымаясь в небо,
Я бежал, как белка, в дупле скрываясь,
Я летел, как удар оленьего рога,
Как струя железа в плавильном горне,
Как копьё, что противнику смерть приносит,
Как могучий бык в разъяренном беге,
Как свирепый вепрь между скал в ущелье,
И упал наконец, как зерно пшеницы,
На льняную ткань⁸⁰³, и она казалась
Мне конем, что умчит меня от погони,
Кораблем, что спасет меня от несчастья.
Но схватили меня, в мешок посадили,
Бросили на гибель в бескрайнее море,
Волны моря были моим жилищем,
И теперь, наконец, я обрел свободу.

Тут Эльфин приехал в дом Гвиддно, своего отца, вместе с Талиесином. И Гвиддно спросил его, хороший ли улов собрал он на плотине, и он ответил, что нашел то, что лучше всякой рыбы.

– Что же это? – спросил Гвиддно.

– Это бард, – ответил Эльфин. Тогда Гвиддно спросил:

– Какая же от него польза?

И сам Талиесин вмешался и сказал:

– Я стою больше всего твоего улова.

– Ты умеешь говорить, хотя так мал? – изумился Гвиддно.

– Я лучше умею говорить, чем ты – спрашивать, – ответил ему Талиесин.

– Что ж, я послушаю, что ты скажешь, – сказал Гвиддно. И Талиесин спел⁸⁰⁴:

Для меня вода стала благом,
В ней обрел я радость познания.
Ведь поистине Бог дарует
Все, что мы у него попросим.

Стал я мудр, трижды рожденный⁸⁰⁵;
Горе тем, кто не станет слушать
Слов моих, в коих знание мира,
Что в нем было, что есть, что будет⁸⁰⁶.

Пусть Господь ниспошлет мне милость,
Вразумит, как сберечь премудрость;
Сын Марии, надежда мира,
Моя вера, мое спасенье!

Уповаю я только на Бога,
Только им спасаюсь от бедствий,
Каждодневно прошу я в молитве,
Чтоб свершилась Господня воля.

И после этого Эльфин отдал найденыша своей жене, и та ухаживала за ним с любовью и терпением. А Эльфин с тех пор преуспевал все более день ото дня и жил в почете и чести у короля, и вот, когда Талиесину уже исполнилось тринадцать лет, Эльфин отправился на Рождество к своему дяде, королю Мэлгону Гвинедду⁸⁰⁷, в замок Теганви⁸⁰⁸, где собирались все знатные мужи королевства из обоих сословий, духовного и светского, с множеством рыцарей и богатых хозяев⁸⁰⁹. И там у них возник спор. Вот о чем они спорили: есть ли в целом мире король более великий, чем Мэлгон, или же тот, кому даровано от Бога больше достоинств, чем ему? И они все сказали, что небеса дали ему дар, превосходящий все прочие: красоту, и благодравие, и мудрость, и скромность его королевы, затмившей своими достоинствами всех дам и знатных дев королевства. И они принялись спрашивать друг друга: «Кто более храбр? Кто имеет лучших коней или борзых? У кого более мудрые и искусные барды, чем у короля Мэлгона?»

А в то время барды пользовались в королевстве вели-

ким почетом⁸¹⁰, выполняя роль тех, кого ныне именуют герольдами, поскольку им были ведомы родословия, и гербы, и деяния королей и знатных мужей, и дела иноземных государей, и древности королевства, особенно анналы его стародавних правителей, и также знали они всяческие языки – латынь, и французский, и валлийский, и саксонский. И на всех этих языках они составляли хроники и грамоты и слагали стихи и энглины. И на том пиру при дворе Мэлгона их было двадцать четыре, и старшим среди них считался Хейнин-бард⁸¹¹.

И когда они закончили восхвалять короля и его достоинства, случилось так, что Эльфин сказал:

– По правде говоря, тягаться с королем вправе лишь король, но хоть я и не король, я скажу, что жена моя мудрее любой из женщин королевства, а мой бард одолеет всех королевских бардов.

И советники тут же передали королю хвастливые речи Эльфина, и король велел бросить его в темницу, пока не будут проверены мудрость его жены и искусство его барда.

И вот, когда Эльфина заключили в темницу с цепью на ногах, – говорят, что цепь была серебряной⁸¹², поскольку в жилах его текла королевская кровь, – король, как повествует история, послал своего сына Рина проверить мудрость жены Эльфина. А Рин был самым женолюбивым мужем в мире⁸¹³, и от него не могли спастись ни женщина, ни дева. И когда он пошел в дом Эльфина, чтобы покрыть его жену позором, Талиесин поведал хозяйке, как король заключил ее мужа в темницу и как он послал Рина испытать ее. И он посоветовал хозяйке переодеть одну из служанок в ее платье и надеть ей на пальцы лучшие кольца, которыми владели она и ее муж. И она сделала это по его совету.

И Талиесин научил хозяйку со служанкой сесть за стол во время ужина, и велел хозяйке вести себя как служанке, а служанке – как хозяйке. И вот, когда они сидели, как им было сказано, к ним в дом внезапно явился Рин, и знавшие его слуги впустили его и провели в комнату госпожи, в которую была переодета служанка. И она встала и приветствовала его, и они снова сели ужинать. И он стал подливать вина служанке, переодетой в хозяйку, и

история говорит, что вскоре она так опьянела, что легла и уснула, и что это случилось от порошка, который Рин тайком подсыпал ей в питье. Она спала так крепко, что даже не почувствовала, как он отрезал ей палец с кольцом, которое было красивейшим из колец Эльфина, подаренных им жене. И Рин вернулся к королю с отрезанным пальцем, похваляясь тем, что, когда он его отрезал, жена Эльфина даже не проснулась.

Услышав это, король возвеселился, и послал за своими приближенными, которым рассказал эту историю с начала до конца. И он велел привести из темницы Эльфина, и ему тоже все рассказал. И он сказал Эльфину:

– Тебе, без сомнения, известно, что каждый уверен в своей жене, пока случай не убедит его в обратном; чтобы ты не превозносил до небес мудрость своей жены, вот тебе ее палец с твоим лучшим кольцом, что отрезали у нее прошлой ночью, когда она лежала пьяная.

Тогда Эльфин сказал:

– С твоего позволения, господин, я не стану отрицать, что это мое кольцо, ибо многим оно знакомо, но я никогда не поверю, что оно надето на палец моей жены, поскольку у этого пальца есть три свойства, каких у моей жены никогда не было. Во-первых, это кольцо, стояла ли она, сидела или лежала, всегда было надето у нее на большом пальце, а сейчас ты видишь, что оно на мизинце и даже на него налезло с трудом. Во-вторых, моя жена не пропускала ни одной субботы, чтобы не постричь ногти, а на этом мизинце, как ты видишь, ноготь не стрижен больше месяца. И в-третьих, ты видишь, что рука, с которой срезан этот палец, не далее как три дня назад месила тесто, а я ручаюсь, что ни разу моя жена, с тех пор как она стала моей женой, не занималась подобным делом.

И король был так разгневан речами Эльфина, который, стоя перед ним в цепях, продолжал превозносить свою жену, что велел отвести его обратно в темницу и держать там, пока он не докажет, что искусство его барда столь же велико, как добродетель его жены.

А в это время жена Эльфина сидела у себя дома вместе с Талиесином, и он поведал ей, как Эльфин вновь ока-

зался в темнице, но просил ее не печалиться, поскольку он вскоре отправится ко двору Мэлгона и освободит хозяина. Когда она спросила, как он собирается это сделать, он в ответ спел⁸¹⁴:

Я в путь сейчас отправлюсь,
И подойду к воротам,
И в зал войду дворцовый,
И там спою я песню,
И там скажу я слово,
Ославлю гордых бардов
С вождем их совокупно,
И подниму их на смех,
И их сломлю гордыню,
Чтоб стал свободен Эльфин.

Затею состязанье
Пред королевским взором
И с бардами поспорю
В сложенье сладких песен,
И в колдовском искусстве,
И в мудрости друидов⁸¹⁵.
Не место у престола
Тем, чьи коварны думы,
Чьи помыслы лукавы,
Чьи ложь и злоязычье
Хотят сгубить невинных
И обелить виновных.

Пускай они замолкнут,
Как в битве при Бадоне⁸¹⁶
Пред доблестью Артура,
Пред острыми клинками,
Багряными от крови.
Как тем врагам Артура,
Чья кровь текла рекою
До северного леса,
Коварным будет худо,
Когда придет расплата.

Я – Талиесин мудрый,
Я знанием друидов
Дам Эльфину свободу
От пут несправедливца
И положу пределы
Его дурным деяньям.
Пусть ни добра, ни счастья
Не знает Мэлгон Гвинедд
За зло, что он содеял!
Пусть Рин жестокосердный
Со всем своим семейством
Бесславно жизнь окончит
И скоро смерть увидит!⁸¹⁷
Пусть бедствия, и войны,
И долгое изгнанье
Узнает Мэлгон Гвинедд!⁸¹⁸

И, сказав это, он покинул хозяйку и пришел во дворец Мэлгона, который пировал в кругу своих приближенных, как тогда было в обычае у всякого короля и принца. И когда Талиесин вошел в зал, он сел в самом дальнем углу, недалеко от места, где собирались барды и певцы, готовясь петь славу королю, как они всегда делали. И вот, когда барды и герольды встали, чтобы воспеть силу и славу короля, и проходили мимо места, где сидел Талиесин, он надул губы и принялся пальцем водить по ним, извлекая звуки наподобие «блерум-блерум». Никто из них не обратил на него внимания, но, приблизившись к королю, они вдруг не смогли вымолвить ни единого слова, а лишь надули губы и стали водить по ним пальцами, говоря «блерум-блерум», как мальчик, которого они видели. Король, заметив это, изумился и подумал, что они опьянели от множества выпитого. Поэтому он велел одному из придворных, бывших при нем, увести их, чтобы они протрезвились и вспомнили, как подобает вести себя перед королем. И тот сделал это.

Но они вели себя точно так же, и он отослал их во второй раз и в третий. Наконец, король в гневе приказал одному из пажей побить их главного, Хейнина-барда, и паж взял палку и ударил того по голове так, что он свалился

наземь. И он поднялся, и пал на колени, и воззвал к милости короля, говоря, что их бессилие не происходит от незнания либо от опьянения, но вызвано колдовством. И Хейнин сказал следующее:

– О славный король, да будет ведомо твоей милости, что мы онемели не от избытка выпитого и не от его крепости, но от колдовства духа, что сидит в углу в обличье ребенка.

И король велел пажу привести его; и тот пошел к месту, где сидел Талиесин, и привел его к королю. И король спросил, кто он и откуда явился. И он ответил королю стихами.⁸¹⁹

Хоть сейчас я бард, чей хозяин Эльфин,
Но родился я в небесных пределах⁸²⁰;
Пророк Иоанн называл меня Мирддин⁸²¹,
А сегодня я зовусь Талиесин⁸²².

Я был с Господом моим на небесной тверди,
Когда он Люцифера низвергнул в бездну;
Знаменосцем я шел перед Александром⁸²³;
Перечел я все звезды с юга на север;

В небесах я стоял подле Божьего трона⁸²⁴;
Я видел в Ханаане смерть Авессалома⁸²⁵;
Я принес Божье слово в долину Хеврона⁸²⁶;
Я был у ложа Дон при рождении Гвидиона⁸²⁷;

Я наставником был у Илии с Енохом⁸²⁸;
Я создал чертеж Вавилонской башни⁸²⁹;
Я стоял у креста, где распяли Сына⁸³⁰;
Я три года томился в плену Арианрод⁸³¹;

Я в ковчеге с Ноем плавал по водам⁸³²;
Я дрожал, видя казнь Содома с Гоморрой;
Я видел, как строился Рим великий⁸³³;
Я видел, как рушились стены Трои⁸³⁴.

Я был с Господом моим у ослиных яслей⁸³⁵;
Моисея я провел по водам Иорданским⁸³⁶;

С Магдалиною стоял пред Господним взором;
Я добыл свой дар⁸³⁷ из котла Каридвен;

Был я бардом придворным у Ллеон Ллихлина⁸³⁸;
И стоял на Белом холме с Кинвелином⁸³⁹;
Год и день пребывал я в цепях и путах,
Голод, жажду терпел ради Сына девы⁸⁴⁰.

Я был вскормлен в земле, что Святой зовется,
И измерил все уголки Вселенной;
Я останусь в ней до конца творенья,
Но не знаю, кем буду – рыбой иль птицей⁸⁴¹.

Девять месяцев я пребывал в утробе
У ведьмы, что мудрость мне подарила.
И хотя тогда Гвион Бах я звался,
Но сегодня зовут меня Талиесин⁸⁴².

И когда король и его приближенные услышали это, они весьма изумились, ибо никогда еще не слышали таких речей от столь юного мальчика. И король, услышав, что он бард Эльфина, велел Хейнину, старшему и мудрейшему из своих бардов, выйти и состязаться с Талиесином; но, когда тот вышел, он мог лишь сыграть «блерум» на губах; и король одного за другим вызывал двадцать четыре своих барда, и они не могли сделать ничего, кроме этого. Тогда Мэлгон спросил Талиесина, зачем он пришел, и он ответил стихами:⁸⁴³

Мои речи, жалкие барды,
Лишь для тех, кто умеет слушать;
Я скажу о своей потере,
Что хочу я вернуть скорее:
Господин мой, достойный Эльфин,
Заключен в темницу Теганви,
Золотою опутан цепью⁸⁴⁴.
Я проникну в стены Теганви,
Поколеблю их силой слова;
Ведь сильно мое слово в песне,
Где слились сотни песен вместе⁸⁴⁵.

Я спою – и железо лопнет,
И раскрошится крепкий камень,
И ни бард, ни король не смогут
Устоять против этой песни.
Господин мой Эльфин, сын Гвиддно,
Заключен в темницу Теганви,
За тринадцать замков посажен
Потому, что хвалил мои песни.
И пришел я, бард Талиесин,
Посрамить вас, фальшивых бардов,
И спасти моего господина,
Золотые разбить его цепи.

* * *

Если вы настоящие барды
И изведали все науки,
То поведайте мне о тайнах,
Что сокрыты в глубинах бездны,
Где чудовище обитает⁸⁴⁶
В адской пропасти беспредельной,
Где любые земные горы⁸⁴⁷
Канут до снеговой вершины.
То чудовище неуязвимо,
Не боится мечей и копий,
Девятьсот груженных повозок
Унести оно может в лапах⁸⁴⁸;
В темноту глядит одним глазом,
Что морского льда зеленее;
Три источника вытекают
Из его могучего зева⁸⁴⁹;
Имена этих трех потоков
Я скажу вам, от вас не скрою⁸⁵⁰.
Первый тот океан рождает,
Что течет из глубин Корины⁸⁵¹,
Все моря наполняя влагой;
А второй равномерно льется
На людей и всю тварь земную,
Когда дождь идет животворный
С грозового темного неба;
Третий же посылают горы

Вниз с вершин на свои долины,
Засыпая их битым щебнем.
Вы такого, барды, не знали,
Суется в погоне за славой.
Где вам славить державу бриттов!
Но пришел я, бард Талиесин⁸⁵²,
Посрамить вас, фальшивых бардов,
И спасти моего господина,
Золотые разбить его цепи.

* * *

Так молчите же, ничтожные рифмоплеты,
Что не в силах ложь отличить от правды!
Если б вы дорожили правдивым словом,
Знал король бы цену своим деяньям.
Но пришел я, бард, вдохновленный свыше,
Чтоб поведать людям, что здесь творится,
Чтоб с достойного Эльфина снять оковы,
Чтоб предречь королю, что его постигнет.
Выйдет чудо морское из вод Рианедд⁸⁵³,
Взыщет с Мэлгона Гвинедда полной мерой;
Золотыми будут глаза и зубы
У чудовища, что Мэлгона покарает.

* * *

Так знайте же, что это⁸⁵⁴
Чудовище⁸⁵⁵ без крови,
Без жил, без сухожилий,
Без кости и без мяса,
Без головы, без тела;
Не старше, не моложе,
Чем было изначально;
Нет у него желаний
И плотских вожделений.
Как забушует море,
Когда его извергнет!
Великие несчастья
Оно доставит с юга⁸⁵⁶,
Туман великий сядет,
Когда оно явится;

Полями и лесами
Пройдет оно безного,
В дороге не устанет,
Хоть годы его старше
Пяти эпох великих⁸⁵⁷.
Своей громадной тушей
Всю землю закрывает,
Не знавшее рожденья,
И смерть не испытает;
Несет оно несчастья
На суше и на море,
Куда Господь укажет.
Не видит и невидно,
Кружит, шагая к цели,
Является нежданно,
А к ждущим не приходит.
На суше и на море
Со всеми справедливо,
Всех пред собой равняет,
Во всех концах Вселенной
Не знает снисхожденья;
Со всех концов приходит,
Ни с кем не совещаюсь,
Само не даст совета.
Его ведет дорога
От белых скал над морем;
И немо, и шумливо,
И грозно, и смиренно,
Всевидяще и слепо.
На землю выползая,
Оно несет молчанье,
Что громче и ужасней
Любого шума в мире.
И зло и милосердно,
Всегда несправедливо,
Не прячется, поскольку
Никто его не видит.
Повсюду проникая,
Во всех вселяет ужас,
Но зла не причиняет

И не несет ответа
За все свои деянья.
Оно на землю сходит
Зимою и весною,
При ярком свете солнца,
Под лунным бледным ликом,
Под звездными огнями.
Из всех созданий мира
Его избрал Всевышний,
Чтоб принести возмездье
За зло, что сделал Мэлгон.

И когда он спел эти стихи возле дверей, поднялся могучий ветер, так что король и все его приближенные подумали, что дворец сейчас обрушится на их головы. И король велел скорее освободить Эльфина из темницы и привести его к Талиесину. И когда это было сделано, Талиесин немедленно спел песнь, от которой оковы упали к ногам Эльфина⁸⁵⁸:

Славлю тебя, Всевышний, Господин всех созданий,
Тот, кто воздвиг небеса, хлябь отделив от тверди;
Тот, кто воду нам дал и пищу для насыщенья;
Тот, кто каждую тварь благословил для жизни.
Даруй прощенья мед Мэлгону, что послушал
Данный ему совет слугой твоим в назиданье.
Даруй ему урожай душистого свежего меда,
Что хлопотуньи-пчелы в свои собирают ульи.
Выпьем же пенный мед, лучший из всех напитков,
Роги поднимем во славу Господа всей Вселенной!
Множество тварей в воде, и на земле, и в небе
Бог сотворил для людей, чтоб славили Его имя:
И жестоких и кротких – всех равно возлюбил Он,
И домашних и диких – всех равно сотворил Он,
Чтобы часть их давала одежду для человека,
А другая чтоб стала ему же питьем и пищей.
Славлю тебя, Всевышний, Господин мирозданья,
За то, что ты цепи снял с моего господина,
Который мне дал и мед, и вино, и пиво,
И пищу дал, и коня, что скоростью с ветром сравнится.

Ты же, Господь, мне даровал все остальное –
Мудрость прошедших веков, и мир, и благополучье.
Эльфин, Медовый Рыцарь⁸⁵⁹, вернулась к тебе свобода,
Славь же со мною Бога, что дал нам освобожденье!

И затем он спел стихи, названные «Вопросы бардам»⁸⁶⁰:

Кто был первым человеком,
Сотворенным Божьей волей?⁸⁶¹
Языком каким он славил
Своего Творца в Эдеме?⁸⁶²
Что он пил, чем он питался,
Где скрывался в непогоду?
Слово первое какое
Сказано его устами?
Что одеждой ему было?
За какое преступленье
Бог изгнал его из рая?

Отчего тверды каменья?
Отчего колюч терновник?
Что на свете тверже камня,
Что на свете слаще меда
Или солонее соли?
Отчего растут деревья?⁸⁶³
Отчего круглы колеса?
Отчего язык звучнее,
Чем другие части тела?
Если вы и вправду барды,
То ответьте мне на это!

Но они не смогли ему ответить, и тогда он спел стихи, названные «Упрек бардам»⁸⁶⁴:

Если вы настоящие барды,
Испытавшие вдохновенье⁸⁶⁵,
Почему вы молчите, видя,
Что неправду король содеял?
Говоришь ты, Хейнин, не зная

Ни того, как твой стих зовется,
Ни как ложь отличить от правды,
Ни как звали Сына Господня,
Пока он не принял крещенья.
Ты не знаешь названья мира,
И названья своей державы,
И названья ее народа⁸⁶⁶.
Господин мой внизу, в темнице,
В золотых цепях Арианрод⁸⁶⁷,
Вы же чванитесь высотой,
Вознесенные без заслуги,
Но не знаете вдохновенья,
Но не ведаете отличья
Меж словами правды и кривды.
Вы не видите дальше носа,
Суетясь в погоне за славой,
Но, смолчав сейчас предо мною,
Не узнаете вы покоя,
До могилы не отдохнете.
Хоть молчите вы предо мною –
На Суде смолчать не удастся!⁸⁶⁸

И после этого он спел стихи, названные «Поношение бардов»⁸⁶⁹:

Бард неискренний лживую сложит песню;
И хвала, что возносит бард суетливый,
Тщетна и мимолетна, как в небе дымка;
И пусты их речи и труд напрасен.

Их слова опорочить спешат невинных,
Запятнать целомудрие честных женщин
И невинных дев, подобных Марии;
Клевета стала целью их жалкой жизни.

Ночью пьют они, день для сна оставляя,
Праздно живут, гнушаясь любой работой;
Вместо храма в кабак их ведет дорога,
А друзья их – мошенники и бродяги.

Во дворец они входят, не протрезвевши,
И бессмыслицу всякую восхваляют,
Всякий смертный грех до небес возносят,
Всякий низкий поступок для них заслуга.

Города и деревни они проходят,
Будто скрыться хотят из объятий смерти.
Нет у них ни жилищ, ни приюта на ночь,
Они часто голодными спать ложатся.

Ни молитв, ни псалмов они знать не знают
И хвалы не возносят Единому Богу.
Не увидишь их в храме по воскресеньям,
И святые праздники им – что будни⁸⁷⁰.

В небе птицы летают, рыбы плавают в море,
Пчелы мед собирают, черви в земле роются.
Всякая тварь пропитанье трудом находит,
Кроме ленивых бардов и бродяг бесполезных.

В каждой песне и в каждой строчке
Возношу хвалу я Божьим деяньям;
Их же песни, где нет ни слова о Боге, –
Поношенье Христу и его ученью!

И так Талиесин освободил своего хозяина из темницы и заставил замолчать бардов, так что никто из них не осмеливался вымолвить ни слова. После этого он призвал жену Эльфина и показал, что у нее целы все пальцы. И Эльфин порадовался этому вместе с Талиесином.

И он надоумил Эльфина сказать королю, что у него есть конь лучше и быстрее, чем все королевские кони. И Эльфин сделал это, и тогда назначили время и место состязаний; а место это называлось Морва-Рианедд⁸⁷¹, и король отправился туда со всеми своими людьми и привел двадцать четыре самых быстрых своих коня. И когда кони готовы были бежать, Талиесин обжег в огне двадцать четыре ветки падуба⁸⁷² и дал их юноше, который ходил за лошадьми его хозяина, чтобы он, когда королевские кони будут проходить перед ним, стегал каждого из

них этой веткой по крупу, потом бросал ветку на землю и так же поступал со следующей. Кроме того, Талиесин сказал ему, чтобы он бросил свою шапку на то место, где споткнется его собственный конь.

И юноша сделал это, стегнув каждого из королевских коней по крупу и бросив шапку туда, где споткнулся его конь. И к этому месту Талиесин привел хозяина, когда его конь выиграл состязания. И он попросил Эльфина выкопать там яму; и когда слуги вырыли яму достаточной глубины, они нашли там большой котел, полный золота. И тогда Талиесин сказал:

– Эльфин, вот тебе плата за то, что ты подобрал меня на плотине и заботился обо мне все это время.

На этом же месте образовалась яма с водой, что с тех пор зовется Пуллбайр⁸⁷³.

И после этого король призвал к себе Талиесина и попросил поведать ему о судьбах творения; и тот произнес поэму, которая ныне зовется «Одним из четырех столпов поэзии»⁸⁷⁴.

И вот пророчество Талиесина:

В долине Ханаанской⁸⁷⁵
Господь создал из глины
Своей рукой искусной
Адама-человека.

И пребывало тело
В долине пять столетий,
Недвижно и безгласно
Без Божьего дыханья.

И вновь Господь содеял⁸⁷⁶
В Эдеме, в райских куцах,
Подругу человеку,
Жену ему от плоти.

Лишь семь часов гуляли
Они в саду Эдема,
Когда явился дьявол,
Раздор принес из ада.

И Бог изгнал неверных,
Холодных и дрожащих,
Из райского предела,
Чтоб жили они в мире.

Чтобы рожали в муках
Своих земных потомков,
Чтоб заселили землю⁸⁷⁷
И ей потом владели.

Осьмнадцать раз⁸⁷⁸ рождались
У Евы недоноски,
Что были странной смесью
Мужской природы с женской⁸⁷⁹.

Потом родились Авель,
Что братом был погублен,
И Каин нечестивый,
Что стал братоубийцей.

Был дан наказ Адаму⁸⁸⁰
С его супругой вместе,
Чтоб он возделал землю,
Чтоб хлеб добыл трудами.

Чтоб белая пшеница
Давала всходы летом,
Чтобы людей питала
До святочных гуляний⁸⁸¹.

От Божьего престола
Спустился к Еве ангел,
Дал ей семян пшеницы,
Чтоб их могла посеять.

Но Ева отказалась
Дать Богу десятину,
И урожай богатый
Стал тотчас серой пылью.

И белая пшеница
Сменилась черной рожью,
Чтобы узнали люди –
Бог не простит обмана⁸⁸².

Чтоб урожай богатый
С полей мы собирали –
Должны мы десятину
Платить без промедленья⁸⁸³.

Должны нести мы грозди,
Что зреют в свете солнца,
И спелую пшеницу,
Что сеют лунной ночью;

И белый хлеб пшеничный,
Что претворится в Тело,
И то вино, что красно,
Как кровь Господня Сына.

Хлеб – истинное Тело,
Вино же стало кровью
Иисуса, сына Альфы,
Что мир спасти явился.

Пророческие книги
Со слов Эммануила
Дал Рафаил-архангел
Адаму во владенье⁸⁸⁴.

А Моисей великий,
Достигнув лет преклонных,
И дряхлым и беззубым
Явился к Иордану⁸⁸⁵.

И там Господь поведал
На водах Иордана
Ему благовую тайну
Трех посохов волшебных⁸⁸⁶.

И Соломон премудрый⁸⁸⁷
На башне Вавилонской⁸⁸⁸
Узнал все тайны мира
В пределах азиатских.

А я же, Талиесин,
Открыл в ученье бардов
Все тайны мирозданья,
Рожденные в Европе⁸⁸⁹.

Мне ведом жребий мира,
Вершины и паденья,
Начала и исходы
До дня Суда Господня.

Я прорицаю верно
И столь же непреклонно,
Как дева, что сулила
Беду народу Трои⁸⁹⁰.

Явится змей великий
На крыльях золоченых⁸⁹¹;
Протянет свои кольца
Из-за морей Востока⁸⁹².

Поглотит Ллогр и Альбан⁸⁹³
Без жалости и страха,
От Ллихлина морского⁸⁹⁴
До Северна теченья.

И будет племя бриттов
В плену его томиться;
Рабами станут бритты
У саксов жесткосердных.

Оберегая веру
И древние сказанья,
Страну свою утратят,
Лишь Кимру⁸⁹⁵ сохранивши.

Но минет скоро время
Покорности и рабства,
Когда терпенья чашу
Обиды переполнят.

Тогда вернуться к бриттам
Их земли и корона,
А злые чужеземцы
Развеются бесследно⁸⁹⁶.

И ангелов реченья
О войнах и о мире
Доподлинно свершатся
В Британском королевстве.

И после этого Галиесин поведал королю еще много пророчеств в стихах о том, что ожидает мир в будущие времена.

БИТВА ДЕРЕВЬЕВ

(КАД ПОДДЕХ)

I

Множество форм я сменил, пока не обрел свободу⁸⁹⁷
Я был острием меча – поистине это было⁸⁹⁸;
Я был дождевою каплей, я был лучом звезды⁸⁹⁹;
Я книгою был и буквой заглавною в этой книге⁹⁰⁰;
Я фонарем светил, разгоняя ночную темень⁹⁰¹;
Я простирался мостом над течением рек могучих⁹⁰²;
Орлом я летел в небесах, плыл лодкою в бурном море⁹⁰³;
Был пузырьком я в пиве, и был я в ручье водою⁹⁰⁴;
Был в сраженье мечом и щитом, тот меч отражавшим;
Девять лет был арфы струной, год был морской пеной;
Был языком огня и бревном, в том огне горевшим⁹⁰⁵.
С детства я создавал созвучия песен дивных⁹⁰⁶;
Было же лучшим из них сказанье о Битве деревьев⁹⁰⁷,
Где ранил я быстрых коней и с армиями сражался,
Где встретил страшную тварь, разверзшую сотни пастей,
На шее которой могло укрыться целое войско⁹⁰⁸;
Видел я черную жабу с сотней когтей острейших;
Видел и змея, в котором сотня душ заключалась⁹⁰⁹.

II

Я видел в Каэр-Невенхир⁹¹⁰, как бились за власть деревья⁹¹¹,
Как барды слагали песни, как воины шли в сраженье,
Как Гвидион⁹¹² вверх поднял тонкий волшебный жезл,
Молитву творя небесам и Господа умоляя
Его не бросить в беде, избавить от злой напасти⁹¹³.

И слово Господне сошло с небесных высот на землю⁹¹⁴:
 «Чтоб Пиблиг⁹¹⁵ могучий не смог страну предать разоренью,
 Пусть войском твоим деревья и травы лесные станут»⁹¹⁶.
 Деревья посредством чар сменили свою природу,
 Смирили шелест ветвей, покорны небесным арфам⁹¹⁷.
 Их дева в бой повела, чтоб с тяжестью бед покончить,
 И мощной своей рукой трех псов боевых сразила⁹¹⁸.
 Нам тяжело пришлось в сраженье, где кровь рекою струилась⁹¹⁹,
 Но нам придавало силы раденье о судьбах мира.
 Ведь три важнейших события, случившихся в этом мире, —
 Потоп, что землю залил и род обновил человечесий,
 Затем распятие Христа, затем день Суда Господня⁹²⁰.

III

На битву первую шла ольха, старейшая в роде⁹²¹,
 А юные ива с рябиной процессию замыкали⁹²²;
 От запаха крови пьян, шагал терновник колючий⁹²³,
 За ним ежевика влеклась, всегда готовая к бою⁹²⁴,
 И розы свои шипы к врагу простирали в гневе⁹²⁵;
 Кусты малины пришли, покинув лесную чашу⁹²⁶.
 И жимолость ради битвы презрела свою ограду⁹²⁷,
 И плющ вместе с ней⁹²⁸, и вишня, что шла на битву со смехом⁹²⁹;
 Последней береза шла, мудрейшее из деревьев,
 Отстав не трусости ради, а гордость свою сберегая⁹³⁰;
 Их строй по бокам ограждал золотарник цветущий⁹³¹,
 Ель шла впереди, полководцем среди них величаясь⁹³²;
 А королем был тис, что первым в Британии правил⁹³³;
 Мохом обросший вяз не в силах был сдвинуть корни
 И плелся в хвосте, пугая врагов кряхтеньем и скрипом⁹³⁴;
 Орешник оружие острил в преддверии грозной битвы⁹³⁵,
 И бирючина⁹³⁶, как бык, стремилась за стройной елью.

IV

Падуб зеленый пришел, не отставая от прочих⁹³⁷;
 За ним и боярышник дивный, чей сок исцеляет раны⁹³⁸;
 Лоза, извиваясь, ползла на бой за деревьями следом⁹³⁹.
 Несладко трусам пришлось⁹⁴⁰; был папоротник загублен,
 Ракитник пришлось срубить и выкорчевать утесник⁹⁴¹.
 Но храбр, хоть и ростом мал, оказался медовый вереск,

Что в первых войска рядах врагу наносил удары⁹⁴².
От поступи мощного дуба дрожали земля и небо,
Он втапывал в землю врагов, разя их без счета⁹⁴³,
А рядом царственный ясень⁹⁴⁴ с трудом отражал атаки,
Что шли одна за одной, как волны на берег моря;
И груша сражалась там же, обильно кровь проливая;
Каштан состязался с елью в свершенье подвигов ратных⁹⁴⁵.
Бел снег, и чернила черны⁹⁴⁶, и зелены деревья,
Спокойны пучины вод с тех пор, как я крик услышал⁹⁴⁷;
С тех пор березы растут в стране этой без опаски,
И тянутся вверх дубы по слову Гвархан Мэлдерва⁹⁴⁸.

V

Меня, когда я родился, не мать с отцом породили;
Создан я был волшебством из форм девяти элементов⁹⁴⁹.
Из сока сладких плодов, из предвечного Божия Слова,
Из горных цветов⁹⁵⁰, из цвета деревьев, из дикого меда,
Из соли земной, из руд, что таятся в недрах,
Из листьев крапивы лесной, из пены девятого вала⁹⁵¹.
Меня сотворил Гвидион, коснувшись волшебным жезлом,
И Мат меня создал, чтоб вид я смог обрести и облик.
Стараньем великих магов я смог на свет появиться⁹⁵²;
Эурис, Эурон и Модрон трудились, чтоб я родился⁹⁵³;
И сам взволновался Господь, увидев мое рожденье⁹⁵⁴ —
Ведь создан я магом из магов еще до творенья мира;
Я жил и помню, когда из хаоса мир явился.
О барды! Я вам спою, чего язык не расскажет!
Горел я в огне печи⁹⁵⁵, спал в раковине моллюска⁹⁵⁶
И дружбу водил с самим Диланом Сыном Моря⁹⁵⁷;
Я рос во дворцах и сидел у королей на коленях⁹⁵⁸.

VI

Я помню два острых копья, сошедших на землю с неба,
Что бились со мной в Аннуине, желая меня повергнуть⁹⁵⁹;
Хоть восемь десятков раз был ранен я их остриями⁹⁶⁰,
И сила трехсот ударов была в их каждом ударе;
Но мой удар был сильнее, девятистам людских равняюсь;
Я их одолел, хоть были они меня не моложе.
Я помню волшебный меч, сразивший немало храбрых,

Он кровь мою обновил, отрезал все, что мешало⁹⁶¹.
Меня Господь охранял, спасая от злобы вепря,
Блистанье в его руке, блистательна его сила⁹⁶².
Народы рождались, и гибли, и вновь восставали из праха⁹⁶³;
Всегда мое славилось имя, всегда мое слово ценилось.
Я вился змеей по холму, по озеру рыбой плавал⁹⁶⁴;
Я был лучистой звездой, сиянье с небес простиравшей.
Имел я волшебный плащ, имел чародейную чашу⁹⁶⁵,
Что вызвать могла туман, неделю страну скрывавший.
Кинжал мой стоил дороже десятка рабынь искусных⁹⁶⁶,
И шесть соловых коней ценой не могли сравняться
С белым моим скакуном, летевшим быстрее чайки⁹⁶⁷.

VII

Не слаб я еще в бою на суше и среди моря;
На ратном поле могу я с сотней бойцов поспорить;
Запятнан кровью врагов мой щит с золотой каймою.
Еще не родился тот, кто в битве со мной сравнится;
Горонви⁹⁶⁸ лишь на меня способен поднять оружие.
Я белых пальцев своих не портил черной работой⁹⁶⁹;
Я воином был, хотя сейчас я певец и книжник;
Разил я врагов и сам не раз был сражаем ими;
На сотне стен крепостных стоял я во время осады,
И сотню стен осаждал, тараном их пробивая⁹⁷⁰.
Друиды сказали Артуру⁹⁷¹, когда он хотел услышать
О трех важнейших событиях, случившихся в этом мире,
Сначала случился потоп, что род обновил человеческий,
Потом был распят Христос, людей от греха спасая,
И будет Господень Суд, и век золотой настанет⁹⁷².
Тогда я найду покой и радость в Небесном Царстве,
Как мудрый Вергилий⁹⁷³ рек в своем прорицанье давнем⁹⁷⁴.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МИР МАБИНОГИ

Когда в 1838 году леди Шарлотта Гест издала в Лондоне книгу, озаглавленную «Мабиногион из Красной книги Хергеста и других древних валлийских рукописей», история и культура кельтских народов, населяющих Британские острова, были уже довольно хорошо изучены, но таили в себе больше вопросов, чем ответов. То же положение сохраняется и сейчас, полтора века спустя, несмотря на радикальное усовершенствование методов научного поиска и увеличение объема накопленных знаний. Никакого парадокса в этом нет. Кельтскую Атлантиду приходится не поднимать с морского дна, но по крупицам отыскивать в фундаменте иноязычных и инокультурных традиций, сплавившихся за столетия в конгломерат Великобритании. Жив язык, сохранилось множество письменных памятников – но то и дело кельтологи сталкиваются с коварными сюрпризами, которые им приготовило прошлое. Споры обычны в науке; здесь же они возникают по любому вопросу, из-за каждого слова в древних рукописях.

Все это говорит не только об особой сложности предмета, но и об особенном интересе к нему историков. В самом деле, кельты – первый цивилизованный народ Европы, авангард железного века, распространивший некогда свою скотоводческую цивилизацию на огромном прост-

ранстве от Карпат до Ирландии. Когда в середине прошлого века ученые впервые заинтересовались проблемой единого происхождения индоевропейцев, они сразу заметили сходство в языке и обычаях древних кельтов с теми индоевропейскими народами, от которых до нас дошли наиболее ранние памятники, – индоарийцами «Ригведы», иранцами «Авесты», греками «Илиады». То, что кельты смогли сохранить эти архаичные традиции в более позднее время, довести их до письменной фиксации, во многом объясняется историческими условиями. Оттесненные другими народами сперва на Британские острова, а затем и на их наиболее дальние и неприступные окраины, кельты оказались, по словам французского ученого Жоржа Дюмезиля, «хранителями периферийного индоевропейского фонда». Сохранение традиционного кланового устройства и экономическая деградация оказали кельтским народам дурную услугу, облегчив их завоевание Английским королевством, но стали неоценимым подспорьем для историков, обеспечив им богатейший сравнительный материал для характеристики развития не только Британии, но и всей Европы. При этом социальный «застой» отнюдь не сопровождался культурным. Симбиоз древней кельтской культуры с христианством и латинской письменностью вызвал к жизни после V века н. э. богатую и глубоко своеобразную литературу.

Прежде всего это относится к Ирландии – «светильнику Запада», где огонь культуры не гас даже в темные века раннего средневековья. Ирландские монахи, основавшие множество монастырей по всей Европе – а в то время в монастырях, как известно, сосредотачивалась вся культурная жизнь, – славились не только ученостью, но и терпимостью и в своих рукописях сохранили (конечно, в переосмысленном виде) многие предания языческого прошлого. Труд переписчиков в монастырских скрипториях не прекращался, несмотря на жестокие раздоры клановых вождей, на опустошавшие остров нашествия скандинавов, а затем и англо-нормандцев. Именно их самоотверженными усилиями дошли до нас основные сведения об истории и культуре древних кельтов.

В Уэльсе ситуация была другой, и памятники валлий-

ской традиции отличаются от ирландских и количественно и качественно. Начнем с того, что ирландцы и валлийцы представляют две основные ветви кельтских языков – так называемых «к-кельтов» и «п-кельтов» (первые произносили индоевропейский звук *kw как «к»), вторые – как «п»), разделившихся в незапамятные времена еще на континенте. Их историческая судьба тоже была различной. Если Ирландия до IX – X веков оставалась «вещью в себе», не подвергаясь иноземным вторжениям (если не считать мирного «вторжения» христианства), то Британию, населенную бриттами (так называли островных кельтов из «п-ветви»), с I века н. э. сотрясали нападения чужеземцев. Вслед за римлянами, создавшими здесь смешанную латинско-британскую культуру, но не сумевшими ассимилировать местное население, на острове появились в V веке германские племена – англ и саксы, которые и покончили с кельтской Британией.

Медленно, шаг за шагом, отступали в V-VIII веках бритты из Камбрии, Лотиана, Корнуолла, унося с собой боль поражений и гордость немногих одержанных побед, пока их последним бастионом не остался гористый полуостров на западе, еще с римских времен населенный наиболее дикими и воинственными племенами. Отчаявшись захватить его, англосаксы в VIII веке вырыли так называемый «ров Оффы», на столетия отгородивший эту область от собственно Англии (Логрии), и назвали ее «Валлис», «застенная земля» (в русском слове «Уэльс» отразилось более позднее английское произношение). Сами бритты называли свою страну иначе – Кимру или «страна сородичей». Историк IX века Ненний с раздражением пишет о «диких кимрах», которые отказываются именовать себя бриттами; но племена Уэльса вряд ли помнили о родстве с «культурными» бриттами Логрии, что так легко сделались рабами саксов. Не забывали об этом только хранители учености – и язычники-барды, и христианские монахи, бежавшие в Уэльс со всего острова, где, по словам историка XII века Гальфрида Монмутского, «непогребенные трупы крестьян и церковнослужителей усеивали собою землю».

Анализ памятников валлийской литературы показы-

вает, что некоторые из них созданы вне Уэльса в VI–VIII веках. Позже, когда валлийцы окончательно обособились, деятельность авторов и героев этих памятников была перенесена в Уэльс, хотя из традиции так и не изгладились мечты о никогда не существовавшем «королевстве Британии», отразившиеся в многочисленных «пророчествах» – своеобразном жанре валлийской литературы. «Пророчества» приписывались обычно легендарным мудрецам и чародеям вроде Мирддина (Мерлина) и Талиесина, и в них отражались надежды на изгнание саксов и обретение бриттами свободы. Эти надежды вновь ожили, когда в 1066 году саксы были побеждены Вильгельмом Завоевателем, но французские бароны оказались еще более опасными врагами валлийцев, чем короли англосаксов. Вскоре франко-нормандцы захватили юг Уэльса и создали там полунезависимые феодальные владения, объединенные именем Марч, то есть «марка», или пограничная область.

В самом Уэльсе тем временем продолжались нескончаемые раздоры, характерные для кельтского общества, основными субъектами которого были клан (*cenedl*) и король (*brenhin*). Единого государства в Уэльсе никогда не существовало, не было даже попыток его создать, как это наблюдалось в Ирландии. «Короли», то есть вожди отдельных племен, боролись за власть друг с другом, с англо-нормандскими феодалами, со своими «подданными»-общинниками и с более мелкими вождями. Стабилизирующую роль пыталась играть церковь, особенно монашеский орден цистерцианцев, немало сделавший для развития экономики и культуры Уэльса. При этом страна оставалась малонаселенной, скотоводческой, города и просто постоянные поселения отсутствовали. Монастырей было немного, и письменная традиция не была столь давней и развитой, как в Ирландии. Древнейшее сочинение по истории Уэльса, «Анналы Камбрии», относится к VIII веку, а первые записи поэтических и литературных произведений – к XI веку.

Конечно, многое за века погибло, но в целом несомненно, что кельтская литература Уэльса беднее ирландской. Одновременно она менее своеобразна и испытала

больше чужеземных влияний, по крайней мере после XII века, когда былая изоляция Уэльса окончательно рухнула и наиболее дальновидные правители валлийских королевств попытались модернизировать общество, чтобы сохранить независимость перед лицом агрессии уже не отдельных феодалов, а английской короны. Но было поздно. Драматическое противоборство Эдуарда I Английского и последнего короля независимого Уэльса, первого «принца Уэльского» Ллевелина ап Гриффидда окончилось в 1282 году английским завоеванием Уэльса. Чтобы смирить непокорных кимров, восстания которых не прекращались до XV века, король сохранил титул «принца Уэльского», даровав его своему сыну. Но симбиоза не получилось, да и вряд ли он был возможен. Кельтская культура, третируемая как «варварская», на столетия отошла на задний план, став, как и в Ирландии, достоянием народных сказителей, которых королевская юстиция преследовала как «бродяг».

Тут случился один из любимых историей парадоксов. Когда реальная кельтская независимая культура доживала в Уэльсе последние дни, ее импульс проник в европейскую литературу, обогатив ее образами и сюжетами, ставшими популярными в течение столетий. То, что получило в науке название «артуровского эпоса», имело много источников, и его кельтская основа неузнаваемо трансформировалась при переносе на почву европейского феодализма. Вопрос об историческом прообразе короля Артура слишком сложен, чтобы рассматривать его здесь; но его легендарный «двойник» впервые появился в «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского (Гриффидда ап Артура) – первого автора, соединившего в своем творчестве англо-нормандскую и валлийскую традиции и задавшегося целью прославить прошлое Британии.

Среди созданий Гальфрида, которыми питалось вдохновение многих будущих классиков, включая Шекспира, большое место занимал образ Артура – могучего короля Британии и сопредельных стран, идеального вождя рыцарского сообщества. Этот образ «пришелся ко двору» в европейском обществе XI-XII веков – и как недостижимый идеал клонящегося к упадку рыцарства, ищущего

выход в союзе с королевской властью, и как идеал еще популярной в то время универсалистской монархии, объединяющей народы под единым скипетром (не случайно легенда привела Артура в Рим – столицу Вселенской Империи). Во всяком случае, начиная с XII века и до самого конца средневековья нескончаемые переработки сюжетов о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола, о Тристане и Изольде, о Святом Граале заполняют литературу всех народов Западной Европы. Эти сюжеты бумерангом возвращаются и в Уэльс, откуда когда-то вышли, и соединяются там с кельтской мифологическо-литературной традицией.

Так родился сборник сказочных повестей, известный ныне под условным, но отнюдь не случайным названием «Мабиногион», как озаглавила его первая переводчица на английский Шарлотта Гест. «Мабиногион» – множественное число от «мабиноги», хотя лишь первые четыре повести сборника носят название «Ветви Мабиноги» и связаны общим сюжетом и общими героями. Само слово «мабиноги» производится от валлийского *tab*, в словосочетаниях *uab* или *ar* – «юноша», «отрок», но смысл такого наименования не совсем понятен, а потому стал предметом множества дискуссий. По несколько наивному предположению самой леди Гест это слово означало «историю для детей». Позже Ивор Уильямс предположил, что «мабиноги» означает «история о юности» – о «юности» всего мира или одного главного героя, каким, по предположению ученого, мог являться Придери, сын Пуйлла⁹⁷⁵. Рэчел Бромвич не согласилась с этой точкой зрения, считая, что имеются в виду истории о «юных боггах», наследниках древнейших божеств кельтского пантеона⁹⁷⁶. Наконец, в последние годы на первый план выдвинулась версия, в соответствии с которой «мабиноги» – это нечто вроде учебника или хрестоматии для юных бардов. Таким образом, мнения ученых, описав круг, вернулись к догадке леди Гест.

Сборник, включающий в себя 11 легенд, дошел до нас в составе двух рукописных сводов древней валлийской литературы – так называемых «Белой книги Риддерха» и «Красной книги Хергеста», относящихся к XIV веку. Их

тексты заметно, но не очень значительно отличаются друг от друга, что доказывает их заимствование из общего, более раннего источника. Язык отдельных легенд сборника, как и их сюжеты, относится к разному времени, но большинство ученых считают, что они были записаны не ранее XI и не позднее XII столетия. Именно тогда в еще независимом Уэльсе наблюдался культурный подъем, и было написано или переписано в монастырских скрипториях множество рукописей различного содержания. В XII веке на валлийский было переведено сочинение Гальфрида Монмутского, что усилило интерес к легендарному прошлому. С другой стороны, при дворах валлийских королей творили барды, в изобилии использовавшие в своей поэзии мифические и легендарные образы. Именно они разработали в валлийской традиции уникальный жанр триад – группировки имен или событий по тройкам, применявшейся и к бытовым сюжетам, и к легендарной истории (так называемые «Триады Острова Британии»).

Барды, хоть и не столь образованные, как ирландские филиды, хранили в памяти кое-что из языческой мифологии кельтов. Возможно, мабиноги действительно являлись чем-то вроде шпаргалки, составленной бардами для лучшего запоминания мифологических сюжетов. Но функции мабиноги явно отличаются от чисто технических, неся на себе следы литературной обработки. Может быть, это влияние монахов, которые и в Ирландии часто стилизовали древние сюжеты; может быть, отражение новых вкусов владетельных покровителей или самих бардов. Во всяком случае, сборник «Мабиногион», хоть и достаточно разнородный, кажется единым литературным явлением, стоящим на стыке мифа, псевдоисторической традиции и собственно литературы, что и позволяет выделить его из массы других валлийских текстов – хроник, сводов законов, житий, легенд, триад, пророчеств, поэтических произведений.

Самый древний, мифологический слой представлен в мабиноги очень широко, хоть и переработанный монахами-редакторами. Его конкретные примеры рассматриваются в примечаниях; здесь достаточно сказать об основ-

ных тенденциях. Как и в ирландской псевдоисторической схеме «завоеваний», языческие боги в валлийских легендах превращаются в допотопных правителей Британии и Уэльса, могучих чародеев или зловредных трикстеров. Обычными являются путешествия героев в потусторонний мир за знаниями или чудесными предметами; часть персонажей явно наследует признаки первопредков или культурных героев – строителей мира. Но в целом связность и последовательность мифа утрачена; сюжет тяготеет скорее к волшебной сказке с ее типичными коллизиями «поисков» или «потери-обретения». Притом в мабиноги сохраняются необычайно архаичные для европейской литературы образы и целые словесные блоки; некоторые из них несут даже пережитки тотемизма или других первобытных верований и особенно любопытны при сопоставлении с мифологией других народов. Большая роль уделена божествам потустороннего мира (превращенным христианской редакцией в «бесов» и «ведьм»), которые то и дело вторгаются в жизнь людей.

«Мир чудесного» в мабиноги еще по-варварски груб, но в нем естественно укореняются символы более поздней европейской эзотерики. Например, Святой Грааль – переосмысленный «котел изобилия» кельтской мифологии, но в то же время и символ приобщения к Богу из христианской легенды. Совершенно особым образом эзотерическая традиция отражается в «видениях» и «пророчествах», представленных в настоящем сборнике «Историей Талиесина» из «Книги Талиесина», записанной в XIII веке (о ее составе и происхождении см. в примечаниях). В произведениях, приписанных барду VI века Талиесину, причудливо преломляется стилистика индоевропейских священных гимнов, воспевается эпический герой – поэт и воин – и в то же время слышатся отзвуки раннехристианских и гностических философских концепций.

Талиесин существовал на самом деле, как и многие из упомянутых в мабиноги лиц – Максен Вледиг (Магн Максим), короли Уриен и Мэлгон Гвинедд, герой борьбы против Рима Касваллаун и другие. Но для легенды это лишь условные имена, наполняемые сказочным содержанием. Неважно, тождественны ли правитель Дум-

нонии Марх ап Мейрхион и король Марк из легенд о Тристане, король Мерсии Оффа и Осла Длинный Нож, реальный Артур и могучий «император Британии» – все они вплетаются в причудливый узор «Мабиногион», где меж людей ходят волшебники и полубоги, а среди реальных имен вдруг появляются древние тотемы (например, «кабан» Килух или Рианнон – модернизированное конское божество). Псевдоистория участвует в мабиноги героями и сюжетами, но не концепцией. Хотя сочинение Гальфрида было почти наверняка прочитано редакторами сборника, его пафос – прославление древнего царства бриттов – остался невостребованным. Действие мабиноги (кроме «Видения Ронабви») происходит в условном «хронотопе» легенды, но если в начале это доисторическая утопия мифа, то в конце, в «артуровской» части, – внеисторическая утопия рыцарского романа. Здесь исчезают даже столь обильные в «Ветвях Мабиноги» топографические реалии Уэльса; королевство Артура призрачно – у него есть центр (Каэрлеон или Камелот) и сплошная периферия, «глухой лес», где совершаются рыцарские подвиги. Этот мир тоже полон ярких образов и мифологических параллелей, но кельтская специфика в нем сходит на нет.

Такая же метаморфоза происходит в заключительных повестях и с литературной формой. Простота языка, грубость выражений в ранних легендах сочетаются с яркой, образной речью, индивидуальностью характеров, сложной, иногда ритмизированной конструкцией фраз. Герои мабиноги принадлежат к числу самых ярких характеров ранней европейской литературы, причем это относится не только к главным, но и к второстепенным персонажам (например, сколько индивидуальности в образе Эвннисиэна из «Бранвен»). В «артуровских» повестях континентальное влияние приводит к обилию клише, к «скованности» языка. Текст кажется переводным, и это действительно перевод с языка европейского феодализма на язык валлийского кланового общества, где для каких-то понятий просто нет слов. Здесь по-прежнему встречаются индивидуальные характеры (особенно выделяется Передур), но это уже не валлийцы, а идеальные рыцари Западной Европы.

Конец «Мабиногион» символичен. Это конец кельтского общества, побежденного феодализмом, и конец валлийской средневековой культуры, размытой заимствованиями и чуждыми литературными стандартами. Новой литературе Уэльса суждено было пройти через множество влияний, но и она, и вся европейская словесность испытали на себе очарование сюжетов мабиноги. Наряду с опосредованным «артуровским» влиянием наблюдалось и прямое, по мере того как кельтская история и мифология обретали все более широкую популярность. Жители Британских островов, влюбленные в свое прошлое, принялись всерьез изучать его значительно раньше, чем в других странах. Свою роль здесь сыграли и интерес деятелей Просвещения к истории, и ее идеализация в период романтизма, и патриотический подъем времен кельтского национального возрождения, но главным образом, конечно, становление новых методов научного анализа письменных источников.

Издания и переводы «Мабиногион» появлялись параллельно с развитием кельтологии, прежде всего на Британских островах, но также в Германии, Франции и других странах. Появились научные публикации текстов мабиноги из «Красной книги Хергеста» (1887) и «Белой книги Риддерха» (1907), а также отдельных повестей сборника. За переводом леди Гест последовали новые переводы на английский, а затем и на другие языки. И это не удивительно – знание мабиноги и других памятников валлийской литературы необходимо не только кельтологам, но и тем, кто занимается сравнительной мифологией, религиоведением, лингвистикой. Оно обязательно для специалистов в области средневековой европейской литературы и полезно всем, кто интересуется историей Британии и Европы в целом. Наконец, знание мабиноги вводит читателя в совершенно особый мир кельтской традиции, причудливый и непохожий на знакомые нам миры, как реальные, так и вымышленные. Это давно уже оценили творцы сказочной фантастики в разных странах. Сюжеты кельтской мифологии приходят к нам через романы Джона Толкина и его многочисленных подражателей в жанре «фэнтези». Переведены на русский язык

главные ирландские эпические повести, однако другая основная ветвь древней кельтской литературы – валлийская – по-прежнему малоизвестна русскоязычному читателю.

Русский перевод «Мабиногион» не носит строго научного характера, однако рассчитан на вдумчивое и достаточно компетентное чтение. Примечания призваны дать читателю как пояснения по тексту, так и общие сведения об истории и мифологии древних кельтов. Всех, интересующихся данной темой более подробно, отсылаем к англоязычной литературе, а также к переводам ирландского эпоса*. Остальных просто приглашаем в мир мабиноги, архаичный и причудливый, мрачный и радостный, открытый не только в далекое прошлое, но и в вечный горизонт человеческой фантазии.

Вадим Эрлихман

ИСТОРИЯ ТЕКСТА И ПЕРЕВОДОВ

Текст одиннадцати повестей, объединенных под общим названием «Мабиногион», дошел до нас в составе двух крупнейших сводов средневековой валлийской литературы. Первый из них – так называемая «Белая книга Риддерха», или манускрипт Реп. 4 из так называемой «коллекции Пениарта» в Национальной библиотеке Уэльса в Абериствите. Второй – «Красная книга Хергеста», манускрипт 61 из собрания библиотеки Иисусова колледжа (Jesus College) в Оксфорде. Рукописи не датированы, однако по особенностям почерка и языка БК относится к периоду 1325 – 1350 гг., а КК – к периоду 1375 – 1425 гг. В обоих рукописных сводах содержится текст

* Ирландские саги. Пер. А. А. Смирнова. М.-Л., 1961; Похищение быка из Куальнге. Пер. Т.А. Михайловой и С.В. Шкунаева. М., 1985; Предания и мифы средневековой Ирландии. Пер. С.В.Шкунаева. М., 1991. Для первоначального знакомства с историей и фольклором кельтских народов может оказаться полезной книга: Рис А., Рис Б. Наследие кельтов. Пер. с англ. Т.А. Михайловой. М., 1999.

всех 11 повестей без существенных расхождений, хотя и с множеством мелких различий, вызванных ошибками переписчиков. Порядок повестей в рукописях различен: в БК первыми идут «Четыре ветви Мабиноги», потом тексты другой тематики, «Передур», «Максен», «Ллуд», «Оуэн», снова другие тексты, «Герайнт» и «Килух». В КК за помещенным впереди «Видением Ронабви» также идут другие тексты, затем следуют «Оуэн», «Передур», «Максен», «Ллуд», «Четыре ветви Мабиноги», «Герайнт» и «Килух». Нынешний порядок повестей, как и само название «Мабиногион», введен первой переводчицей сборника Ш. Гест.

Помимо двух основных сводов в нескольких рукописях XIII – XIV вв. из той же «коллекции Пениарта» содержатся отрывки разной длины из повестей «Пуйлл, король Диведа» и «Герайнт» (Реп. 6), «Ллудд и Ллевелис» (Реп. 44), «Видение Максена Вледига» (Реп. 16) и «Передур» (Реп. 7 и 14). В «манускрипте Клеопатры» из так называемой «Коттоновской коллекции» библиотеки Британского музея (BM Cott. MS) повесть «Ллудд и Ллевелис» целиком включена в состав «Деяний королей» (*Brut y brenhinedd*) – валлийского переложения псевдоисторического труда Гальфрида Монмутского. Эта же повесть содержится в манускрипте 1 из «коллекции Лланстефана» в Национальной библиотеке Уэльса. Манускрипт 20 из собрания Иисусова колледжа в Оксфорде содержит большой фрагмент повести о Передуре. Помимо этого множество ссылок и аллюзий на сюжеты «Мабиногион» присутствуют во многих произведениях валлийской рукописной традиции вплоть до XVIII в. Существуют научные издания как большинства отдельных повестей цикла, так и обоих больших сводов – «Мабиногион из Красной книги Хергеста» издан в 1887 г.⁹⁷⁷, а «Белая книга Риддера» – в 1907 г.⁹⁷⁸ Позже были изданы с учетом всех существующих вариантов и с обширными комментариями четыре «Ветви Мабиноги» и ряд отдельных повестей⁹⁷⁹.

До конца XVIII в. валлийские сказочные повести не переводились на другие языки, хотя опосредованно влияли на европейскую литературу через рыцарские романы артуровского цикла. Первые, весьма несовершенные пе-

реводы отдельных повестей «Мабиногион» появились в научной периодике на рубеже XVIII и XIX вв.⁹⁸⁰ В 1838 – 1849 гг. вышел в трех томах первый полный перевод всех 11 повестей, осуществленный Шарлоттой Гест⁹⁸¹. К его недостаткам можно отнести то, что леди Гест приукрашивала текст в викторианском духе и тщательно убирала из него все «неприличные» или хотя бы сомнительные места. Тем не менее литературные достоинства этого перевода оказались так велики, что до сих пор большинство англоязычных читателей во всем мире судит о «Мабиногионе» именно по нему.

В 1913 г. Жозеф Лот впервые осуществил научный перевод сборника на французский язык⁹⁸². В 1929 г. появился и английский научный перевод Т. Эллис и Джона Ллойда⁹⁸³, который до сих пор остается лучшим и самым точным, несмотря на некоторую сухость. обстоятельные комментарии отражали разночтения в текстах, а также историко-культурные реалии, связанные с повествованием. Однако комментарии были сделаны на тогдашнем научном уровне и не могли учесть новейших достижений кельтологии и сравнительного мифоведения. Перед позднейшими переводчиками была поставлена задача вписать «Мабиногион» в контекст современных научных исследований. Эту задачу лишь отчасти выполнили новый научный перевод Гвина и Томаса Джонсов (1949)⁹⁸⁴ и перевод Джеффри Ганца, изданный в 1976 г. в популярной «пингвиновской» серии⁹⁸⁵. В 1977 г. в США вышел новый перевод наиболее важных повестей цикла, сделанный специалистом по кельтскому фольклору Патриком Фордом⁹⁸⁶. На других языках полные переводы «Мабиногион» до самого последнего времени не появлялись. Первый русский перевод вышел в 1995 г.⁹⁸⁷ Вскоре появились перевод, сделанный Л. Володарской с английского перевода леди Гест⁹⁸⁸, а также пересказы повестей цикла в нескольких сборниках британских сказок и легенд.

Герои и сюжеты мабиноги встречаются на страницах едва ли не всех памятников валлийской рукописной традиции с VIII по XVIII века. Важное место среди них занимают поэтические тексты – в первую очередь те, что приписываются легендарному барду VI столетия Талиесину.

«История Талиесина» в том виде, в каком она представлена в данной книге, является созданием ее первой переводчицы Ш. Гест, которая заимствовала материал из трех рукописных сборников XVII – XVIII в. Самый полный из этих сборников был опубликован в 1801 г. в «*Mynyddian Archeology*» – первом исследовании валлийского фольклора. К сожалению, часть текстов, использованных леди Гест, по всей вероятности, оказалась подделкой известного энтузиаста валлийской старины поэта Йоло Морганнога (Эдварда Уильямса).

Всего сохранилось более 20 рукописей «Истории Талиесина», из которых наиболее ранними являются написанный в середине XVI в. манускрипт известного валлийского антиквара Элиса Гриффидда (MS 6209E из Национальной библиотеки Уэльса) и копия этой рукописи, сделанная немного позже Дэвидом Парри (MS 5276D). Оба этих варианта имеют существенные расхождения с версией леди Гест, к тому же в них нет большинства поэтических вставок. Их автор перевода заимствовала в основном из так называемой «Книги Талиесина», состоящей из текстов VI – XIII вв. Первое научное издание «Истории Талиесина» по рукописи Э. Гриффидда выпустил в 1957 г. Ивор Уильямс⁹⁸⁹. В 1992 г. Патрик Форд издал новый перевод «Истории», основанный на всех ее сохранившихся вариантах⁹⁹⁰.

Другие памятники средневековой валлийской литературы включают в себя исторические трактаты, сборники стихов и генеалогии, в которых также содержатся сведения, поясняющие и дополняющие тексты «Мабиногион». Всего сохранилось не более сотни валлийских манускриптов, написанных до начала XVI в., однако ценный исторический материал можно найти и в рукописях более позднего времени. К числу крупнейших сводов древней валлийской поэзии относятся «Черная книга Кармартена» (манускрипт Реп. 1 Национальной библиотеки Уэльса, написанный около 1210 г.), «Книга Анейрина» (манускрипт 1 из городской библиотеки Кардиффа, написанный около 1250 г.), «Книга Талиесина» (манускрипт Реп. 2 Национальной библиотеки, написанный около 1275 г.) и так называемая «Книга Лливарх Хена», вошедшая в со-

став «Красной книги Хергеста». Некоторые поэтические произведения из этих сборников относятся к VI – VII вв. и, скорее всего, действительно сложены легендарными бардами того периода; все остальные были приписаны им позже.

Еще в 1868 г. Уильям Скин осуществил научное издание всех четырех сводов древней поэзии⁹⁹¹, а позже Ивор Уильямс издал и перевел отдельные поэтические сборники⁹⁹². К сожалению, в научное издание «Книги Талиесина» он включил только самые древние стихи. С полным текстом «Книги Талиесина» до сих пор можно познакомиться только по изданию Джона Гвеногрина Эванса, вышедшему еще в 1910 г.⁹⁹³ В это издание включена и мифологическая поэма «Битва деревьев» (Cad Goddeu), переведенная в настоящем издании. С оригинальной, хотя во многом сомнительной интерпретацией этой поэмы и некоторых других произведений из «Книги Талиесина» отечественный читатель может ознакомиться в книге Роберта Грейвса «Белая богиня»⁹⁹⁴. Грейвс ориентировался на перевод поэмы, сделанный в середине XIX в. Дэвидом Нэшем⁹⁹⁵; до этого появился перевод Роберта Уильямса⁹⁹⁶, а впоследствии – перевод Патрика Форда⁹⁹⁷ и несколько любительских переложений. В 1988 г. свои переводы поэм Талиесина, включая «Битву деревьев», издал валлийский поэт Мейрион Пеннар⁹⁹⁸.

В числе памятников средневековой историографии, имеющих отношение к текстам «Мабиногион», можно назвать хронику «Анналы Камбрии», сочинение Ненния и квазиисторическую «Историю бриттов» Гальфрида Монмутского. Два последних текста переведены на русский язык А.С. Бобовичем в 1984 г.⁹⁹⁹ «Анналы Камбрии», как и все остальные валлийские тексты, имеющие отношение к эпохе короля Артура, изданы и переведены в 1995 г. Джоном Моррисом¹⁰⁰⁰. В XIII в. был сделан дополненный валлийский перевод сочинения Гальфрида под названием «Хроники королей» (Brut y brenhinedd), который, по всей видимости, оказал влияние на составителей «Мабиногион». В 1937 г. в США вышло первое научное издание «Хроник» с переводом¹⁰⁰¹. Другое валлийское историческое сочинение – «Хроники правителей»

(Brut y tywysogion) – входит в состав «Красной книги Хергеста» и содержит богатые сведения об истории Уэльса с VII по XIII вв. Его научное издание и перевод были осуществлены в 1955 г. Томасом Джонсом¹⁰⁰².

Валлийские генеалогии, в которых упоминается большинство героев «Мабиногион», сохранились не менее чем в 25 манускриптах и были изданы Питером Бартрумом в 1974 г.¹⁰⁰³ Большую роль для пояснения текстов «Мабиногион» и реконструкции древней валлийской истории мифологии играют триады – оригинальный жанр кельтского фольклора, в котором герои и события группируются по тройкам. Практически все триады, имеющие отношение к истории Британии, были в 1961 г. изданы и переведены Рэчел Бромвич с подробными комментариями¹⁰⁰⁴. Знания о валлийском обществе эпохи создания повестей цикла «Мабиногион» ученые черпают из законов раннего средневековья. До сих пор самым полным остается их издание, осуществленное в 1841 г. Анейрином Оуэном¹⁰⁰⁵. За 150 лет изучения плодотворный труд британских издателей и комментаторов «Мабиногион» дал возможность включить этот цикл в широкий контекст кельтской и мировой литературно-мифологической традиции.

О ПЕРЕДАЧЕ ВАЛЛИЙСКИХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Передача валлийских слов по-русски представляет определенные трудности, связанные с фонетическими отличиями средневекового валлийского языка как от русского, так и от современного валлийского. Поэтому мы сочли нужным кратко охарактеризовать фонетические отличия средневекового языка, опираясь в основном на издание С. Эванса¹⁰⁰⁶. Под средневековым валлийским (Middle Welsh или Cymraeg Canol) в научной литературе подразумевается язык поэтических и прозаических текстов, записанных с начала XII до середины XIV вв. В последующий период началось развитие современного валлийского языка, с фонетикой и грамматикой которого

российский читатель может ознакомиться по книге С.Г. Халипова¹⁰⁰⁷.

Из валлийских гласных сложны для передачи на другой язык только те, что передаются буквами *u* и *y*. Буква *U* в современном валлийском читается как «и», а в северном диалекте – как немецкое «*ü*». В то же время в древнем валлийском языке она обычно читалась как «*y*», а в средневековом – как «*ü*». Поскольку в русском языке нет букв для передачи подобного звука, в данном переводе *u* передается как «*y*» в именах «Артур», «Уриен» и др. Нужно отметить, что в средневековых текстах буква *u* могла обозначать также звуки «*v*» и «*y*», заменяя собой буквы *w*, *v* и *f*. Буква *Y* как в древнем, так и в современном валлийском обозначает нечто среднее между русскими «и» и «ы». В то же время в сочетании с гласным эта буква могла читаться как согласный «й». В средневековых текстах она могла обозначать также звук «э». В данном переводе она везде передается как «и».

В системе валлийских согласных также имеются звуки, отсутствующие в русском языке. Прежде всего к ним относится звук, который передается буквой *ll* и читается как «*л*» с сильным придыханием – что-то вроде «*хл*». В данном переводе он передается простой транслитерацией «*лл*» – как из соображений благозвучия, так и исходя из уже сложившейся традиции. Вряд ли стоит, к примеру, переводить известное валлийское имя *Llwyd* как «Хлуйт», а Лондон (по-валлийски *Llundeyn*) – как «Хлиндин». Буква *dd* в современном валлийском читается как английское *th* в слове *that*, однако в средние века она читалась как «*д*» или «*т*» и иногда заменялась буквой *t*. Исходя из этого, мы передаем ее простой транслитерацией «*дд*» или реже «*д*». Буква *Rh* в современном валлийском читается как «*р*» с сильным придыханием или «*хр*», но в средние века она мало отличалась от простой буквы *r*. Поэтому мы передаем ее как «*р*» – например, в имени «Рианнон». Та же метаморфоза произошла с буквой *th*, которая в современном языке читается как английское *th* в слове *thin*, но в средневековом почти не отличалась от *t* – например, в имени «Артур» (*Arthur*).

Остальные согласные не представляют особых трудно-

стей для передачи. Буква *w* может обозначать как согласный звук «в» (между гласными или в начале слога), так и гласный «у». Поэтому мы передаем его как «в» или «у» – например, в именах *Kulhwch* (Килух), *Branwen* (Бранвен), *Rwyll* (Пуйлл). Редкая буква *wh*, которая в средние века передавала звуковое сочетание «хв», в новое время превратилась в то же *w*. Буква *f* и в средневековом, и в современном валлийском читается как «в», однако в древности она, вероятно, читалась как «ф» – во всяком случае, в начале и конце слова. Исходя из этого, мы в таких случаях передаем эту букву как «ф». В остальных случаях звук «ф» передается валлийской буквой *ff*. Буква *Ph* также обозначает звук «ф» в заимствованных словах. Буква *Ch* передается как русское «х». Буква *Ng*, обозначающая носовой «г» (как в английских «инговых» окончаниях), передается простой транслитерацией. Все остальные валлийские согласные произносятся так же, как пишутся. Следует отметить, что в словосочетаниях валлийского языка ряд согласных изменяются, особенно в начале слова – например, *m* часто переходит в *f* или *v*, *dd* – в *d*, *ll* – в *l*.

Что касается валлийских дифтонгов и звуковых сочетаний, то они также претерпели со временем определенные изменения. Так, дифтонги *ei* и *eu* в современном валлийском читаются, а часто и пишутся как «ай» (*ai* и *au*). Однако в средние века они чаще всего читались, как «эй» и «эу» (реже «эи»); именно так они передаются в данном переводе – например, в имени «Кей» (*Sei*). В редких случаях *ei* все же передается как «ай», исходя из утвердившегося чтения – например, в имени «Герайнт» (*Gereint*). Дифтонги *aw*, *ew*, *iw* в современном валлийском в большинстве случаев перешли соответственно в звуки и буквы *o*, *e*, *i*, а дифтонг *ew* – в *aw*. В средневековом валлийском они читались в соответствии с первоначальным написанием. Дифтонг *ae*, который в средние века читался как «ай» или «аз», в современном языке обычно читается как «э». Дифтонг *oe*, читавшийся как «оз» или «ой», довольно рано стал обозначать звук, похожий на немецкий *ö*. Ввиду отсутствия подобных звуков в русском языке мы

передаем его как «э» – например, в имени «Гэвин» (Goewyn). Наконец, дифтонг wy передается простой транслитерацией «ви» из-за отсутствия единых правил его чтения. В средневековом валлийском он мог читаться как «ви» или «уи», но довольно рано начал сводиться к простому «у» – например, в имени «Г(о)рону»-»Горонви». В современном валлийском этот дифтонг читается как «уи» или просто «и». Звуковое сочетание ie везде передается как «ие» (например, в имени «Талиесин»). Сочетания eu, ou, oi передаются простой транслитерацией.

Ударение в валлийских словах в большинстве случаев падает на предпоследний слог. Исключением являются заимствованные слова или слова, в которых дифтонг в последнем или предпоследнем слоге образует один звук – например, *Symraeg* (валлийский язык) или *Caerdydd* (название столицы Уэльса Кардиффа). На последний слог ударение падает также в двусложных словах, которые начинаются с сочетания *ys-* плюс согласный. В средние века почти все имена и названия имели ударение на предпоследнем слоге. Там, где это правило не соблюдается, ударение проставлено в тексте.

Впервые передавая по-русски большинство валлийских имен и названий, мы руководствовались как близостью к оригинальному прочтению, так и благозвучностью для слуха российского читателя. В большинстве русскоязычных текстов валлийские имена и термины передаются по нормам либо английского языка, либо, в лучшем случае, современного валлийского. В результате одни и те же имена в различных изданиях не имеют ничего общего ни друг с другом, ни с первоначальным чтением. Например, имя «Пуйлл» имеет формы «Пуихл», «Пвилл» и «Пуил», имя «Ллеу» – «Хлев» и «Лау», имя «Килух» – «Куллох» или даже «Кулхвч» и т.д.¹⁰⁰⁸ Похвальным исключением является имя «Артур», которое по нормам современного валлийского языка должно читаться как «Арсир».

Валлийские географические названия в данном издании не переводятся, а их значение поясняется в примечаниях. Географические названия вне пределов Уэльса да-

ются либо в привычной форме (Франция, Британия), либо в форме, взятой из валлийского языка (Ллундейн, Ллогр), если это оправдано историческими обстоятельствами. Все валлийские термины мы постарались адекватно передать по-русски, что при необходимости также разъясняется в примечаниях.

КОММЕНТАРИИ

ПУЙЛЛ, КОРОЛЬ ДИВЕДА (Pwyll Pendeuic Dyuet)

Эта первая из Ветвей Мабиноги дошла до нас в составе «Белой книги Риддерха» (далее БК) и «Красной книги Хергеста» (далее КК) в двух вариантах, почти не отличающихся друг от друга; отрывки или варианты в других рукописях не обнаружены. Текст скомпонован из двух самостоятельных частей, связанных лишь фигурой главного героя – Пуйлла, короля Диведа, одного из главных персонажей валлийской мифологической традиции. Большинство действующих лиц повести встречается в последующих Ветвях Мабиноги, что позволяет предположить наличие связного цикла легенд, не все из которых нашли себе место в письменном варианте. Первая часть «Пуйлла» представляет собой типичное для кельтского фольклора описание странствия героя в потусторонний мир, после которого он приобретает волшебные качества (не находящие, правда, применения в контексте повествования). Вторая часть описывает женитьбу героя на полубогине Рианнон, ее несправедливое наказание, рождение и детские годы их сына Придери – героя, появляющегося во всех четырех Ветвях Мабиноги, в отличие от Пуйлла, который умирает уже в первой Ветви.

Действие повести происходит в Диведе, на юго-западе Уэльса, в краю богатых мифологических и культурных традиций, но географические реалии здесь представлены довольно слабо. По особенностям языка текст «Пуйлла» отнесен учеными к древнейшему этапу письменной обработки мабиноги – примерно к середине XI века. Кроме обилия данных по кельт-

ской мифологии, повесть проливает свет на обычаи древнего Уэльса, на отношения между правителем и его подданными, на положение женщины в валлийском обществе и др.

¹ Король Пуйлл (Pwyll) не упоминается в исторических сочинениях и, вероятно, является мифологическим персонажем, как и все прочие герои данной повести. Это доказывается и нетипичным для мабиноги отсутствием в тексте имени его отца – вероятно, он считался первопредком, не имевшим родителей. Лишь в одной из генеалогий он именуется внуком первого короля Диведа Айркола (Агриколы) Длиннорукого, жившего в V в. В валлийской традиции (в частности, в поэмах из «Книги Талиесина») Пуйлл известен как чародей, связанный с потусторонним миром (Аннуином). Его имя переводится как «мудрость» или «благоразумие» и находит объяснение в сверхъестественных познаниях, полученных им в царстве мертвых. Титул Пуйлла в повести – «*prindeuic*», то есть «князь, правитель области» (в отличие от короля, *brenhin*), что отражает реалии более позднего времени, когда Дивед прекратил существование в качестве независимого королевства. В английских переводах этот титул звучит как *prince*.

² В тексте *arglwydd* – правитель небольшой области, который подчинялся королю (*brenhin*). В английских переводах – *lord*.

³ Словом «область» мы здесь и далее переводим валлийский термин «*santref*», буквально – «сотня трев». Не знавшие крупных поселений скотоводы-валлийцы жили небольшими общинами, которые носили название «*tref*». «Сотня трев» была условной единицей, которая могла включать в себя различное количество общин.

⁴ Древнее королевство Дивед (*Dyfed*, или *Dyuet*) находилось на юго-западе Уэльса (ныне графство Пемброкшир). С римских времен оно было известно как область племени деметиев, от имени которых произошло валлийское название королевства. В 906 г. Дивед был присоединен к более крупному королевству Дехейбарт, а позднее, в XII в., завоеван англо-нормандцами. Эта область, находящаяся близко к Ирландии, была в V-VI вв. колонизирована ирландцами из Мунстера (Муму), что, возможно, объясняет заимствования из ирландской мифологической традиции, встречающиеся в тексте мабиноги. Следует отметить, что в соответствии с принятым у кельтов делением стран и областей по социальным функциям Дивед, как и Мунстер, олицетворял магию и связь с потусторонним миром. В каком-

то смысле Дивед в тексте повести ассоциируется с подземным царством Аннуинном, властителями которого позже оказываются Пуйлл и его наследник Придери.

⁵ Llys – «двор», здесь и далее в соответствии с терминологией легенд переводится как «дворец». Однако на самом деле этот термин обозначает временное поселение короля или правителя области, в котором он проводил какое-то время. У королей в Уэльсе не было постоянных резиденций; они объезжали подвластные территории, собирая дань (известный во многих странах обычай «полюдь») и останавливаясь во временных «дворах», чем и объясняются упоминания постоянных переездов королей в мабиноги. Этот «двор», как и «дворцы» ирландских королей, например, знаменитый Дворец Красной Ветви в столице уладов Эмайн-Махе, представлял собой деревянное помещение, состоящее из крытых покоев и зала с множеством столбов, над которыми в случае непогоды могла воздвигаться крыша из дранки или соломы. Вокруг располагались жилища королевских воинов и слуг и хозяйственные постройки; все это окружалось изгородью. При чтении текста следует помнить этот образ валлийского «дворца» и принимать описания роскошества и богатства как сказочную гиперболу, вдохновленную классической литературой.

⁶ Арберт, или Нарберт – укрепленное поселение в южной части Диведа, где по причине удобного расположения часто размещался королевский двор.

⁷ Охота (hela) была для валлийской знати любимым развлечением, а для простолюдинов – одним из главных источников пропитания. Все свободные валлийцы могли охотиться без ограничений вплоть до англо-нормандского завоевания, когда большинство лесов было объявлено собственностью короны и местных феодалов.

⁸ Glyn – «долина», в данном случае долина речки Кох или Ких (Красной), впадающей в Тайви (Тейви) на границе Диведа и Кередигона.

⁹ Llwyn Diarwy – большой, ныне исчезнувший лес к северу от Арберта. Его название (лес Диарви), возможно, восходит к слову «непроходимый» (diarfordd). В гористом Уэльсе многие природные объекты, а также области (cantrefi) делились на «верхнюю» и «нижнюю» части.

¹⁰ Эти собаки, Свора Аннуина (Cwn Annwn), часто встречаются в валлийском и ирландском фольклоре как «дикая охота», сопровождающая потусторонних существ. В христианский период они были переосмыслены как спутники дьявола и злых ду-

хов и из белых сделались черными; по преданию, встреча с ними предвещала смерть. Позже они превратились в символ некротимого стремления (например «красноухие псы желанья» в стихотворении У.Б. Йейтса). Здесь они выступают в роли проводников из реального мира в сказочный.

¹¹ В кельтской мифологии животные потустороннего мира обычно имеют ярко-белый цвет. Когда они попадают в мир людей, их глаза и уши краснеют, т.е. наливаются кровью, обретая жизнь.

¹² Слово *marchauc* (от валл. *march*, «лошадь»), первоначально означавшее «всадник», позже под влиянием англо-нормандской традиции приобрело значение «рыцарь» (как далее почти везде и переводится), а также «благородный муж», *chevalier*, что по-французски тоже означает «всадник».

¹³ По валлийскому обычаю при встрече двух людей первым должен был здороваться менее знатный.

¹⁴ *Annwybot* по-валлийски как «невежество», так и «невежливость».

¹⁵ *Sarhad*, «оскорбление чести», по валлийскому праву возмещалось компенсацией, выражаемой в единицах скота. Сотня оленей, приравненных к быку, стоила около 1000 шиллингов, а «цена обиды» кланового вождя составляла 180 шиллингов; этим и объясняются попытки Пуйлла выяснить знатность своего собеседника.

¹⁶ Буквально: «коронованный король» (*brenhin coronawc*). Этот термин в тексте означает иноземного короля, поскольку валлийские правители вместо короны носили обруч или головную повязку с драгоценными камнями, а обряд коронации у них заменялся церемониями, восходящими к языческим временам.

¹⁷ *Annwyn* (также *Annwfn*, *Annwyn*, *Annwn*) – название царства мертвых в валлийской мифологии, под влиянием христианства ставшее затем обозначением ада. Значение слова восходит к индоевропейскому **dheubhno* «темный, глубокий» (отсюда русское «дно»). От этого слова в кельтских языках происходит название «нижнего» мира – *dubno*, или *dumno* (ирландское *domuin* – «мир»), противопоставленного «верхнему» миру, название которого связано с *albio* – «светлый». Можно привести в пример валлийское *eifydd*, или *Albion* – древнее имя Британии, часто ошибочно связываемое с лат. *albus* «белый». Оба эти слова, по-видимому, употреблялись в значении «мир», что показывают имена правителей типа Думнорикс, Альбиорикс и т. п. Слово «*Annwyn*» может происходить от **an-dubno* «не-мир»,

или от **ande-dubno* «под миром». По кельтской традиции попасть в потусторонний мир довольно просто, особенно в определенные дни года и в определенных местах; случайно или намеренно попавшие туда люди часто получают там чудесные знания или свойства, но из-за того, что время там течет иначе, чем на земле (или вообще стоит на месте), они возвращаются в мир людей через много лет (например, в сюжетах ирландских «плаваний» в потусторонний мир). По одной из версий, Аннуин также расположен за морем – в поэме «Добьчча Аннуина» (*Preiddeu Annwfn*) из «Книги Талиесина» Артур и его спутники отправляются туда на корабле за волшебным котлом, принадлежащим владыке царства мертвых. Аннуин в этой поэме приобретает различные обличья – это и «крепость духов» (*Caer Siddi*), и «стеклянная крепость» (*Caer Wudri*), и «четырёхгранная крепость» (*Caer Pedryfan*), и «вращающаяся крепость» (*Caer Fandwy*). Возможно, здесь отражается присущее мифологии многих народов представление о призрачности «нижнего мира», который постоянно меняет формы.

¹⁸ Король Аннуина Араун (*Agawn*), не носящий здесь характерных черт властелина подземного царства, упоминается в ряде источников, в том числе в прозаическом комментарии к поэме «Битва деревьев» из «Книги Талиесина» (см. далее). Его имя по-валлийски означает «красноречие», но, возможно, оба значения восходят к имени древнего божества «нижнего мира», сходного с ведическим Варуной, который тоже считался покровителем красноречия. По другой версии, имя «Араун» является всего лишь эпитетом бога мертвых – Брана или Гвина ап Нудда. Серый цвет его коня и одежды указывает на его принадлежность к потустороннему миру; схожий персонаж в повести «Манавидан, сын Ллира» носит имя Ллуйд или «серый».

¹⁹ В отличие от Арауна король Хавган (*Hafgan*) не упоминается в других источниках; его имя означает «жар лета». Поединок Арауна и Хавгана представляет собой ритуальную битву двух половин года – зимы и лета, – подобно упомянутому в повести о Килухе ежегодно происходящему поединку Гвина ап Нудда и Гуитира ап Грейдаула (имя отца последнего также означает «зной»). В одной из ирландских саг король-волшебник Ку Рои также сражается со своим противником каждый год в день Самайна (1 ноября), когда ирландцы отмечали календарный праздник начала зимы. Вероятно, встреча Пуйлла и Арауна произошла в канун того же дня или праздника Белтене, который отмечался 1 мая.

²⁰ Возможно, предложение гостю своей жены является отго-

лоском древней традиции родового общества. Однако, как выясняется позже, Араун таким образом испытывал героя повести. Примерно таким же образом потусторонние силы испытывают героя средневекового английского романа «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь», также уходящего корнями в кельтский фольклор.

²¹ Здесь словом «паж» переводится термин «gwas ystauell», одна из придворных должностей. Обычно молодые приближенные короля обозначались словом «tасwу», относящимся к сыновьям общинников от 14 до 21 года, которые, по валлийскому обычаю, проходили при дворе обучение воинскому делу. Кроме них у короля была небольшая постоянная дружина (teulu), члены которой обозначаются далее как «воины». Термин «tасwу» переводится далее как «паж» или «юноша». Само это слово происходит от ирл. тассоim «юноша» (ср. тас – «сын»).

²² В тексте «год с завтрашнего дня». «Год и день» (blwydun ordyd) – обычный срок для валлийского права, особенно при возврате долга.

²³ Жертвоприношения и прочие обряды совершались, как правило, в лиминальных (пограничных) ситуациях – на рубеже стихий (на опушке леса, у брода и т.п.) или на краю поселения. Считалось, что в таких местах потусторонние существа теряют силу и их можно одолеть (ср. охоту на кабана Турха Труйта в «Килухе» или убийство Ллеу Ллау Гифеса в «Мате»).

²⁴ Понятно, что в вечно происходящем поединке противники не могли погибнуть. Только вмешательство Пуылла как существа из иного мира могло завершить противоборство победой одного из участников.

²⁵ Кельтам представлялось, что иной мир находится где-то недалеко – за морем, за облаками или в глубине зачарованных холмов-сидов. Вход в Аннуин, по преданию, находился в одной из пещер в Диведе, недалеко от Арберта.

²⁶ Как уже говорилось, «зал» (neuadd) и «покои» (ystafell) – две основные части валлийского «дворца» (llys).

²⁷ Буквально: «снять обувь» (diarchenu). Даже для знатных сеньоров не считалось зазорным помогать своему сюзерену передеваться после охоты или турнира.

²⁸ Здесь и далее словом rali, происходящим от французского raille, обозначается атлас или золоченый шелк – самая дорогая материя того времени, привозимая в Уэльс из Франции.

²⁹ Слово «iarll» (от скандинавского jarl – «ярл») после утверждения в Уэльсе феодализма стало применяться в значении «граф».

³⁰ Словом «веселье» или «пир» здесь и далее переводится валлийский термин «*cyfedach*», в собственном смысле означавший время после еды, когда гости напивались допьяна, слушая песни и занимательные истории, в число которых, несомненно, входили и сюжеты мабиноги.

³¹ В первом английском переводе Ш. Гест, руководствуясь нормами викторианской морали, выпустила всю последующую сцену и некоторые другие «вольные» места в мабиноги. Между тем эта сцена характеризует как качества главного героя, так и сложившийся в Уэльсе куртуазный идеал, оказавший, возможно, влияние на формирование идеологии европейского рыцарства.

³² В тексте стоит слово *gwrda*, которое переводится как «добрый муж». Оно обычно обозначало полноправных общинников, обладающих собственностью (наподобие англосаксонского «тан»). Здесь и далее переводится как «приближенные» или «мужи».

³³ У древних кельтов, как и у других народов сходного уровня развития, военные действия начинались с поединка предводителей или сильнейших воинов, а иногда и заканчивались им. Однако в реальной истории Уэльса (в отличие от Ирландии) примеры подобных противоборств встречаются крайне редко.

³⁴ Буквально: «в середину шишки щита» (*ym pegued bogel y daryan*). Древние кельтские щиты, независимо от их формы (круглой либо прямоугольной) имели в середине металлическую шишку, по которой скользили удары вражеских мечей и копий.

³⁵ Возможно, Хавган знал, что его противник – не Араун, а другой человек. В оригинале Пуйлл с момента его преобразования ни разу не назван своим именем; о нем говорится как о «том, кто был в обличье Арауна».

³⁶ Упоминание о клятве верности отражает проникновение в Уэльс феодальных обычаев и терминологии. Слово «*gwrgaeth*» – калька с французского «*hommage*», феодальная присяга на верность. В кельтских областях король в начале правления объезжал свои владения, заключая договоры с местными кланами и получая с них заложников. Объезд владений носил также обрядовый характер, как и в древнем индийском празднике «ашвамедха», сопровождающем интронизацию царя.

³⁷ Буквально: «с удовольствием занялись любовью» (*ymugpi ar digrifwch ferchawl a charyat*). Весь этот абзац также отсутствует в переводе леди Гест.

³⁸ В БК – «в один день».

³⁹ Слово *gorsedd* буквально означает «трон» или «тронный холм». Имеется в виду насыпной курган, на котором совершались языческие обряды, включая возведение на трон королей. Такие курганы часто связывались с магией и волшебством, подобно ирландским «сидам». Важная роль, которую этот холм играет в повествовании, указывает на то, что его считали постоянным каналом связи Диведа с потусторонним миром.

⁴⁰ *Ryuedawt* – буквально «чудеса» (в современном валлийском *rhyfeddod*).

⁴¹ В тексте «бледно-белый» (*canwelw*), что подчеркивает потусторонний характер коня и его всадницы.

⁴² Конюший – буквально *gwas u uarch* («служитель коня»).

⁴³ Слово *neges*, происходящее от латинского *necessitas*, может переводиться как «дело», «нужда», «послание». В повестях артуровского цикла оно часто означает «поиски».

⁴⁴ Рианнон (*Rhiannon*) – один из главных персонажей Ветвей Мабиноги. Ее образ и имя унаследованы от древней кельтской богини-матери, известной в Галлии и Британии как Ригантона (*Rigantona* «царица») или Эпона (*Epona*, от индоевропейского **ekwo* «лошадь»). Эта богиня была тесно связана с плодородием и конским культом; отсюда «конские» обязанности, которые выполняет Рианнон во время своего несправедливого наказания, и отождествление ее сына Придери с жеребенком. В повести подчеркиваются также свойственные Рианнон сила и мудрость, характерные и для ирландских «конских» героинь, например, для Махи из скелы «Недуг уладов». Маха, бегающая быстрее лошади и обладающая колдовской силой, выступает как одна из трех богинь войны (иногда они именуются тремя Махами). Еще одна богиня войны, Морриган (имя, возможно, соотносится с именем Рианнон и означает «царица смерти»), отличается кровожадностью и странствует в сопровождении воронов – птиц смерти и мудрости. Упомянутые далее «птицы Рианнон» также представляют собой «вещих» птиц – постоянных спутников мудрой богини, а позже колдуньи.

⁴⁵ Хевейдд Старый (*Heveidd Hen*) – по данным триад сын Блейддуна, правивший в Гливисинге (Гламоргане) в конце IV в., один из трех королей, заслуживших королевство не по праву наследования, а благодаря своим достоинствам. После его смерти власть перешла к Оуэну Виндду (Черногубому), сыну римского узурпатора Максима (Максена Вледига). В данной повести он, как отец богини Рианнон, выступает в роли владыки потустороннего мира.

⁴⁶ Здесь отражено брачное право в древнем Уэльсе. Невесту

обычно выдавал замуж ее ближайший родственник по мужской линии с согласия старших членов рода. При этом невеста считалась «даром рода» (rhodd у cenedl), и выкуп за нее делился между членами рода по старшинству. Невеста могла не согласиться с выбором рода и выбрать себе мужа по своему желанию; при этом она, однако, лишалась своих имущественных прав.

⁴⁷ Здесь и далее слово gwineu «каштановый» переводится как «темноволосый». В тексте стоит не «высокий» (hir), а «большой» (mawg), из чего можно сделать вывод, что юноша был великаном.

⁴⁸ Слово epeit (в современном валлийском epaid) означает «душа». В значении «душа моя» или «друг мой» было популярным обращением в средневековом Уэльсе.

⁴⁹ Валлийская свадьба сводилась к свадебному пиру, устраиваемому для членов родов жениха и невесты. После этого они считались мужем и женой. Обычное обозначение женитьбы в валлийской терминологии – cysgu genthi («спать вместе»). Мы сохраняем этот термин в некоторых местах из-за его своеобразного грубого колорита.

⁵⁰ Гваул, сын Клида (Gwawl uab Clud). Имя этого героя означает «стена», а имя его отца (или матери) происходит от реки Клид (современный Клайд в Шотландии). Возможно, имеется в виду римская «стена Адриана», ограждавшая Британию с севера. Таким образом, повесть намекает на римские корни Гваула или на его происхождение из Северной Британии. В то же время этот герой явно связан с потусторонним миром – как выясняется в мабиноги о Манавидане, он является родственником чародея Ллуйда.

⁵¹ В тексте tormynpawc kyuoethawc (владеющий стадами). Скот в древнем Уэльсе, как и в Ирландии, был мерой богатства, а часто и власти.

⁵² Волшебный мешок, популярный в валлийском фольклоре, родственен волшебному котлу или чаше с неиссякаемым содержимым, из которых питаются души умерших в загробном мире. Образ, особенно популярный в ирландской мифологии (котел Дагды), часто встречается в мабиноги, а позже находит отражение в таинственных свойствах Святого Грааля.

⁵³ Буквально: dillat reudus ymdanat – «одеждой похожий на нищего». В валлийском клановом обществе профессиональных нищих не было – обедневшие общинники находились на иждивении всего рода или его главы. Нищенство появилось в стране с распадом клановой системы и проникновением феодальных отношений. Слово reudus, обозначающее «нищего» в тексте, скорее всего, заимствовано из латыни.

⁵⁴ В тексте стоит слово *geimat*, означающее «пешеход». Возможно, оно употребляется в переносном значении «воин», «удалец».

⁵⁵ Буквально: «в их же темницу». По предположению Ж. Лота, имеется в виду тот же мешок, куда перед этим посадили Гваула, но это маловероятно. Скорее всего, переписчик просто ошибся.

⁵⁶ Игра в «барсука в мешке» (*broch ug cot*), распространенная в средневековье настолько, что понадобилось даже придумывать ее происхождение, до наших дней не дошла, и относительно ее сути можно только догадываться.

⁵⁷ *Eircheit* – «проситель», от слова *argh* («просьба» или «надобность»). *Cerddog* – буквально «певец», то есть исполнитель своих или чужих песен-баллад, уступающий рангом барду. В период составления «Мабиногион» это название закрепилось за бродячими поэтами, сочинявшими стихи на живом народном языке в отличие от бардов с их искусственно архаизированным лексиконом. В кельтском обществе короли и вожди кланов в дни праздников или других торжественных событий были обязаны щедро угощать бедняков и платить поэтам, которые пели хвалу роду и его главе.

⁵⁸ В большинстве английских переводов слово *drostaw* переводится не «заложники», а «поручители». Однако, скорее всего речь идет о заложниках, которых кельтские вожди оставляли друг другу при заключении важных договоров. Обычно заложниками были члены семьи вождя или его приближенные. С ними обращались как с почетными гостями, но при нарушении договора могли и убить. Часто заложников давали в знак подчинения более сильному вождю; например, один из самых знаменитых верховных королей Ирландии Ниалл, живший в V в., носил прозвище Девяти Заложников (*Noigiallach*).

⁵⁹ Упоминание о написанном договоре является анахронизмом – такие документы появились в Уэльсе только с утверждением феодальных отношений. До этого договоры между клановыми вождями заключались устно, подтверждаясь клятвой или выдачей заложников.

⁶⁰ В тексте *enneint uffyd reit y mi* – «мне нужно натереться». Очевидно, имеется в виду растирание целебной мазью, которая готовилась по рецептам лекарей с использованием дорогих восточных благовоний и стоила весьма дорого.

⁶¹ Как и у других народов, в Уэльсе невеста после свадьбы оставалась некоторое время в родительском доме, после чего торжественно, со свадебным эскортом, переезжала в дом к мужу.

⁶² У валлийцев, задержавшихся на стадии родового строя, дети вождей часто отдавались на воспитание «мужам страны» (*gwyr y wlad*), то есть богатым общинникам. Поэтому последние действительно могли считать Пуйлла своим названным братом (*brawtuaeth*).

⁶³ Преселеу (*Preseleu*) – цепь холмов к северу от Арберта.

⁶⁴ Здесь отражен обычай родового общества, по которому правитель должен взять другую жену, если первая не обеспечивает ему потомства (*etifedd*). Знаменательна решительность общинников, вмешивавшихся в личную жизнь своего короля. В Уэльсе их роль была меньше, чем в Ирландии, где родовые традиции были еще крепче, но и здесь король был обязан периодически советоваться с народом на общих собраниях.

⁶⁵ В тексте просто «женщины» (*gwraed*).

⁶⁶ Слово *llosgi* («сожжение»), возможно, отражает давний обычай кельтов сжигать преступников в гигантском чучеле, сплетенном из прутьев, в качестве жертвы богам. Этот обычай описан античными авторами, в частности Юлием Цезарем. Существование «огненных» жертвоприношений у кельтов документально подтверждено раскопками в Наван-Форте (Ирландия). В историческое время, однако, сожжение как вид казни в Уэльсе не применялось, и, быть может, слово *llosgi* употреблено здесь в значении клеймения раскаленным железом – наказания, принесенного в Уэльс англо-нормандцами.

⁶⁷ Убийство матерью-богиней собственного сына и его последующее воскрешение – популярнейший сюжет земледельческой мифологии (иногда молодого бога убивают посторонние злые силы). Последующее воспитание жеребенка-Придери Тейрнионом – «земная» инициация бога-сына, одновременно являющаяся отголоском валлийского обычая отдавать сыновей знати в воспитание родичам или побратимам – см. последующее воспитание Придери Пендран Диведом.

⁶⁸ В тексте *diffetheist*, «опустошила» в значении «погубила».

⁶⁹ Пуйлл вступает здесь в противоречие с родом, и формально он прав, ибо поступок Рианнон предусматривает определенное законом наказание, но не развод.

⁷⁰ В тексте *athrawon a doethon*. *Athraw* (в современном валлийском *athro*) – наставник или семейный священник, который исполнял также функции учителя. *Doeth* – мудрец и знаток законов, подобный ирландскому брегону.

⁷¹ Наказание Рианнон аналогично наказанию Махи – героини ирландской скелы «Недуг уладов», образ которой также восходит к богине-матери в лошадином обличе.

⁷² Тейрнион, или Тейрнон Туриф Влиант (Teirnyon Twryf Fliant). Имя этого героя переводится как «властитель грохочущего потока» и, возможно, является искажением древнего титула *tigernonos* («великий правитель»). Он – единственный из персонажей мабиноги, связанный с юго-восточной частью Уэльса (Гламорган или Морганног), которая в традиционном пятнадцатичном делении воплощала богатство и благоденствие. Пребывание Придери в доме Тейрниона представляет собой приобщение его как потустороннего существа к земной жизни.

⁷³ *Gwent Is Coed* (Гвент за лесом) – область в юго-восточном Уэльсе, южная часть древнего королевства Гвент, ныне графство Монмутшир.

⁷⁴ Ночью накануне первого дня мая (*calanmei*, то есть «майские календы») отмечался один из главных кельтских праздников – Белтене, или Белтан. В эту ночь духи выходили наружу из подземных холмов-сидов, и совершались всяческие чудеса.

⁷⁵ Из текста остается неясным, чья это была лапа и кто похитил мальчика. Не подлежит сомнению первоначальное тождество жеребенка и сына Рианнон как богини-лошади.

⁷⁶ «Шум» (*twryf*), который можно увидеть, – явный остаток языческого одухотворения сил природы.

⁷⁷ Буквально: «окрестив его их крещением» (*bedydyaw* or *bedyd a wneit*). Возможно, это указание редактора-монаха на какое-то «языческое крещение», которое он отличает от христианского ввиду давности описываемых событий.

⁷⁸ *Gwri Gwallt Eurin* – «Гури Золотоволосый». Первая часть имени происходит, видимо, от *gwrïd* – «цветение», «расцвет». Позже этот персонаж появляется отдельно от Придери в ряде сказаний, в том числе в повести о Килухе. По предположению У. Гриффидда, его имя связано с именем Гвейра – загадочного узника из поэмы «*Preiddeu Annwn*» («Сокровища Аннуина») из «Книги Галиесина».

⁷⁹ Этот жеребенок в мифологическом аспекте являлся братом-двойником Придери. Возможно, изначально они представляли собой пару «конских» героев-близнецов наподобие греческих Диоскуров, однако сказания об их совместных подвигах не сохранились.

⁸⁰ Имеется в виду уже упомянутый обычай *сулchau* (полюдьа) – ежегодного объезда королем своих владений для сбора дани.

⁸¹ Пендаран Дивед (*Penndaran Dyuet*) – еще один, наряду с Пуйллом, мифический предок валлийцев Диведа. Его имя означает «глава грома (*taran*) или дуба (*daran*)» и несколько раз упоминается в генеалогиях и стихотворных текстах. Иногда

ему приписывается владение чудесным стадом свиней; однако триада 26 (здесь и далее триады нумеруются по изданию Р. Бромвич: *Trioedd Ynys Prydein*. Cardiff, 1961) сообщает, что этих свиней привел из Аннуина Пуйлл, который и отдал их в дар Пендарану Диведу. По данным той же триады Придери сам пас этих свиней, за что и был прозван одним из Трех могучих свинопасов Острова Британии. Позже эти же свиньи стали причиной его гибели (см. повесть «Мат, сын Матонви»). Что касается Пендарана Диведа, то в следующей ветви мабиноги он появляется вновь, но уже в роли юноши, бежавшего от узурпатора Касваллауна, сына Бели.

⁸² Придери (*Prydegy*) – герой всех четырех Ветвей Мабиноги. Он, как и его отец Пуйлл, не является историческим лицом и предстает в роли властелина подземного мира и противника соперничающего рода валлийских героев – Мата, Гвидиона и Ллеу.

⁸³ Истрад Тиви (нынешнее графство Кармартен) и Кередигион (графство Кардиган) вместе составляли область Сейсиллуг, одну из трех областей юга Уэльса наряду с Диведом и Гламорганом (Морганног). Около 730 г. эти два королевства объединил король Сейсилл (Цецилий), в честь которого область и получила свое название. В 1197 г. Сейсиллуг был окончательно завоеван англо-нормандцами.

⁸⁴ Этимология имени *Susfa* неизвестна. Вероятно, это имя или эпитет одной из древних кельтских богинь. В псевдоисторической «Книге завоеваний Ирландии» (*Lebor Gabala Erenn*) Кикба (*Ciobsa*) – жена сына легендарного правителя Ирландии Партолона.

⁸⁵ *Gwynn Gochyw* – «Белый краснейший», *Gloyw Wallt Llydan* – «Блестящий с обилием волос». В одной из валлийских генеалогий Глоиу именуется внуком короля Ллудда, причем Каснар выступает в роли его сына, а не отца. По всей видимости, он аналогичен Глоиу Гваллтхиру (Длинноволосому) – известному по генеалогиям основателю города Глостер (Каэр-Глои) и прадеду короля Британии Вортигерна (Гвортигирна), жившего в V в. Некоторые историки считают его реальным лицом, выводя его имя из латинского «Клавдий». Его прозвище в некоторых генеалогиях передается как *Gwlad Lydan* («из обширной страны»); *Llydaw* было древним валлийским названием Бретани, пришельцем из которой, возможно, представлялся Глоиу. Его сыном обычно считался Гвитолин (Виталиан), а не Гвинн Гохиу, который, судя по имени, является мифологическим персонажем, напоминающим бело-красных жителей поту-

стороннего мира. О Каснаре Вледиге ничего определенного не известно, но, возможно, его имя представляет собой искаженное «Цезарь» (Caesar). Wledig (от валл. gwledig «владыка») – титул, формально обозначающий верховную власть над Британией (например, Максен Вледиг); в большинстве случаев просто почетное прозвище. Целиком имя может являться калькой латинского титула «Цезарь император». Вортигерн в пропагандистских целях вполне мог объявить себя потомком римского императора Клавдия, завоевателя Британии. Что касается названия города Глостера, то оно, скорее всего, происходит от латинского Claudia castra (лагерь Клавдия).

⁸⁶ В оригинале mabinogion – неправильно образованное множественное число от mabinogi. Именно это место дало леди Гест повод озаглавить весь сборник «Мабиногион».

БРАНВЕН, ДОЧЬ ЛЛИРА (Branwen uerch Lyr)

История Бранвен сохранилась в полных версиях в БК и КК, а также в маленьком фрагменте, содержащемся на стр. 279 – 280 БК и относимом к более раннему периоду. Саму повесть по особенностям языка можно отнести к XII веку, но материал ее значительно древнее. Здесь, в отличие от «Пуйлла», изложен цельный сюжет, типологически близкий к истории Троянской войне, – гибель людей двух королевств из-за женщины. Мрачный романтизм и фатализм повести делают ее одной из самых интересных в художественном отношении. Здесь появляются ярко очерченные характеры, даже с индивидуальными речевыми особенностями, что для литературы того периода еще не было типичным. Прекрасная, безвинно страдающая Бранвен; мудрый и величественный Бендигейд Вран; коварный и ироничный Эвнисизэн; нерешительный, переменчивый король ирландцев Матолх – все эти образы, находя свои истоки в мифологии, одновременно порождают многих героев средневековой литературы, прежде всего – повести о Тристане и Изольде (одна из героинь которой, кстати, носит имя Бранжъена, производное от Бранвен).

Действие повести разворачивается на широком по сравнению с другими мабиноги географическом просторе, охватывающем не только Уэльс, но и Ирландию с Англией. Исторический фон в основе своей легендарен, хотя в нем нашли отражение некоторые факты ранней истории Уэльса и обычаи как валлийцев, так и ирландцев.

⁸⁷ Имя Bendigeiduran означает «Благословенный Вран» или «Бран». Вторая часть имени относится к общекельтскому божеству потустороннего мира, имя или эпитет которого означает «ворон». Первая часть является эвфемизмом, характерным для вредоносных потусторонних существ, которых в кельтском фольклоре называли «соседями», «добрым народом» и т.д. Для объяснения «благословенности» Врана была сочинена триада 16, где говорится о том, как Бендигейд Вран вместе со своим сыном Карадаугом был взят в плен римлянами и семь лет прожил в Риме, где обратился в христианство и принес эту веру на остров, за что и был назван одним из Трех благословенных правителей. Упоминание Врана в связи с римским завоеванием столь же легендарно, как и его правление «Островом Британии и тремя прилегающими островами». В других триадах Бендигейд Вран также упоминается среди мудрых и могучих правителей Британии, что отражает его функции первопредка, с которыми связаны и его великанский рост, и необычные свойства его отрубленной головы. В фольклоре Врану приписываются и вредоносные качества (типа вожака «дикой охоты»), что позволяет считать его владыкой царства мертвых. Он был известен и как Ogur Ugan (Злой Вран), в артуровских романах – великан Гогивран, отец жены Артура, королевы Гвенвивар. По мнению Р. Лумиса, он являлся прототипом и других героев артуровского эпоса – рыцарей Бана и Борса, а также увечного Короля-Рыбака, носящего обычно имя Брон. Возможно, образ Брана также связан с ирландским Балором, чудовищным королем демонов-фоморов, отрезанная голова которого также обладала чудесными свойствами.

⁸⁸ Llyr Llediath, «Ллир Кратких речей» – мифический первопредок нескольких валлийских королей, в том числе Артура. Его имя означает «море», и первоначально он, как и ирландский Лер (Ler), был морским божеством. Прозвище буквально переводится как «половина речи» и, по мнению ряда ученых, может означать «малодушный». Образ шекспировского короля Лира создан фантазией Гальфрида Монмутского, автора «Истории бриттов», хотя, возможно, отражает некоторую аморфность и слабохарактерность этого персонажа. В одной из триад говорится о том, что Эуровидд заключил Ллира в темницу и отнял у него жену. Известна также ирландская легенда о детях короля Лира, которых их злая мачеха Айфе превратила в лебедей на целых девятьсот лет.

⁸⁹ Лондон – по-валлийски Llundain или Caer Lludd («крепость Ллудда»); происхождение названия отражено в повести

«Ллудд и Ллевелис». Город был важным политическим центром Британии еще до римлян, но упоминание о нем как о столице острова явно связано с более поздним временем.

⁹⁰ Харлех – порт на северо-западе Уэльса, в области Ардудви, в древности называемый также *Twr Bronwen*, или «крепость Бранвен». Из-за своего выгодного стратегического положения Харлех особенно упорно сопротивлялся иноземным завоевателям. *Harlech* переводится как «крепкий камень»; каменная крепость здесь была построена англо-нормандцами в XII в., однако укрепления могли существовать и раньше.

⁹¹ Ардудви, или Ардидви, – область в Северо-Западном Уэльсе, которая с V в. была частью королевства Гвинедд.

⁹² У ирландцев Мананнан Мак Лер («сын моря»), аналогичный валлийскому Манавидану, был морским божеством. Упоминание Бендигейд Врана и Бранвен в качестве детей Ллира, вероятно, восходит к более поздней традиции. Имя Манавидана сохранилось в топониме *Manaw* – древнем названии как острова Мэн, так и части северного британского королевства Гододдин.

⁹³ Эти два имени иногда переводят как «любитель мира» и «любитель раздора», но такое толкование ни на чем не основано. Имя *Nissyen* встречается в одной из триад, где этот персонаж назван королем Дании. В артуровском эпосе он действует под именем «отшельника Насиена» (*Nascien le Hermites*), предка «идеального рыцаря» Галахада. Возможно, его прообраз – святой Нехтан из Девоншира, живший в VI в. *Efnissyen*, вероятно, является вариантом того же имени. Видимо, единый образ был раздвоен редакторами повести в целях соответствия паре мифологических близнецов – героя-созидателя и вредителя-трикстера.

⁹⁴ Эуровидд, как уже упомянуто, заключил в темницу Ллира, отца Бендигейда Врана и Манавидана, и силой отнял у него его жену Пенарддим. Имя *Euroswydd* может быть переведено как «золотой (блестящий) враг». В других источниках этот персонаж не упоминается; А. Натт по непонятной причине отождествил его с римским военачальником Осторием Скапулой, завоевателем Британии. Более вероятно, что это один из эпитетов солнечного бога Бели (Беленоса).

⁹⁵ Бели Великий (*Beli Mawr*), сын Маногана (Миногана), отец Касваллауна и Ллудда – один из легендарных правителей Британии. Некоторые ученые, начиная с Т.Ф. О'Рахилли, связывали его имя с корнем *mellt* («сияющий»), который соотносится, с одной стороны, с мифическим народом Фир Болг в Ир-

ландии, с другой – с галльским племенем белгов, которые, как считают многие ученые, захватили юг Британии незадолго до римского вторжения. Другие ученые считают имя Бели связанным с галльскими теонимами *Belenos*, *Belios* и *Belisama*, а также с *bile* – ирландским названием священных деревьев. Роль Бели-Беленоса в кельтской мифологии не вполне ясна, но она явно была значительной. Возможно, от имени Бели происходит зафиксированное в триадах древнее название Уэльса – *Y Vel Ynys*, которое обычно переводится как «медовый остров». В артуровских романах Бели отразился в образах Балина, Пелеаса и Пелинора. Далее Бели упоминается в качестве супруга Дон – богини-матери, которая в валлийской мифологии является матерью Гвидиона, Арианрод и некоторых других героев-волшебников. Таким образом, Бели в качестве супруга хтонической прародительницы соответствует небесному божеству света и солнца (ср. ирландский Гриан, «солнце», супруг Дон-Дану). Его дочь Пенарддим, или Пенардун, известна как супруга морского божества Ллира. Ее имя, вероятно, значит «госпожа тьмы», а в форме *Penarddun* может означать «темная женщина». Вероятно, она идентична кельтской богине-прародительнице Дон (Дану). В «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского зафиксирована традиция, по которой Вран (Бренний) является не внуком Бели (Белина), как в данной повести, а его братом и соперником.

⁹⁶ Здесь слово *deulu* можно понимать и как «родичи», и как «дружины»; вероятно, имеются в виду враждующие между собой потомки Ллира и Эуросвидда.

⁹⁷ Ирландия – по-валлийски *Iwerdon*. Слово *deheu* (в современном валлийском *deau*) может означать и «с юга», и «прямо». Вероятнее первый вариант, поскольку юг Ирландии находился ближе к Уэльсу, и между этими областями существовало судоходство.

⁹⁸ Обычай поворачивать щит острым концом вверх в знак мирных намерений был распространен у скандинавов. Возможно, валлийцы заимствовали его в эпоху набегов викингов.

⁹⁹ В оригинале *Matholwch brenhin Iwerdon*, в отрывке из *Pen.6 – Mallolwch*. Короля с таким или хотя бы похожим именем история не знает; при этом его имя скорее всего действительно является ирландским, поскольку не находит этимологии в валлийском языке. По предположению Р. Бромвич, речь идет об имени Мэлсехлайн, которое носили несколько ирландских королей. В этом случае оно, возможно, было изменено с целью приближения к имени чародея Мата, сына Матонви.

¹⁰⁰ По-валлийски *Branwen uerch Lyr*. Вероятно, первоначальной формой этого имени было *Bronwen* «белогрудая», а потом его сблизили с именем Брана (Врана). Бранвен – один из любимых женских образов валлийской поэзии, где отмечается не только ее красота, но и магическое искусство. Печальная судьба Бранвен отражена также в нескольких триадах. В легендах о Тристане и Изольде имя Бранвен (Бранжьена) получила хитроумная служанка Изольды. На острове Англси (Мона) есть место, называемое Инис-Бронвен; в 1813 г. там откопали древнее погребение, но тогдашний уровень научных знаний не позволил определить его характер. Во всяком случае, именно это место (Абер-Алау) указано в повести как могила Бранвен.

¹⁰¹ *Ynys y Kedyrn*, «Остров Могучих» или «Остров Могучего» – одно из многих имен Британии в валлийской традиции. Известна триада 1 из «Имен острова Британии» (*Enweu Ynys Prydein*), где говорится, что сначала остров именовался «Предел Мерлина» (*Clas Myrddyn*), потом Медовым (*Y Vel Ynys*) и, наконец, Остров Британии (*Ynys Prydein*) в честь мифического предка бриттов Придейна, сына Аэда Великого. Возможно, название «Остров Могучего» происходит от прозвища другого первopедка, Ху Кадарна (Могучий Ху). Оба этих персонажа, по всей видимости, являются созданием средневековых авторов – так, Придейн представляет собой троянца Брута (Бритта), от которого Ненний и Гальфрид Монмутский выводили народ бриттов. По одной из версий название Британии происходит от имени одного из крупнейших бриттских племен – пританы или коританы, – хотя возможна и обратная связь.

¹⁰² Буквально: «третьей из прародительниц» (*tryded prif gieni*), но такой перевод сомнителен, поскольку Бранвен не оставила потомства. Двумя другими прародительницами (или знатнейшими дамами) Острова Британии триады называли Ринаннон как мать Придери и Арианрод как мать Ллеу.

¹⁰³ Аберфрау на острове Мона (Англси) был в VI-XIII вв. важным портом и резиденцией королей северного валлийского королевства Гвинедд.

¹⁰⁴ То, что Бендигейд Вран был великаном, убедительно доказывает его нечеловеческую природу. В английском и кельтском фольклоре часто говорится о том, что до прихода людей Британские острова были населены племенем великанов.

¹⁰⁵ По валлийскому праву на замужество Бранвен действительно требовалось согласие Эвннисиэна как одного из ближайших ее родственников.

¹⁰⁶ *Idic uab Anagawc* – «Иддик, сын Речистого», персонаж, из-

вестный главным образом своим красноречием. Хевейдд Хир (Высокий) – возможно, то же лицо, что и Хевейдд Старый из повести о Бранвен.

¹⁰⁷ Unic Glew Yscwyd – «Одинокое Мощное Плечо». Он, как и упомянутые прежде двое персонажей, остался в Уэльсе во время великого похода Бендигейд Врана на Ирландию и был убит Касваллауном, сыном Бели.

¹⁰⁸ В тексте *llatheu* – палка или прут, применяемые в качестве меры длины.

¹⁰⁹ По валлийским законам Хоуэла Доброго (X в.) королю в возмещение за бесчестье (*sarhad*) полагалось отдать по сотне коров на каждую область его королевства, серебряный посох длиной от земли до лица сидящего короля и полоску золота шириной с его лицо.

¹¹⁰ Бендигейд Вран мог казнить Эвнисиэна, однако это неизбежно вызвало бы кровную вражду между родами Ллира и Эуровидда.

¹¹¹ Этот Котел Оживления родственен другим чудесным котлам и чашам кельтской мифологии. Он часто ассоциируется с глубоким озером. Котел Оживления описан также в ирландской псевдоисторической компиляции «Книга завоеваний Ирландии», в которой он принадлежит племени богов Туата Де Дананн.

¹¹² *Symwd*, «община» – территориальная единица в древнем Уэльсе. Несколько общин составляли область (*cantref*).

¹¹³ Здесь название общины *Talebolion* на севере острова Мона (Англси) производится от *talwyt ebolion* «уплатили жеребятами» – типичный пример фантастической этимологии. На самом деле название общины, видимо, обозначает «Край рода Бол (Боли)».

¹¹⁴ Имя *Llassar Llaesgyfnewit* можно перевести как «Удачливый пугающего нрава (или «пугающий видом»)». Возможно, оно является искажением древнеирландского слова *lassair* – «пламя». Имя его жены *Chymideu Kymeinuoll* буквально означает «Сожительница такого же роста». Эти двое напоминают часто встречающихся в ирландской традиции великанов из потустороннего мира. Возможно, изначально Лласар (если принять ирландскую этимологию его имени) был божеством – покровителем кузнечного дела.

¹¹⁵ История с Железным Домом кажется заимствованной из ирландской саги «*Orgain Dind Rig*» («Разрушение Динн Риг»); вообще сожжение героя в доме как прообраз грядущей огненной гибели мира часто встречается в ирландской мифологии.

¹¹⁶ Возможно, название «Озеро Котла» (Llyn y peir) относится к одному из круглых озер Ирландии, которым в древности приписывались магические свойства. Иногда это название относят к круглому озеру Бала в Северном Уэльсе, где жили герои «Истории Талиесина» – Тегид Воэл и его жена Каридвен, тоже имевшая волшебный котел.

¹¹⁷ Здесь имеется в виду то, что котел или вода озера делали воина неуязвимым, как греческого героя Ахилла – вода подземной реки Стикс. Как выясняется из дальнейшего текста, этот котел не только придавал воинам неуязвимость, но и делал их бессмертными.

¹¹⁸ Буквально: «добрых мужей и жен» (gwyrda a gwraed da).

¹¹⁹ В БК добавлено: «Разместились вокруг дома по одному человеку на каждые двое мехов».

¹²⁰ Память об ирландских поселениях в Уэльсе, которые сохранялись в некоторых районах до VIII-IX вв. Ирландские пираты захватили часть побережья Уэльса в период упадка римского владычества, но в начале V в. их изгнали на севере король Гвинедда Кунедда, а на юге – король Диведа Агрикола (Айркол Плаухир).

¹²¹ В устье речки Менаи, или Менеи, в Гвинедде в средние века находилась гавань Абер-Менаи, из которой открывался ближайший морской путь из Уэльса в Ирландию.

¹²² Имя Гверн (Gwern) означает «ольха» и сходно с именем самого Врана (Брана), который в фольклоре связывался с ольхой. Последующее сожжение Гверна можно отождествить с обрядовым сжиганием ольховых поленьев для защиты дома от злых духов.

¹²³ В английском переводе Ш. Гест «давал пощечину», однако в оригинале говорится именно об ударе в ухо (bonclust). Ремесло мясника считалось низким, именно поэтому бить Бранвен доверили представителю этой профессии. В триаде 52 сказано, что Матолх сам ударил Бранвен, хоть и всего один раз.

¹²⁴ В тексте у llongeu ar ysgraffeu ar corugeu – корабли, паромы и караки, то есть большие парусные лодки, обшитые кожей.

¹²⁵ Валлийцы заквашивали тесто в деревянной или каменной квашне (пое). Видимо, здесь имеется в виду то, что Бранвен так часто пекла хлеб для придворных, что не успевала накрывать квашню крышкой.

¹²⁶ Caer Seint – Сегонтиум, римское укрепление на морском берегу, недалеко от современного Карнарвона. Арвон (Arfon) – область в Гвинедде напротив острова Мона (Англси).

¹²⁷ Двадцатка (ugeint) – условное обозначение числа общин,

входивших в крупную область. Семь двадцаток – такое же условное число, обозначающее «всю страну». Полученное в сумме число 144 или 12 в квадрате имело сакральный смысл у некоторых народов, в том числе, возможно, и у древних кельтов. В БК вместо четырех – четырнадцать, но это, вероятнее всего, ошибка переписчика.

¹²⁸ Карадауг (Caradawc), сын Брана, т. е. Бендигейда Врана, упоминается в триадах как один из военачальников, выбранных бриттами, чтобы противостоять нашествию римлян (вместе с Касваллауном, сыном Бели). Отмечается, что «с ним были люди Британии от знатных до рабов» и что он одержал множество побед, но из-за предательства Аварви, сына Ллуда, и его дочери Арегведд (отождествленной с царицей бригантов Картимандуей) он был взят в плен римлянами. В мабиноги, таким образом, произошло смешение нашествия римлян с предыдущим нашествием белгов, олицетворением которых, возможно, выступает здесь Касваллаун, сын Бели. Исторический Карадауг (Каратакус) был сыном царя белгов Кинвелина, потерпевшим поражение от римлян в 49 г. нашей эры. Позже он появился в ряде валлийских генеалогий, а также в рыцарских романах, где он превратился в сэра Карадоса, короля Уэльса.

¹²⁹ Seith Marchaug, «Семь всадников», т. е. знатных – имя, которое до сих пор носит холм в области Эдейрнион на востоке Гвинедда.

¹³⁰ Вряд ли кто-то из перечисленных героев, кроме Карадауга, является историческим лицом. Хевейдд Хир (Высокий), Иддик и Уник Глеу Исгвидд упоминались до этого. Walltgrwn переводится как «Длинноволосый», а Gwlch Minascwrn – «Мокрый Костегубый». Лласнар – сын упомянутого до этого великана-ирландца Лласара. О Фодоре (Теодоре), сыне Эрвилла, ничего определенного сказать нельзя. Что касается Пендарана Диведа, то здесь очевидный анахронизм – он представлен юным, хотя в «Пуйлле» он гораздо старше Придери.

¹³¹ В валлийских легендах и триадах сохранилась память о затоплении морем земель в Кардиганском заливе. Далее в «Мабиногион» говорится, что были затоплены владения легендарных королей Гвиддно Гаранхира и Тейти Хена. О реках Лли и Архан больше нигде не упоминается.

¹³² Буквально: о gerd arwest – «с певцами на плечах».

¹³³ В КК эта фраза отсутствует.

¹³⁴ Это описание Бендигейда Врана очень сходно с описанием бога Мак Кехта в ирландской скеле «Разрушение Дома Да Дерга»: «Два озера у горы – два его глаза у носа. Две шкуры у

дерева – два его уха у головы... Две голубые волны – его равно прекрасные брови на дивноцветном румянном лице» (перевод С. В. Шкунаева).

¹³⁵ В тексте *uogbennyd*, то есть «мысы», «выдающиеся участки суши». Возможен перевод «воины с мысов», однако Т.П. Эллис и Дж. Ллойд предлагают вариант *mogbennyd* – «вожди моря» или «моряки».

¹³⁶ По мнению большинства ученых, *Llinon* – это Шэннон, крупнейшая река Ирландии. В средние века существовало поверье о «магнитном камне» на ее дне, вызванное внезапными водоворотами, которые мешали лодкам преодолеть реку. Однако Р. Бромвич считает, что имеется в виду река Лиффи, протекающая на востоке острова.

¹³⁷ *A uo reppn bit pont*, «кто глава, тот и мост» – средневековая валлийская поговорка, уже известная ко времени появления БК.

¹³⁸ Любопытный отголосок наследования по женской линии, известного у шотландских пиктов, но не встречающегося в историческое время ни в Ирландии, ни в Уэльсе.

¹³⁹ *Boly sgoyn* – «кожаный мешок». Слово *boly* заимствовано из ирландского, где обозначало нечто набитое, раздутое и по традиционной этимологии связывалось с именем легендарного народа Фир Болг.

¹⁴⁰ *Eneit* – «душа», здесь в смысле «друг».

¹⁴¹ *Энглин* – один из жанров валлийской поэзии, трех- или четырехстрочное стихотворение, обычно содержащее какое-либо афористическое высказывание. Наличие энглинов в прозаическом тексте мабиноги позволило некоторым ученым предположить, что первоначально весь текст был написан стихами, но такое предположение вряд ли имеет под собой почву.

¹⁴² В оригинале:

«*Yffit uny boly hwnn amryw vlawt*
Keimeit kynniuyeit yn trin
Rac kytwyr cat barawt».

В дословном переводе: «В этом мешке особый сорт муки – воитель, храбрец, возглавляющий воинов, рвушихся в битву». Здесь иронически обыгрывается слово «*blawt*», имеющее два значения: «мука» и «пыльца» в смысле «цвет» (воинства).

¹⁴³ Как уже говорилось, Гверна («ольху») сжигают в качестве обрядовой жертвы. Однако У. Гриффидд считает, что эпизод бросания мальчика в огонь призван доказать, что в отличие от матери он не имеет отношения к нечистой силе (этот обряд сродни прыжкам через огонь, известным у многих народов).

¹⁴⁴ Фраза «Guern gwn, gwch uiwch uordwyt tyllon» искажена переписчиками. Эпитет «Мордуидтиллион», означающий «раненое бедро», повторяется дважды, и по этой причине И. Уильямс и вслед за ним П. Форд сочли его именем какого-то персонажа. Другие относят эпитет к самому Бендигейду Врану и переводят всю фразу как «псы Гверна (т. е. воины Ирландии), цельте ему в бедро!». Такой перевод подкрепляется строками поэмы «Golychafi gylwud», приписываемой Талиесину: «Я был в Ирландии с Враном, я видел, как пал Раненый в бедро (uordwyt tyllon)». У многих мифологических героев бедро было единственной уязвимой частью тела; в этой связи можно вспомнить Хромого короля из повести о Передуре или Короля-Рыбака из легенды о Граале, также имеющей кельтские корни. Это объясняется тем, что бедра («чресла») соотносились с мужскими гениталиями как источником жизненной силы.

¹⁴⁵ В Уэльсе по причине английского влияния, а также более прохладного климата, обувь была распространена шире, чем в Ирландии, где большинство населения в теплое время года ходило босиком. По этой причине валлийские и английские авторы долгое время презрительно именовали ирландцев «босьяками».

¹⁴⁶ В кельтской традиции известно немало героев с разбитым сердцем. В этой же повести говорится о разбившихся сердцах Бранвен и Карадауга, сына Брана.

¹⁴⁷ В тексте gwaew – метательное копьё или дротик. В переводе Ш. Гест – просто «копье». Упоминание о семи уцелевших соотносится с поэмой «Preideu Annwfn» из «Книги Талиесина», где описывается поход Артура и его рыцарей в загробное царство, из которого тоже вернулись только семь человек. Ирландия в данной повести также ассоциируется с загробным миром. Возможно, изначально поход туда совершался с целью захвата Котла оживления или других волшебных предметов.

¹⁴⁸ Единственное упоминание Придери в этой Ветви Мабиноги.

¹⁴⁹ Гливиэу, Сын Грома (Gliuiew Eil Taran, в КК Gliuieri) – возможно, реликт кельтского громового божества Тараниса; его имя можно перевести как «Сверкающий». Eil значит «второй», «схожий», в переносном смысле – «сын» или «наследник».

¹⁵⁰ Талиесин («Сияющее чело») – знаменитый полумифический валлийский бард, живший, по преданию, в VI в. Считается автором записанной в XIII в. «Книги Талиесина» – сборника поэм и пророчеств, ряд из которых по особенностям языка действительно может быть отнесен к VI в. О нем см. ниже в повести «История Талиесина».

¹⁵¹ Grudyen (в КК Grudyew) uab Muryel – «Шепот, сын Печального». Инаук – неизвестное лицо; в некоторых переводах его имя делается эпитетом Гридиэна, однако тогда число выживших равняется не семи, а шести.

¹⁵² Хейлин упоминается в одной из генеалогий как глава незнатного рода в Поуисе. Имя его отца Gwynn Hen означает «Белый Старый».

¹⁵³ Отрезанная голова героя, изрекающая предсказания, нередко встречается в кельтской, и не только в кельтской, мифологии (например, голова ирландского короля Конайре мак Этерскела в «Разрушении Дома Да Дерга» или голова Орфея).

¹⁵⁴ На Белом Холме (Gwynnigun) в Лондоне, где ныне находится лондонский Тауэр, укрепление существовало, по крайней мере, с римских времен.

¹⁵⁵ Ffeinc, в современном валлийском Ffrainc – валлийское название Франции.

¹⁵⁶ Adar Riannon – три вещей птицы Рианнон (правда, их связь с этой героиней остается неясной), которые, как указано позднее в «Килухе», могли своим пением «оживлять мертвых и усыплять живых». Последующие странствия героев – сокращенная передача классической схемы легендарного странствия, во время которого герои попадают на Острова блаженных, где на долгое время забывают о своих делах и целях.

¹⁵⁷ Пенвро – область в Диведе, впоследствии графство Пемброк. Гвалас – островок на крайнем западе Диведа, который в данной повести представляется классическим «островом блаженных» кельтской традиции, подобным мифическому Аваллоу (Яблочному).

¹⁵⁸ Абер-Хенвелен – Бристольский залив, отделяющий Уэльс от Корнуолла.

¹⁵⁹ Корнуолл (Chernyw) – полуостров на юго-западе Англии, где до IX в. существовало независимое королевство бриттов. Там обитали такие герои валлийских преданий, как Герайнт, Тристан и король Марк. Корнский язык являлся промежуточным между валлийским и бретонским; он вымер в XIX в. после окончательной ассимиляции корнуолльцев, хотя до сих пор энтузиасты не прекращают попыток его возродить. В фольклоре Корнуолла важное место отводится королю Артуру, который, по преданию, основал на полуострове одну из своих резиденций – Гэлливик. В то же время Корнуоллом во времена Артура правили герцог Горлойс и его сын, граф Кадор.

¹⁶⁰ Это устье ручья Алау на острове Мона (Англси), где в

1813 г. была обнаружена предполагаемая могила Бранвен (см. прим. 100).

¹⁶¹ Буквально: «сделали для нее четырехгранную могилу», но, скорее всего, имеется в виду надгробный курган, который мог быть круглой или четырехугольной формы.

¹⁶² Касваллаун, сын Бели (Caswallawn uar Beli) – популярный герой валлийского фольклора, один из выборных военачальников, защищавших остров от римлян под командованием Юлия Цезаря. В традиции сохранились фрагменты легенд о Касваллауне, где описывается его борьба с римлянами и путешествие в Рим для освобождения возлюбленной – чародейки Флур (Флоры), дочери Мигнаха Горра. Триады именуют его одним из Трех золотильщиков обуви Острова Британии (вместе с Манавиданом и Ллеу) и одним из Трех верных любящих. Однако магические способности приписываются ему только в этом тексте.

¹⁶³ В псевдоисторической «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского говорится о том, что в IV в. до нашей эры Белин отобрал у своего брата Бренния власть над Британией. По предположению Р. Грейвса, в повести отражена победа вторгшихся на остров белгов (народа Бели) над более ранними кельтскими поселенцами, богом которых был Бран (Вран). Возможно, служителями Брана были священные цари с титулом *brenn* (*brenhin*).

¹⁶⁴ В тексте *gwisgaw llen hut* – «одеяние волшебника».

¹⁶⁵ В триаде 95 упоминаются Трое, сердца которых разбились от горя: это Карадауг, Бранвен и некий Фараон Дандде («пылающий фараон»). Возможно, имеется в виду фараон из библейской истории о Моисее, сердце которого по средневековой легенде разбилось после гибели его войска в водах Красного моря. Однако его связь с Британией остается непонятной. В более поздних фольклорных произведениях этого Фараона иногда заменяли Изольдой Белокурой, героиней повести о Тристане.

¹⁶⁶ По-видимому, герои мабиноги оказались в волшебном мире, где время остановилось. Однако в следующей повести о прошедших годах ничего не говорится, и современники героев оказываются живы.

¹⁶⁷ Слово *uspydawl*, переводимое нами как «гостеприимство», происходит, скорее всего, от латинского *hospitium* с тем же значением. В переводе Ш. Гест это «празднество», в переводе Дж. Ганца «собрание». Слово *Urdawl* в применении к отрезанной голове Брана переводится или как «почтенная», «славная», или как «чудесная».

¹⁶⁸ Буквально: «позор моей бороде» (meuyl ag uy maryf).

¹⁶⁹ Приведем полностью очень любопытную триаду 37: «Три счастливых погребения и Три злосчастных выкапывания Острова Британии. Голова Брана Благословенного, сына Ллира, зарытая на Белом Холме в Лондоне лицом к Франции – до тех пор, пока она оставалась там, где ее положили, саксонская напасть не приходила на этот остров. Второе счастливое погребение: драконы в Динас-Эмрис, которых закопал Ллудд, сын Бели. И третье – кости Гвертевира Благословенного в главных портах этого острова. Пока они оставались закопанными, саксы не могли проникнуть на остров. С ними же случились и Три злосчастных выкапывания. Гуртейрн Немошный (король Вортигерн) откопал кости Гвертевира из любви к язычнице Роннвен. Он же выкопал драконов. Артур же выкопал из Белого Холма голову Брана Благословенного, ибо не желал, чтобы чья-то сила защищала этот остров, кроме его собственной».

¹⁷⁰ Объяснение разделения Ирландии на пять исторических провинций: Ленстер, Мунстер, Ольстер, Коннахт и Мит.

¹⁷¹ Редактор, видимо, знал о наличии в Ирландии множества древних украшений и пришел к выводу, что они найдены на полях сражений. Рассказ соотносится с ирландским преданием о восстании покоренных аборигенов острова, которые истребили всех гойделов (ирландцев). Только трем беременным женщинам удалось бежать в Шотландию (Альбу), где они произвели на свет трех королей – предков новых правящих династий.

¹⁷² Собственно, здесь идет речь об «ударе Бранвен» (Paluawt Branwen); имеется в виду пощечина, которую то ли сам Матолх, то ли его мясник давали Бранвен (см. прим. 123).

МАНАВИДАН, СЫН ЛЛИРА (Manawydan uab Lly^r)

Сохранились два полных варианта этой повести, а также небольшой отрывок в БК (страницы 281 – 282). Повесть прямо продолжает сюжет «Бранвен», но здесь события переносятся с широкого эпического простора на условное пространство волшебной сказки. Хотя действие снова происходит в Диведе (а также в городах Англии), географические реалии почти отсутствуют. Основное внимание уделено приключениям небольшого круга героев, причем вновь вырисовываются их индивидуальные особенности и различия. В центре повести находится фигура мудрого Манавидана – обобщенного образа бриттских

правителей, потерявших свои владения в Англии после англосаксонского завоевания и нашедших убежище в Уэльсе. Классический сказочный сюжет «избавления от чар» делает историю динамичной и законченной, а язык ее, выразительный и проникнутый своеобразным юмором, является одним из лучших образцов средневековой словесности Уэльса.

¹⁷³ Слово *lleddf* здесь означает не просто «благородный», а «не добивающийся возврата своих владений». Двумя другими «благородными правителями» Острова Британии в триаде 8 именуется король-поэт Лливарх Хен и Гугон Горон, сын Передура.

¹⁷⁴ См. прим. 4.

¹⁷⁵ Это единственное упоминание о том, что сын мог выдать замуж овдовевшую мать. Реально по валлийскому праву вдова была свободна в выборе мужа; даже в этой истории требуется согласие на брак самой Рианнон.

¹⁷⁶ *Lloegr* (Логрия) – валлийское название Англии как области между реками Трент на севере и Северн на западе. Она считалась одной из трех частей Острова Британии наряду с Уэльсом (*Sumru*) и Шотландией (*Alban*).

¹⁷⁷ Кент – область на крайнем юго-востоке Англии, раньше других захваченная как англосаксами, так и белгами, к которым принадлежал исторический Касваллаун.

¹⁷⁸ Оксфорд (по-валлийски *Rytychen* – калька английского названия, означающего «бычий брод») здесь и далее упоминается как культурный, а иногда и политический центр Англии. В знаменитом университете этого города, основанном в XIII в., обучалось немало валлийцев.

¹⁷⁹ Буквально: «оттуда исходила их власть».

¹⁸⁰ Это тот самый волшебный курган (*gorsedd Arberth*), на который поднимался Пуйлл в Первой Ветви Мабиноги.

¹⁸¹ Наведенный колдовством волшебный туман, согласно кельтским поверьям, мог переносить людей и животных в иной мир. Остается неясным, почему не исчезли дикие звери; возможно, заклятие было наложено только на тех, кто так или иначе подчинялся Придери и Рианнон как правителям Диведа.

¹⁸² *Creffft* – от англ. *craft* («ремесло»). Здесь мы встречаем сюжет о проникновении в Уэльс ремесел, а сам Манавидан выступает в роли классического культурного героя, обучающего людей мастерству.

¹⁸³ Херефорд (в тексте *Henfford*) – ближайший к Уэльсу крупный город. Он был центром, откуда в Уэльс проникало влияние феодальной культуры Англии.

¹⁸⁴ Здесь название синей извести, *calch llasar*, смешивается с именем беглеца из Ирландии Лласара из повести о Бранвен, где его прозвище передается как «Ллестивневидд».

¹⁸⁵ Типичная для средневековья нетерпимость членов цеха к конкуренции со стороны чужаков.

¹⁸⁶ В тексте *taeogion* – по-валлийски «рабы». Не знавшие городской жизни валлийцы свысока смотрели на горожан, считая ремесло и торговлю «холопскими» занятиями.

¹⁸⁷ Сапожники в средние века были ниже других ремесленных специальностей по положению из-за своей «грязной» работы. В частности, иногда им запрещалось участвовать в ежегодных процессиях всех городских цехов.

¹⁸⁸ Кордовская кожа (*grupu y cordwal*) – привозимая из испанского города Кордова кожа, выдубленная до темно-вишневого цвета. Высоко ценилась в средние века по всей Западной Европе.

¹⁸⁹ В триаде 67 Манавидан упоминается как один из Трех золотильщиков обуви вместе с Касваллауном, сыном Бели, и Ллеу Ллау Гифесом (см. повесть «Мат, сын Матонви»).

¹⁹⁰ «Разжечь очаг» (*a uad tan a wnaethant*) – распространенное валлийское выражение, означающее «поселиться в каком-либо месте».

¹⁹¹ «Подойдем к кусту» – *parth ar berth*. Несомненно, перед нами попытка объяснить происхождение топонима «Арберт».

¹⁹² Еще одно белое животное из потустороннего мира. Свиньи и дикие кабаны у кельтов считались особенно тесно связанными с иным миром, как видно из повестей о Мате и Килухе.

¹⁹³ В оригинале *llewenyd* – «радость», однако Т.П. Эллис и Дж. Ллойд считают, что вместо него должно стоять *lleferydd* – «дар речи». Этот эпизод находит параллели в мифологической традиции других народов – в частности, Тесей и Пифией так же оцепенели и лишились дара речи в Аиде, куда спустились в поисках Персефоны.

¹⁹⁴ В оригинале *погвун* – «девушка», хотя речь идет о замужней женщине.

¹⁹⁵ В тексте опять стоит слово *taeogeu* – «рабы».

¹⁹⁶ Здесь Манавидан обучает скотоводов-валлийцев не только ремеслу, но и земледелию.

¹⁹⁷ Последующий эпизод отражает наказание вора по валлийскому праву. Если вора ловили с чужим имуществом, его могли повесить; если же кража считалась доказанной, но вор не держал в момент поимки имущества в руках, он должен был заплатить выкуп. Возможно, в этой истории отражена борьба церкви за замену казни денежным возмещением.

¹⁹⁸ Это тот же холм, на котором с героями повестей о Пуйлле и Манавидане происходили всевозможные чудеса.

¹⁹⁹ В тексте *yscolheic* – «школяр», т. е. студент-богослов из Оксфорда. В переводе Т.П. Эллис и Дж. Ллойда – «клирик».

²⁰⁰ Буквально: «после пения в Ллогре». Под «пением» подразумевается выпрашивание милостыни, которым на вполне законных основаниях занимались студенты и странствующие монахи.

²⁰¹ Словом *punt* обозначается фунт, английская денежная единица, ставшая известной в Уэльсе в период англо-нормандского завоевания. До этого денежными единицами там служили серебряные слитки и скот.

²⁰² В тексте *gwerth*, то есть «цена». Скорее всего, здесь имеется в виду вира, или штраф за различные преступления, налагаемый на людей в зависимости от их социального статуса. В средние века известны случаи, когда виру за животных платили их владельцы.

²⁰³ В тексте *swmer* – поезд из навьюченных лошадей. На дорогах Уэльса вплоть до XVI в. было очень мало колесных средств транспорта, и грузы перевозились на конях.

²⁰⁴ *Llwyd* – валл. «серый» или «седой», что отражает как «мышиный» характер персонажа, так и его принадлежность к нечистой силе (ср. англ. *brownie* – «домовой»). Это имя сохранилось в топографии Уэльса – церковный приход в графстве Пемброк носит название *Eglwys Lwyd* (англ. *Ludchurch*). Одна из деревень этого прихода называется Килкоэд (*Cilcoed*), что, возможно, объясняет имя отца Ллуйда, которое переводится как «скрывающийся в лесу».

²⁰⁵ В тексте *mynweireu ar mynordd*. Слово *mynweir* производится от слов со значением «шея» и «сено» (*gweir*), хотя второе слово может означать также «ошейник» или «ярмо». Слово *mynordd* по той же схеме производится от слов «шея» и «молоток» (*gordd*). Возможно, здесь имеет место попытка объяснить названия селений Минвейр и Минордд (ныне Манордин) в графстве Пемброкшир, однако скорее всего эти названия имеют глубокий мифологический смысл. Несомненно, молоток здесь символизирует мужское начало, а ярмо (кольцо) – женское. То, что Рианнон снова, как и в «Пуйлле», заставляют исполнять обязанности лошади, вновь напоминает о ее чертах богини-прародительницы, соединенной с лошастью. В этой связи женитьба Манавидана на Рианнон как необходимое условие овладения землей Диведа становится понятной в свете древнего индоевропейского обычая «брака» новоизбранного короля

с кобылой как олицетворением земли и власти (ирландский «фейс» или индийская «ашвамедха»).

МАТ, СЫН МАТОНВИ (Math uab Manthonwy)

Повесть о Мате сохранилась в двух очень похожих вариантах из КК и БК. Она вводит в мир мабиноги много новых действующих лиц, и ее первоначальный сюжет, сам по себе сложный, еще более усложнен заимствованиями из других легенд. Здесь прежняя главная линия Четырех Ветвей, связанная с Придери, кончается с его смертью, и на первый план выходит новый молодой герой – Ллеу Ллау Гифес, а также его наставники Мат, сын Матонви, и Гвидион, сын Дон. В связи с этим действие переносится из Диведа в Северный Уэльс или Гвинедд.

«Мат» – самая «волшебная» часть мабиноги. Почти все герои повести – чародеи, и реальность в ней всецело подчинена волшебству. Здесь не так выписаны отдельные характеры, как в других Ветвях, не так строен сюжет, но это компенсируется силой воображения и поэтичностью, пронизывающей текст (особенно в сценах сотворения Блодейведд и встречи Гвидиона с сыном в образе орла). Мифологические влияния в повести разнообразны и часто трудно определимы. Несомненно, почти все ее герои – прежние боги кельтского пантеона (сыновья Дон), превращенные традицией в могучих волшебников. Рудименты мифа соединяются с эпической традицией (война Севера и Юга Уэльса) и многочисленными сказочными сюжетами.

²⁰⁶ Мат ап Матонви (Math uab Mathonwy) упоминается как великий чародей в ряде триад и в поэмах Галиесина (в частности, в «Битве деревьев»). Его имя долгое время переводилось как «волшебство», однако в последнее время ученые предпочитают выводить его из галльского *mattos*, «хороший», что семантически близко к имени ирландского бога Дагда («хороший» или «добрый бог»). В ирландском фольклоре имя Мат носят ряд друидов и чародеев. В одной из легенд Мат – имя друида, который безуспешно пытается отстоять языческую веру в споре со святым Патриком. Имя Матонви является простым удвоением имени самого Мата, который, как и его сестра Дон, изначально представлялся первопредком, не имеющим родителей. Хотя традиция делает Мата королем Гвинедда, связь его с этой обла-

стью слабо заметна. Давид ап Гвиллим в одной из своих поэм называет Мата королем острова Мона (Англси).

²⁰⁷ Гвинедд – северное королевство Уэльса, основанное около 400 г. пришельцем с Севера Кунеддой. Позже оно стало центром сопротивления англосаксонским, а затем англо-нормандским завоевателям и было захвачено королем Англии Эдуардом I в 1282 г.

²⁰⁸ См. прим. 83.

²⁰⁹ «Держатель ног» часто встречался в числе придворных должностей раннего средневековья. Это всегда был мужчина, и в его обязанности входило не только омывание и растирание ног своего господина, но и другие услуги, в частности пробование пищи. В Уэльсе его существование зафиксировано законами Хоуэла Доброго. В данной истории, несомненно, девственность как «держательница ног» престарелого чародея играет важную роль в качестве источника его жизненных и волшебных сил (вспомним, что для многих колдовских обрядов требовалась кровь девушки). Последующее лишение Гэвин девственности, переосмысленное редактором как «бесчестье» королю, первоначально ставило целью лишение его волшебной силы.

²¹⁰ Местность Дол-Пебин (луг Пебина) находилась в центре области Арвон.

²¹¹ Казр-Датил (Крепость Праздника), по преданию, находилась в прибрежной части Арвона, на месте нынешнего селения Пен-и-Гайр.

²¹² Дон (ирландская Дану) – богиня-прародительница кельтов, которая именуется здесь сестрой Мата. Ее имя восходит к индоевропейскому глаголу *da или *dan – «течь», от которого произошли названия рек Дон, Дунай, Днепр и т.д. Супругом Дон как богини земли считался бог неба и света Бели-Беленос. Возможно, ее первым мужем был морской бог Ллир (Лир); в этом случае Дон идентична супруге Ллира Пенардун («темной женщине»). Дети Дон, названные здесь Гилвайтви (Giluathwy) и Эвейдд (Eueydd), в традиции выступают как Гованнон и Аметон и вместе с Гвидионом и Арианрод, другими детьми Дон, фигурируют во многих легендах и поэтических отрывках. В артуровских романах Гилвайтви сделался верным оруженосцем Артура по имени Гифлет, сын До. Позже это имя было искажено еще сильнее и превратилось в «сына Божьего» (Fils de Dieu).

²¹³ Гвидион, сын Дон (Gwydyon uab Don) – весьма известный персонаж валлийской традиции, чародей и культурный герой, обучивший валлийцев многим ремеслам. Его имя происходит

от корня *gwydd* (по-ирландски *fid*) «знание». В древности Млечный Путь называли в Уэльсе *Caer Gwydyon* (Крепость Гвидиона); в местности Динллеу показывали его могилу. В качестве отца Ллеу Ллау Гифеса он выступал и как легендарный прародитель валлийцев. Его функции иногда смешивались с функциями его брата – кузнеца Гованнона. Возможно, изначально он, как и его отец Бели, являлся солнечным богом и в этом качестве сражался с Придери – властелином подземного царства. О Гвидионе говорится в поэмах из «Книги Талиесина», в частности, в поэме «*Kadeir Ceridwen*», где перечислены его главные деяния, описанные в данной повести. В поэме «Битва деревьев» Гвидион вместе со своим братом Аметоном возглавляет войско, сражающееся с силами зла в Каэр-Невенхир. В этой повести он постепенно перерастает из зловредного трикстера в мудрого и могущественного волшебника.

²¹⁴ Еще одно чудесное умение Мата, сравнимое со свойством племени Коранияйд (см. повесть «Ллудд и Ллевелис»).

²¹⁵ Три главные области средневекового Уэльса: Гвинедд на севере, Поуис на востоке и Дехейбарт («кожная часть») – королевство, основание которого в мабиноги приписано Придери. Дехейбарт, включавший в себя древние королевства Дивед, Кередигион и Истрад-Тиви, был в течение XII в. завоеван англо-нормандцами; две остальные части Уэльса оказались в их руках немногим позже.

²¹⁶ Словом *hobeu* («свиньи») позже стали называться дикие кабаны, поэтому редактор поясняет его заимствованным из Ирландии словом *moch*. Здесь свиньи – чудесные животные потустороннего мира, символ власти и изобилия, поэтому обладание ими так ценно для правителя.

²¹⁷ В тексте *moch*. В БК добавлена фраза: «Отсюда и пошли выражения *hanner hob* и *hanner hwch*». Оба выражения произошли от устаревших названий свиньи, переводятся как «полсвиньи» и означают копченый свиной бок – любимое праздничное блюдо валлийцев.

²¹⁸ Селение Руддлан-Тейви (Красная церковь на Тейви) находилось на берегу реки Тейви, отделявшей королевство Дивед от Кередигиона (нынешнее графство Кардиган).

²¹⁹ *Pencerdd* – «глава песни» – во многих источниках главный бард страны или области, однако здесь так именуется старшина странствующей «труппы» бардов. В Уэльсе барды (*bardd*) были основными хранителями древних преданий и обрядов, в отличие от Ирландии, где они играли более скромную роль,

чем филиды (fili). Былое значение бардов и их последующая деградация отражены в повести о Талиесине.

²²⁰ «Рассказчик» – здесь *cyfarwydd*, то есть сказитель, сопровождающий повествование игрой на арфе (*cyfar*).

²²¹ Буквально: *oŷ pryt rwy gilyd* – «от одного времени до другого». Фраза может обозначать любой временной промежуток, но по смыслу переводится как «один день».

²²² Путь Гвидиона со спутниками пролегает с юга на север, через географические пункты, носящие «свиные» названия. *Mochdref* (свиное селение) находится в области Эленидд или Эвенидд в Кередигионе. Другой *Мохдрейф* – поселок между областями Арвистли и Кери в Поуисе. В Поуисе находится также городок *Мохнант*, название которого может переводиться как «свиной ручей», то есть ручей, из которого поили свиней. Однако Т. Эллис и Дж. Ллойд считают, что *moch* в данном топониме не имеет отношения к свиньям и является диалектной формой слова «быстрый». Последний *Мохдрейф* находится в области Рос в Гвинедде, на берегу моря. Объяснение происхождения географических названий (так называемая «старина мест») – популярный жанр ирландской и валлийской литературы.

²²³ Здесь название селения *Крейвирион* в области Арлехведд производится от *seu* – «свинарник». Возможно, изначальной формой этого названия было *Seuwudyon* – «свинарник Гвидиона».

²²⁴ Область (*santref*) Арлехведд делилась на верхнюю (возвышенную) и нижнюю части.

²²⁵ В случае войны рог призывал к оружию всех свободных общинников, составлявших ополчение.

²²⁶ Эти две деревни находятся в Арвоне, недалеко от моря. Слово *таенауг* (от англ. *taunog*) обозначало селение, где жили несвободные люди.

²²⁷ Название селения *Нанткалл* переводится как «ручей мудрости» и здесь, возможно, связывается с именем отца Придери Пуйлла, тоже означающим «мудрость».

²²⁸ *Дол-Пенмайн* – «луг на вершине» – местность в гористой области Эрири (Сноудония).

²²⁹ *Gwrgi Gwastra* – известный по триадам брат и соправитель *Передура*, погибший вместе с ним в битве с англосаксами в 580 г. Его имя означает «человек-пес», а прозвище – «конюх» (буквально «конский слуга»).

²³⁰ *Treyt Mawr* – «большой поток», *Melenrydd* – «желтый (глинистый) брод».

²³¹ В тексте *pedyt* – «пешие». Имеются в виду легковооруженные воины из простонародья, которые, укрываясь в лесу, обст-

реливали вражеское войско из луков. Валлийские лучники славились своей меткостью и сыграли большую роль в победах английской армии во время Столетней и других войн.

²³² Из текста не вполне понятно, кто именно бился с Придери. Возможно, на бой с ним вышел все-таки сам Мат, но Гвидион помогал ему своими чарами. Однако Мат явно считался более сильным чародеем, поэтому возможен и противоположный вариант.

²³³ Холма с таким названием в Уэльсе нет. По предположению Т.П. Эллис и Дж. Ллойда, имеется в виду холм Мазн-Турог в Поуисе.

²³⁴ Лишить еды и питья (*gwahard ar y bwyt ae llyn*) – средневековое наказание, означавшее запрет давать кому-то приют и пропитание на определенной территории. В Уэльсе применение этого наказания означало исключение из клана.

²³⁵ Превращение в животных с целью наказания часто встречается в сказках разных народов, однако акцент на их сексуальных отношениях делается только в этой повести. Вероятно, причина этого – необходимость объяснения «звериных» имен детей Гвидиона (см. далее).

²³⁶ *Hyddwn* – «олenenок».

²³⁷ *Hychdwn* – «поросенок».

²³⁸ *Bleiddwn* – «волчонок». Это имя еще долго оставалось популярным в Уэльсе, в то время как другие два встречаются только в данной повести. Все три имени относятся к животным, имевшим когда-то важное значение в кельтской мифологии, и представляют собой имена-посвящения соответственно богу-оленю и богу-кабану. О существовании у кельтов бога-волка ничего не известно, поэтому имя «Блейддун», возможно, просто выражало пожелание быть сильным и смелым, как волк. По всей вероятности, это и позволило ему сохраниться и пережить победу христианства.

²³⁹ В оригинале:

«*Tri meib giluaethwy ennwir*

Tri chenryssedat kywir

Bleidwn Hydwn Hychdwn Hir».

В дословном переводе: «Трое сыновей лживого Гилвайтви (возможен вариант «ложных сыновей»), трое верных воинов – Бледдун, Хиддун, Хихдун Хир». Очевидно, весь этот сюжет отсылал слушателей к какому-то сказанию о приключениях этих трех героев. Превращение Матом Гвидиона и Гилвайтви отмечено в триаде 28 в числе Трех великих превращений Острова Британии.

²⁴⁰ Arianrod (в данном тексте Ararrot) встречается в триаде 78 как одна из Трех прекрасных дев Острова Британии. Ее имя означает «серебряное кольцо». В ее честь называлось созвездие Северной Короны (Саег Arianrod); такое же название носила ее крепость, описанная далее. От брака с Навом или Ллиаусом у нее были два сына – Гванар и Гвенвинвин. Ллеу Ллау Гифес упомянут в качестве ее сына только в этом тексте; обычно он именуется сыном Гвидиона. Иногда Арианрод считают древней богиней солнечного круга, однако более вероятно, что она являлась богиней судьбы, связанной с образом вечного круговращения и родственной греческой Тюхе и римской Фортуне, а также галльской богине Артантороте. И. Уильямс и ряд других ученых считали первичной формой ее имени Ararrot, что означает «круглый холм». В этом случае Арианрод является древней богиней-матерью наподобие ирландской Ану (вариант имени Дану-Дон). Известно, что два круглых холма в Мунстере носили название «грудей Ану».

²⁴¹ В данном случае жезл выступает в роли фаллического символа: если через него переступит невинная девушка, он не должен подниматься.

²⁴² В переводе Ш. Гест это место нарочно затемнено из соображений приличия.

²⁴³ Дилан Сын Волны (Eil Ton, что буквально означает «Подобный волне») не раз упомянут в триадах и поэмах Талиесина. Это древний бог моря и рыбной ловли, возможно, представляющий собой полурыбу, как и множество «морских людей» из ирландских и валлийских легенд. Его имя производится от корня *dyl* («достойный») и, возможно, целиком означает «достойный быть на волне». Вероятно, Дилан как брат-близнец Ллеу Ллау Гифеса (см. ниже) принимал участие в его подвигах, однако легенды об этом не сохранились. У ирландского бога Луга (аналог Ллеу) также было двенадцать единокровных братьев, принявших облик тюленей.

²⁴⁴ Буквально: «Волна никогда не разбивалась под ним».

²⁴⁵ Легенда об этом событии не сохранилась. Бог-кузнец Гованнон, как уже говорилось, часто смешивается с Гвидионом, сыном которого Дилан изначально являлся. История об убийстве Дилана Гованноном параллельна ирландской легенде об убийстве богом-кузнецом Гойбниу его родственника Руадана. Копье, которым был убит Дилан, возможно, изначально было острой или гарпуном – древнейшим орудием охоты на крупную рыбу. Согласно одной из поэм из «Черной книги Кармартена», Дилан был убит посреди моря и там же находится его могила.

²⁴⁶ Каэр-Арианрод – крепость Арианрод, которая, по легендам, ушла на дно моря и до сих пор видна среди волн в ясную погоду. Она находилась недалеко от Каэр-Датил, на побережье Арвона, где в раннем средневековье часть земель действительно была затоплена морем.

²⁴⁷ Наделение именем было важной функцией подлинных или приемных родителей (см. повесть о Пуйлле). Однако здесь подразумевается то, что Арианрод должна была вместе с именем передать сыну часть своих волшебных свойств.

²⁴⁸ В триаде 67, однако, золотильщиком обуви именуется не Гвидион, а его сын и помощник Ллеу.

²⁴⁹ Крапивник (*dryw*), живущий в скалах и под корнями деревьев, считался связанным с подземным миром. Р. Грейвс описывает существовавший в Англии и других странах обычай ритуальной охоты на крапивника юноши, изображающего малиновку – птицу солнечного божества, с которым в повести ассоциируются Ллеу и его отец Гвидион. По некоторым данным, друиды считали крапивника «царем птиц», что отразилось и в английских сказках.

²⁵⁰ *Lleu Llaw Giffes* – популярный герой и родоначальник валлийцев. В триаде 20 он значится среди Трех огненных разорителей Острова Британии. Его имя, обычно переводимое как «лев» (*llew*), восходит, видимо, к слову *lleu* – «свет» или «сияние». Это имя и эпитет «Твердой (или умелой) руки» сближают его с ирландским богом Лугом Умелым (*Samil-danach*), который также считался родоначальником ряда королевских династий, непобедимым героем и «мастером всех ремесел». Образ Ллеу в повести является собирательным – так, в истории его убийства он выступает в роли умирающего и воскресающего божества плодородия. Возможно, эта роль изначально принадлежала Ллеу-Лугу как богу зерна – его праздник отмечался в кельтских странах 1 августа, в период сбора урожая. В Ирландии этот праздник назывался Лугнасад (память о Луге) и связывался с поминовением умерших родственников.

²⁵¹ См. прим. 189.

²⁵² Местность под названием Динас-Диннлеу (город Ллеу) находится рядом с Абер-Менаи. По преданию там находилась могила Гвидиона, хотя предание об обстоятельствах его смерти не сохранилось.

²⁵³ Имеется в виду холм Брин-Ариэн в Арвоне.

²⁵⁴ Название этого холма означает «Кряж Клиддно». Фраза «нашли коней» объясняется в одной из легенд, где говорится, что Гвидион превратил в коней валуны с вершины холма.

²⁵⁵ Морганног или Гламорган – юго-восточная, наиболее культурная область Уэльса. Ремесленники и барды из Морганнога считались самыми искусными. Существовавшее там независимое королевство было завоевано англо-нормандцами еще в XI в., после чего местные культурные традиции оказались утрачены. Этим можно объяснить отсутствие в составе «Мабиногион» сюжетов, относящихся к Морганногу (за исключением истории о Тейрнионе и его жеребенке).

²⁵⁶ Снова намек на некое «языческое» крещение, относящий действие повести к далекому прошлому.

²⁵⁷ Сотворение искусным чародеем жены сыну или герою – распространенный фольклорный мотив (см. «Калевалу», где Илмаринен выковывает себе жену из золота). Имя *Blodeuwedd* означает «цветовидная»; ей и ее злой судьбе посвящены стихи нескольких валлийских бардов, в том числе великого Давида ап Гвиллима. В соответствии с кельтской цветочной символикой дуб (*derw*) должен были придать девушке крепость, таволга (*banadyl*) – красоту, а раakitник (*egwein*) – доброту, но также слабохарактерность и даже распутность. Последнее обстоятельство сыграло роковую роль в отношениях Блодейведд и ее мужа.

²⁵⁸ *Dunodig* – древнее название Западного Гвинедда по имени Динода (Доната), сына первого короля Гвинедда Кунедды.

²⁵⁹ *Mur-y-Castell* (крепостная стена) – деревня, основанная на месте старого римского укрепления в нескольких милях от озера Ллин-и-Морвинион (Девичьего), где, по преданию, нашли свой конец служанки Блодейведд.

²⁶⁰ Область (*cantrefi*) на западе Уэльса.

²⁶¹ Грону (*Gronw*) известен также под именем Горонви, а его прозвище *Rebig* означает «светлый» или «прекрасный». Его имя одни ученые производят от заимствованного слова *coron* («корона»), а другие – от слова *gwr* («муж»). Грону не является историческим лицом и представляет собой мифологического брата-двойника Ллеу, который занимает его место на какую-то часть года. Олень, которого убивает Грону, также символизирует Ллеу. Возможно, Ллеу и Грону соответствуют двум сыновьям Арианрод – Гванару и Гвенвинвину. Пенллин, где якобы правит Грону, – реальная область в Гвинедде, название которой означает «глава (или вершина) озера». Имеется в виду красивейшее в Уэльсе озеро Бала, находящееся в центре Пенллина.

²⁶² Буквально: «высмеет нас» (*goganu*). Имеется в виду «песня позора», которая в кельтском обществе могла серьезно повредить тем людям, против которых обращалась.

²⁶³ Весь этот пассаж представляет собой распространенный

в фольклоре сюжет убийства мужа коварной женой. В этой связи можно вспомнить библейскую историю Самсона и Далилы. Условия, которые ставит Ллеу, тоже типичны для фольклора – как сверхъестественное существо, он может быть убит только в пограничной ситуации. В этой связи можно вспомнить ирландскую историю о Грайне, добивавшейся любви Диармайда. Чтобы избежать его запрета встречаться с ним днем или ночью, верхом или пешком, в доме или на улице, она явилась к нему в рассветный час, на пороге дома, стоя на спине козла.

²⁶⁴ Холм Брин-Кивергир («Холм у пастбища») находится в области Ардудви недалеко от впадения реки Кинваэл в море.

²⁶⁵ Во многих преданиях душа героя, отправляясь на небеса, принимает облик орла; самый известный пример – миф о смерти Геракла. В целом сцена убийства Ллеу представляет собой ритуальный обряд умерщвления молодого бога, который впоследствии должен воскреснуть. Такая же смерть постигла ирландского Луга, жена которого изменила ему с Керматом, сыном Дагды. Луг убил Кермата, но бог Дагда воскресил сына с помощью волшебного жезла, как Гвидион – Ллеу. После этого сын Кермата Мак Куйлл убил Луга. В Ирландии сохранилась и история об убийстве манстерского короля-колдуна Курои, которого предала его жена Блатнат (вариант имени Блодейведд). Курои был также убит в бане любовником Блатнат, героем Кухулином – правда, для этого оказалось достаточно разрезать извлеченное из желудка лосося яблоко, в котором заключалась душа колдуна (см. русскую сказку о Кошче Бессмертном).

²⁶⁶ Обряд объезда королем какой-либо области означал принятие власти над ней (см. прим. 36).

²⁶⁷ Maenawr – калька с английского «манор» – поселение крепостных крестьян.

²⁶⁸ Буквально: *mab eillt*, «раб» – северный эквивалент валлийского *taeog*.

²⁶⁹ «Ручей Ллеу».

²⁷⁰ В оригинале:

«*Dar a dyf y gwng deu lenn*

Gorduwrych awyr a glen

Ony dywedaf i eu

Oulodeu Llew panyw hynn».

Это примерно можно перевести так: «Вот дуб, что растет между двух озер, затмевая небо и землю. Если я говорю правду, причиной всему цветы Ллеу». Под «цветами Ллеу» (в тексте испорченное *oulodeu*), возможно, имеется в виду сотворенная из цветов Блодейведд. Ш. Гест предлагает перевод «раны»,

Дж. Ганц – «перья». В тексте Гвидион везде называет Ллеу не сыном, а племянником, однако проявляет к нему явно отцовские чувства. Напомним, что валлийская фольклорная традиция считала Ллеу сыном Гвидиона.

²⁷¹ В оригинале:

«Dar a dyf yn arduaes
Nys gwlich glaw nys mw y tawd
Naw ugein angerd a bowthes
Yn a blaen Llew Llaw Gyffes».

В дословном переводе: «Вот дуб, что растет в вышине. Не мочит его дождь, не жжет жара. Хлещут его девятью двадцать ветров. В ветвях его Ллеу Ллау Гифес». Дж. Ганц вместо «девятью двадцать ветров» предлагает перевод «поддерживают его двадцать ремесел», которыми владеет Ллеу.

²⁷² В оригинале:

«Dar a dyf anwaraet
Mirein medur ym ywet
Ony dywedaf i ef
Dydaw Llew ym harsset».

В дословном переводе: «Вот дуб, что растет у подножия холма, он прекрасен и могуч. Если я говорю правду, Ллеу спустится мне на колени». Т. и Г. Джонс предлагают вариант перевода: «убежище прекрасного и могучего (принца)».

²⁷³ Ныне в валлийском языке такого названия совы не сохранилось. Р. Грейвс считает, что Блодейведд связана с совой как одна из ипостасей «Лунной богини» (другие примеры – Афина, Геката и др.) Есть и более прозаическое объяснение – возможно, валлийцы называли сову «цветовидной» за ее большие глаза, окруженные узором из перьев. Современное валлийское название совы – *tylluan* – в фольклоре объясняется как «обманувшая Киана» (*twyll chuan*). Киан, или Куан, – одно из имен Ллеу, несомненно, связанное с ирландским Кианом, отцом бога Луга-Ллеу.

²⁷⁴ Термин *sarhad* («обида») в данном случае преуменьшает вину Грону, поскольку наказанием за попытку убийства могла быть только смерть.

²⁷⁵ Это отмечено в одной из триад, где двумя другими неверными дружинами именуется воины Гурги Гвастра и Передура, покинувшие их в битве при Каэр-Греу, из-за чего оба они были убиты, и воины Алана Фиргана, бросившие своего предводителя в битве при Камлане.

²⁷⁶ *Llech Gronw* – «камень Грону». Это имя до сих пор сохранило место у подножия холма, хотя никакого камня там нет.

²⁷⁷ Фраза внесена редактором и, возможно, доказывает наличие более древних версий повести. Впрочем, ссылки на «историю» часто встречаются в средневековых записях древней мифологической традиции.

²⁷⁸ Гвинедд – здесь не более чем условное название. В исторической традиции Гвинедда Ллеу Ллау Гифес не фигурирует, хотя там, как и в остальном Уэльсе, имеются топонимы, происходящие от его имени.

ВИДЕНИЕ МАКСЕНА ВЛЕДИГА (Breudwyd Maxen Wledig)

Полный текст этой повести сохранился в КК и в манускрипте Реп. 4. Имеются отрывки в БК (страницы 90 – 94) и в манускрипте Реп. 16. Повесть, относящаяся к популярному в кельтской литературе жанру «видений», или «сновидений», представляет собой классическую волшебную сказку, связанную, однако, с реальным историческим лицом и содержащую в преломленном фантазией виде некоторые исторические реалии. Здесь, с окончанием Четырех Ветвей Мабиноги, действие покидает Уэльс и перемещается в древнюю кельтскую Британию, которая в легендах этого круга (мы сочли возможным сгруппировать их в разделе «Старина Острова Британии») ассоциируется с «золотым веком», когда островом управлял могучий император – Максен Вледиг (в других легендах Артур). Здесь в сказочно-мифологическую канву вторгается идеология – напоминание о славном прошлом и тоска по утраченной независимости. Главная тема повести – единение величия и славы Рима с красотой и храбростью Британии. Вопреки мрачному колориту судьбы Максима-Максена у историков (Ненния и Гальфрида), здесь повествование оканчивается счастливо и вообще проникнуто светлыми тонами, особенно в описании дворца Эудафа и его дочери Элен – некоего земного рая, где остановилось время.

²⁷⁹ Под именем Максена Вледига в валлийской традиции выступает узурпатор Максим Магн (Великий), выдвинувшийся из низов военачальник, провозглашенный британскими легионами императором в 383 г. Он сумел с помощью бриттских воинских частей захватить Британию и Галлию, но в 388 г. был разбит под Аквилеей войсками своих соперников (Феодосия и Валентиниана Младшего), взят в плен и казнен. Выведенные им из Британии войска так и не вернулись на родину и обосно-

вались в королевстве бриттов в Арморике (Бретани). Это значительно ослабило остров перед лицом постоянных нападений ирландцев и пиктов, а затем и англосаксов. В то же время Максим оказал значительное влияние на становление бриттской государственности – его истинные или мнимые потомки основали несколько королевств в Уэльсе и Западной Англии. О Максиме упоминают Гильдас (осуждавший его за опустошение Британии) и Ненний, отразивший легендарную версию, по которой Максим захватил Рим и правил впоследствии «всей Европой». У Гальфрида Монмутского эта же версия подвергается обработке с целью еще большего возвеличивания Максима, которого автор делает мудрым и благородным правителем, к тому же бриттом по происхождению. В валлийской версии сочинения Гальфрида под названием «*Brut y brenhinedd*» (Хроника королей) Максен выступает как кузен (а не муж) Элен Лиддауг, захвативший власть в Британии и уведший цвет бриттов в поход на Рим, в котором он погиб. Таким образом, эта версия наиболее близка к действительности и, возможно, заимствована из более раннего источника. Вся история видения и последующей женитьбы Максена встречается только в данной повести.

²⁸⁰ Буквально: «его людьми» (*yn wyr idaw*).

²⁸¹ Dinas – город, окруженный стеной; ср. галльское *dun*.

²⁸² В тексте *ascwrn moruil* – «моржовая кость». Имеется в виду клык моржа или рог нарвала – редкий и ценный материал, из которого в Северной Европе делали украшения и амулеты. В переводе Ш. Гест «китовая кость», хотя последняя не использовалась в качестве материала для поделок.

²⁸³ В переводе Ш. Гест: «почудилось, что он прошел».

²⁸⁴ Игра *gwyddbwyll*, упоминаемая здесь, аналогична ирландской *fidhell*, название которой означает «древесная мудрость». Она не вполне соответствовала классическим шахматам и скорее напоминала нарды или древнерусские «тавлеи».

²⁸⁵ Здесь и далее червонное, или «красное», золото (*gudeur*) – особо чистое золото, отливающее красным цветом.

²⁸⁶ Гривна (валлийское *gordtorch*, родственное древнему галльскому *torques* «торквес», или «гривна») – типичное кельтское украшение, витое ожерелье из золота и серебра, которое носили как женщины, так и мужчины.

²⁸⁷ *Crisseu* – в совр. валлийском «рубашки». Т.-П. Эллис и Дж. Ллойд переводят это слово как «туника» – легкая одежда, составляющая открытым одно плечо.

²⁸⁸ Эта фраза приводится только в отрывке из БК.

²⁸⁹ Анахронизм: титул «король римский» (в тексте *brenhin go-*

maní) в XII в. принадлежал сыну императора Священной Римской империи. Словом «паж» здесь, как и в других местах, переводится валлийский термин *gwas ystafell* – дворцовый служитель.

²⁹⁰ В Уэльсе знали не четыре стороны света, а три, поскольку на западе располагался бескрайний океан. Возможен также перевод «три части света» – Европа, Азия и Африка.

²⁹¹ Буквально *llawes* – «лента». III. Гест перевела слова «плащ» и «лента» как «шлем» и «рукав», что создает довольно курьезную картину.

²⁹² Эрири (Сноудония) – высокогорная область на севере Уэльса, вокруг горы Сноудон.

²⁹³ Арвон, расположенный напротив острова Мона (Англси), часто упоминается как королевская резиденция, что объясняется его близостью к Аберфрау – резиденции королей Гвинедда.

²⁹⁴ Каэр-Сейнт – древнее римское укрепление Сегонтий в устье реки Сейнт в Арвоне, разрушенное в IV в. ирландскими пиратами.

²⁹⁵ Здесь отражена борьба римлян во время завоевания ими острова с Касваллауном, который считался сыном Бели (см. прим. 162).

²⁹⁶ Эудаф (Октавий) здесь представлен сыном того самого Карадауга, сына Брана, сердце которого разбилось от горя. По сведениям «*Brut y brenhinedd*», отец Элен и Кинана (там это Коэл, известный в английском фольклоре как «старый Коль», основатель города Колчестер) и отец жены Максена, имя которого не называется, – разные лица. Кинан (или Конан) Мериадок – предводитель бриттских частей, отправившихся в Галлию с Максимом; впоследствии (около 384 г.) ставший первым королем Арморики (Бретани). Его сестра Элен Лиддауг (Елена Воинства) названа женой не Максена, а римского императора Константа, смешиваясь, таким образом, со знаменитой Еленой, матерью Константина I Великого. В валлийских генеалогиях Эудаф Хен (Старый) назван королем Гвента в Южном Уэльсе, правившим около 350 г.; не исключено, что его дочь действительно стала женой узурпатора Максима-Максена.

²⁹⁷ Имеется в виду «свадебный дар» (*agweddy*) – плата семье невесты и ее роду.

²⁹⁸ *Mogudd* (Великий Господин) – обычное название Ламанша, но здесь, по всей видимости, так именуется Северное море.

²⁹⁹ Каэрлеон, прославленная столица Артура, отождествля-

ется обычно с нынешним Карлионом-на-Уске в Монмутшире (юго-восточный Уэльс). Каэр-Вирддин – нынешний Кармартен. В этих городах в годы римского господства действительно размещались укрепления, как и в Каэр-Сейнте (Сегонтии).

³⁰⁰ *Vrny Vawg* означает «высокие холмы», а *Cadeir Fawen* – «сидение Максена». Ныне на этом месте, неподалеку от Кардигана, находится селение Лландеви-Бреви.

³⁰¹ Ложная этимология от *fyredd* – «множество». На самом деле название Каэр-Вирддин происходит от галло-латинского *modidunum* – «крепость у моря». Менее вероятно происхождение названия от имени древнего бога Мирддина, ставшего в поздней традиции чародеем Мерлином.

³⁰² Здесь впервые упоминается имя героини повести Элен Лиддауг – «Елены Воинства». В ее образе соединились черты местной богини-прародительницы и Елены, матери римского императора Константина Великого, которого тоже считали уроженцем Британии (см. прим. 296).

³⁰³ Римские дороги в Уэльсе до сих пор зовутся местными жителями *sarnau Elen Luyddewg* – «дорогами Элен».

³⁰⁴ В античных источниках сохранились упоминания о том, что в ночь перед битвой кельтские воины обычно устраивали пиршества.

³⁰⁵ Пересказываются описанные у Ненния взятие Максеном Рима и убийство императора Грациана.

³⁰⁶ Фантастическая история заселения бриттами Бретани-Арморики (где и раньше существовали кельтские поселения) дополняется не менее фантастической этимологией валлийского названия Бретани *Llydaw* от слов *lled* («половина») и *taw* («немой»). На самом деле это название происходит от галльского топонима *Letavia* или от валлийского *llydan* – «обширный». В раннем средневековье Бретань называлась не только Арморикой (приморская), но и Летавией (Летевикион), а также Малой Британией. По преданию Кинан или Конан Мериадок стал королем Бретани около 384 г. Его брат Адаон (Аваон) примерно в то же время основал королевство Корнуолл (Керниу).

ЛЛУДД И ЛЛЕВЕЛИС (*Lludd a Llevelys*)

Эта повесть, называемая в КК «*Cyfranc Lludd a Llevelis*» (*cyfranc* – жанр валлийской словесности, переводимый как «история» или «приключения»), представляет собой классическую

волшебную сказку, хотя и вписанную в псевдоисторический контекст мабиноги. Она короче и проще других повестей сборника, не отягощена побочными сюжетными линиями и целиком посвящена тому, как король Ллудд с помощью брата избавляет Остров Британии от трех напастей, известных и из других источников (где их число остается неизменным, но суть варьируется). Текст повести целиком сохранился только в составе КК; в БК – фрагмент на страницах 191 – 192. По особенностям языка повесть относится к сравнительно позднему периоду, но еще свободна от франко-нормандских влияний и воздействия «артурианы», которая приходит в сборник со следующей повестью.

³⁰⁷ См. прим. 95. В отличие от реального Касваллауна (Касивеллауна), Бели и Ллудд, вероятно, являются чисто мифологическими персонажами. Ллудд (Lludd), известный также под именем Нудд (Nit), происходит от кельтского бога-прародителя Ноденса (ирландский Нуаду) по прозвищу Серебряная Рука (ирл. Airgetlam); Ллудд в «Килухе» также именуется «Ллудд Серебряной Руки (Llud Llaw Ereint)». Обычно он ассоциируется с Ллиром как небесный бог-первопредок, оттесненный от верховной власти своим более сильным и хитроумным братом. В Ирландии это Луг, в Уэльсе же – Ллевелис; соперничество между братьями здесь не упоминается, хотя намеки на него в тексте есть. Нинниау был королем Гвента в VII в.; он упоминается в повести о Килухе как король, превращенный за свои грехи в быка. Вероятно, здесь он включен в число сыновей Бели как представитель династии белгов, которые считались потомками бога Бели. В целом повесть представляет собой классическую сказку, не имеющую под собой исторической основы. Некоторые историки считают Ллудда прообразом героя артуровских романов, короля Лота Лотианского, однако более вероятно, что последний являлся реальным королем Лотиана в Южной Шотландии.

³⁰⁸ Эта фраза демонстрирует, что Ллевелис введен в текст искусственно для исполнения функции мудрого брата-советчика. Возможно, изначально это был Ллеу Ллау Гифес (см. «Мат»), у которого также много общего с богом Лугом.

³⁰⁹ Строительная деятельность Ллудда упоминается также у Гальфрида Монмутского. От его имени производится название Лондона, где одни из городских ворот до сих пор носят название Ludesgate (ворота Ллудда).

³¹⁰ Имеются в виду франко-нормандцы.

³¹¹ Coraniaid (в БК Coranneit) упоминаются как одна из «напастей» (gogmes) Острова Британии в триаде 36, где сказано, что они пришли «из Аравии». Двумя другими напастями там именуется Gwyddyl Ffichti, то есть ирландские пираты, нападавшие на остров в V-VI вв., и саксы Хенгиста и Хорзы, что дало повод некоторым ученым отождествлять племя Коранияид с римлянами, но для такого предположения вряд ли имеются основания. Возможно, это искаженное название племени коританов, или корибантов, в свою очередь ассоциирующегося с пиктами (ирландское *cuitni*, «раскрашенные», соответствует латинскому *picti*). Но скорее всего это мифический народ, как считал И. Уильямс, сближавший их название с бретонским *ko-giganed* (эльфы). Вероятно, слово Coraniaid происходит от *coig* (карлик).

³¹² В «Мате» таким же чудесным знанием наделяется Мат, сын Матонви.

³¹³ *Diaspat* – «крик», имеется в виду бедствие, происходящее от упомянутого крика.

³¹⁴ Ночь накануне майских календ (*kalanmei*) считалась временем совершения всевозможных чудес.

³¹⁵ Это отражает обычай ежегодных поставок продовольствия к королевскому двору жителями данной области.

³¹⁶ Имеется в виду племя Коранияид.

³¹⁷ Разговор Ллудда с Ллевелисом описывается в одной из поэм «Книги Талиесина», но в таких темных выражениях, что трудно понять, о чем в нем идет речь.

³¹⁸ Имеется в виду освященное красное вино, которое в средние века считалось лучшим средством для изгнания дьявола.

³¹⁹ *Pryet* – в современном языке «насекомые», но в древности могло означать и каких-либо других мелких животных. В переводе П. Форда *vegmin* (паразиты).

³²⁰ Образ дракона (*dreig*) в валлийском фольклоре не носит однозначно отрицательного характера. Сюжет о битве красного валлийского и белого чужеземного дракона отразился в поэмах из «Книги Талиесина» и в легендах о короле Артуре. По одной из версий красный дракон был символом бога Деви, который позже был отождествлен со святым Давидом – главным валлийским святым.

³²¹ Каменный сундук (*cistfaen* от латинского *cista* – «сундук» или «ящик») был одним из видов древних погребений.

³²² Это измерение острова и нахождение в Оксфорде его середины упоминается в древних валлийских законах.

³²³ Динас-Эмрис («город Амброзия») находится вовсе не в

Оксфорде. Это небольшой холм в Сноудонии – самой возвышенной местности Уэльса. История с закопанными там драконами описана у Ненния и Гальфрида Монмутского, где сказано, что король Вортигерн (Гуртейрн Немощный) случайно выкопал драконов, которые тут же начали сражаться друг с другом. Оказавшийся поблизости Мерлин Амброзий (Мирддин Эмрис), будущий сподвижник Артура, истолковал борьбу драконов как борьбу бриттов (красный дракон) с саксами (белый дракон) и изрек пророчество о судьбе Британии. Красный дракон с давних пор известен как геральдическая эмблема Уэльса, а в XV в. Генрих VII Тюдор официально утвердил его в качестве герба. Упоминание о выкапывании Вортигерном драконов сохранилось и в триаде 37. В повести не объясняется происхождение названия Динас-Эмрис.

³²⁴ Фараон Дандде – неизвестный персонаж (см. прим. 165).

³²⁵ Буквально: «в третью стражу» – от двух до четырех часов ночи.

³²⁶ Здесь опять имеется в виду магический «котел изобилия» кельтской традиции, который часто встречается в мабиноги. Эта корзина подобна мешку, в который Пуйлл в Первой ветви посадил Гваула, сына Клида. Рассказ о великане, похищающем припасы, пересекается с поверьями о «пуке» (демоне), который портит все плоды на деревьях, не собранные до Хэллоуина. В Ирландии в той же роли выступает великан Партанан, образ которого восходит к Партолону – одному из мифических «завоевателей» острова.

КИЛУХ И ОЛВЕН (Kulhwch ac Olwen)

История о Килухе и Олвен, сохранившаяся в КК полностью, а в БК в виде отрывка на страницах 452 – 488, отличается от прочих повестей сборника как своим объемом, так и очевидной древностью. Большинство ученых считают, что повесть в своем нынешнем виде сложилась уже в XI в. – раньше всех остальных частей «Мабиногион». В ней почти нет следов литературной обработки или каких-либо иностранных влияний, и треть ее занимают громоздкие перечисления, куда, как в резервацию, оказались собранными чуть ли не все известные персонажи и предметы валлийской мифологии и легендарной истории. Формально в повести присутствует сюжет – популярное в фольклоре многих народов «добывание невесты», – но он со-

вершенно размыт побочными линиями и вставными эпизодами. Язык представляется довольно архаичным, сохраняющим некоторые элементы ритмической прозы с усложненной конструкцией фраз, какая часто встречается в ирландских памятниках, но нетипична для Уэльса с его более поздней письменной традицией. Герои повести, в отличие от многих персонажей Ветвей Мабиноги, почти лишены индивидуальных черт. Заглавные персонажи вообще редко участвуют в действии, а роль главного героя постепенно переходит к Артуру, который впервые появляется в тексте «Мабиногион». В целом повесть представляет собой сочетание статичных перечислений с динамикой калейдоскопически сменяющихся сцен, причем вторые группируются вокруг первых, но не всегда им соответствуют. Так, из 38 задач, поставленных отцом Олвен Исбаддаденом, Повелителем Великанов, перед Килухом, в тексте отмечается выполнение лишь шестнадцати.

Географические или исторические реалии в повести почти полностью отсутствуют, как и в последующих легендах артуровского цикла. У мифического пространства здесь существует центр – двор Артура, идеального правителя Британии, – и сплошная периферия – дикие и опасные земли «у самых пределов Аннуина». Концентрация накладывающихся друг на друга мифологических сюжетов в тексте не позволяет идентифицировать большинство из них; соприкасаются с известной традицией (и прямо перерастают в нее) лишь фигуры короля Артура и его рыцарей. Артур здесь еще не «император» и не повелитель чуть ли не всей Европы, но в нем нет уже и реальных черт бриттского военного вождя. Это мудрый, благородный и хитроумный правитель, собравший вокруг себя самых могучих и прославленных воинов (слово «рыцарь» еще не употребляется). Многие из них наделены и волшебным искусством, хотя впоследствии средневековая традиция, враждебная колдовству, изгнала эти черты из образов «положительных героев» артуровских легенд. Здесь рыцари Артура лишены всякой куртуазности: вероломное убийство для них подвиг, не редкость и нарушение данного слова. Их поведение подчинено циклической концепции мифа, центром которой является охота на чудовищного кабана Турха Труйта, первоначально связанная, несомненно, с актом сотворения земли из его тела и наименования по его частям различных местностей (ср. ирландский цикл «Похищение быка из Куальнге»). Такие отголоски мифа встречаются в повести на каждом шагу и отчасти объясняются именно ее композиционной нестройностью, возникшей из-за отсутствия редакту-

ры. История Килуха и Олвен более всего и ценна именно тем, что стоит на той грани, где кончается миф и начинается литература.

³²⁷ Килидд и Келиддон Вледиг кажутся мифологическими персонажами; это доказывает и наличие в их именах корней *celi* («небеса») и *Don* (имя богини). С другой стороны, возможно, имя *Celyddon* происходит от древнего названия Каледонии (Шотландии). *Cilydd* может означать «друг» или «другой».

³²⁸ Перевод этой фразы условен. В переводе Ш. Гест: «найди себе подругу жизни». У Т. и Г. Джонсов и П. Форда: «жениться на женщине, равной ему по знатности».

³²⁹ Анлаудд Вледиг (*Anlawd Wledic*) упоминается в валлийских генеалогиях как отец Тивинведд, матери святого Тивридога, жившего в VI в., и Эйгр (Игрейны), матери Артура, которую иногда называют также дочерью Гвена или Кунедды, короля Гвинедда. Это объясняет родство Килуха с Артуром, хотя дочь Анлаудда Голейдидд («Ясный день») встречается только в данном тексте.

³³⁰ Очевидно, у кельтов, как и в других варварских обществах, сумасшедших считали одержимыми духами и изгоняли из населенных мест. Мотив одержимости женщины при вынашивании сына-героя нередко встречается в фольклоре разных народов.

³³¹ Этимология имени Килух (*Kulhwch*) отражает его архетипическую связь с тотемом-кабаном (*hwch* – не «домашняя свинья», а «кабан»). Вероятно, изначально легенда повествовала о рождении героя богиней-матерью в образе свиньи и его последующей битве с отцом – Великим кабаном Турх Труйтом. Бог-кабан играл большую роль в мифологии кельтов, о чем говорят многочисленные изображения и статуэтки диких кабанов. Известно, что галлы наделили римского бога Меркурия именем Моккус («кабан»). Некоторые кельтские богини также изображались в образе свиньи. Возможно, отголосок того же сюжета отразился в рассказе о рождении Гвидионом сына-поросенка в мабиноги о Мате.

³³² Первое упоминание Артура (*Arthur*) в «Мабиногион», еще без всяких титулов. Имя его обычно производится от валлийского *arth* («медведь») или от римского родового имени *Artorius*. Сейчас большинство ученых считают Артура реальным историческим лицом, военным предводителем бриттов в их войнах с англосаксами. В этом они опираются на немногие относительно аутентичные источники – сочинения Гильдаса и

Ненния, валлийские и англосаксонские хроники, а также результаты археологических раскопок. Впервые образ Артура как могучего короля, повелителя всей Англии (Ллогра) возник в «Истории» Ненния; позже он был детализирован в псевдоисторическом сочинении Гальфрида Монмутского и пышно расцвел в многочисленных артуровских романах в стихах и прозе. Древнейшее из известных упоминаний Артура содержится в поэме бриттского барда Анейрина «Гододдин», написанной около 600 г. Чаще всего правление Артура в легендарном «королевстве логров» относится к первой половине VI в. При этом историки опираются на две даты – в период между 496 и 516 гг. Артур разбил саксов при Бадоне, а между 519 и 542 гг. он погиб при Камлане в битве со своим племянником Медраудом (Мордредом). Фольклорные традиции и географические названия, связанные с именем Артура, разбросаны почти по всей Великобритании, однако основной их ареал сосредоточен на юго-западе Англии, где, вероятно, и действовал исторический Артур. Его наиболее известные «столицы» находились в Каэрлеоне (нынешний Карлион) и Камелоте (возможно, Кэдбери). Легендарная генеалогия Артура делала его сыном Утера Пендрагона и королевы Игрейны, племянником Аврелия Амброзия и мужем Гиневры (Гвенвивар). Все эти имена встречаются в древней валлийской традиции, однако изображенный ею Артур весьма далек от идеального героя рыцарских романов.

³³³ Шиповник в валлийском фольклоре был связан с понятиями воздержания и девственности, как и упоминаемый далее боярышник.

³³⁴ Athro – «наставник», т. е. семейный священник.

³³⁵ Король Догед упоминается в списке валлийских святых, где он именуется правнуком Кунедды, короля Гвинедда, и братом епископа Авана Буаллта.

³³⁶ В тексте БК фраза отсутствует.

³³⁷ Брачным возрастом юноши в Уэльсе считалось четырнадцать лет.

³³⁸ Олвен и ее отец Исбаддаден, Повелитель Великанов (Penkawr), не упоминаются нигде, кроме данной повести, но позднее красота Олвен нередко вдохновляла бардов (в частности, Давида ап Гвиллима) на восторженные сравнения. Ysbaddaden – древнее название боярышника, происхождение которого связано с понятием вынужденной девственности (в современном валлийском языке сохранилось слово ysbaddu, «кастрат»). Сцена последующего убийства Исбаддадена представляет собой обряд ритуального срезания боярышника перед свадьбой.

³³⁹ В древнем Уэльсе родители посылали остриженные волосы своего сына тому человеку, которому они хотели отдать его под покровительство. Однако здесь этот обычай смешивается с феодальным оммажем (клятвой верности), при котором у васала иногда также выстригалась прядь волос.

³⁴⁰ Перевод этого отрывка довольно труден. У Ш. Гест все перечисленные эпитеты относятся к мечу, у Т.П. Эллис и Дж. Ллойда – к благородному копыю, у Дж. Ганца и П. Форда – к боевому топору.

³⁴¹ *Llugorn eliffeint* – инкрустация из слоновой кости на рукоятке меча.

³⁴² Как и в Ирландии, в скотоводческом обществе валлийцев коровы были основной единицей платежа еще долгое время после появления денег. По законам Хоуэла Доброго все выплаты исчислялись в коровах, и в них же переводились другие единицы обмена, например, «семь коней стоимостью четырнадцать коров» и т. д.

³⁴³ В большинстве английских переводов: «ни один волос не дрогнул на его голове». Такой перевод ближе к тексту, однако мы принимаем вариант Т.П. Эллис и Дж. Ллойда из-за его большей поэтической выразительности.

³⁴⁴ Весь нижеследующий диалог является типовым для валлийской литературы. Он близко к тексту повторяется в поэме «*Ra gu*» («Что за муж у ворот?») из «Черной книги Кармартена». Там в роли привратника тоже выступает Глеулуйд, однако он отказывается впустить самого Артура, а также Кея, Бедуира, Мабона и Манавидана.

³⁴⁵ В БК и далее в КК – Ллазскимин.

³⁴⁶ Перечень привратников повторяется в повести о Герайнте. Там их семеро, что соответствует числу дней недели, с древними названиями которых, возможно, соотносились изначально их имена.

³⁴⁷ *Cyllell um bwyt ac llynn um bual* – устойчивая формула, обозначающая начало пира не только в валлийском, но и в ирландском фольклоре.

³⁴⁸ Буквально: «трижды воскричу позор» (*teir diaspat ardrws*). Песня позора, или «злая песня», в кельтском фольклоре считалась могучим оружием бардов и друидов против неугодных им людей.

³⁴⁹ *Pengwaedd* («край земли») – оконечность полуострова Корнуолл; о Динсоле ничего не известно. Обычно другим краем Британии считался Пенрин-Блатаон в Шотландии.

³⁵⁰ Эсгайр-Эрвел (*Esgeir Oeruel*) – мыс Малин-Хед в Северной Ирландии.

³⁵¹ Глеулуйд Гаваэлваур (Glewlwyd Gauaelfawr) – знаменитый привратник дворца Артура, имя которого означает «Седой храбрец с могучей хваткой». Возможно, первоначально Глеулуйд считался стражем подземного царства, каким он предстает в поэме «Ра gwŷ» из «Черной книги Кармартена». В артуровском эпосе он известен под именем сэра Лукана.

³⁵² В большинстве английских переводов «битва при Дей-Инир», где Инир – название места. Скорее всего, имеются в виду два короля Гвента по имени Инир (Гонорий), правившие одновременно или по очереди в конце V в. Возможно, исторический Артур воевал с ними, пытаясь поставить под свой контроль Южный Уэльс.

³⁵³ О большинстве из упоминаемых мест и имен ничего не известно; видимо, они призваны создать общую картину великих войн и завоеваний Артура. Ллихлин – Скандинавия. Слова «Бритах» и «Бритух» происходят от корня brith – «раскрашивать», слово «Нертах» – от корня nerth – «сила».

³⁵⁴ Cleis mab Merin – «Синева, сын Морского». Mil Du mab Duscum – «Черный Мил, сын Черного Любимого». Имя «Мил» происходит от имени первопредка ирландцев Мила (Миля) или от латинского miles – «воин».

³⁵⁵ Caer Oeth ac Anoeth – «Крепость Волшебства». Второе слово снабжено усилительной приставкой an и примерно переводится как «еще большее волшебство». Это место в триаде 52 именуется местом трехдневного заточения Артура, из которого его освободил Гореу, сын Кустеннина. В одном из стихотворений «Черной книги Кармартена» говорится о «войске из Оэт и Аноэт», которое похоронено под курганом Гванас в Уэльсе.

³⁵⁶ Каэр-Невенхир (Крепость Высоких небес) – место, где произошла мифическая Битва деревьев (Cad Goddeu), в которой Артур участия не принимал. Вместо «девяти могучих властителей» П. Форд дает перевод «Каэр-Невенхир девяти обличий», отождествляя Каэр-Невенхир с магической крепостью Каэр-Сидди из поэмы «Богатства Аннуина».

³⁵⁷ Здесь впервые появляется этот прославленный рыцарь Артура, в чертах которого соединяются храбрость и заносчивость, хитрость и коварство (здесь ему приданы еще и черты могучего чародея). Первая же его реплика касается «обычаев двора» (cyfreithiau у llys), что отражает его роль «сенешаля» двора Артура в последующей традиции. По легенде Артур воспитывался в замке отца Кей Эктора у озера Бала в Уэльсе, и позже Кей вместе с Бедуиром стали первыми рыцарями Круглого Стола. Исторический прототип Кей неизвестен; его имя произ-

водится от латинского имени Gaius (Кай) или от ирландского слова caí (путь). В ирландском «Глоссарии Кормака» упоминается судья сынов Миля (предков ирландцев) Кай Кайнбретах, прозвище которого переводится как «Честного суждения» (в «Килухе» Кея тоже называют «честным»). По одной из версий ирландского Каи считали спутником бога Нуаду, некоторые черты которого были позже перенесены на легендарного Артура.

³⁵⁸ Буквально edling (от англосаксонского atheling) – королевич, наследник; в БК – просто «король».

³⁵⁹ В БК wуneb – буквально «лицо»; здесь – «позор».

³⁶⁰ Все перечисленное хорошо известно в кельтской мифологии. Мантия Артура Лленн («плащ») в других текстах именуется чудесным покрывалом, делающим своего владельца невидимым (см. «Видение Ронабви»). Меч Артура Каледволх – это знаменитый Калибурн, или Экскалибур артуровского эпоса, добытый волшебным путем и так же чудесно исчезнувший после битвы при Камлане, в которой Артур был смертельно ранен. Название его происходит, вероятно, от Каладболга – меча ирландского героя Фергуса мак Ройга, имя которого, в свою очередь, связано с мечом-молнией языческого бога-громовника. Rongomyant означает «режущее острие», Wуnebgwrthucher – «клик вечера», Samwenhan – «сверкающая рукоять». Гвенвивар (Gwenhwyfar, позже Гвиневера или Гиневра; имя означает «белый призрак» или «сияющая белизной») – имя жены Артура или одной из его жен (по некоторым данным все три жены Артура носили имя Гвенвивар). Отношение к ней традиции двойственно: являясь образцом красоты и мудрости, Гвенвивар в то же время коварно изменяет супругу с его собственным незаконным сыном Медраудом (Мордредом), что становится причиной гибели Артура. Согласно Мэлори, после смерти супруга королева удалилась в обитель Эмсбери и стала монахиней. Возможно, первоначально Гвенвивар была богиней или феей, как и ирландская Финдабайр из «Похищения быка из Куальнге», имя которой имеет то же значение. По предположению К. Гюйонварха и Ф. Леру, Гвенвивар воплощала собой власть над страной и автоматически становилась женой очередного короля, подобно другой героине ирландской мифологии – королеве Медб (Мев). Отцом Гвенвивар обычно называется Гогвран Великан, хотя в триаде 56 это некий Киврид из Гвента. Гогвран или Огивран (Злой Вран) имеет сходство с великаном Бендигейд Враном из повести о Бранвен; возможно, изначально Гвенвивар считалась дочерью бога Брана.

³⁶¹ См. прим. 329.

³⁶² В последующем списке из 233 имен перечислены чуть ли не все персонажи валлийской мифологии, истории и генеалогических преданий. Возможно, помещение этого громоздкого и неудобочитаемого списка в текст повести говорит о том, что «Мабиногион» действительно был чем-то вроде учебника или шпаргалки для молодых бардов. Далеко не все из перечисленных имен поддаются интерпретации, хотя по поводу каждого из них учеными высказывались разнообразные предположения.

³⁶³ Бедуир (Bedwyr) – еще один знаменитый рыцарь Круглого Стола. В валлийской традиции он носит прозвище Bedrudant (Дивносильный) и считается сыном Педрога – возможно, Педара ап Гливиса, короля Гливисинга (Гламоргана) во времена исторического Артура. В фольклоре упоминались сын Бедуира Арвен и его дочь Эневог; его могила по преданию находилась у замка Динрейвен в Гламоргане. В позднейшем артуровском эпосе, в частности в романе Томаса Мэлори «Смерть Артура», этот герой получил известность под именем сэра Бедивера, виночерпия двора Артура.

³⁶⁴ Greidawl Galldouyd – «зной, одолевающий врагов». Имя его сына Gwythyr происходит от имени Виктор, то есть «победитель». Видимо, оба этих героя олицетворяют лето, что подтверждается упомянутой далее ежегодной битвой Гуитира с Гвином, сыном Нудда – воплощением зимы и подземного мира.

³⁶⁵ Greit uab Eri – возможно, то же лицо, что и Грейдаул. Его имя тоже означает «зной» или «пыль».

³⁶⁶ Syndelic Syuarwydd – «Вдохновенный Сказитель». Слово syuarwydd имело также общее значение «умелец», и, как выясняется позже, Кинделиг был не сказителем, а следопытом.

³⁶⁷ Thathal Twyll Goleu – «Татал Честный Вероломный», нередко встречающийся в данном перечне пример сочетания противоположных эпитетов. Его имя, возможно, происходит от легендарного ирландского короля Туатала Техтмара, правившего во II в.

³⁶⁸ Maelwys uab Baedan – «Благородный Подсвинок, сын Кабана».

³⁶⁹ Далее перечисляются известные герои ирландских легенд уладского цикла – Конхобар мак Несс, Курой мак Дайре, Фергус мак Ройг, Лойгире Буадах и Коналл Кернах. Их коллективное появление подтверждает версию о том, что весь данный список имен был составлен как «шпаргалка» для бардов, запоминающих большое количество легенд.

³⁷⁰ Гвин, сын Нудда (Gwynn uab Nudd) – один из самых загадочных персонажей валлийской мифологии. Это повелитель потустороннего мира, господин фей и эльфов, великий мудрец и астролог. Одновременно он известен как злой дух, которого Господь, как сказано далее в повести, «поставил стеречь демонов Аннуина», злодей, заставивший Киледира, сына Нейтона, съесть сердце собственного отца. Его отец Нудд, видимо, то же лицо, что и Ллудд Серебряной Руки, и именно за его дочь (свою сестру) Крейддилад Гвин каждые календы января бьется с Гуитиром, сыном Грейдаула. Крейддилад под именем Корделии встречается в легенде о короле Ллире (Ллудде) у Гальфрида Монмутского. Что касается Гвина (имя его означает «белый»), то он, как и ирландские сиды, живет под холмом, куда может ненароком забрести случайный путник. В поэзии бардов встречаются упоминания о встречах с ним знаменитого поэта Давида ап Гвиллима и святого Коллена, жившего в VII в. Возможна связь этого персонажа с ирландским героем и волшебником Финном, имя которого также означает «белый».

³⁷¹ Ederu uab Nudd – брат Гвина ап Нудда, или один из его эпитетов. Имя этого персонажа обычно производится от латинских имен Этернус (что значит «вечный») или Адриан. Позже он встречается в повести о Герайнте как незадачливый Рыцарь Ястреба.

³⁷² Cadwy uab Gereint – сын легендарного героя повести о Герайнте. Судя по некоторым генеалогиям и житиям святых, Кадви – то же самое лицо, что и Кадор, соратник и сводный брат Артура, который правил Корнуоллом в середине V в. и был отцом Константина – последнего правителя «королевства логров» после смерти Артура. Этот Кадор появляется под своим именем в «Видении Ронабви».

³⁷³ Fflewduw Fflam Wledic – «Владыка пламеннее пламени».

³⁷⁴ Риаун (или Риваун) Пебир упоминается Анейрином в его поэме «Гододдин» как один из предводителей бриттов в битвах с англосаксами. Его имя означает «Роман Прекрасный». В триаде 3 он именуется одним из Трех украшений двора Артура вместе с Рином, сыном Мэлгона Гвинедда, и Оуэном, сыном Уриена. Далее Риваун встречается в повести «Видение Ронабви», где он назван сыном Деортаха Вледига.

³⁷⁵ Mogen Mynawc – «Морской Благородный». В нескольких стихотворениях он именуется сыном бога Ллеу-Луга. Имя его сына Bratwen означает «Белый (красивый) убийца».

³⁷⁶ Dalldaf – «Слепой». Kimin (или Cumin) Cof, чье имя означает «Благородная память», упоминается в генеалогиях как

внук Брихана Брихейниога, основателя королевства Брихейниог, жившего в V в. Его имя встречается также в надписях того периода. Даллдаф упоминается в триаде 73 как один из Трех вельмож двора Артура.

³⁷⁷ Непонятно, почему в тексте не называются сами имена героев. Возможен вариант «сын Алун Диведа, сына Сайди, сына Гориона». Алун Дивед упоминается в нескольких валлийских генеалогиях, а Сайди был известен как отец Кадириэита, судьи Артура.

³⁷⁸ Uchtrud Ardywat Cat – «Высокородный Защитник в битве».

³⁷⁹ Cwruagyl – «Неповоротливый».

³⁸⁰ Gwartecfras – «Богатый скотом».

³⁸¹ Ewingath – «Кошачий коготь».

³⁸² Gallcoyt – «Гроза врагов», Gofynud – «Спорщик».

³⁸³ Имя Gwawrdur означает «Рассветный» (или «рассветная сталь»), прозвище Cugwath – «Горбун». Вероятно, этот персонаж имеет ирландские корни, так как имена его сыновей явно ирландские. В этой связи можно вспомнить, что Ирландия в валлийских легендах часто выступала синонимом потустороннего мира (Аннуина).

³⁸⁴ Cylydd Canhastyr – «Другой Стосильной хватки». Canllaw – «Сто руку».

³⁸⁵ Cors – «Столп» или «Опора». Cant Ewin – «Сто когтей».

³⁸⁶ Esgeir Gulhwch Gouuncawn – возможен перевод «Хребет (опора) Килуха, Срезатель тростника». Последний эпитет, как в скандинавских кеннингах, может иметь значение «воин».

³⁸⁷ Drwst Wm Nayarn – «Дрист (Тристан) Железный кулак».

³⁸⁸ Lluch Llawynnuawc – «Защитник с рукой ветра».

³⁸⁹ Anguas Adeinawc – «Вольный Крылатый». Этот персонаж входит в число спутников Артура в поэме «Ра gur» из «Черной книги Кармартена».

³⁹⁰ В БК добавлено «и Гваду, сына Сейтведа, и Нау, сына Сейтведа», что образует связь со следующим именем. Сейтвед означает «седьмой», Гваду – возможно, от слова gwyth (восемь). Нау – «девять». Далее в тексте следует Гвенвинвин, сын Нау, который в КК назван сыном Нава.

³⁹¹ Gwennwynwun iab Naf – мифический герой, сын Нава и Арианрод. Его имя означает «белый яд», но, возможно, является сакральным троичным повторением слова «белый» (прекрасный). Имя его отца Нава означает «господин», но, скорее всего, оно является искажением слова paw (девять) или корня poŷi (плавать). В поэзии бардов Нав назван сыном небесного божества Нуифре; в триаде 14 он по неизвестной причине упоми-

нается как один из Трех мореплавателей Острова Британии.

³⁹² Echel Uordwytwll – буквально «Ахилл, раненный в бедро». Любопытное соединение мифологических сюжетов о раненном в пятку Ахилле и раненном в бедро Бендигейде Вране (см. повесть о Бранвен). В триаде 9 его имя приводится в форме Echel Uordwytwll (Ахилл Могучее Бедро). Имя его сына Gobgwu означает «Воздаяние»; в некоторых сборниках триад вместо него стоит «Горонви».

³⁹³ Mael uab Roysol – «Лысый (или «друид»), сын Ройкола». Под именем последнего, возможно, выступает Айркол (Агрикола) Длиннорукий, правивший в начале V в. король Диведа.

³⁹⁴ Dallpenn – «Слепая голова». В триаде 26 содержится очень сложная история о том, как Колл, сын Коллфреви, пас свиней Дадвира Даллпенна, и одна из них убежала, после чего Артур со всем войском бросился за ней в погоню и долго преследовал, причем это преследование (как и охота на Турха Труйта) носило сакрально-топонимический характер.

³⁹⁵ Gwythawc Gwyt – «Высохший Согнутый».

³⁹⁶ Gormant uab Ricca – «Избыток, сын Богатства».

³⁹⁷ Menw uab Teirgwaed – возможен перевод «Малыш, сын трех криков». Этот герой, играющий важную роль в повести, упоминается в триадах как один из чародеев Острова Британии, служивший своим волшебством еще отцу Артура Утеру Пендрагону.

³⁹⁸ Digon uab Alar – «Довольство, сын Достатка».

³⁹⁹ Selyf uab Sinoit – возможно, имеется в виду Селиф (Соломон), сын Кинана Гарвина, упомянутый в триаде 25 как один из Трех вождей битвы. Этот правитель одного из северных британских княжеств был убит в битве с англосаксами при Честере в 616 г.

⁴⁰⁰ Gusc uab Atheu – в БК «сын Ахена», uab Achen.

⁴⁰¹ Nerth uab Cadarn – «Сила, сын Могучего».

⁴⁰² Drutwas uab Tryffin («Бесстрашный, сын Трибуна») упоминается в триаде 46 как один из Трех красноречивых рыцарей, которым никто не мог отказать в просьбе; другие двое – Гвальхмай, сын Гвиара, и Элиулод, сын Мадоба. Его гибели от руки собственных грифонов (возможно, название дружины, подобно «воронам» Оуэна) посвящено одно из стихотворений знаменитого поэта Лливарха Хена (Старого).

⁴⁰³ Эти два имени означают «Кабан, сын Господина» и «Кабан, сын Слуги».

⁴⁰⁴ Иона (Iona) – герой топонимического предания, якобы основавший знаменитый монастырь на шотландском острове

Иона (Ии). Он был родом из Галлии и поэтому назван здесь королем франков.

⁴⁰⁵ *Sel uab Selgi* – «Страж, сын Сторожевого пса».

⁴⁰⁶ Каэр-Датил близ Карнарвона упоминается в повести о Мате как резиденция Мата, сына Матонви. Возможно, имя Иаэн («Воздающий») является эпитетом короля-чародея Мата. О шестерых сыновьях Иаэна ничего не известно; вероятно, они являются мифологическими персонажами. Двое из них – Морен и Брадвен – упоминались в перечне раньше. Имя Сулиен означает «рожденный солнцем» и, вероятно, является эпитетом кельтского солнечного божества.

⁴⁰⁷ *Caу* (*Saw*), король Стрэтклайда (Камберленд), и его многочисленные сыновья, самым знаменитым из которых был историк Гильдас, жили в VI в. и упоминаются в различных источниках как современники (и противники) Артура. Здесь имена сыновей большей частью вымышлены и связаны с понятиями воинской славы и доблести. Так, Дирмиг означает «Высокомерие», Этмик – «Честь», Келин – «Остролист» (трава воинов), Коннин – «Стебель» или «Столп», Мабсант – «Святой покровитель», Ллойбир – «Путь», Кох – «Красный», Ардиад – «Защитник», Эргириад – «Натиск», Неб – «Некто».

⁴⁰⁸ В БК прибавлена фраза: «Который никогда не подчинялся руке господина». Все сыновья Кау славились своей воинственностью и независимостью. По преданию после смерти Кау Артур убил большинство его сыновей и присоединил их владения к своему королевству.

⁴⁰⁹ *Samson Uinsych* – «Самсон Сухая губа».

⁴¹⁰ Знаменитый бард, герой «Истории Галиесина» (см. далее).

⁴¹¹ Упоминание здесь героя повести о Манавидане – явный анахронизм.

⁴¹² *Llagу* («Щедрый» или «Кроткий») упоминается в генеалогиях как сын Каснара Вледига, потомка Бели.

⁴¹³ *Ysperin uab Ffergant*. Возможно, имеется в виду Алан Фергант, или Фирган («Сильный воинством»), который был в 1084–1112 гг. герцогом Бретани и стал известен в Уэльсе как соратник Вильгельма I Завоевателя.

⁴¹⁴ *Saranhon uab Glythwуг* – «Опустошитель, сын Обжоры». Как сказано дальше, он был уроженцем Бретани (Ллидау).

⁴¹⁵ *Llawr uab Eгw* – «Земля, сын Акра». Акр – римская мера площади, употребляемая в Уэльсе и современной Англии. Р. Бромвич, однако, переводит его имя как «Один, сын Многих», исходя из упомянутой в триаде 15 формы *Llawr uab Eгw* (множество).

⁴¹⁶ Имена сыновей Нуифре («Небесный свод») означают «Белый» и «Пламенный» и, возможно, относятся к разным состояниям неба.

⁴¹⁷ Этому рыцарю, известному в артуровском эпосе под именем сэра Гарета, посвящена повесть «Герайнт и Энид».

⁴¹⁸ Имена сыновей Эрмида означают «Белый» и «Курносый». Первое из них было прозвищем Кинддилана, короля Поуиса в середине VII в., второе – именем его отца.

⁴¹⁹ Hyueid Unlenn – «Хевейдд Один плащ».

⁴²⁰ Eidon Uawgurydic – «Эйдон Великодушный».

⁴²¹ Reidwn Arwy – «Рейдон Грубый».

⁴²² Назван в тексте второй раз.

⁴²³ Llawnrodet Uaruawc («Бородатый») упоминается в триадах как один из Трех великих пастухов, пасший стадо Нудда, сына Сениллта, в котором была двадцать одна тысяча молочных коров.

⁴²⁴ Nodawl Uaryf Twrch – «Нодаул Стриженная борода».

⁴²⁵ Неизвестные персонажи. Рейддон упоминается второй раз. Искован Хэл («Щедрый») и Искавин – вероятно, одно и то же лицо. Берт, сын Кадо – возможно, еще один сын Кау, которого иногда называли Кадо.

⁴²⁶ Морвран, как известно из «Истории Талиесина», был злобным и уродливым сыном Тегида Фозла и ведьмы Каридвен. Его имя, происходящее от индоевропейских корней «ворон» и «смерть» и близкое к имени Брана, позволяет считать его древним божеством потустороннего мира, сыном которого считался полубог и первопредок Мирддин (не путать с Мирджином Эмрисом, или Мерлином).

⁴²⁷ Sandde Bryt Agel – «Санде с ликом ангела». Это имя носил один из сыновей Лливарха Хена (Старого), знаменитого поэта VI в.

⁴²⁸ Swnnwyl Sant – «Кинвил Святой». Имя его коня Hengroen означает «Старая шкура».

⁴²⁹ Имена сыновей Эрима («Воздушный») означают: Uchtryt – «Возвышенный», Eus – «Вес», Henwas Adeinawc – «Старый слуга быстрее птиць», Henbedestyr – «Старый пешеход», Sgili Yscawntroet – «Сгилти Легкая нога».

⁴³⁰ Teithi Hen – «Исконный Старый». Его история представляется вариантом истории о «короле-рыбаке» Гвиддно Гаранхире. В латинской «Эксетерской хронике» XIII в. Тейти именуется сыном Гвиннана и правителем Керриога в Диведе, одним из Трех королей, чьи владения поглотило море.

⁴³¹ Carnedyr – «Житель кургана». Имя его отца Говинион

Хен означает «Старый Проситель»; возможно, имеется в виду Гованнон, сын Дон.

⁴³² Гвенвинвин, сын Нау или Нава, упоминался в тексте раньше; в БК его имени нет. Вероятно, он ошибочно назван вместо Гуссевина («Первый из воинов») – «воина» или «военачальника» Артура.

⁴³³ Llysgatrud Emys («Красноглазый Жеребец») и Gwrbothu Hen («Старый Колесник») не упоминаются в других источниках. Судя по тексту, они были братьями матери Артура Игрейны из Корнуолла.

⁴³⁴ Culpanawyd uab Goryon – «Запирающий, сын Двери». Возможно, это древний эпитет кельтского божества, подобного римскому «дверному богу» Янусу.

⁴³⁵ Llenleawc – известный по триадам соратник Артура, имя которого означает «Укрытый плащом» и, возможно, является искажением какого-то ирландского имени. Gamon – неизвестная область в Ирландии, возможно, Ориэл (Айргиалла) – королевство рода Гамна (Матгамна).

⁴³⁶ Дууууууал Mael (или Maelmud) упоминается в триадах и в законах Хоуэла Доброго как легендарный король Британии и один из Трех великих законодателей. Вероятно, имеется в виду Дивнуал (Дубновалос) Хен, король Камбрии около 450 – 490 гг.

⁴³⁷ Дунард, король Севера (Gogledd) – возможно, имеется в виду король Корнуолла Дунгард, сын Кулвина, правивший около 980 г.

⁴³⁸ Герой повести «Пуйлл, король Диведа».

⁴³⁹ Неизвестные персонажи. Имя Thescuan Gloff означает «Ягненок», Thegur Talgellawc – «Носитель чаши», Gwrduial uab Ebrei – «Совершенный муж, сын Еврея», Morgant Hael – «Моргант Богатый». Имя последнего связано с ирландской богиней войны Морриган и легендарной феей Морганой, сестрой Артура. Его историческим прообразом, возможно, является правивший Гламорганом в VIII в. король Морган, чье прозвище Mwynfawr также означает «богатый». Возможна также связь этого Моргана с Морганом Булком, убийцей короля Уриена Регедского.

⁴⁴⁰ Nwython – измененное пиктское имя Нехтан; возможно, речь идет о каком-то правителе Северной Британии. Имена его сыновей означают: Gwystyl – «Заложник», Run – «Доблестный». Llwydeu – форма имени чародея Ллуйда из повести о Манавидане.

⁴⁴¹ Не вполне понятный фрагмент. Возможно, вместо имени Ллуйдеу, взятого из предыдущей строки, здесь должно стоять Ллахеу – имя сына Артура. Имя Gwydgre означает «Стекло». Хуэл – один из сыновей Кау, убитых Артуром.

⁴⁴² Гэлливик («Лесной край») в Корнуолле – неоднократно упоминаемая в источниках резиденция Артура, где находился один из трех его главных дворцов. Его точное местоположение неизвестно. Пенрин-Блатаон – мыс Дуннет-Хед в шотландской области Кейтнесс. Обычно вместо него в триадах и других источниках северной границей королевства Артура именуется Пенрин-Рионедд («Девичий мыс»), расположение которого также неизвестно. Под «Британией» (Prydein) здесь подразумевается Шотландия.

⁴⁴³ Имя Eidyol uab Neg, вероятно, является искажением слова eidyon (бык). В свою очередь, это слово – искажение имени Idon uab Neg, который упоминается в генеалогиях как сын Инира, короля Гвента в конце V в.

⁴⁴⁴ Gwlwydyn Glwydyn – «Голиддин Плотник». Его имя, по некоторым предположениям, происходит от слова gwlad («страна»), хотя с точки зрения фонетики это маловероятно. Название дворца Ehangwen означает «Просторный белый» (то есть «красивый»).

⁴⁴⁵ Сунуг Ceinuaawc – «Кинир Красивая Борода». Возможно, его имя как-то связано с именем легендарного ирландского короля Конайре Мора, героя скелы «Разрушение Дома Да Дерга»; Сопаиге производится от слов son (генитив от su «пес») и aige «благородный». В то же время имя Кинир соотносится с именем его сына Кея (см. прим. 357). По данным валлийских генеалогий Кинир был отцом Нонн, матери святого Давида, жившего в VI в. В артуровских романах отцом Кея называется барон Эктор Уэльский.

⁴⁴⁶ Имена слуг означают: Henwas – «Старый слуга», Henwneb – «Старый ликом», Hengedymdeith – «Старый друг», Gwallgoys – «Беспокойный».

⁴⁴⁷ Неизвестное лицо. Возможно, имеется в виду Эльфин, сын Гвиддно Гаранхира.

⁴⁴⁸ Этот образ восходит к герою «Илиады» Александру-Парису, ставшему известным в Уэльсе благодаря переводу французского «Романа о Трое».

⁴⁴⁹ Osla Gylleluawr – собирательный образ предводителя англосаксов, который то служит Артуру, то воюет с ним (см. «Видение Ронабви»). Под его именем, возможно, фигурируют сын Хенгиста Окта или король Мерсии Оффа, который был в VIII в. грозным противником независимого Уэльса.

⁴⁵⁰ Три прилегающих к Британии острова – это Мона (Англси), Гвейт (Уайт) и Манау (Мэн), вместо которого иногда назывались Оркнейские острова на севере.

⁴⁵¹ Gwydawc uab Menestyr – неизвестное лицо, имя которого

упоминалось ранее в форме «Гвитауг». Имя его отца означает «виночерпий». История об убийстве им Кея не сохранилась.

⁴⁵² Имена сыновей Кея и Бедуира Гаранвин («Белоногий») и Амрен (возможно, «Бессмертный») упоминаются в генеалогиях.

⁴⁵³ Неизвестные персонажи. Ely Amug – явное повторение имен охотников Эли и Трахмира. Run Rudwern означает «Рин Красная ольха», Llwydeu uab Cilcoet – чародей Ллуйд, сын Килкозда, из повести о Манавидане, Hunabwy – «Дремлющий», Gwynn Gotufron – «Белый Сильногрудый», Gweir Dathar Wennidawc – «Гвейр Слуга птиц» (в смысле «воин, дающий пищу воронам»), Cadellin Tal Agyant – «Каделлин Сребролобый», возможно, связанный с сыном Родри Великого Каделлом, основавшим в 870 г. королевство Дехейбарт на юге Уэльса. Его имя означает «Дух битвы».

⁴⁵⁴ Эти персонажи, прозвища которых означают «Честная отвага» и «Белое длинное копьё», названы дядьями Артура по ошибке вместо упомянутых до этого Ллисгадруда Эмиса и Гарбото Хена. Возможно, дядьями Артура в тексте именуются все четыре персонажа с именем «Гвейр», которое означает «Кольцо» или «Ошейник» и принадлежит таинственному узнику Гвейру, сыну Гвейриода, из поэмы «Preideu Annwfn».

⁴⁵⁵ Этот персонаж упоминается второй раз.

⁴⁵⁶ По мнению Р. Бромвич, этот образ восходит к королю Англии Вильгельму Завоевателю, который пользовался популярностью в Уэльсе как победитель англосаксов – исконных врагов бриттов.

⁴⁵⁷ В переводе Ш. Гест: «девятерых, что стояли до конца при Камлане», у Т.П. Эллис и Дж. Ллойда: «девятерых, планировавших битву при Камлане». Aderchawc Prydein («Одержимый Британии») – непонятный персонаж. Горван Гваллт Айвин – «Горван Лохматый». Наместник Корнуолла именуется здесь англосаксонским словом «таег».

⁴⁵⁸ Gilla по-ирландски означает «Слуга», Goeshyd – «Оленья нога».

⁴⁵⁹ Имя Sol, возможно, происходит от латинского solus («один», «одинокий»). Gwadyr Ossl – «Один топчущий», Gwadyr Odyeth – «Один костер».

⁴⁶⁰ Hir Erwm и Hir Atrwm – «Высокий Тяжелый» и «Высокий Тяжелейший».

⁴⁶¹ Huarwar uab Aflawn – «Притворщик (?), сын Неполного».

⁴⁶² Детское имя Придери – явный анахронизм в этой повести.

⁴⁶³ Из дальнейшего текста непонятно, люди это или собаки. Их имена означают «Видом красный» и «Видом грозный».

⁴⁶⁴ Sugyn uab Sugnedyd – «Сосание, сын Сосущего».

⁴⁶⁵ Буквально: «в его груди было красное сердце». Наш вариант основан на условном переводе Ш. Гест.

⁴⁶⁶ Cасуmwrġ, или Cасwmġi, – слуга Артура, упомянутый во многих легендах. Его образ, очевидно, восходит к древнему богу земледелия Аметону.

⁴⁶⁷ Dугyflwng – «Храбрый». Anoeth Ueidawc – «Волшебный Посланец».

⁴⁶⁸ Hir Eidyf и Hir Amren – параллель к упомянутой прежде паре слуг – Хир Эрому и Хир Этрому. Их имена означают «Высокий Немошный» и «Высокий Никчемный».

⁴⁶⁹ Gwewyl uab Gwestat – «Губа, сын Уровня». В БК эта фраза отсутствует.

⁴⁷⁰ Uchtryt Uaryf Draws – «Высокородный Спутанная Борода».

⁴⁷¹ Elidyr Cyfarwydd – «Элидир Сказитель». Вероятно, это Элидир Ллидан, отец Лливарха Хена, знаменитого валлийского поэта VII в.

⁴⁷² Yscudyd – «Долой день». Yscurdaf – возможно, искаженное имя Yscurdau («Долой два»).

⁴⁷³ Brys uab Bryssethach – «Скорость, сын Спешащего». Гора Черный Фернбрак в Шотландии – неизвестное место.

⁴⁷⁴ Grudlwyn Gorr – «Грудлоин Карлик». Упомянут в триаде 28 как Gwythelyn («маленький ирландец») Gorr. В романе Крестьяна «Эрек и Энида» он превратился в «маленького короля» Гледалена (в повести о Герайнте – Гвиферт).

⁴⁷⁵ Этот отрывок в оригинале звучит ритмически и по стилю напоминает героические поэмы ранних валлийских бардов. Позже он повторяется в тексте с некоторыми вариациями. Болх, Кифолх и Сефолх – вероятно, древние боги войны или охоты. В кельтской традиции божества и принадлежащие им предметы очень часто группируются по тройкам. Например, в ирландской «Книге завоеваний» перечисляются три бога из Племен Богини Дану, трое их друидов, трое слуг, три коня, три пса, три арфиста и т.д. Имена Bolch, Cyfwlch и Sefwlch по-валлийски означают «Брешь», «Полный» и «Длительный», но вряд ли это их исконное значение. Основа этих имен – bolc, возможно, происходит от имени легендарного ирландского народа Фир Болг, связанного с индоевропейским *bhelg – «сверкать». Имя их отца и деда «Кледдиф» означает «Меч», имена псов – «Серый» (или «Синий»), «Самый серый» и «Лосось», имена коней – «Умный», «Глупый» и «Конь», имена жен – «Приносящая поздно», «Приносящая плохо», «Приносящая полностью»,

имена внуков – «Стон», «Крик» и «Вопль», имена дочерей – «Болезнь», «Нехватка» и «Нужда», имена служанок – «Плохая», «Худшая» и «Самая худшая». Последние три имени являются или другими именами тех же служанок демонической троицы, или отдельными персонажами.

⁴⁷⁶ Непонятно, к кому здесь относится слово «получеловек» – к Кинвелину или к самому Пуйллу. Кинвелин упоминается у Тацита как наследник Касваллауна, боровшийся с римлянами в I в. н.э. Позже он стал героем драмы Шекспира «Цимбелин».

⁴⁷⁷ Dwnn Dessic – «Бурый Отважный».

⁴⁷⁸ Eiladyr – «Сын птиц» (или «Подобный птицам»), Penn Llarcap – «Глава Лларгана» (очевидно, название клана), Cyledyr Wyllt – «Киледир Дикий», Hettwn Tal Argant – «Хеттон Сребролобый». Его имя, вероятно, идентично имени Хеддвин, означающему «Белый (блестящий) мир». Далее этот персонаж упомянут с эпитетом Glasyrwg («Прокаженный»).

⁴⁷⁹ Sawyl Benn Uchel – «Самуил Высокий лоб». Он был сыном короля Пабо и правил в Пеннинских горах во второй половине VI в. В триаде 23 Савил назван одним из Трех горделивых правителей. В житии святого Кадока Савил – жестокий тиран, который преследовал святого и был за это поглощен землей.

⁴⁸⁰ Гвальхмай («Майский ястреб»), сын Гвиара – самый могучий рыцарь Артура, которого позднейшая традиция превратила в сэра Гавейна, а также в Ланселота Озерного (от фр. lance, «копье»; другое его имя – Галахад, происходящее от Гвальхмай). По преданию он был племянником Артура, сыном его сестры Анны. Мотив его любви к королеве Гвенвивар (Гиневре), обычный для артуровского эпоса, в «Мабиногион» не отмечен. О его брате Гвальхаведе ничего не известно; возможно, его имя – испорченное Гвальхмай. Имя его отца Gwyar означает «кровь»; возможно, оно принадлежит не отцу, а матери Гвальхмай. В сочинении Гальфрида Гвальхмай (Вальванус) становится сыном Ллеу ап Кинварха и Гвиар, сводной сестры Артура. В последующих артуровских романах отцом Гвальхмай-Гавейна становится Лот, король Лотиана. Любопытна эволюция образа Гавейна: если вначале его считали лучшим рыцарем Круглого Стола, то впоследствии эта роль переходит к Ланселоту, а Гавейн зачастую представляется мстительным и нечестным персонажем. Однако в трех «артуровских» повестях «Мабиногион» эта традиция не отразилась; там Гавейн с Ланселотом снова объединяются в идеальный образ Гвальхмай. Историческим прототипом Гвальхмай мог быть одноименный король северного бриттского королевства Гододдин (Лотиан), убитый около 540 г.

⁴⁸¹ Gwrhir Gwalstawd Iethoedd – «Высокий муж, Толкователь языков». О способности к языкам этого героя, играющего далее важную роль в повествовании, упоминается в нескольких стихотворениях валлийских бардов.

⁴⁸² Cethrwm Offeiriad – «Пронзающий (возможно, «далеко видящий») Прорицатель».

⁴⁸³ Clust uab Clustueinydd – «Ухо, сын Слышащего».

⁴⁸⁴ Medyr uab Methredydd – «Цель, сын Целящегося».

⁴⁸⁵ Esgeir Oeruel – «Проклятый (буквально «застывший») хребет». Неизвестное место, название которого, вероятно, соотносится с представлениями об Ирландии как «проклятом месте», аналоге потустороннего мира.

⁴⁸⁶ Gwŷawn Ligat Cath – «Гвиаун Кошачий глаз». Возможно, этот герой, как и Гвион-Талиесин, обязан своим происхождением ирландскому Финну мак Кумалу, который, по легендам, отличался необычайно острым зрением. Гвиаун, брат короля Пуиса Кинддилана, участвовал в битве с англосаксами при Честере в 616 г. В повести о Герайнте прозвище «Кошачий глаз» носит Гордни, привратник Артура.

⁴⁸⁷ Ol uab Olwyd – «След, сын Следопыта».

⁴⁸⁸ Бедвини (Bedwini), или Бедвин, именуется в триадах епископом Гэлливика и исповедником Артура. В артуровском эпосе он появляется под именем епископа Бодуэна. Вероятнее всего, этот образ не имеет исторической основы и заимствован из европейской «артурианы».

⁴⁸⁹ Гвенвивах (Gwenhwyfach) упоминается в триаде 53, где говорится, что из-за ее ссоры с сестрой произошла битва при Камлане. Возможно, ее имя – «Белая (прекрасная) обликом» – является первичной формой имени Гвенвивар («Белый призрак»).

⁴⁹⁰ О перечисленных дамах ничего не известно. Их имена означают: Rathyeu – «Совершенная», Celemon (в БК Relemon) – «Скрытая на острове Мона», Thannwen – «Огненно-белая». Gwennalarch – «Белый лебедь» – дочь Кинвила Каноха, прозвище которого переводится как «сотня боровов». Eumeit (возможно, искаженное eugeit, «Золотая») – дочь Клиддно («Преславно-го») из города Эйддин – нынешний Эдинбург в Шотландии. Телери, возможно, имеет отношение к Элери, легендарной святой отшельнице V в.

⁴⁹¹ Индег, дочь Гарви (или Аварви) Хира – по триадам одна из Трех дам, любимых Артуром. Ее отец был известен своей мудростью и красотой; его возлюбленной считалась Крейри, дочь Каридвен из «Истории Талиесина».

⁴⁹² Уриен (Uryen) – могущественный король северного британского королевства Регед, правивший в 540 – 586 гг. Его сын Оуэн (Ивейн) стал популярным героем артуровского эпоса, а дочь Морвин упоминается в ряде генеалогий. Уриен остановил продвижение англосаксов на севере Англии, одержав над ними ряд побед, которые в традиции иногда приписываются Артуру. Прежде чем враги были окончательно разбиты, Уриен погиб от руки наемного убийцы, подосланного его союзником королем Моргантом. В артуровских романах Уриен выступает под именем Уриенса, короля Горра.

⁴⁹³ Gwennlian – «Белый поток».

⁴⁹⁴ Крейддилад (Creidyladd) упоминается как одна из Трех прекраснейших дев в нескольких триадах; ее имя означает «Прекраснокосая». У Гальфрида Монмутского и Шекспира она превратилась в Корделию, дочь короля Лира. Вероятно, прежде она была одним из воплощений богини плодородия и самой земли, за которую бились два соперника, представлявшие тьму и свет или зимнюю и летнюю половины года.

⁴⁹⁵ Эллило, чье имя буквально означает «Эльфийская», названа дочерью Кинна Крока («Высоко сидящего Петуха»).

⁴⁹⁶ Это Изольда Белокурая, жена короля Марка, и Изольда Белорукая (Бретонская), героини легенды о Тристане. Сам Тристан (Тристан, сын Таллуха), упоминаемый в триадах, на страницах «Мабиногион» появляется лишь однажды.

⁴⁹⁷ В КК – «быстрее».

⁴⁹⁸ Дрих («Облик»), сын Кидбара, упоминается в триаде 27, но не из-за своей красоты, а как могущественный чародей.

⁴⁹⁹ Sündelic Syfuarwydd – «Кинделиг Следопыт».

⁵⁰⁰ В БК данная фраза отсутствует.

⁵⁰¹ Дом Кустеннина воплощает переход из мира людей в иной мир, где живут Исбаддаден и Олвен. Сторожем этого мира во многих мифах является огнедышащий или ядовитый «адский пес», подобный греческому Керберу.

⁵⁰² Кустеннин – вариант популярного в средневековом Уэльсе имени Константин. Этот персонаж и его жена в повести представлены великанами из потустороннего мира и в то же время родственниками Килуха и Артура. Вероятно, редакторы механически соединили несколько сюжетов, перепутав великана Кустеннина с Константином – легендарным дедом Артура.

⁵⁰³ Перевод этой фразы представляет трудность из-за ее двойного смысла: *prïauid* (в современном валлийском *prïod*) означает и «жену», и «собственность». В БК Кустеннин зовется сыном Минведига («Неудачно женатого»), и фраза однозначно

указывает на жену как на источник неприязни Исбаддадена к его брату. В КК Кустеннин – «сын Дивнедига («Блаженного»)). Т.П. Эллис и Дж. Ллойд переводят конец фразы как «Исбаддаден отнял у меня жену», однако из текста следует, что жена Кустеннина осталась с ним.

⁵⁰⁴ Буквально: «за морской пищей» (*morfwyd*). Смысл последующего диалога не вполне ясен. Возможно, вначале Кустеннин не решается рассказать жене о появлении Килуха, но вынужден сделать это, когда она по перстню узнает в нем родича.

⁵⁰⁵ Отголосок мифа о боге-отце (Кроне или Сатурне), который убивает или проглатывает своих сыновей. Обращает на себя внимание, что число сыновей в греческом мифе – 12, а в валлийском – 24, то есть кратно двенадцати месяцам года.

⁵⁰⁶ Трижды линявший (четырёхлетний) сокол считался лучше всего подходящим для охоты.

⁵⁰⁷ В переводе Ш. Гест: «губы».

⁵⁰⁸ Здесь Исбаддаден – типичный властитель подземного царства, напоминающий гоголевского Вия и скандинавских троллей.

⁵⁰⁹ В тексте эти копы называются каменными (*llechwaew*), но тут же превращаются в железо. Это или обычная невнимательность редактора, или проявление колдовских способностей Повелителя Великанов.

⁵¹⁰ В БК эта фраза испорчена переписчиками. Т.П. Эллис и Дж. Ллойд переводят ее так: «Вошли торжественно, с дивными гребнями в волосах». О сложных прическах кельтов упоминают античные авторы, но сомнительно, чтобы такие прически носили валлийцы времен составления «Мабиногион».

⁵¹¹ *Agweddi ac amobug*, то есть доли имущества жениха, причитавшиеся самой невесте и ее роду, а также правителю области, где она живет. Каждому из близких родственников полагалась своя доля.

⁵¹² Согласия «прабабок» в историческое время уже не требовалось; возможно, здесь отразилось эхо гораздо более древних обычаев, свойственных племени великанов, которые часто считались предками людей.

⁵¹³ В переводе П. Форда эту фразу произносит сам Исбаддаден, но это явная ошибка.

⁵¹⁴ В БК этой фразы нет.

⁵¹⁵ Последующий ряд задач с повторяющейся формулой вопроса – ответа типичен и для мифа, и для более поздних форм фольклора, в том числе детских и игровых формул.

⁵¹⁶ В оригинале игра слов – *Kyt keffich hynny yssit nas keffich*.

Частое повторение подобных формул характерно для фольклора и говорит об устном бытовании всей повести или ее части. Далее в валлийском тексте эта фраза приводится в сокращении (Kyt k. h.).

⁵¹⁷ Аметон, сын Дон (Amaethon uab Don) – брат Гвидиона (см. повесть о Мате), также искусный волшебник, сражавшийся в Битве деревьев против сил Аннуина. Нет ничего удивительного, что здесь ему приписаны функции пахаря (его брат Гвидион в одной из триад назван пастухом): это отражает их роль культурных героев – создателей соответственно земледелия и скотоводства.

⁵¹⁸ Третий из сыновей Дон – кузнец Гованнон (Gofannon), создатель ремесел. Вместе они образуют триаду, соответствующую ирландским «богам ремесла» (Гойбниу, Лухта и Кредне).

⁵¹⁹ Gwlwlydd Wineu – «Голулидд Каштановый». Вероятно, это то же лицо, что и упомянутый ранее Голиддин, плотник Артура.

⁵²⁰ Эти быки (Melyn Gwanwyn и Brych), встречающиеся и в поэмах Талиесина, представляют собой двух борющихся первопредков, в борьбе которых (или из тела побежденного) образуется мир. Это проявляется в сцене их сакральной битвы в ирландском цикле «Похищение быка из Куальнге».

⁵²¹ Минидд-Банног – «Рогатые горы». По предположению ученых, имеются в виду Грампийские горы в Шотландии.

⁵²² Нинниау правил королевством Гвент в начале VII в. Его брат Пейбиау Прокаженный в те же годы был королем соседнего Эргинга. Они упоминаются в генеалогиях как предки ряда королей и святых Уэльса. Сохранилась легенда о том, как Пейбиау по ложному подозрению велел утопить свою дочь Эурддил, за что был поражен проказой. О превращении двух королей в быков в фольклоре ничего не говорится. Возможно, имеются в виду быки, с помощью которых легендарный прародитель бриттов Ху Кадарн (Ху Могучий) осушил воды потопа.

⁵²³ В средневековом валлийском слово bragod означало не мед, а хмельной напиток, схожий со славянской брагой. Возможно, в древности это название носил особый волшебный мед – «напиток вдохновения», от которого, в частности, получил свое имя скандинавский бог-поэт Браги.

⁵²⁴ Llwyg uab Llwyguon – «Полный, сын Полнейшего».

⁵²⁵ Стоящее в тексте слово mwys означает деревянную или плетеную емкость для хранения продуктов; у Ш. Гест оно переводится как «корзина» (basket). Этот «ларь» выступает как валлийский эквивалент волшебного котла изобилия, ассоциирующ-

щегося с Ирландией. Гвиддно («славный мудростью») по прозвищу Гаранхир («Длинноногий») упоминается в триадах и валлийском фольклоре как король Приморской страны (Canfref y Gwaelod), огражденной от натиска моря плотиной. Однажды море прорвало плотину и затопило весь Уэльс, кроме гор Сноудонии, погубив шестнадцать больших городов (отголосок мифа о всемирном потопе, сопряженный с реальным затоплением земель в Кардиганском заливе). После этого Гвиддно вместе со своей семьей был вынужден зарабатывать на жизнь ловлей рыбы. По одной из легенд после затопления своих владений Гвиддно Гаранхир превратился в цаплю (валл. garanhir) и с тех пор жалобно стонет по ночам, оплакивая потерю. В Уэльсе до сих пор сохранилась поговорка: «Стонет, как Гвиддно, когда море залило его земли». Гвиддно и его сын Эльфин являются героями «Истории Талиесина» и ряда поэм из «Книги Талиесина», где они приобретают качества владык потустороннего мира. Возможно, в этом же качестве Гвиддно выступает и здесь, поскольку волшебный котел, согласно традиции, принадлежал владыке потустороннего мира. Реальный Гвиддно был королем Мерионидда (Южного Гвинедда) в середине VI в.; возможно, его подлинным именем было Carantogix – «Король сородичей».

⁵²⁶ В КК ошибочно «Gogodin». Королевство Гододдин, или область вотадинов, находилось в Лотиане (юго-восток Шотландии) и было завоевано англами в 638 г.

⁵²⁷ Эта арфа, широко известная в валлийском фольклоре, упоминается, как и ларь Гвиддно Гаранхира, среди тринадцати Сокровищ Острова Британии у Ненния и в триадах.

⁵²⁸ В КК этой фразы нет. О птицах Рианнон см. примечание 156.

⁵²⁹ Это знаменитый ирландский «котел изобилия», принадлежащий, по традиции, богу Дагде. Имя Айд (по-валлийски Aedd) носили многие ирландские короли, но король Одгар истории неизвестен. Возможно, это Осгар, сын легендарного предводителя дружины фениев Финна мак Кумала. Диурнах в повести носит звание таег, то есть крупный чиновник, в некоторых английских переводах «сенешаль» или «стюард». Он упоминается в одном из средневековых валлийских стихотворений как Дирнух, великан из Эвиаса. В средневековом списке «чудес Британии» также говорится о волшебном котле Дирнуха.

⁵³⁰ Ysgithirwyn – «Белый клык». Охота на него в повести представляется сокращенным вариантом последующей охоты на Великого кабана Турх Труйта.

⁵³¹ Здесь Cadw («Хранитель») – искаженная форма имени Кау. Под Британией (Prydein) имеется в виду Северная Британия, или Шотландия. Возможно также, что Кадо – упомянутый в повести «Видение Ронабви» граф Кадор, сводный брат Артура, однако он правил не на севере Британии, а в Корнуолле.

⁵³² Orddu – «Черная ведьма», Ogwenn – «Белая ведьма», Pennant Gofud – «Долина Несчастий».

⁵³³ Gwidolwyp Gog – «Ирландец Белый Карлик».

⁵³⁴ Rinnon Rip – «Жесткая борода».

⁵³⁵ Образ волшебного кабана восходит к древнейшему пласту кельтской мифологии. В данной повести он выступает как невероятно могучее, мудрое и злобное животное, олицетворяющее слепые силы природы. Король Артур в данном контексте воплощает героя-демиурга, сразившего чудовище и творящего мир из его тела. Некоторые ученые считают, что история охоты на Турха Труйта является отражением борьбы кабана и медведя (от названия которого якобы происходит имя «Артур») как символов двух стихий или культовых традиций. Однако более вероятно, что Артур в роли вожака охоты сменил другого героя или бога – возможно, Мабона или Гвина ап Нудда. О гибели Турха Труйта в повести не говорится; по-видимому, его считали бессмертным. Имя его означает просто «кабан бегущий», имя его отца Таредда Вледига – возможно, «Подземный Владыка». Турх Труйт упоминается в «Истории бриттов» Ненния под именем Troynt, а также в стихотворении барда VI в. Анейрина «Прославление Кинвелина». В последнем под этим именем выступает чудовищный конь-скелет с птичьим клювом.

⁵³⁶ Грейт, сын Эри, упоминался до этого; имя его щенка Друдвин означает «Дивный белый».

⁵³⁷ Корс Кант Эвин упоминался ранее, как и названные дальше Канастир Канллау и Килидд Канастир. Имена всех этих героев связаны с понятием «стосильный», поэтому принадлежащие им волшебные предметы обладают могучей силой.

⁵³⁸ Этот таинственный герой известен в «Мабиногион» только как узник; в триаде 52 он фигурирует как один из Трех высокогородных узников Острова Британии. Его называют то «сын Модрон», то «сын Меллта». Модрон – кельтско-римская богиня плодородия Матрона, идентичная Эпоне-Рианнон. Меллт, имя которого происходит от слова «молния», возможно, родственен богу Бели (Беленосу) или галльскому Мелдосу. Сам Мабон идентичен кельтскому богу весны и юности Мапоносу; оба имени означают «мальчик», «юноша», поэтому в римское время

этот бог отождествлялся с Аполлоном. Некоторые ученые связывают его с ирландским Мак Огом (сыном бога Дагда), а также с Манавиданом и Оуэном. Без сомнения, он изначально был божеством цветения и плодородия, воскресение которого после ритуальной смерти или заточения связывались с весенним пробуждением природы. Образы умирающих и воскресающих богов плодородия встречаются в мифологии многих народов мира.

⁵³⁹ Gwynn Mygdwn – «Белый с бурой гривой».

⁵⁴⁰ Eidoel uab Aeg – неизвестное лицо. Вероятно, его отец Аэр («Воздух») считался братом Меллта («Свет»). Возможно также, что имя «Эйдоэл» является эпитетом того же Мабона.

⁵⁴¹ Garselit – искажение какого-то ирландского имени.

⁵⁴² В тексте везде Marchawc – «рыцарь», но, по всей видимости, следует читать Farfawc – «бородатый».

⁵⁴³ Эти персонажи упомянуты ранее в общем списке.

⁵⁴⁴ См. прим. 370.

⁵⁴⁵ Конь Черный (Ddu) Моро Эрведауга упоминается в триаде 44. Имя его хозяина, возможно, означает «правлящий смертью» и может относиться к божеству войны. Правда, в триаде Моро – часть имени коня, а его хозяином именуется Элидир Муйнваур («Богатый»), неудачливый претендент на престол Гвинедда после смерти короля Мэлгона.

⁵⁴⁶ Упомянутый ранее персонаж, вероятный прототип которого – король Вильгельм I Завоеватель.

⁵⁴⁷ Сын Алуна Диведа упоминался ранее.

⁵⁴⁸ Aned (возможно, «Неостановимый») и Aethlem («Невесомый») – типичная для индоевропейской мифологии пара всадников-близнецов (Диоскуры-Ашвины), олицетворяющих собой ветер.

⁵⁴⁹ Повторяется почти дословно, кроме последних фраз, отрывок из предыдущего перечисления. Вероятно, это ошибка переписчиков. Вместо «внуков» в данной версии названы «колдуньи» (gwreichon).

⁵⁵⁰ Гурнах (Gwrnach) Великан – один из великанов, которые по валлийским легендам населяли Уэльс до прихода туда кельтов и были окончательно истреблены Артуром. Гурнах упоминается в нескольких стихотворениях как свирепый разбойник; его имя означает «Губитель мужей».

⁵⁵¹ По валлийскому праву с момента обручения жених должен был брать невесту на содержание или дарить ее роду подарки, соответствующие стоимости ее пищи и одежды. Отказывая Килуху в этом, Исбаддаден дает понять, что считает брак невозможным.

⁵⁵² Gogeu (совр. валл. gogau) – «Лучший». Возможно, изначальной формой имени было Gogneu – «Житель Корнуолла». В генеалогиях имя Кустеннин носит отец Эрбина, короля Корнуолла.

⁵⁵³ «Крепость Глини». Имя ее владельца – Glini – означает «Колено». Заключение Эйдозла в повести дублирует заключение его кузена Мабона.

⁵⁵⁴ Обращение за помощью к «старейшим животным» – распространенный сюжет в фольклоре, например, в русских сказках или в созданном на их основе «Коньке-горбунке» П. Ершова. В триаде 92 среди старейших животных Острова Британии упоминаются дрозд из Келли-Гадарн, сова из Кум-Каулуйд и орел из Гвернабви. Их упоминает и Давид ап Гвиллим в одном из своих стихотворений. Все упомянутые географические названия относятся к Южному Уэльсу, кроме Кум-Каулуйд, местонахождение которого неизвестно.

⁵⁵⁵ В оригинале: «склевывал звезды с неба», но, возможно, это ошибка переписчиков. Мы предпочли вариант Ш. Гест как более реалистический.

⁵⁵⁶ Английский город Глостер (Caer Gloiw) находится недалеко от Уэльса. В раннем средневековье Глостер воспринимался валлийцами как символ чужеземного владычества, поэтому в мабиноги он связывается со злом и несправедливостью. Кроме данного места, можно привести в пример «глостерских ведьм» из повести о Передуре.

⁵⁵⁷ Из триад известно, что Ллудд находился в плену у своего соперника Эуросвидда, который отнял у него жену. Грейт, сын Эри, возможно, назван здесь по ошибке вместо Гвейра, сына Гвейриода, об освобождении которого повествуется в поэме «Preideu Annwfn» из «Книги Талиесина». Вероятно, все эти три героя находились в заключении в подземном царстве, и их освобождение принадлежало к числу подвигов молодого бога или героя. В поэме вождем похода также выступает Артур, но, возможно, прежде его место занимал Гвидион, сын Дон.

⁵⁵⁸ Абер-Деу-Кледдиф – «Устье двух мечей», длинный морской залив в Диведе. Известно, что по преданию именно в этом районе находился вход в подземное царство.

⁵⁵⁹ Известный по легендам корабль Артура, название которого означает «Белый (прекрасный) облик».

⁵⁶⁰ Намек на оборотничество этих персонажей, которые в повести предстают то как люди, то как собаки.

⁵⁶¹ Холм Пимлиммон или Плинлиммон, название которого означает «Пять вершин», находится в самом центре Уэльса.

Считалось, что возле него сходятся границы всех валлийских королевств и что с этого довольно невысокого холма видно всю страну. *Sam gwylathug* – сторожевая вышка из тех, что, возможно, воздвигались на холмах для предупреждения внезапных нападений врагов. Документальных свидетельств существования подобных вышек нет, поэтому в некоторых английских переводах Карн-Гвилатир – имя собственное.

⁵⁶² В оригинале *ghyswg* – «храбрец», но по смыслу больше подходит перевод «разбойник».

⁵⁶³ Трудно переводимая фраза. В переводе Т.П. Эллис и Дж. Ллойда: «Самый храбрый из тех, кто скрывался от Артура».

⁵⁶⁴ В оригинале:

«Kinnllyua a oruc Kei
O uaryf Dillus uab Eurei
Pei Iach dy anghew uydei».

В дословном переводе: «Поводок сплел Кей из бороды Диллуса, сына Эуреи. Если бы он не спал, он стал бы твоей погибелью».

⁵⁶⁵ В этой истории соединяются мотив битвы двух властителей подземного царства (в повести о Пуйлле это Араун и Хавган) и мотив «съеденного сердца», часто встречающийся в средневековой литературе. В Ирландии бытовала легенда о Лабрайде Лойнгсехе, который лишился дара речи, когда его заставили съесть сердце собственного отца, но позже излечился и стал королем Ленстера. Возможно, этому герою идентичен Киледир, который уже в предыдущем списке назван «диким» или «безумным». В том же списке упоминаются почти все перечисленные противники Гвина.

⁵⁶⁶ См. примечание 407.

⁵⁶⁷ Кобыла Артура Лламреи («Скачущая») упоминается в поэмах Талиесина, а также в цикле «Триады о лошадях» («*Trioedd y Meirch*»).

⁵⁶⁸ В тексте *maeg*. В большинстве английских переводов – *seneschal*, то есть управляющий двором – должность, которую при дворе Артура занимал Кей. В переводе Ш. Гест почему-то стоит *rigveuog* – «эконом».

⁵⁶⁹ Экспедиция в Ирландию за Котлом возрождения является вариантом ирландского похода Бендигейда Врана, описанного в повести о Бранвен. И здесь, и там Ирландия – синоним потустороннего мира, владыке которого принадлежал волшебный котел кельтской мифологии.

⁵⁷⁰ Порт-Керддин, видимо, располагался на побережье Пемброкшира, где сохранился топоним Трелетин (т. е. «Дом Ллуйдеу», *Tre Lwydden*).

⁵⁷¹ В БК добавлена фраза: «И теперь это Мессур-и-Пейр». Видимо, речь идет о селении, название которого переводится «измерение котла».

⁵⁷² Из Летней страны (Gwlad yf Haf), по данным фольклора, Ху Кадарн привел народ бриттов в Британию. Там же по сообщению «Жития святого Гильдаса» правил король Мелвас, похитивший у Артура его супругу Гвенвивар. По мнению одних ученых, имеется в виду графство Сомерсет (по-англосаксонски «Летний край»), по мнению других – Средиземноморье.

⁵⁷³ Gwg – собственно «муж», но в данном контексте обозначает эпитет Бога и переводится нами как «Сущий».

⁵⁷⁴ Grugyn Gwrych Egeint, имя которого означает «Хрюкающий».

⁵⁷⁵ Последующий перечень мест, через которые проходит Турх Труйт, несомненный остаток сакрального наименования областей мира или страны по частям тела животного или человека-первопредка.

⁵⁷⁶ Порт-Клейс – гавань в устье реки Алун в Пемброкшире. Маршрут Турха Труйта в повести пролегает через Миниу (Сент-Дэвидс), холмы Преселеу, Абер-Тейви (Кардиган), Лугор (Дифрин-Ллихор), затем по всему Южному Уэльсу к реке Северн, где между двух скал ему была устроена ловушка. После этого Турх Труйт пересекает Северн и направляется в Корнуолл.

⁵⁷⁷ Миниу – монастырь святого Давида в Диведе, ныне город Сент-Дэвидс.

⁵⁷⁸ Ошибка. Судя по тексту, они не принимали участия в убийстве Иггитирвина.

⁵⁷⁹ В БК Llaesgymun («Нерадивый работник»).

⁵⁸⁰ Имена всех свиней происходят от устаревших или диалектных валлийских названий свињи и дикого кабана.

⁵⁸¹ В тексте ошибочно gwallt (волосы) вместо gwrych (щетина).

⁵⁸² Северн (по-валлийски Hafren) – крупнейшая река Англии.

⁵⁸³ Эвиас – область в Юго-Восточном Уэльсе, прилегающая к Северну.

⁵⁸⁴ Лишение бороды или волос часто связывается в мифологии с утратой волшебной силы; понятно, что после этого спутники Килуха легко смогли одолеть великана.

ВИДЕНИЕ РОНАБВИ (Breudwyd Rhonabwy)

История о видении Ронабви, продолжающая в сборнике артуровскую тему, сохранилась лишь в составе КК. Ее редакция относится к концу XII в., что доказывается упоминанием как исторического лица (Мадауга ап Маредидда), так и исторических реалий того времени. Здесь впервые сказочное прошлое уступает место неприглядному настоящему, изображенному в нарочито грубых, сатирических красках. Ему противопоставляется предстоящее в видении славное время Артура, окрашенное уже в сугубо идеальные тона. Сюжет статичен; перед нами, вместе с зачарованным и напуганным героем, просто разворачивается величественная картина могущества Артура. Эта небольшая повесть тоже по-своему этапна; но если «Килух» ознаменовал собой переход от мифа к литературе, то в «Ронабви» мы наблюдаем переход от местной, глубоко своеобразной, традиции к той «артуриане», что к тому времени уже завоевала Европу. С одной стороны, весь строй, образы и язык повести проникнуты франко-нормандскими влияниями, а Артур в ней уже не кельтский племенной вождь, а феодальный сеньор. С другой стороны, сама история и ее колорит остаются валлийскими по духу, и рыцари Артура здесь еще достаточно далеки от кургуазных героев Мэлори и Кретьена де Труа.

⁵⁸⁵ Мадауг, или Мадок, после смерти своего отца Маредудда ап Бледдина в 1132 г. правил королевством Поуис, успешно обороняя его от английских феодалов. После смерти Мадауга в 1160 г. его владения были разделены между его братьями (одним из которых и был упомянутый здесь Иорверт ап Маредудд) и сыновьями. Племянником Мадауга был известный поэт Оуэн Кивейлиог, который, возможно, сыграл какую-то роль в создании данной повести.

⁵⁸⁶ Поуис – северо-восточное королевство Уэльса, добившееся в XI–XII вв. большого регионального влияния. Мадауг был последним правителем единого Поуиса.

⁵⁸⁷ Буквально: «предложил стать penteulu» (командиром дружины).

⁵⁸⁸ Англия – в тексте Lloeger. Вплоть до XIII в. отдельные валлийские вожди нередко совершали грабительские набеги на соседние английские графства.

⁵⁸⁹ Эти сумудау (общины) Поуиса находились на северо-востоке, поэтому размещение войск в них ставило целью оттеснение мятежного принца от границы с Англией.

⁵⁹⁰ В переводе Т.П. Эллис и Дж. Ллойда: «Тот не считался благородным мужем, кто не имел в этих трех общинах земель и скота».

⁵⁹¹ Ниллистон-Треван – селение на севере Поуиса.

⁵⁹² Имя Ронабви (Ronabwy) нередко встречалось в средневековом Уэльсе, как и другие имена с окончанием wу, образованным от слова wуf – «я».

⁵⁹³ Мауддви и Мэлфре – cantrefi (области) на западе Поуиса. Прозвище Врихгох переводится как «Рыжие веснушки», а Фрас – «Толстяк». Имя Хейлин означает «Солнечный луч», прозвище Гох – «Рыжий».

⁵⁹⁴ В тексте celyp – «падуб», хотя вряд ли валлийцы выстилали полы ветвями этого довольно редкого дерева. Т.П. Эллис и Дж. Ллойд предлагают вариант «раakitник» (broom).

⁵⁹⁵ Долина Аргингроиг находится между реками Деуддор и Северн; название Рид-и-Грос («Брод на перекрестке») носит небольшое селение близ Монтгомери, где находится известный с давних времен брод через Северн, соединяющий Уэльс с Англией. Через этот брод далее проходит войско Артура, направляясь к месту битвы при Бадоне.

⁵⁹⁶ В одной из триад Иддауг Возмутитель Британии (буквально «мутовка», Cordd Prydein) описан как прямой предатель, сговорившийся с Медраудом погубить Артура. Давид ап Гвиллим упоминает его как чародея, притом ирландца по происхождению. Имя Иддауга встречается и в списке валлийских святых.

⁵⁹⁷ Битва при Камлане произошла, по различным данным, между 519 и 542 гг. между Артуром и его племянником Медраудом (в артуровских романах Мордред), который на самом деле был незаконным сыном Артура от его сводной сестры Моргаузы, жены короля Лота Лотианского. Медрауд, известный в артуровском эпосе как законченный злодей, здесь предстает скорее жертвой обмана. Причинами битвы в триадах называются ссора между Артуром и Медраудом или между Гвенвивар и ее сестрой Гвенвивах, в романах – прелюбодеяние королевы Гвенвивар с Медраудом. В битве погибло большинство рыцарей обоих воинств, включая Медрауда; смертельно раненый Артур был перенесен его сестрой, волшебницей Морганой, на чудесный остров Аваллон (Яблочный). Эти легендарные события подробнее всего изложены в романе Т. Мэлори «Смерть Артура».

⁵⁹⁸ Llech las (Зеленый или Серый камень) – неизвестное место в Шотландии или Северной Британии. Вероятно, имеется в виду монастырь.

⁵⁹⁹ В БК *Rwawn*. См. прим. 374.

⁶⁰⁰ См. прим. 488.

⁶⁰¹ Гвартегидд (*Gwartheygydd*) не упоминается в числе сыновей Кау в перечне из «Килуха», но его имя встречается в других источниках. Этот старший сын Кау, короля Камбрии (Северной Британии), воевал с Артуром и был им убит.

⁶⁰² Гагат (по-валлийски *tuchud*) – полудрагоценный камень черного цвета, считавшийся в средние века лучшим средством от змеиных укусов.

⁶⁰³ В фольклоре часто встречается мотив «малости» и «ничтожности» современных людей в сравнении с героями прошлого.

⁶⁰⁴ В тексте употреблен глагол *gorderchu*, что на современном валлийском языке означает «прелюбодействовать». Прежде этот глагол имел другое значение – «добиваться любви».

⁶⁰⁵ По средневековому валлийскому праву удар плоской стороной меча не считался оскорблением, если давался «с целью предупреждения» в битве или другой опасной ситуации, когда на слова не оставалось времени.

⁶⁰⁶ Адаон (или Аваон), сын Талиесина, известен не только как бард, но и как бесстрашный воин. В одной из триад упоминается его вероломное убийство Плаугадом.

⁶⁰⁷ Это Эльфин, неудачливый сын Гвиддно Гаранхира из «Истории Талиесина».

⁶⁰⁸ Битва при Бадоне, имевшая место в 496 или 516 гг., – крупнейшая победа Артура над саксами, ставшая на многие века символом сопротивления бриттов завоевателям. О ней упоминают Гильдас и Ненний; первый помещает холм Бадон близ устья Северна (Сабрины). Об Осле Длинном Ноже см. прим. 449.

⁶⁰⁹ Карадауг Врейхврас («Сильная рука») – король Гвента в начале VI в., сын Гонория (Инира), успешно воевавший против англосаксов, в триадах именуется «опорой кимров». Позже он стал одним из прообразов сэра Карадоса, героя артуровских романов. «Двоюродным братом Артура» он именуется по ошибке или в знак уважения. Далее говорится о его сыне Каурдау (Каурдо), который упоминается также в триаде 13. Ллир Марини, названный здесь отцом Карадауга, – мифологический герой «Ллир Морской», отец Манавидана.

⁶¹⁰ Кевин-Диголл – брод в верховьях Северна в валлийской области Поуис.

⁶¹¹ Ллихлин (ирл. *Lochlann*) – Норвегия или Скандинавия в целом.

⁶¹² Марх, сын Мейрхиона – король Корнуолла, известный по

легенде о Тристане. Был прославлен как владелец множества кораблей, почему и ассоциируется здесь с мореплавателями-норвежцами. Артуровские романы отрицательно относятся к Марку, который не только подстроил вероломное убийство Тристана, но и напал после смерти Артура на его владения, разрушив Камелот. С другой стороны, в более ранней традиции Марк представлен как мудрый и благородный правитель, тяжело переживающий измену жены. По легенде Марх имел лошадиные уши, что отражает его связь с конским божеством; само его имя означает «Конь, сын лошадей», хотя возможна и связь с латинским именем *Marcus*. Его исторический прообраз – Кунмор-Марк, правитель Корнуолла и Бретани-Арморики в середине VI в. Однако Марх ап Мейрхион, по некоторым данным, жил веком раньше, хотя также был королем Корнуолла или Думнонии (Девоншира).

⁶¹³ Эдирн, сын Нудда (см. прим. 371) упоминается в триадах как искусный чародей; здесь он по непонятным причинам связан с Данией (*Denmarc*).

⁶¹⁴ См. прим. 357.

⁶¹⁵ Кадор, граф Корнуолла – советник Артура и его сводный брат, сын герцога Горлойса и Игрейны. Скорее всего, он не являлся историческим лицом, а был изобретен Гальфридом и его продолжателями. В артуровских романах Кадор почти не упоминается, но по преданию его сын Константин после смерти Артура ненадолго унаследовал британский трон.

⁶¹⁶ *Eirunwuch* – известный по триадам слуга Артура, имя которого означает «Рыжий красавец». Его отцом здесь назван Пейбиау – один из двух «проклятых королей» Гвента, которые упоминаются в повести о Килухе.

⁶¹⁷ *Gwenn* (Белый) – чудесный ковер или плащ Артура, известный по многим преданиям.

⁶¹⁸ Оуэн, сын Уриена, короля Регеда – исторический персонаж, воспетый в одной из од Галиесина. Он правил в Северной Англии ок. 586 – 597 гг. и погиб в битве с англами. Его имя (*Owein*), скорее всего, происходит от римского Евгений, но, возможно, имеет отношение к слову «юный» (*ieuanic*), что объясняет связь его образа с богом Мабоном. В триаде 70 матерью Оуэна названа Модрон (Матрона), известная как мать Мабона. Хотя Оуэн жил позже Артура, традиция сделала его одним из рыцарей Круглого Стола. Впоследствии этот герой под именем сэра Ивейна стал главным героем романов Кретьена де Труа и Гартмана фон Ауэ, а также персонажем других произведений артуровского эпоса. Ему посвящена отдельная повесть (см. далее).

⁶¹⁹ Имеется в виду игра «gwyddbwyll» (см. прим. 284).

⁶²⁰ Вороны Оуэна (vrein Owein) упоминаются в посвященной ему повести и в поэзии; возможно, так называли его дружинников из-за цвета одежды. Возможно также, что на Оуэна по какой-то причине оказались перенесены черты бога подземного царства, которого в мифах многих народов сопровождала свита воронов.

⁶²¹ В тексте cwnsallt – конские доспехи или облачение. Ш. Гест в своем переводе приняла их цвета за масть коня.

⁶²² В БК это имя читается как «Гверс».

⁶²³ Селиф, сын Кинлана («Кинана Гарвина»), и Гугаун Гледифридд («Багровый меч») упоминаются в источниках среди участников битвы с англосаксами при Честере в 616 г. В БК вместо них назван Кинан Белоногий, король Поуиса, а Гор вновь читается как Гверс.

⁶²⁴ Морхет – очевидно, ирландское имя Мурхад.

⁶²⁵ Как выяснилось позже, это был Рин, сын короля Мэлгона Гвинедда. Почти все из упомянутых ниже персонажей упомянуты в большом перечне из повести о Килухе.

⁶²⁶ Хоуэл, сын Эмира Ллидау – возможно, упомянутый в сочинении Гальфрида Монмутского король Бретани Хоэл, названный брат Артура. Эмиром Ллидау («Императором Бретани») называли его отца, короля Будика, правившего в Бретани ок. 478 – 510 гг. Слово Емуг обычно считается сокращением титула emherawdug, «император».

⁶²⁷ Персонаж повести о Килухе.

⁶²⁸ Герой повести о Передуре.

⁶²⁹ Единственное упоминание знаменитого Тристана на страницах «Мабиногион».

⁶³⁰ Вероятно, искаженное «Бранвен, дочь Ллира».

⁶³¹ Ллахеу – старший сын Артура, не раз упоминаемый в поэзии и в артуровских романах, где он носит имя Лохольт. В рыцарском романе «Перлесвос» описано его вероломное убийство Кеем у Ллех-Исгара (Расколотый камень). Само имя Llacheu, возможно, происходит от llecheu (камни), хотя буквально переводится как «раны». Другим сыном Артура именуется Амир или Анир, убитый по преданию собственным отцом в местности Лигат-Анир (Глаз Анира).

⁶³² Llawvroded Varvawc – «Печальный бородач». Этот персонаж упомянут в перечне «сокровищ Острова Британии» как владелец волшебного ножа, которым можно было одновременно резать мясо для двух дюжин пирующих.

⁶³³ Этот персонаж под именем «Гвертмол» упоминается в не-

скольких стихотворениях как храбрый воин. Его могила находилась в Келли-Бриафайл в области Мерионидд.

⁶³⁴ Гильдас Мудрый, сын Кау – известный церковный деятель и писатель VI в., автор сочинения «О разорении Британии», из которого черпали сведения большинство позднейших историков. В «Мабиногион» Гильдас не раз упоминается как советник Артура, хотя на самом деле он, как и все его родственники, враждебно относился к историческому Артуру и даже не упомянул о нем в своей книге. Гиральд Камбрийский в своем «Описании Уэльса» (XII в.) пишет, что Гильдас побросал в море все свои книги, в которых описывались подвиги Артура, после того, как Артур убил его брата Хуэла. В написанном чуть раньше «Житии Гильды» Карадога Лланкарванского содержатся примерно те же сведения, однако этот автор добавляет, что в конце концов Гильдас примирился с Артуром и помог ему освободить его жену Гвиневеру, плененную королем Летней страны Мелвасом.

⁶³⁵ Кадириэйт («Дивная речь») упомянут в триаде 9, где он именуется сыном Гаду или Гандви. Возможно, он считался бардом или судьей Артура.

⁶³⁶ В тексте *cyfarwydd* – рассказчик историй, стоящий рангом ниже барда. В переносном смысле также «умелец».

⁶³⁷ Подобный символизм был свойственен европейским произведениям артуровского цикла, особенно роману Вольфрама фон Эшенбаха «Парсифаль», однако в валлийской литературе он сравнительно редок. Некоторые из описанных в повести предметов и цветов действительно имеют символическое значение, однако большая их часть просто использована для создания образа великолепного и славного прошлого, противопоставленного жалкому настоящему.

ОУЭН, или ХОЗЯЙКА ИСТОЧНИКА (Owein neu Iarllles y Ffynnawn)

Три последние повести сборника настолько же схожи между собой, насколько отличаются от предыдущих. Все они посвящены Артуру и его рыцарям, трое из которых являются главными героями этих повестей. Хотя их имена и образы остаются кельтскими, сюжет и характеры отражают сильное влияние франко-нормандской традиции. Валлийские по происхождению легенды об Артуре и его рыцарях, пройдя обработку на континенте, рикошетом вернулись в Уэльс – но уже в другом об-

личье. Их влияние на европейскую литературу Средних веков так велико, что нет смысла обсуждать его здесь. Интересующимся можно рекомендовать следующие труды: Loomis R. S. *Arthurian literature in the Middle Ages*. Oxford, 1959; Ashe G. *King Arthur in Fact and Legend*. N.Y., 1971; Morris J. *The Age of Arthur*. London, 1975, а также вышедшую на русском языке «Энциклопедию короля Артура» А. Комаринец (М., 2001). Что касается обратного влияния, то оно выразилось в формировании идеального рыцарского мира – Круглого Стола; в проникновении извне не только терминов, но и целых сюжетных линий, которые причудливо переплетались с местной традицией (наподобие легенды о Святом Граале); и наконец, в радикальном изменении образов героев, идеализированных сообразно вкусам феодальной верхушки европейского общества.

Из этих трех повестей «Оуэн» кажется самой законченной и цельной; в ней отсутствуют и композиционная неряшливость «Передура», и схематичность «Герайнта». Следы некоторых преданий и личность главного героя еще сохраняют связь с валлийской традицией, но время и место действия уже целиком перенесены в условно-эпический мир артуровского романа, получивший впоследствии совершенное воплощение в «Смерти Артура» Томаса Мэлори. Сюжет «Оуэна» почти полностью воспроизводит стихотворный роман Кретьена де Труа «Ивейн, или Рыцарь со львом». Повесть целиком сохранилась только в КК; в БК имеются ее фрагменты на страницах 225 – 232 и 249 – 256.

⁶³⁸ В оригинале повесть не имеет названия. Название «Оуэн, или Хозяйка источника» дано ей первой переводчицей Ш. Гест. В некоторых переводах повесть называется «Оуэн и Линед».

⁶³⁹ В данной повести, как и в «Видении Ронабви», Артур везде именуется заимствованным титулом «император» (*amherawdyr*).

⁶⁴⁰ Каэрлеон (*Caerllion*) на Уске – место, где находился главный двор Артура, позднее перенесенный эпосом в мифический Камелот. Отождествляется с современным Карлионом в Гламорганшире.

⁶⁴¹ См. прим. 618. Оуэн упоминается в триадах как один из Трех храбрейших рыцарей Артура, наряду с Ланселотом Озерным (составной образ, восходящий к Гвальхмаи) и Кадором, графом Корнуолла.

⁶⁴² *Synon iab Clyddno* («Великий Пес, сын Преславного») упоминается в триадах как один из мудрых советников Артура (что противоречит его несколько сниженному образу в повес-

ти), а также как один из верных влюбленных – за любовь к Морвидд, сестре Оуэна. В поэме «Гододдин» Анейрина упоминается о его участии в битве с англосаксами при Катрайте около 600 г. Его отец Клиддно имел прозвище Эйдин и, очевидно, имел владения где-то в районе нынешнего Эдинбурга (на языке бриттов Дун-Эйдин). В романе Кретьена Кинон носит имя Калогренан, но в последующих произведениях артуровского цикла не встречается.

⁶⁴³ В этой повести хорошо заметны изменения в трактовке образа Кея. Здесь он уже не чародей из «Килуха», а рачительный сенешаль двора Артура.

⁶⁴⁴ См. прим. 351.

⁶⁴⁵ В Средние века каменные полы покоев часто покрывались свежесрезанным тростником, который меняли примерно раз в две недели.

⁶⁴⁶ Буквально: «куски» (golwython). Имеются в виду нарезанные куски жареного мяса.

⁶⁴⁷ Распространенная формула рыцарских романов.

⁶⁴⁸ Типичная деталь идеального пейзажа.

⁶⁴⁹ См. прим. 282.

⁶⁵⁰ Это высший комплимент в устах Кинона, поскольку Гвенвивар в валлийском фольклоре считалась эталоном красоты.

⁶⁵¹ Такое поведение дев кажется странным, но во времена рыцарства им нередко приходилось оказывать рыцарям такие услуги, хотя и не предусмотренные этикетом.

⁶⁵² В тексте *wtwart* – от англ. *woodward*, «лесничий».

⁶⁵³ В тексте «виперы» (*gwiberot*). Випера – в средневековой книжной традиции то же, что «ехидна», чрезвычайно ядовитая и злобная змея. В современном французском – гадюка.

⁶⁵⁴ Заимствованное слово *ffynfawn* (фонтан) в данном случае обозначает природный источник или ключ, облицованный камнем для удобства использования. В различных странах Европы было известно множество таких ключей; некоторые из них славились своими чудесными свойствами. Подобный фонтан, облицованный мрамором, упоминался в мабиноги о Манавидане. В романе Кретьена де Труа «Ивейн, или Рыцарь Льва» имеется в виду «фонтан» Барантон в Броселианском лесу в Бретани, известном краю волшебства и чудес. В произведениях артуровского цикла в этом лесу совершались «странствия» рыцарей Круглого Стола; здесь же Дева Озера Нимуэ (Вивiana) держала в плену чародея Мерлина.

⁶⁵⁵ Буквально: «с мраморным камнем» (*a llech uarnog*).

⁶⁵⁶ Еще в XIX в. в окрестностях Броселианского (ныне Пьемонтского) леса существовало поверье о волшебном роднике, из которого нельзя пить, чтобы не вызвать страшной бури. Подобный источник упоминается также в списке тринадцати чудес Британии в «Истории» Ненния.

⁶⁵⁷ В тексте *baruflen* – вуаль, которую рыцари прикрепляли к щиту.

⁶⁵⁸ Имя девушки – Линет – называется в повести гораздо позже. Подлинная валлийская форма этого имени – *Eluned*, «Желаннейшая». Возможно, ее прообразом является Элинед, дочь Брихана, легендарная христианская мученица VI в. Красота Линет воспета многими бардами, в том числе Давидом ап Гвиллимом. В перечне «чудес Острова Британии» к имени Линет добавлен эпитет «Удачливая» (*ddedwyd*). Во французских артуровских романах она носит имя Лунетт («Маленькая Луна»), или Лионетта. В этих произведениях подчеркивается колдовское искусство Линет – она возвращает память Ивейну-Оуэну после его скитаний в лесу, оживляет мертвых и т.д. В балладах немецких миннезингеров Линет или Ланнета оказывается владелицей волшебного плаща.

⁶⁵⁹ Это кольцо фигурирует у Ненния как одно из тринадцати сокровищ Острова Британии, которым владел Артур.

⁶⁶⁰ Буквально: «росписями в изобилии» (*arpei yn amryfal*). Обычай расписывать стены жилищ также пришел в Уэльс из Франции после XI в.

⁶⁶¹ Буквально: «вымыла ему голову», что было в те времена знаком высшего уважения к гостю.

⁶⁶² Мебель из душистого сандалового дерева была в средние века большой редкостью. Возможно, в тексте под сандалом (*syndal*) подразумеваются благовония, которыми окуривали спальню для создания приятного запаха.

⁶⁶³ Барон (*barwn*) – термин, принесенный в Уэльс англо-нормандцами.

⁶⁶⁴ Здесь она именуется *iarlles*, то есть «графиней»; слово это происходит от скандинавского «ярл». Возможно, это Пенарвен, дочь Килвинайта, которая была женой Оуэна по данным триад. После ее смерти он женился на Дениу, дочери Ллеуддина Лиддауга; их сыном был святой Кентигерн, основавший кафедральный собор в Глазго. В романе Кретьена Хозяйка носит имя графини Лодины де Ландюк.

⁶⁶⁵ Единственное упоминание церковного брака на страницах «Мабиногион».

⁶⁶⁶ См. прим. 480.

⁶⁶⁷ В тексте у *gaguw* – исковерканное уг *Angyw* – «Анжу», одна из областей Франции.

⁶⁶⁸ Обычно на турнире в первой схватке противники сражались копьями с затупленными концами, а потом при желании могли перейти на острые боевые копыя.

⁶⁶⁹ Отец Оуэна Уриен и отец Гвальхмаи Лот по данным валлийских родословных считались сыновьями Кинварха, сына Мейрхиона. На самом деле исторический Лот (Леудон) жил несколько раньше Уриена, короля Регеда.

⁶⁷⁰ Буквально: «позор твоей бороде» (уг *mefyl ar dy uaryf*).

⁶⁷¹ Возможно, имеется в виду одичание Оуэна, находящее параллели в других памятниках кельтской традиции – например, в ирландской повести о Суибне Безумном. В романе Кретьена прямо сказано, что Оуэн в скитаниях одичал, ходил без одежды и ел сырое мясо. Мотив «дикого человека» в кельтском фольклоре подробно рассмотрен в недавно вышедшем исследовании Т.А. Михайловой «Суибне-гельт» (М., «Аграф», 2001). Следует отметить, что в «Смерти Артура» Мэлори и других артуровских романах понятия «лес» и «безумие» почти равнозначны; когда Ланселот, Ивейн, Тристан и другие персонажи теряют разум, они скрываются в лесах и живут там, «как дикие звери». Такая же судьба, по легенде, постигла чародея Мерлина и его исторический прообраз – шотландского «блаженного» Лайлокена.

⁶⁷² Приготовление мазей и целебных настоев было частью образования, получаемого знатными дамами в средние века до тех пор, пока это занятие не стало ассоциироваться с колдовством.

⁶⁷³ Возможен перевод: «сто сорок фунтов», то есть 70 килограмм, но это явная несообразность. Предпочтительнее вариант: «мазь стоимостью сто сорок фунтов».

⁶⁷⁴ В БК «черный».

⁶⁷⁵ Это приключение со львом описывается и в поэме Кретьена де Труа; благодаря ему Оуэн получил прозвище «Рыцарь Льва». В «Смерти Артура» Т. Мэлори оно произошло с Персивалем (Передуром).

⁶⁷⁶ Черный Лиходей (*Ddu Traws*), от глагола *treisio* «угнетать, творить зло».

⁶⁷⁷ В тексте *aryant*, т.е. «серебро». Имеются в виду английские серебряные пенни, ходившие в Уэльсе с XII в. В современном валлийском языке словом *agian* обозначаются деньги вообще.

⁶⁷⁸ Имеется в виду «госпиталь» (*yspytty*) – замок рыцарей-госпитальеров. Эти замки должны были, согласно уставу орде-

на, давать приют больным и старым (прежде всего рыцарям), но зачастую становились гнездами разбоя, что отражено в повести.

⁶⁷⁹ См. прим. 620. Кинверхин – дед Оуэна Кинварх, король Регеда, который, возможно, и создал дружину «воронов». В одной из генеалогий говорится о «трех сотнях мечей сынов Кинварха»; триста воинов входили обычно в состав дружины (teulu). В переводе Дж. Ганца: «Ему служили триста мечей Кинверхина и воронов».

ПЕРЕДУР, СЫН ЭВРАУКА (Peredur uab Ewrawc)

Текст повести о Передуре дошел до нас в двух версиях в КК и БК, значительно различающихся не только орфографией, но и составом; отдельные эпизоды, встречающиеся в одном тексте, отсутствуют в другом. Кроме того, в БК содержатся два отрывка повести, также представляющие собой самостоятельные варианты (страницы 286 – 290 и 605 – 648). В целом повесть громоздка, отягощена дополнительными сюжетами и полна несоответствий, что позволило ряду ученых предположить, что она является просто переводом на валлийский язык различных произведений артуровского цикла. Тем не менее образ Передура имеет, несомненно, валлийское происхождение, как и другие образы повести. Но, кроме этого, все здесь – описания оружия и доспехов, форма диалогов, отношения героев – проникнуто колоритом рыцарского романа; кельтский дух, еще присутствующий в «Оуэне», здесь почти исчезает. По выражению Т. П. Эллис и Дж. Ллойда: «Естественная красота валлийской словесности принесена в жертву новому литературному шаблону». Однако, если заглянуть глубже, история о приключениях Передура – это классическая волшебная сказка, описывающая подвиги юного героя, имеющего черты фольклорного «дурня». Что ищет Передур – здесь не вполне ясно; в артуровском эпосе предмет его поисков – загадочный Святой Грааль, который он в конце концов и получает, как достойнейший из рыцарей Артура. Передур был главным героем нескольких артуровских романов – неоконченного романа Кретьена де Труа «Персеваль, или Повесть о Граале», романа Вольфрама фон Эшенбаха «Парсифаль», приписанного Роберу де Борону романа «Дидо-Парсифаль» и др. В опере Рихарда Вагнера «Парсифаль» образ героя оказался преобразенным в традициях романтического символизма.

⁶⁸⁰ Север (Y Gogledd) был местом, к которому относили деятельность легендарного бриттского вождя Эвраука, эпонима города Йорк (Eboracum); его имя означает «золото» и, возможно, является эпитетом солнечного божества. Отцом исторического Передура был король Йорка-Эвраука Элифер Госгордвуур, убитый англосаксами около 560 г. В романе фон Эшенбаха отец Парсифаля носит имя Гамурет, а мать – Герцилойда.

⁶⁸¹ В оригинале употребляются валлийское слово *ymladeu* («война») и заимствованные из французского слова *twrpeiment* («турнир») и *gyueloed* («сражение»). Здесь мы видим осуждение монахом-редактором времяпровождения рыцарей, обычное для средневековой литературы. В романе Кретъена убийцей отца Передура-Персиваля оказывается некий Красный Рыцарь. Именно из страха перед его мезтью мать спрятала Персиваля в лесу и даже не открывала ему его имени – согласно Кретъену, Персиваль узнал собственное имя только после посещения замка Грааля.

⁶⁸² Передур упоминается в поэме Анейрина как один из павших в сражении с англосаксами; многие барды говорят о нем как об одном из храбрейших рыцарей Артура. Вместе со своим братом Гурги он был правителем Йорка (Эвраука) во второй половине VI в. и был убит в 580 г., как отмечено в «Анналах Камбрии». Его имя производится от слов *rag* («копье»), во множ. числе *regi*, и *dur* («сталь»), что соответствует его прозвищам «Длинного Копья» или «Стальной Руки». Возможно, какие-то качества реального Передура позволили ему превратиться в Персеваля (Парсифаля) артуровских романов, главного искателя легендарного Грааля. Имя «Персиваль» производится от французской фразы «рази долину» и находит объяснение в эпизоде из романа Кретъена, в котором герой достигает замка Грааля, спускаясь с горы в долину.

⁶⁸³ В КК его имя – Генейр. Имя *Gweir uab Gwystyl* означает «Кольцо (или ошейник), сын Заложника (пленника)». Возможно, этот неизвестный персонаж как-то связан с таинственным узником Гвейром, сыном Гейриода.

⁶⁸⁴ Сюжет этой истории до нас не дошел.

⁶⁸⁵ Уподобление кого-либо ангелам с целью скрыть его подлинную суть от несведущего юноши встречается в ряде памятников средневековой литературы.

⁶⁸⁶ Буквально: «посвященные» (*urdolyon*). Имеется в виду посвящение в рыцари.

⁶⁸⁷ Наставления матери Передуру представляют своеобразный «кодекс чести» рыцаря, сформировавшийся к тому време-

ни в европейской литературе. Ее совет «служить» красавицам, т. е. проявлять к ним куртуазную любовь, отчасти объясняет последующее странное поведение Передура с женщинами. Он кажется каким-то ловеласом, в то время как уже в этой повести отразилось представление о нем как о девственнике, связанное с его поисками Святого Грааля в артуровском эпосе (сюжет о его женитьбе на императрице явно выглядит искусственным). Так, в триаде 86 Передур упоминается как один из Трех, стяжавших Грааль, и говорится, что он был «девственен телом». Но для кельтской традиции такое качество героя вовсе не считалось добродетелью; отсюда постоянные противоречия в тексте.

⁶⁸⁸ В тексте bronfoll – средневековое платье с глубоким вырезом, открывавшее грудь.

⁶⁸⁹ Здесь и далее словом «поле» (gweirglodd, буквально «скошенный луг») именуется площадка перед замком, на которой происходили поединки рыцарей.

⁶⁹⁰ Карлики (vlwydyn) в средние века часто играли роль шутов при дворе феодалов. Возможно, в Уэльсе карлики-шуты были известны еще до английского завоевания, однако прямых доказательств этого нет.

⁶⁹¹ Буквально: gwg hir (высокий человек). Кея часто называли «Высоким» (Hir).

⁶⁹² В тексте ffol – заимствованное английское fool («дурак»), или «простак»).

⁶⁹³ В оригинале: «железную одежду» (beis hayarn). По поздней английской версии, Персиваль решает, что панцирь составляет часть тела рыцаря, и несет его хоронить. В романе Кретьена убитый – тот же Красный Рыцарь, погубивший отца Персиваля. Герой поражает его камнем из пращи, что явно представляет собой отголосок библейской истории Давида и Голиафа.

⁶⁹⁴ Хромой старик, который впоследствии оказывается дядей Передура – Король-Рыбак, страдающий от раны в ногу, нанесенной магическим оружием. В артуровском эпосе он является хранителем Святого Грааля, однако в данной повести эта роль доверена второму дяде Передура, встреча с которым происходит позже. Возможно, это ошибка редакторов, механически совместивших части различных произведений.

⁶⁹⁵ В тексте ystaffwl hayarn (железная балка).

⁶⁹⁶ Весь этот эпизод представляет собой отражение легенды о Святом Граале. Под отрубленной головой подразумевается голова Иоанна Крестителя; блюдо с кровью – сам Святой Грааль, чаша, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь Христа, а копьё – знаменитый Сангрель, которым был ранен Спа-

ситель на кресте, реликвия, хранившаяся, согласно преданию, вместе с Граалем. В европейской традиции Грааль прошел сложный путь от кельтского «котла изобилия» до «философского камня» алхимиков. Впервые он упомянут в романе Кретьена «Персеваль» как волшебное блюдо, название которого (graal) производится от латинского gradale (перемена блюд на торжественных обедах) или от греческого crater (большой сосуд). Р. Лумис и ряд других исследователей производили это слово от ирландского *coil* – так называлась волшебная корзина королевы Медб, где никогда не кончалась пища. Неясность происхождения образа Грааля усугублялась расхождением источников, которые называли Граалем то блюдо, то чашу, а иногда путали его с тем же копьём Сангрель. Существует мнение, что его название *Sangre Real* (царственная кровь) превратилось впоследствии в *San Greal* (святой Грааль), однако с фонетической точки зрения это маловероятно. В романе Кретьена все три ипостаси Грааля оказались объединенными в сложном обряде, в котором некоторые ученые видят изображение православной литургии с ее причащением «кровью Христовой». В данной повести тот же обряд описан фрагментарно, без всякого понимания его сути, к тому же сам Грааль не упоминается. Это говорит о том, что легенда о Граале оставалась чуждой валлийской традиции.

⁶⁹⁷ В БК: «Позор моей бороде, если я не сделаю так». Эта колоритная фраза типична для средневекового Уэльса, но в устах юного Передура звучит довольно комично.

⁶⁹⁸ Две последние фразы отсутствуют в тексте БК.

⁶⁹⁹ По законам Хоуэла Доброго (X в.) командир дружины (*pen-teulu*) и управитель двора (*distein llys*) получали по трети от военной добычи, что и отражено здесь.

⁷⁰⁰ Глостерские ведьмы (*widonot caer loyw*) ассоциируются с дурной славой города Глостера (Каэр-Глоуи) (см. прим. 556).

⁷⁰¹ Подобное обучение у ведьм, весьма необычное для рыцарского романа, нередко встречается в кельтской мифологии. Например, ирландский герой Кухулин также обучался боевому искусству у ведьмы Скатах. Подразумевается, что оружие и конь, данные ведьмой Передуру, также обладали волшебными свойствами, но прямо об этом нигде не говорится.

⁷⁰² Этот эпизод также кажется заимствованным из ирландской традиции: в скеле «Изгнание сыновей Уснеха» Дейдрре таким же образом выбирает себе возлюбленного. Впрочем, подобные сюжеты встречаются и в фольклоре других стран.

⁷⁰³ Гвальхмай был широко известен как златоуст, что отра-

жено в нескольких триадах; Кей, напротив, пользовался славой грубого и сварливого человека.

⁷⁰⁴ Ангарад Золоторукая (Angharad Law Eurawc) упоминается только в этой повести; ее имя означает «Любимейшая». Возможна связь ее образа с Солнцем, а также с именем отца Передура – Эвраук («Золото»). В триаде 79 содержится упоминание о красавице Ангарад Тон Велен («Желтой волны»); вероятно, это то же самое лицо. В артуровских романах в качестве «дам сердца» Персеваля упоминаются Бланшефлер (девушка из осажденного замка, французское имя которой («белые цветы»), возможно, происходит от валлийского «Олвен»), некая Кондвирамур и «императрица» (она же хозяйка Грааля). Однако все они тщетно дожидаются своего избранника, который проводит время в рыцарских подвигах и скитаниях. Это подчеркивает важный для символики Грааля мотив девственности Персеваля-Передура, который в валлийском тексте отсутствует.

⁷⁰⁵ Имеется в виду обычный рыцарский обет, подразумевающий, что рыцарь должен отправиться в языческие земли и воевать там за веру.

⁷⁰⁶ Дифрин-Кронн – «Круглая Долина».

⁷⁰⁷ В тексте *pruf* (змея) в отличие от валлийского слова «dreig», которым обозначался дракон. Этот эпизод кажется сокращенным вариантом последующей истории с Черным Змеем Пещеры.

⁷⁰⁸ Адданк (*adanc*) – мифическое водное чудовище, вызывающее наводнения. Его внешний облик неясен; по некоторым данным он напоминает человека с конской головой. В одной из триад описывается, как прародитель бриттов Ху Кадарн с помощью быка победил адданка и таким образом поднял землю Британии из вод потопа (вариант общеиндоевропейского космогонического мифа).

⁷⁰⁹ Индия (*Yndia*) – здесь условная страна волшебства и чудес. Впоследствии она не фигурирует, а незнакомка оказывается императрицей Константинополя, бывшего для валлийцев XII в. не менее далеким и чудесным, чем Индия. Эта версия восходит к роману фон Эшенбаха; в остальных артуровских романах «императрица» прямо названа владычицей замка Грааля (Монсальвата).

⁷¹⁰ Эта картина типична для кельтской «волшебной страны». Аналогичная сцена с овцами описывается в ирландской повести «Плавание Майль-Дуйна».

⁷¹¹ Т. П. Эллис и Дж. Ллойд выдвинули остроумную догадку, что здесь имеется в виду дерево, на котором листья от морского

ветра пожелтели лишь с одной стороны. Однако все же скорее это образ вечно умирающей и возрождающейся природы.

⁷¹² Etlym Cledyf Coch – возможно, тот же герой-всадник Атлем из повести о Килухе. Его прозвище – «Красный, т.е. окровавленный, меч» – типично для воина, но, может быть, оно имеет отношение к «красным людям» потустороннего мира. Возможно, в повести перепутаны мифологический персонаж Этлим и Красный Рыцарь, который в романе Кретьена представляется врагом Персиваля и Артура.

⁷¹³ Christinobyl или CaerYsbidinongyl – по-валлийски Константинополь.

⁷¹⁴ То есть убитых оленей, привязанных к длинной жерди для переноски.

⁷¹⁵ В тексте ewin rhyf – коготь или лапа змея (дракона). В средние века считалось, что чаша из лапы дракона или рог из его когтя способны обнаружить яд в напитке.

⁷¹⁶ Это «история говорит» здесь и далее означает, что повесть компоновалась из разнородных фрагментов.

⁷¹⁷ См. прим. 626.

⁷¹⁸ Это описание может обозначать негритянку. Редактор повести вполне мог предполагать, что Константинополь населяют негры (отсюда такое обилие в повести «черных людей»). С другой стороны, впоследствии оказывается, что «черная дева» – магически преображенная посланница Грааля, которой в романе «Перслесвос» оказывается сама хозяйка Грааля («императрица»). Описание безобразной посланницы в точности соответствует ведьмам из кельтских преданий, которые превращаются в красавиц, когда кто-нибудь осмелится их поцеловать. В артуровских романах «черная дева» носит имя Кундри; у фон Эшенбаха она становится красавицей, когда Парсифаль заслуживает право вступить в замок Грааля.

⁷¹⁹ Siberw – «гордый».

⁷²⁰ Балка – поперечная полоса на рыцарском щите, один из элементов герба.

⁷²¹ После неожиданного обрыва истории о Гвальхмаи повесть теряет всякую связность, местами доходя до абсурда, что доказывает ее механическое переписывание из разных источников.

⁷²² Запрет путешествия в главные религиозные праздники нередко встречается в европейской традиции, но, возможно, коренится и в кельтском обычае не выходить из дома во время праздников, когда по земле бродят духи. Страстная пятница как день крестной смерти Христа считалась особенно неподходящим временем для любых начинаний.

⁷²³ Этот эпизод повторяется в продолжении неоконченного романа Кретьена «Персиваль», где герой попадает в Шахматный замок, в котором зачарованные рыцари ведут себя, как шахматные фигуры. В списке «чудес Британии» говорится о такой же доске, якобы принадлежавшей Гвенддолеу, сыну Кейдио. Связь игры в шахматы с государственными делами часто отмечается в литературе. Правда, здесь, как и в предыдущих повестях, говорится не о шахматах, а об игре *gwyddbwyll*.

⁷²⁴ В тексте *golwyp* – комнатная собачка, каких в средние века часто держали при себе знатные дамы.

⁷²⁵ Возможен перевод: «на костлявой лошади» (так у Т.П. Эллис и Дж. Ллойда), однако вероятнее, что и сам всадник, и его конь были скелетами. Эпизод битвы с живым покойником в повести не развернут, но ясно, что Передур должен был, победив его, освободить тем самым его душу.

ГЕРАЙНТ, СЫН ЭРБИНА (*Gereint uab Erbin*)

Повесть о Герайнте и Энид сохранилась полностью только в КК; в БК она представлена фрагментами на страницах 204 – 225, 254 и 406. Это пятая в сборнике история артуровского цикла и третья из повестей, объединенных значительным франконормандским влиянием. В ней это влияние кажется наибольшим, хотя и герои, и некоторые мотивы ее берут начало в валлийской традиции. Кретьен де Труа излагает эту же историю с большими подробностями в романе «Эрек и Энида», и хотя валлийская версия не кажется простым переводом, она теряет в сравнении с романом французского трувера то, чем были сильны предыдущие легенды сборника, – варварскую выразительность языка, цельность характеров, колорит мифа. Сменившая их «куртуазность» рыцарского романа приобретает здесь сухость и схематичность перевода. «Герайнт» знаменует собой окончательный упадок валлийской мифологической традиции под натиском литературных влияний с континента.

⁷²⁶ Напомним, что у кельтских королей не было постоянной столицы и они в течение года перемещались по своим владениям, собирая дань. Каэрлеон (нынешний Карлион-на-Уске в графстве Монмутшир) известен как главная из столиц Артура, хотя в позднем артуровском эпосе эта роль переходит к легендарному Камелоту. Название города означает «Крепость Леги-

она» и происходит от латинского *Castra Legionum*. Название реки Уск по-английски произносится как «Аск», а на современном валлийском «Иск», однако мы сохраняем древнюю форму произношение (по-латыни *Oscā*).

⁷²⁷ Буквально: «семь пасхальных праздников и пять рождественских». Празднование Пасхи в средние века продолжалось семь дней, Рождества – от трех до пяти.

⁷²⁸ Управитель двора или стюард (*distein*) – должность, заимствованная валлийскими королями у франко-нормандцев.

⁷²⁹ *Penteulu* – «предводитель дружины». «Франк» здесь может означать и нацию, и дворцовую должность. В КК имя «Одгар» пропущено.

⁷³⁰ См. прим. 351.

⁷³¹ Перечень привратников отличается от приведенного в повести о Килухе. Вместо «Пеннпингион» здесь «Пеннпигон», вместо «Гогигох» – «Гогифолх». Имя «Гринн» в тексте не имеет конца и, возможно, заменяет имя «Жуандау» из первого перечня. Число привратников, как и их имена, соотносятся с днями недели.

⁷³² В тексте *fforest y dena* – «Динский лес». Валлийское название леса *soedwig* в то время уже было вытеснено заимствованным английским *forest*. Динский лес, местонахождение которого неизвестно, часто упоминается в валлийском фольклоре; слово «*den*» являлось древним кельтским названием леса и входило во многие топонимы (например, Арденнский лес во Франции). Напомним, что лес в кельтской мифологии считался местом обитания потусторонних сил.

⁷³³ Мадауг (совр. Мадок) – популярное валлийское имя. «Тургадарн» в переводе означает «могучая башня».

⁷³⁴ Это еще одно из белых животных потустороннего мира, описания которых проникли из валлийской традиции в средневековую европейскую литературу. Охоту на него некоторые исследователи рассматривают как магическую интронизацию, где победитель вместе с головой волшебного оленя получает из рук королевы-богини власть над страной.

⁷³⁵ Иногда обычаи запрещали женщинам охотиться вместе с мужчинами, но в большинстве феодальных стран такой запрет отсутствовал.

⁷³⁶ Кадириэйт, или Кадирнерт, отмечен в триадах как один из самых справедливых (варианты: щедрых, гостеприимных) рыцарей Артура.

⁷³⁷ Амар, второй сын Артура был по преданию убит своим отцом, что отражает распространенный эпический мотив поединка неузнанного сына с отцом-богатырем.

⁷³⁸ Гореу, сын Кустеннина упоминается в «Килухе», а также в одной из триад, где рассказывается о том, как он трижды освободил Артура из плена. Его имя означает «лучший».

⁷³⁹ Герайнт, сын Эрбина (*Gereint iab Erbin*) хорошо известен в исторической традиции. Он был правителем Корнуолла и погиб в битве с саксами при Ллонгборте около 508 г., о чем упоминают знаменитые барды Лливарх Хен и Анейрин. В триадах он также называется в числе Трех верных влюбленных и Трех мореплавателей Острова Британии. Его имя встречается и в списке валлийских святых вместе с именами четырех его сыновей. Один из сыновей, Гарви, именуется в триадах одним из самых любезных рыцарей Артура. Другим сыном и наследником Герайнта был Кадо или Кадор, поэтому его можно отождествить с неудачливым герцогом Горлойсом, у которого король Утер отбил жену Игрейну, ставшую матерью Артура. Дата гибели Герайнта примерно соответствует дате гибели Горлойса по условной артуровской хронологии; правда, в реальности его убили не воины Утера, а саксы. В разное время Корнуоллом (Керниу) правили не менее трех правителей по имени Герайнт, или Геронтий, однако в данной повести это лишь условный характер идеального рыцаря, имеющий мало общего со своим историческим прототипом. Этот персонаж под именем Эрек впервые упоминается в романе Кретьена «Эрек и Энида»; форма имени, возможно, восходит к Эреху, основателю королевства Ванн (Бро-Эрех) в Бретани. В более поздних произведениях тот же герой раздваивается на Гарета и Гахериса – младших сыновей короля Лота. У этих персонажей нет ничего общего не только с историческим Герайнтом, но и с Эреком из романа Кретьена.

⁷⁴⁰ Согласно кодексу чести Герайнт не мог ударить карлика, поскольку рыцарь не должен был поднимать оружие на простолюдина, кроме как для самозащиты. Однако дальнейшие слова Гвенвивар показывают, что она имела в виду другое, – не имея оружия и доспехов, Герайнт не справился бы с рыцарем, если бы тот заступился за своего слугу.

⁷⁴¹ В тексте *coesset* – булочка из белого пшеничного теста.

⁷⁴² Эта история отражает конфликт между кельтскими обычаями, по которым земли и власть наследовались братьями умершего, и феодальным правом, по которому наследство доставалось сыновьям и прежде всего старшему сыну. Феодальное наследование окончательно утвердилось в Уэльсе после англо-нормандского завоевания.

⁷⁴³ В тексте *llamhystaen* – небольшой ястреб-перепелятник, с

которым охотились на мелкую птицу. В переводе Т. и Г. Джонсов – «сокол».

⁷⁴⁴ Эдирн, сын Нудда (Edeym uab Nudd) упомянут в артуровском эпосе как один из рыцарей Артура, участник похода на Рим. Его имя присутствует и в списке валлийских святых, где его именуют также и бардом. В романе Кретьена его имя – Идер, сын Нута.

⁷⁴⁵ Здесь впервые упоминается имя старого графа – Иниол (Ynywl). Р. Бромвич производит это имя от ywyl – «туман», но другие ученые считают, что его прообраз – король Инир, правивший Гвентом в конце V в. Его столицей был Каэр-Тейм (будущий Кардифф).

⁷⁴⁶ Имеется в виду драгоценный камень.

⁷⁴⁷ Пес Артура Кавалл неоднократно упоминается в фольклоре, в том числе в мабиноги (например, в повести о Килухе) и в списке «чудес Британии» Ненния.

⁷⁴⁸ По этикету Гвенвивар не могла ехать ко двору одна, поэтому с ней отсылают бесполезных на охоте ученых людей. О Гильдасе см. прим. 628.

⁷⁴⁹ Единственный проблеск реальной географии в повести. Город Кардифф (в повести Caerdyff, в современном валлийском Caerdydd), нынешняя столица Уэльса, был основан англо-нормандцами в XI в. при завоевании ими Гламоргана (Морганнога).

⁷⁵⁰ Карадауг, сын Ллира – герой повести о Бранвен. Его упоминание здесь – явный анахронизм.

⁷⁵¹ Гваллауг, сын Лленнауга – король бриттского королевства Элмет (Элфед) в нынешнем Йоркшире во второй половине VI в., постоянно воевавший с англами из Мерсии. Ему посвящена одна из элегий Галиесина.

⁷⁵² Явная ошибка: имеется в виду Оуэн, сын Уриена.

⁷⁵³ Морган Туд известен в фольклоре как главный лекарь Артура. Его имя связано с ирландской богиней войны Морриган (она же сестра Артура Моргана), которая считалась также целительницей. Эпитет Tud означает «племя» или «народ».

⁷⁵⁴ Буквально: «дал ей agweddi», то есть свадебный дар. Здесь опять нет никаких упоминаний о церковном браке.

⁷⁵⁵ Здесь в первый раз упоминается имя героини повести Энид (Enid), которое означает «жаворонок» и происходит от слова со значением «душа». Энид упоминается в ряде стихотворений и в одной из триад, но в целом образ ее несколько бледен, как и все прочие образы данной повести, и сосредоточен на одной черте (верности).

⁷⁵⁶ По одному из вариантов генеалогии Артура его отец Утер Пендрагон считался сыном Константина, или Константа – легендарного основателя так называемого «королевства логров». Правитель Корнуолла Эрбин был сыном того же или другого Константина (Кустеннина), но о его родстве с Артуром упоминается только в этой повести.

⁷⁵⁷ Большинство упомянутых здесь персонажей встречаются в перечне из повести о Килухе. Ондриау (в КК Ондиау) – явно французское имя Андре, но исторический прототип этого персонажа неизвестен. Глитмир – в КК Голитмер. Гореу – очевидно, Гурхир Гвальстауд Иэтоэдд, упомянутый в повести о Килухе.

⁷⁵⁸ В БК эта фраза отсутствует.

⁷⁵⁹ См. прим. 635.

⁷⁶⁰ Замок Диганви (Теганви), упоминающийся также в «Истории Галиесина», – это современный Конвей на севере Уэльса. Возможно, имеется в виду замок Тревинви (Монмут) на юге, недалеко от Каэрлеона, хотя объяснить такую ошибку довольно трудно.

⁷⁶¹ В тексте *tylwyth* – «семейство».

⁷⁶² Стекло было большой роскошью в то время. Даже этот невинный фрагмент леди Гест исключила из своего перевода как не соответствующий нормам викторианской морали.

⁷⁶³ И это решение, и последующие действия Герайнта могут вызвать недоумение у читателя. Возможно, грубость и равнодушие Герайнта к жене объяснялись тем, что он решил отказаться от рыцарского образа жизни и заодно от куртуазного отношения к дамам. Некоторые ученые предполагают, что странствие Герайнта было сознательным испытанием, которому он подверг и свою жену, и себя самого с целью доказательства своего права называться истинным рыцарем.

⁷⁶⁴ Имеется в виду, что многие затаили злобу на Герайнта, будучи в свое время побеждены им в поединках.

⁷⁶⁵ Этот эпизод дублируется далее историей с графом Лимурисом.

⁷⁶⁶ Имя графа Donn по-ирландски означает «темный». Возможно, его образ восходит к кельтскому божеству подземного мира, а сам сюжет является далеким отголоском мифологического сюжета о сошествии героя в преисподнюю и ждущих его там испытаниях.

⁷⁶⁷ Гвиферт (*Gwiffert*) – какое-то искаженное французское имя, к которому прибавлено *petit* – «маленький». Возможно, это Гоффарий Пикт, герцог Пуатье из сочинения Гальфрида

Монмутского, образ которого восходит к Вайфаррию, герцогу Аквитании в 745 – 774 гг. По-валлийски его зовут *brenhin bychan* – «маленький король».

⁷⁶⁸ То есть они сбили со щитов эмблемы и украшения.

⁷⁶⁹ В тексте *Limwris* – то ли собственное имя графа, то ли название его владений. Вероятнее всего, это заимствование из романа Кретьена де Труа «Эрек и Энида», где замок графа назван «*Le Morgs*» – латинское слово «смерть» с французским артиклем. В свою очередь, возможно, что в первоначальном французском варианте имелся в виду граф Анжу (*Angyw*), которое валлийские переводчики спутали со словом *angew* («смерть»).

⁷⁷⁰ Здесь опять появляется волшебный туман, столь часто встречающийся на страницах мабиноги. Уже в историческое время в Уэльсе были известны чародеи, славившиеся своей способностью напускать туман и убирать его.

⁷⁷¹ В КК имя графа передается как *Owein* (Оуэн), в БК – как *Ewein*. Мы предпочли второй вариант, чтобы этот персонаж не смешивался с Оуэном, сыном Уриена. Однако, как кажется, оба образа восходят к единому прототипу – Оуэну в валлийском фольклоре тоже приписывались волшебные качества.

⁷⁷² Буквально: «так высоко, как они могли видеть».

⁷⁷³ Весь этот отрывок, смысл которого в повести никак не поясняется, представляет собой отголосок мифологического путешествия в потусторонний мир, обычного для кельтской традиции. В романе Кретьена рыцарь в саду носит имя *Мабонагрена*, явно восходящее к древнему божеству *Мабону*. Он обречен заклятием оставаться вечно молодым и стеречь зачарованный сад, пока его не победит в поединке рыцарь королевской крови. После победы Эрека стены сада рушатся, *Мабонагрена* получает свободу и сразу же превращается в старика. В данной повести эта линия утрачена, что лишний раз говорит о небрежности переводчика.

⁷⁷⁴ В двух фрагментах из БК вместо последней фразы стоит: «И с тех пор *Герайнт* больше не путешествовал».

ИСТОРИЯ ТАЛИЕСИНА (*Hanes Taliesin*)

Эта повесть, не входящая в состав собственно «Мабиногион», включается нами в настоящий сборник по следующим причинам: во-первых, она была включена в первый английский перевод «Мабиногион», сделанный Шарлоттой Гест, и благо-

даря этому приобрела широкую известность. Во-вторых, многое указывает на то, что ее сюжет сложился в XII в., то есть одновременно с сюжетами мабиноги, с которыми он имеет ряд пересечений и совпадений. В-третьих, в ней широко представлена слабо отраженная в мабиноги древняя валлийская поэзия, роль которой в духовной жизни кельтского общества трудно переоценить.

В настоящем виде «История Талиесина» была скомпонована леди Гест из прозаического фольклорного сюжета о приключениях юноши Гвиона Баха, ставшего впоследствии великим бардом Талиесином (сюжет этот впервые встречается в сочинении валлийского хрониста XVI в. Элиса Гриффидда), и из поэтических сочинений, взятых из разных рукописей, прежде всего из «Мивиринской археологии» (The *Mynyddion Archaeology*), которую опубликовали в 1801 г. двое ревнителей валлийской старины – Уильям Оуэн и поэт Иоло Морганног (Эдвард Уильямс). В эту огромную компиляцию наряду с подлинными памятниками валлийского фольклора вошло множество стихотворений самого Иоло, выданных им за древние творения Талиесина и других бардов. Ученые до сих пор спорят, что именно в «Мивиринской археологии» и огромном архиве Иоло написано им самим, а что действительно заимствовано из древних рукописей и рассказов бродячих бардов. Во всяком случае, в издании 1801 г. были впервые опубликованы многие памятники валлийской литературы, в том числе поэмы из «Книги Талиесина».

«Книга Талиесина» (*Llyfr Taliesin*), записанная около 1275 г., известна также как рукопись *Peniarth 2* Национальной библиотеки Уэльса. Она включает в себя 57 поэтических произведений, распадающихся на три основные группы: 1) стихи, иллюстрирующие «Историю Талиесина»; 2) стихи, обращенные к разным лицам, в числе которых и мифические герои (Геркулес, Дилан Сын Волны и др.), и реальные исторические деятели VI в. (король Регеда Уриен, Кинан и др.); 3) мифологические и религиозные поэмы, очень сложные для понимания из-за архаичного языка и ссылок на неизвестные детали валлийских легенд. В 1960 г. Ивор Уильямс доказал, что часть стихотворений второй группы действительно относится к VI в. и, по всей видимости, принадлежит перу исторического Талиесина – придворного барда Уриена, короля Регеда (бриттского королевства на северо-западе Англии), который упоминается как один из величайших британских бардов в «Истории» Ненния. Этот реальный Талиесин имеет мало общего с Талиесином легендарным,

которого составители «Истории» перенесли в Уэльс, ко двору короля Мэлгона Гвинедда, и сделали великим бардом, чародеем и предсказателем, таким же, как Мирддин-Мерлин, учеником которого он становится у Гальфрида Монмутского в его «Жизни Мерлина». В качестве такового Талиесин упоминается во множестве сочинений (включая «Мабиногион»), где ему, как раньше Мерлину, автоматически приписываются все пророчества и «поэмы, темные смыслом», встречавшиеся в старинных рукописях. Образ Талиесина в «Истории», несомненно, отражает мистическую фигуру бога священного знания, воплотившегося в барда точно так же, как бог Мирддин воплотился в Мирддина Эмриса, или Мерлина.

Вероятно, вторая часть произведений из «Книги Талиесина» относится к IX – X вв., когда было сложено большинство крупных пророческо-мифологических поэм, включая «Битву деревьев» (см. далее): Наконец, третья часть – религиозные и нравоучительные поэмы – была написана в период окончательного оформления книги, в XII – XIII вв. После этого в валлийском фольклоре продолжали возникать новые версии легенд о Талиесине, часть которых отразилась в «Миврианской археологии» и сборнике леди Гест. Язык поэзии «Книги Талиесина», усложненный и нарочито архаизированный даже в позднейшей части, не поддается адекватному переводу на другие языки, поэтому мы даем скорее поэтический пересказ «Истории» в соответствии с более известной версией леди Гест. В стихах из «Книги Талиесина» обычно рифмуются две соседние строчки; кроме того, часто присутствует внутренняя рифма. Ради сохранения ритма стиха и возможно более точной передачи смысла мы пошли на отмену рифмы при переводе и ряд других вольностей (слияние или разделение ряда строк и т. д.), поскольку нас интересовал прежде всего не реальный бард Талиесин и его творчество, а фигура легендарного Талиесина в контексте кельтской мифологии.

⁷⁷⁵ Традиция настойчиво привязывает Талиесина к временам Артура как к предысторическому «золотому веку». Так, триада 87 называет его одним из Трех искуснейших бардов двора Артура, наряду с Мирддином, сыном Морврана (т. е. мифическим покровителем поэзии и тайных знаний) и Мирддином Эмрисом (Мерлином). По данным генеалогий Талиесин был сыном святого Хенуга, жившего в VI в.

⁷⁷⁶ В Пенллине находились владения Грону Пебира (см. «Мат, сын Матонви»); это местность в горах Гвинедда (Северного Уэльса).

⁷⁷⁷ Тегид Воэл появляется только в этой истории; имя его, вероятно, означает «Лысый (т.е. монах или друид) с озера Тегид». Название озера означает «Дивное»; с другой стороны, оно может быть произведено от имени «Тегид» (латинское Tacitus). Местонахождение озера неизвестно; по мнению ряда ученых, это озеро Бала в горах Северного Уэльса, которое издавна считалось волшебным.

⁷⁷⁸ Каридвен, или Керидвен, упоминается в стихах бардов как волшебница, которой принадлежал магический Котел Вдохновения. Образ ее связан с фигурой языческой богини мудрости и колдовства, хранительницы тайн мироздания, подобной ирландской Бригг-Бригите. В версии Э. Гриффидда к упоминанию Керидвен добавлено: «Предание говорит, что она была ведуньей и знала три искусства: магию, наведение чар и прорицание». Скорее всего, под «наведением чар» здесь имеется в виду напускание колдовского тумана, которое в Уэльсе считалось привилегией самых могущественных чародеев.

⁷⁷⁹ См. прим. 426.

⁷⁸⁰ Крейри упоминается в триаде 78 как одна из Трех красавиц Острова Британии (наряду с Арианрод и Гвен, дочь Киврида); ее имя означает «Любимое сокровище». То же имя носила дочь Клиддно Эйдина и сестра Кинана, персонажа повести об Оуэне. Другим ее братом считался святой Гвенноле, живший в Бретани в конце VI в.

⁷⁸¹ Имя Avagddu происходит от Y Fagddu – «кромешная тьма». Судя по отрывочным упоминаниям в поэзии бардов, этот герой считался могущественным чародеем. В переводе Ш. Гест Морвран и Авагдду – разные лица.

⁷⁸² Fferyllt – валлийский вариант имени Вергилия, который в средние века был известен не столько как поэт, сколько как чародей и прорицатель, поскольку одно место в его четвертой эклоге было принято считать предсказанием о рождении Христа. Вергилию приписывались различные трактаты по магии и астрологии, и в тексте речь, очевидно, идет об одном из них. В современном валлийском языке сохранилось устаревшее слово fferyll, означающее «аптекарь».

⁷⁸³ В котле варился напиток вдохновения, известный из множества мифов и аналогичный «меду поэзии», который украл у великана Мимира скандинавский бог Один. Поэтическое вдохновение (awen) в кельтской традиции носило сверхъестественный характер.

⁷⁸⁴ Три капли вдохновения или мудрости означают познание тайн соответственно прошлого, настоящего и будущего.

⁷⁸⁵ Это имя означает «Маленький Гвион». Почти наверняка оно связано с ирландским Финном (Fionn – «светлый») мак Кумалом, легендарным мудрецом и предводителем дружины фе-ниев. Финн в юности также добыл дар поэтического вдохнове-ния из котла, в котором варился «лосось мудрости», пойман-ный в реке Бойн. Имя отца Гвиона – Gwgeap, возможно, проис-ходит от имени бога Брана (Врана).

⁷⁸⁶ Керейнион – область (cantref) в Центральном Поуисе. Се-ление Лланфер возникло гораздо позже описанного времени, поскольку в его названии соединены llan (церковь) и заимство-ванное английское fair (торг).

⁷⁸⁷ Имя Mordda означает «Доброе море». Возможно, в этом образе опосредованно отразился древний бог-творец, отес-ненный и ослепленный более молодым соперником.

⁷⁸⁸ Это название (Gwenwyn Meirch Gwyddno) до сих пор носят два ручья, впадающие в реку Менаи в Гвинедде и в озеро Бала. Одинаковое название говорит о широком распространении фольклорного сюжета. О Гвиддно см. прим. 525. В этой пове-сти он – классический Король-Рыбак из легенды о Граале. Его прозвище Гаранхир (Длинноногий), возможно, имеет отноше-ние к ране в ногу, от которой страдал Король-Рыбак.

⁷⁸⁹ В варианте Э. Гриффидда это «коракль» – плетеная лодка или корзина. Вероятнее всего, здесь отразилась легенда о мла-денце Моисее, пущенном в корзине по водам Нила. В манус-крипте Энтони Поуэлла, записанном в XVIII в., отразилась бо-лее реалистическая версия, по которой Талиесин во время ры-балки был захвачен в плен ирландскими пиратами, бежал от них в маленькой лодке и был выброшен на берег у плотины Гвиддно.

⁷⁹⁰ После этого в тексте Э. Гриффидда следует поэма религи-озного содержания (Odl Ddwyfol); по мнению большинства уче-ных, здесь проходит граница двух различных мифологических сюжетов – похищения «меда поэзии» и приключений Талиеси-на при дворе Мэлгона Гвинедда.

⁷⁹¹ Города Диви и Абериствит находятся на берегу моря в графстве Мерионет (древнее королевство Мерионидд).

⁷⁹² Имеется в виду рыба и другая «морская пища». В версии Э. Гриффидда называется не 1 мая, а День всех святых, отмеча-вшийся 1 ноября. Это второй главный праздник древних кель-тов, нынешний Хэллоуин, который также был тесно связан с чу-десами и волшебством. Плотина (cored) в свое время ограждала владения Гвиддно, затопленные морем; ее остатками валлийцы до сих пор считают древние каменные сооружения в областях

Мерионет и Конвей. Видимо, эта плотина была аналогом «котла изобилия», и попавшая в нее рыба считалась даром морского божества.

⁷⁹³ Хотя Эльфин упоминается в триадах и в «Видении Ронабви», он вместе с Гвиддно кажется легендарной фигурой в отличие от короля Мэлгона и самого Талиесина. Согласно одной из легенд Эльфин был сыном не Гвиддно, а короля Регеда Уриена – патрона исторического Талиесина. Позже традиция сделала Эльфина рыцарем Артура и Круглого Стола. В то же время в данной повести он обретает черты страдающего в заточении юного бога плодородия, подобного Мабону. История заточения и освобождения этого героя была хорошо известна в валлийском фольклоре уже в XII в. В 1829 г. история Эльфина, взятая из валлийских легенд, стала сюжетом романа известного английского писателя Томаса Лава Пикока «Злоключения Эльфина», где перелаживаются некоторые стихи «Истории».

⁷⁹⁴ Эта поэма (Dehuddiant Elphin) включена в рукопись «Истории Талиесина» во многих ее вариантах и, судя по всему, написана после XII в. в качестве иллюстрации к тексту «Истории».

⁷⁹⁵ В отличие от текстов, действительно принадлежащих Талиесину, многие стихи из «Истории» проникнуты христианским духом. Далее редактор заставляет Талиесина осуждать «язычников»-бардов, к сословию которых он сам принадлежал. Исторический Талиесин был христианином и назван в триадах одним из «крещеных бардов»; однако в стихах из «Книги Талиесина» присутствует множество тем и образов языческой кельтской мифологии.

⁷⁹⁶ Буквально: «в море Дилана». Имеется в виду Дилан, Сын Волны, кельтское морское божество, один из персонажей повести о Мате.

⁷⁹⁷ В тексте: «буду полезнее трехсот лососей».

⁷⁹⁸ Буквально: «Помни имена Троицы, и никто не сможет повредить тебе».

⁷⁹⁹ Это стихотворение известно под названием «История Талиесина» (Hanes Taliesin). Его вариант содержится в «Книге Талиесина» как часть обширной поэмы «Angar Kyvyndawt». Ш. Гест использовала другой вариант, опубликованный в «Миврианской археологии».

⁸⁰⁰ В переводе Ш. Гест: «черная вопящая ведьма». В «Истории» ничего не говорится о внешности Каридвен, но по многим сведениям она была красавицей. Ее имя означает «Возлюбленная белая» (прекрасная), однако в поэзии иногда встречается в

форме *Syrgidfen* – «Скрюченная». Вероятно, здесь отразилось влияние позднейшей традиции, преобразившей богиню в уродливую ведьму.

⁸⁰¹ Перечень превращений Талиесина напоминает ирландский «Гимн Амергина», в котором поэт-чародей перечисляет свои воплощения, представляющие различные сакральные функции. Обращает на себя внимание то, что в обоих текстах число воплощений равно четырнадцати или дважды семи.

⁸⁰² Буквально: «Бежал, как самец косули, продираясь сквозь чашу».

⁸⁰³ В переводе Ш. Гест говорится о ткани, из которой была сделана юбка Каридвен.

⁸⁰⁴ Это стихотворение (*Canu Kuntaf*) содержится в «Книге Талиесина» (стр. 68 – 69).

⁸⁰⁵ Вероятно, имеются в виду три рождения Талиесина – как предвечного героя, отождествленного с Мирддином-Мерлином, как Гвиона Баха и как сына Каридвен.

⁸⁰⁶ Эта формула, обозначающая совершенную мудрость, часто повторяется в древней кельтской поэзии, в частности, в поэме «Битва деревьев» (см. далее).

⁸⁰⁷ Король Мэлгон Гвинедд (*Maelgwn Gwynedd*, в первоначальном произношении *Maglocunos*), сын Касваллауна правил Гвинеддом (Северный Уэльс) с 517 по 547 г. Он был известен как могущественный правитель, защитник бриттской независимости, покровитель бардов и ученых. Одновременно церковные источники осуждали его за непочтительность к святым и аморальные поступки. Мэлгон умер от «желтой заразы» (*Vad Velen*), опустошившей Уэльс в середине VI в., которая ассоциируется здесь с «божеским наказанием», предсказанным Талиесином. В это время самому барду было действительно лет тринадцать, и он не мог, конечно, совершить при дворе Мэлгона все описанные далее подвиги. Что касается Эльфина, то в варианте Э. Гриффидда ничего не говорится о том, что Мэлгон был его дядей.

⁸⁰⁸ Замок Теганви или Диганви в Лланросе (Восточный Гвинедд) был излюбленной резиденцией короля Мэлгона.

⁸⁰⁹ В тексте *ysgweier* – калька с английского *squire*, «сквайр» или «землевладелец».

⁸¹⁰ Этот пассаж о бардах отражает уважение к ним со стороны авторов «Истории», что можно объяснить тем, что они происходили из среды «народных бардов», наследников древней поэтической традиции. В дальнейшем отмечено враждебное отношение к бардам, связанное с деградацией их сословия ко

времени оформления «Истории», когда большинство бардов превратились в бродячих певцов, не брезгующих и нищенством. С другой стороны, придворные барды (Gogynfeirdd) с течением времени деградировали в своем творчестве, скованном жанровыми и стилевыми ограничениями. Борьба «народных бардов» за модернизацию поэтического языка, возможно, отразилась на страницах «Истории Талиесина». Согласно манускрипту Энтони Поуэлла, одним из ее редакторов выступал Томас, сын Эйниона Офейриада (Священника), известного поэта XIII в. Сам Эйнион, возможно, имел отношение к составлению «Книги Талиесина» и авторству ряда ее поэм.

⁸¹¹ Бард Хейнин (Heinin Vardd) подвизался между 520 и 560 гг. в известной монастырской школе в Лланкарване (графство Гламорган).

⁸¹² Позже в поэмах Талиесина эта цепь становится золотой. Золотая цепь – популярная в фольклоре «привилегия» знатных узников; что касается серебра, то оно связано с именем богини Арианрод («Серебряное кольцо»), которая по данным триад и поэм держала в плену Мабона и самого Талиесина.

⁸¹³ Рин ап Мэлгон после смерти отца был с 549 по 586 г. королем Гвинедда. По одной из версий исторический Талиесин некоторое время был бардом при его дворе и принимал участие в походе Рина против правителей Северной Британии. В традиции Рин известен как неотразимый кавалер, поэтому Мэлгон и послал его испытать мудрость жены Эльфина.

⁸¹⁴ Эта поэма содержится в некоторых рукописях «Истории Талиесина». Судя по достаточно архаичному языку, она написана не позже XII в.

⁸¹⁵ К этому времени в Уэльсе, как и в Ирландии, друиды (derwydd) были уже легендарными мудрецами и волшебниками; их роль хранителей традиций в Ирландии восприняли филиды (fili), а в Уэльсе – барды (bardd).

⁸¹⁶ Этот отрывок не раз обсуждался учеными как одно из самых ранних исторических свидетельств об Артуре. В буквальном переводе он звучит приблизительно так: «Пускай они замолчат, пока с ними не поступили так, как Артур, лучший из дарителей, обагривший свой длинный клинок кровью вождей, поступил со своими врагами, чья кровь текла рекой с поля битвы на дальнем Севере». О Бадоне в тексте не упоминается, но, скорее всего, под «северным лесом» имеется в виду место именно этого легендарного сражения.

⁸¹⁷ Кажется, Рин все-таки кончил жизнь вполне мирно.

⁸¹⁸ В варианте Ш. Гест: «изгнание на Иону». На острове Ио-

на (Ии) у берегов Шотландии в раннем средневековье находился знаменитый монастырь, где жили многие потомки знатных родов. По преданию король Мэлгон действительно какое-то время находился там во время своего вынужденного или добровольного изгнания. Вернувшись в Гвинедд, он убил своего племянника, захватившего власть, и женился на его вдове, за что был сурово осужден историком Гильдасом. Возможно, именно эти события отразились в «Истории» как спор Мэлгона с Эльфином из-за жены последнего.

⁸¹⁹ Это поэма из «Книги Талиесина», известная под названием «*Canu y Bvd Vuchan*» («Песнь о малом мире»). С ее варианта, опубликованного в «Мивирианской археологии», был сделан перевод Ш. Гест в первом издании «Мабиногион»; другой вариант поэмы был переведен Д. Нэшем.

⁸²⁰ Буквально: «в земле херувимской». В переводе Ш. Гест: «в стране летних звезд».

⁸²¹ В переводе Ш. Гест: «Идно (Иоанн Креститель) и Хейнин звали меня Мирддином». Здесь Талиесин отождествляется со знаменитым чародеем и предсказателем Мирддином-Мерлином, хотя обычно традиция разделяет их. Гальфрид Монмутский в своей «Жизни Мерлина» называет Талиесина (Тельгесина) учеником Мерлина. В манускрипте Э. Гриффидда говорится, что Мирддин Эмрис после своей смерти переродился сначала в Талиесина, а потом в Мирддина, сына Морврана.

⁸²² Буквально: «Все короли зовут меня Талиесин».

⁸²³ Имеется в виду Александр Македонский.

⁸²⁴ В переводе Д. Нэша: «стоял с Гвидионом у Тетраграмматона». Гвидион – могучий полубог-волшебник из повести о Мате, который вместе с легендарным Талиесином был участником Битвы деревьев (Кад Годдеу). Тетраграмматон – в средневековой мистике четырехбуквенное имя Бога, иногда синоним Божьего царства или трона.

⁸²⁵ Авессалом – сын библейского царя Давида, восставший против него и погибший. В тексте стоит *canwn* (канон), но, скорее всего, имеется в виду Ханаан – древнее название Палестины. Так переводит это слово Ш. Гест.

⁸²⁶ Буквально: «посеял семя верь». Долина Хеврона близ Иерусалима – место действия многих сюжетов Ветхого Завета.

⁸²⁷ В переводе Ш. Гест: «при дворе Дон». В поэме «Кад Годдеу» Гвидион сам создает Талиесина вместе с другими чародеями.

⁸²⁸ Илия и Енох – ветхозаветные пророки, по преданию взятые живыми на небо.

⁸²⁹ Буквально: «башня Нимрода». Легендарный охотник Нимрод считался строителем библейской Вавилонской башни.

⁸³⁰ В переводе Д. Нэша: «Был на кресте милосердного Сына Божия».

⁸³¹ В переводе Д. Нэша: «три раза». Арианрод, дочь Дон, отождествляется здесь с пленившей Талиесина Каридвен.

⁸³² В тексте: «с Ноем и Альфой». Альфа – одно из имен Бога как Начала всего сущего. В переводе Ш. Гест: «Был с Ноем в Азии».

⁸³³ Буквально: «Я был в Африке (у Ш. Гест – в Индии) перед строительством Рима».

⁸³⁴ В переводе Ш. Гест: «Я приплыл сюда с беглецами из Трои». В трудах Гальфрида Монмутского и других средневековых авторов отразилась версия о том, что предками бриттов были спасшиеся после уничтожения своего города троянцы во главе с сыном Энея Брутом (Бриттом).

⁸³⁵ В переводе Д. Нэша: «Я был в яслях среди быков и ослов».

⁸³⁶ Как известно, Моисей и его народ прошли по водам не Иордана, а Чермного (Красного) моря. Однако какое-то предание, связывающее Моисея с Иорданом, существовало, поскольку далее этот сюжет упоминается в заключительной поэме из «Истории Талиесина».

⁸³⁷ Буквально: «поэтическое вдохновение».

⁸³⁸ «Ллеон (или Деон) из Ллихлина» – неизвестный персонаж. Его имя, возможно, означает «лев» и встречается в поэме «Kadeig Teuton» как «израненный Ллеон, одетый в латы». По предположению Р. Грейвса, Деон – мужской двойник богини Дану, которого позже отождествили с датчанами, жителями Ллихлина (Скандинавии).

⁸³⁹ Кинвелин – внук Касваллауна, правивший в Лондоне (где находился Белый Холм) и воевавший против римлян. Прототип Кинбелина, или Цимбелина, героя «Деяний бриттов» Гальфрида Монмутского, а также драмы Шекспира «Цимбелин».

⁸⁴⁰ Здесь автор отождествляет себя с богом-узником Мабоном, но в соответствии с новой идеологией утверждает, что страдал ради Христа.

⁸⁴¹ В тексте: «Станет моя плоть мясом или рыбой». Здесь отражено древнее учение о переселении душ, разделяемое кельтами согласно свидетельствам античных авторов.

⁸⁴² В версии, переведенной Д. Нэшем, поэма заканчивается следующим отрывком: «Я восседал на престоле в Казр-Сидди, где вращался неподвижно меж трех элементов. Разве не чудо то,

чего нельзя разгадать?) Каэр-Сидди (Вращающаяся крепость) – синоним потустороннего мира в поэме «Preideu Annwfn» из «Книги Талиесина».

⁸⁴³ Далее подряд следуют восемь поэм, опубликованных в «Мивирианской археологии» и отсутствующих в большинстве прозаических версий «Истории». Эти поэмы, написанные в достаточно поздний период, принадлежат к числу популярных в кельтской словесности стихов-загадок. Возможно, часть из них является подделкой известного поэта и собирателя рукописей Иоло Морганнога. Первая поэма вместе с двумя последующими часто объединяется под названием «Kuffes Taliesin» (Рассказ Талиесина).

⁸⁴⁴ Здесь серебряная цепь, упоминаемая прежде в тексте, превращается в золотую.

⁸⁴⁵ Буквально: «три сотни песен». По данным источников валлийские барды должны были знать не менее трехсот песен, не считая вариантов. В поэме «Битва деревьев» Талиесин говорит, что знает целых девятьсот песен.

⁸⁴⁶ Многогранный образ «чудовища» в поэмах Талиесина отражает представления о «вселенской змее» (скандинавская Midgardrorm), держащей мир, и одновременно воплощает идею судьбы и космической справедливости. Связан он и с конкретным злом – эпидемией «желтой заразы», погубившей в середине VI в. короля Мэлгона и значительную часть населения Уэльса.

⁸⁴⁷ Буквально: «вершины Альп (Mynheu)».

⁸⁴⁸ Перевод условный. В тексте говорится о том, что один волосок на лапе чудовища весит больше, чем девятьсот груженных повозок.

⁸⁴⁹ Буквально: «из основания его шеи». Наблюдается сходство изображенного в поэме «чудовища» со скандинавским «мировым змеем» (Midgardrorm). Три источника вод соответствуют трем стихиям – земной, водной и воздушной.

⁸⁵⁰ Ш. Гест дает вариант: «Там погибли быки Дейрдонви, Дарителя воды», но этот перевод сомнителен. Deivrdonwy – название одного из трех источников, означающее «воды Дон». Дон-Дану, как известно, была как богиней-матерью, так и покровительницей водной стихии.

⁸⁵¹ Корина (Corgina) – вероятно, «мировой океан» кельтской мифологии.

⁸⁵² Буквально: «глава бардов Запада». Имеется в виду то ли запад Англии (Уэльс), то ли весь «западный мир», под которым уже в раннем средневековье подразумевали Западную Европу.

⁸⁵³ В тексте *Morfa Rhianedd* – название участка морского побережья вблизи города Лландидно, где позже состоялось состязание коней Эльфина и короля Мэлгона. Название переводится как «Девичье взморье»; возможна его связь с именем Рианнон.

⁸⁵⁴ Эта поэма, часто называемая «Призывание ветра» (*Canu y Gwynt*), содержится в «Книге Талиесина».

⁸⁵⁵ Буквально: «допотопное чудовище».

⁸⁵⁶ Возможно, имеется в виду нашествие англосаксов, хотя считалось, что они явились с востока. Более вероятно, что автор говорит об эпидемии «желтой заразы».

⁸⁵⁷ Пять эпох – «пять возрастов мира», учение о которых было популярно в средние века.

⁸⁵⁸ Это стихотворение из «Книги Талиесина», известное под названием «*Canu y Medd*» (Медовая песнь).

⁸⁵⁹ Наименование здесь Эльфина Медовым Рыцарем (*u vel marchawg*) отражает связь его образа с освобожденным (воскрешенным) божеством плодородия.

⁸⁶⁰ Это стихотворение, опубликованное опубликовано в «Мивирианской археологии», является вольной вариацией на тему поэмы «*Buarth Beirdd*» из «Книги Талиесина». В переводе Ш. Гест оно называется «Совершенство бардов».

⁸⁶¹ В тексте: «волею Альфы».

⁸⁶² Буквально: «Какой дивный язык даровал ему *Ieuav*?» Последнее слово – искаженная форма имени «Иегова».

⁸⁶³ В переводе Ш. Гест: «Кто ездит верхом на ветре?»

⁸⁶⁴ Это стихотворение, известное как «Порицание бардов» (*Cyst y Beirdd*), опубликовано в «Мивирианской археологии».

⁸⁶⁵ Буквально: «Если вы одарены вдохновением, не знающим преград».

⁸⁶⁶ Далее следует вставка-восклицание: «Позор, высшие барды! Позор, низшие барды!»

⁸⁶⁷ См. прим. 812.

⁸⁶⁸ Буквально: «Тем, кто сейчас не отвечает мне, придется отвечать перед Богом».

⁸⁶⁹ Стихотворение, известное под названием «*Bustl y Beirdd*», опубликовано в «Мивирианской археологии».

⁸⁷⁰ Буквально: «Они не знают ни праздников, ни святых дней».

⁸⁷¹ См. прим. 853.

⁸⁷² По мнению Р. Грейвса, число коней на состязании означает 24 часа последнего дня года, которые наездник Эльфина один за другим оставляет позади с помощью веток падубы.

Сказочный король-падуб считался властителем последнего дня года, в конце которого его приносили в жертву в ритуальном поединке с королем-дубом.

⁸⁷³ «Яма котла».

⁸⁷⁴ Эта поэма, вкратце излагающая священную историю и историю Британии, в традиции носит название «Yt Awdl Uraith» («Ода обо всем»). Она содержится в нескольких вариантах «Истории Талиесина», в т.ч. в манускрипте Э. Гриффидда. Судя по языку, поэма написана в XIII – XIV вв. и перекликается с текстами из «Книги Талиесина», в особенности с пророческой поэмой «Armes Prydein» («Судьба Британии»).

⁸⁷⁵ В тексте «Хеврон», иногда выступающий как синоним Ханаана. Согласно Библии Бог создал Адама не в Ханаане (Палестине), а в Месопотамии.

⁸⁷⁶ Буквально: «сотворил из левого ребра».

⁸⁷⁷ В тексте: «земли Азии».

⁸⁷⁸ В разных вариантах поэмы называется разное число детей Адама и Евы. В переводе П. Форда: «сто восемь».

⁸⁷⁹ Отголосок гностической традиции об андрогинах – двуполых существах, рожденных Адамом и Евой. Общее количество детей, не считая не упомянутого здесь первопродка Сифа, равняется тридцати, что по наблюдению Р. Грейвса равно числу дней месяца, а также числу детей Крона-Сатурна, которых он подал. Римский праздник сатурналий приходился на Рождество, с чем, возможно, связано упоминание «святочных гуляний» далее в тексте.

⁸⁸⁰ Буквально: «была дана им лопата».

⁸⁸¹ В переводе Ш. Гест: «до святочных гуляний» (till great yule feast). Довольно странная фраза, если учесть, что святки праздновались зимой, задолго до нового урожая. Возможно, скотоводам-валлийцам зерна хватало только до святок, а потом они питались исключительно животными продуктами.

⁸⁸² Явный след церковной редакции.

⁸⁸³ В варианте Э. Гриффидда к этой фразе добавлено: «как говорит Сатурн». Не совсем понятно, что имеется в виду; возможно, Сатурн (Sattwm) выступает здесь как синоним судьбы, и вся фраза должна читаться: «как назначено судьбой».

⁸⁸⁴ Эммануил – одно из имен Христа, означающее «с нами Бог». Его происхождение восходит к пророчеству Исайи о рождении девой Младенца-Спасителя. Рафаил, по христианской традиции, был ангелом-врачевателем.

⁸⁸⁵ В варианте Э. Гриффидда эта строфа относится к Адаму, а следующая – к Моисею, но это явная ошибка.

⁸⁸⁶ В Библии об этом событии ничего не говорится. В варианте поэмы это «три воскресных ветви», возможно, имеющие отношение к друидической магии. В одном из манускриптов из коллекции Иоло Морганнога имеется упоминание о том, что чародей Мену, сын Тейргваззда, познал все науки с помощью трех волшебных рябиновых веток.

⁸⁸⁷ У Э. Гриффидда «Самсон», однако, судя по контексту, речь идет именно о Соломоне Премудром.

⁸⁸⁸ Как известно, Вавилонская башня не была достроена. Видимо, имеется в виду Вавилон вообще – олицетворение мудрости и тайных наук.

⁸⁸⁹ В тексте: «в Европе и Африке». Здесь отражено традиционное разделение мира на три части – Европу, Азию и Африку.

⁸⁹⁰ В тексте: «Как пророчица, что не сказала доброго народу троянцев». Имеется в виду пророчица Кассандра, дочь Приама.

⁸⁹¹ Буквально: «золоченый змей на крыльях ястреба».

⁸⁹² В тексте: «из Германии». Здесь под змеем, как и в пророчествах Мерлина у Гальфрида, подразумеваются англосаксы.

⁸⁹³ Имеются в виду Англия и Шотландия.

⁸⁹⁴ Здесь Ллихлин – не Скандинавия, а Северная Шотландия, захваченная в X в. скандинавскими викингами.

⁸⁹⁵ В тексте: «дикий Кимру». Речь идет об Уэльсе (по-валлийски Сутгу).

⁸⁹⁶ Вся пророческая традиция Уэльса проникнута мечтой о восстановлении никогда не существовавшего на деле королевства бриттов. В насмешку над этими чаяниями последний правитель независимого Уэльса Давид ап Гриффидд, обезглавленный в Лондоне весной 1283 г., был перед казнь «коронован» венком из плюща.

БИТВА ДЕРЕВЬЕВ (Cad Goddeu)

Эта поэма содержится в поэтической «Книге Галиесина» (страницы 23 – 27). Точная ее датировка не представляется возможной из-за отсутствия в тексте каких-либо исторических и географических реалий, однако по языковым особенностям она может быть отнесена к IX – X вв. Как и многие тексты книги, поэма написана чрезвычайно темным языком, поэтому ее содержание давно является предметом споров. Заглавное событие – так называемая «Битва деревьев» (Cad Goddeu) – упомянуто

в нескольких памятниках поздней валлийской традиции. Так, в триаде 84 она именуется одной из Трех битв Острова Британии, возникших из-за пустой причины; говорится, что она произошла «из-за косули, чибиса и борзой». В сочинении антиквара XVII в. Джона Дэвиса из Маллвида упоминается, что эта битва произошла «из-за белой косули и борзого щенка, что явились из Аннуина». Там же говорится, что в этой битве против сил Аннуина (подземного царства) во главе с королем Арауном сражались Гвидион и Аметон, сыновья Дон. На их стороне билась воительница по имени Ахрен («Деревья»), а на другой стороне – великан, которого нельзя было одолеть, не зная его имени; позже он назван «Браном сияющих ветвей». В целом эта битва является отголоском мифологического сюжета о борьбе божеств Космоса и Хаоса (греческие боги и титаны, ирландские дануиды и фоморы и др.). Кроме весьма туманного «сказания битвы, в поэме большое место уделено самовосхвалению легендарного Талиесина, который выступает здесь как предвечный «свидетель истории» (наподобие ирландского Финтана) и одновременно могучий воин и чародей.

⁸⁹⁷ Здесь опять перечисляются воплощения легендарного поэта-мудреца, отчасти совпадающие с теми, что упомянуты в поэме из «Истории Талиесина» и в ирландском «Гимне Амергина». Обращает на себя внимание то, что среди воплощений названы не только живые существа, но и неодушевленные предметы и даже буквы в книге.

⁸⁹⁸ В переводе Д. Нэша: «увидевший это поверит».

⁸⁹⁹ В переводе Р. Уильямса: «отдаленнейшей из звезд».

⁹⁰⁰ Возможен вариант: «Был буквой среди слов в Книге начала».

⁹⁰¹ Буквально: «Год и день был я фонарем».

⁹⁰² В тексте: «Мостом простирался над трижды двадцатью устьями рек».

⁹⁰³ Буквально: «Был летящим орлом, был лодкой среди моря».

⁹⁰⁴ В переводе Д. Нэша: «Был завязкой на свивальнике младенца».

⁹⁰⁵ В переводе Р. Уильямса: «Был поленом в огне, был деревом в чаще».

⁹⁰⁶ В тексте: «Я не из тех, кто не умеет петь; я пою с самого детства».

⁹⁰⁷ Буквально: «*cad goddeu brig*» или «битва древесных вершин». Слово «*goddeu*» переводится как «деревья» или «лес»,

хотя может означать также «цель, намерение». В поэме «Golychafī gulwyd» из «Книги Талиесина» говорится: «Я был в Битве деревьев с Ллеу и Гвидионом, когда они превратили деревья в воинов».

⁹⁰⁸ Буквально: «Одна битва затевалась под корнем ее языка, а другая – над ее шеей» (т.е. внутри головы). Вероятно, имеется в виду словесная и интеллектуальная битва, которая символически изображается в поэме. Очень трудно понять, кто имеется в виду под «тварью» (в тексте – просто «животное», *anyfail*). Возможно, это сатира автора поэмы на враждебных ему бардов. В переводах Д. Нэша и Дж. Мэтьюза все перечисленные чудовища символизируют «неразумных бардов» (*unwise bards*).

⁹⁰⁹ Буквально: «Пятнистая змея с раздутой шеей, в теле которой мучилась сотня душ». Эти неясные образы, по мнению Р. Грейвса, были связаны с древней поэтической (или шаманской) традицией, в которой для обретения вдохновения использовались галлюциногенные препараты.

⁹¹⁰ В тексте *Caer Ueuenhir*. По мнению большинства ученых, здесь имеется в виду Казр-Невенхир – «Крепость высоких небес», которая упоминается в повести о Килухе и в поэмах из «Книги Талиесина». Это место стоит в ряду многих других потусторонних «крепостей», упомянутых в древней валлийской поэзии. В целом география поэмы имеет чисто символический характер, хотя И. Уильямс, Р. Бромвич и ряд других ученых считали, что место ее действия – легендарный Каледонский лес (*Coed Celyddon*) в Северной Британии.

⁹¹¹ Буквально: «Я пел битву древесных ветвей за власть в Британии» или «перед властелином Британии (*Gwledig Prydein*)». Второй вариант заставляет предположить, что в этой битве участвовал Артур, однако прямо об этом не говорится ни в одном источнике.

⁹¹² Гвидион, как говорилось выше, сражался против хтонических сил в качестве солнечного божества. В этой битве, как известно из прозаических комментариев, его противниками выступали Араун и Бран, возможно, представлявшие одно и то же лицо – владыку подземного царства, каким в повести о Мате выступает Придери.

⁹¹³ Буквально: «Просил Предвечного принести избавление своим созданиям».

⁹¹⁴ В тексте: «Слово сошло в стихах и в стихиях». Очевидно, волну Бога узнали с помощью гаданий или толкования природных явлений, как было принято у древних кельтов.

⁹¹⁵ Неизвестное лицо. Имя *Peblig* носил валлийский святой

V в., основатель церкви в нынешнем селении Лланбеллиг и предполагаемый сын римского узурпатора Максима (Максена Вледига). Возможно, это имя происходит от латинского «Публиций» или «Публий». У Р. Уильямса «Пелблиг» переведен как «толпа» (public), которую следует «обуздать». В переводе Д. Нэша это эпитет, относящийся к Богу.

⁹¹⁶ В переводе Р. Уильямса: «Выстрой главные деревья в боевой строй». Под «главными деревьями» подразумеваются перечисленные далее сакральные растения кельтской мифологии.

⁹¹⁷ Буквально: «Обрели речь, услышав четыре вдохновенных струнь». В следующих строчках говорится о «смолкнувшем шуме».

⁹¹⁸ В переводе П. Форда: «Дева вздохнула горько, и сердце ее разбилось» – отражение истории Бранвен. Однако в тексте речь явно идет о великанше Ахрен, которая сражалась впереди войска деревьев. Трое псов (или щенков) битвы – вожди армии Аннуина. Возможно, это упомянутые в повести о Килухе потусторонние воители Болх, Сефолх и Дифолх, хотя никаких подтверждений этому в тексте нет.

⁹¹⁹ Буквально: «Кровь мужей доходила до бедер».

⁹²⁰ Дважды повторяющийся в поэме отрывок о трех важнейших событиях истории, возможно, соотносит «Битву деревьев» с одним из них.

⁹²¹ Последующее перечисление 28 деревьев и кустарников отражает их важную роль в кельтской мифологии. Они соответствуют 28 дням кельтского лунного месяца и 28 «благородным деревьям» из древнеирландского свода законов «Шенхус Мор» (Senchus Mor). Р. Грейвс связывает их также с огамическим письмом, в котором, правда, было всего 18 или 20 букв. По ряду источников буквы в огамическом алфавите действительно носили имена деревьев, однако все построения Грейвса на этот счет были отвергнуты учеными как произвольные. Тем не менее его догадки о мифологическом значении отдельных деревьев могут иметь под собой почву – как и высказанное в начале XIX в. Эдвардом Дэвисом предположение о том, что описанная в поэме битва имеет символический характер и означает войну слов или заклинаний различных друидических школ или традиций. Следует отметить, что перечисленные в поэме деревья сражались на разных сторонах, поскольку некоторые из них традиционно связывались с Браном (Враном) и другими противниками «партии» Гвидиона-Ллеу. В их числе была и ольха – «старшее дерево» по представлениям друидов, которое ассоциировалось с началом года. Ольха (gvern) у кельтов ценилась как сырье для

древесного угля и связывалась с огнем, что доказывается повестью о Бранвен, где Гверна (ольху) бросают в печь. Помимо бога Брана, с ольхой ассоциировались также краснолицые герои ирландских сказаний, поскольку кельты добывали из коры этого дерева красную краску. Ольха связывалась и с водой из-за своей водостойкой древесины – в древности из нее делали сваи и причалы для лодок. В греческих мифах герой Фороней («Ольховый»), сын речного бога Инаха и океаниды Мелии, считался предком пеласгов – древнейшего народа Греции.

⁹²² Ива (*helyg*) считалась колдовским деревом и связывалась с Луной. Греки посвящали ее богине Гекате, а кельты приносили жертвы богам в ивовых корзинах. Рябина (*sciafol*) использовалась кельтскими друидами для пророчеств и защиты от духов. Она была символом богини Бригг (в христианское время святой Бригиты) и ее праздника Имболк, который отмечался 1 февраля. В ирландском сказании о Диармайде и Грайне ягоды рябины вместе с яблоками и орехами служат пищей богам. Рябина (*luis*) дала название второй букве ирландского огамического алфавита, хотя в перечне «благородных деревьев» она стоит далеко не на первом месте. Всего в этот перечень входит 28 деревьев и кустарников, разделенных на семерки «деревьев-вождей» (дуб, орех, падуб, тис, ясень, сосна, яблоня), «деревьев-крестьян» (ольха, ива, боярышник, рябина, береза, вяз, ель), «деревьев-кустов» (терновник, бузина, калина, белый тополь, малина и два растения с непереводаемыми названиями) и «стелющихся деревьев» (папоротник, мирт, утесник, шиповник, вереск, плющ, рацитник, крыжовник). Нетрудно заметить, что большей частью этот список совпадает с перечнем поэмы. Текст закона, содержащий список, не старше XI в., однако в более древнем памятнике «Разговоры старцев» (IX в.) приводится другой список из 24 «благородных деревьев», включающий восемь «деревьев-вождей» (ольха, дуб, орех, лоза, плющ, терн, дрок, вереск), восемь «деревьев-крестьян» (береза, рябина, ива, ясень, боярышник, утесник, яблоня, ель) и восемь «деревьев-кустов». Еще более древний список семи «деревьев-вождей» приведен в ирландской поэме VII в. «*Crith Gablach*»; в него входят дуб, орех, падуб, ольха, ива, береза и яблоня.

⁹²³ Терновник (*draen*) издавна считался несчастливым деревом, связанным со смертью и колдовством. В христианские времена он также ассоциировался с терновым венцом Христа. При этом терновник отгонял ведьм, а дымом от его горящих веток окуривали домашних животных, чтобы защитить их от болезней.

⁹²⁴ В оригинале стоит слово *tnuag*, которое может обозначать самые разные виды деревьев. Р. Уильямс и Д. Нэш перево-

дят его как «мушмула» (medlar), а П. Форд как «кизил» (cornel), однако оба эти растения не играли значительной роли ни в жизни кельтов, ни в их древесной символике. Более вероятно, что имеется в виду ежевика – самый известный в Британии кустарник со съедобными ягодами.

⁹²⁵ Роза (rhosyn) пользовалась большой известностью в мифологии европейских стран, но была малоизвестна у кельтских народов. Скорее всего, первоначально в «древесном алфавите» ее заменял шиповник или дикая роза.

⁹²⁶ Малина (afan) вошла в число священных деревьев из-за своих съедобных ягод.

⁹²⁷ Вместо жимолости (gwyddfid) в кельтской традиции обычно выступает бузина, которая считалась лучшим средством для защиты от болезней и в то же время колдовским растением, связанным с нечистой силой. Суеверия, связанные с бузиной, основывались на том, что из нее был якобы сделан крест, на котором распяли Христа. По английским поверьям на бузине (а не на осине) повесился предатель Иуда.

⁹²⁸ Плющ (eiddeu) во многих странах Европы был связан со смертью. В средневековых английских песнях описана битва между плющом и падубом как растениями смерти и возрождения. В то же время плющ был символом умирающего и воскресающего бога плодородия – например, греческого Диониса.

⁹²⁹ Вишня (ceigios) считалась связанной с плодородием, однако не играла заметной роли в кельтском фольклоре.

⁹³⁰ Береза (bedw, по-ирландски beth) символизировала первую букву в ирландском «алфавите деревьев». Ее ветви по всей Европе использовались для религиозных обрядов и изгнания злых духов. По мнению Р. Грейвса, слова об «отставании» березы в поэме означают то, что ее побеги затвердевают лишь к концу года. Однако распускается береза первой, что и сделало ее символом начала.

⁹³¹ Золотарник не упоминается в кельтском фольклоре, хотя, возможно, он являлся солнечным символом из-за его желтых цветов. В списке «благородных деревьев» из «Senchus Mor» вместо него стоит калина.

⁹³² Ель (rugwydd) упоминается в тексте трижды, так как она традиционно являлась символом вечной жизни и обновления и связывалась с началом нового года – отсюда и произошел обычай наряжать новогоднюю елку. Ель также наделялась целебными свойствами. Возможно, она заменяет в тексте другие хвойные деревья – сосну или пихту.

⁹³³ Тис (uwen) считался у кельтов деревом королей, и из него

делались королевские покои – например, ирландский Дворец Красной ветви в Эмайн-Махе. «Тис Росса» был одним из пяти священных деревьев Ирландии. В «Crith Gablach» тис назывался одним из «семи деревьев-вождей», за вырубку которых полагалось строгое наказание. Тис также ассоциировался со смертью из-за своих ядовитых ягод.

⁹³⁴ Вяз (llwyf) на Британских островах считался символом старости. Он часто употреблялся для зажигания «чистого огня», дымом от которого окуривали скот, чтобы защитить его от болезней.

⁹³⁵ Орешник (syll) в ирландской и валлийской традиции символизировал тайную мудрость. По легенде ирландский герой Финн обрел поэтический дар, отведав орехов с волшебного дерева Коннла. Имя Мак Колл («Сын ореха») носил один из трех ирландских «богов ремесла». Ветка орешника в Англии, как и в России, использовалась для отыскания спрятанных сокровищ и подземных вод.

⁹³⁶ Буквально: «Бирючины счастлив удел, она – бык битвы, владыка мира». Бирючина (hefen) – кустарник семейства маслиновых. Из-за выносливости и крепкого ствола во многих странах бирючина считалась «деревом-воином»; об этом говорит и ее русское название, происходящее от слова «бирюч» (молодой дружинник). По мнению Р. Грейвса, на месте бирючины в списке должна стоять дикая яблоня (afal), занимающая гораздо более важное место в кельтском алфавите деревьев. Яблоня связывалась с бессмертием, и от ее имени происходит название легендарного острова бессмертных Аваллона.

⁹³⁷ Падуб (selyn) считался двойником священного дуба, как показывает и его русское название. В свою очередь, английское holly (падуб) связано со словом holy (святой). По предположению Р. Грейвса, падуб позже был отождествлен с красным дубом и терпентином (олеандром), которые в раннем христианстве символизировали одетого в багряницу Христа.

⁹³⁸ Боярышник (draen) приносил несчастье и считался деревом принудительного воздержания (см. повесть о Килухе). В то же время его считали эротическим символом, как это показывает английский обычай плясок вокруг «майского дерева», которое первоначально было боярышником.

⁹³⁹ Виноградная лоза (gwinllan) попала на Британские острова при римлянах. По всей Европе она была символом вдохновения, а в Греции связывалась с богом Дионисом и посвященными ему оргиями. По догадке Р. Грейвса, прежде в «дре-

весном алфавите» виноград заменяла ежевика, ягоды которой запрещалось есть, как посвященные духам.

⁹⁴⁰ В оригинале: «трусливым деревьям»; у Р. Уильямса и Д. Нэша это выражение переведено как «тополя». Возможно, прежде тополь по-валлийски, как и на других языках, именовался «трусливым деревом» из-за дрожания его листьев. В современном языке принято английское заимствование *populus*.

⁹⁴¹ В Британии, как и в других странах, ходили поверья о том, что семена папоротника (*rhed*) могут сделать человека невидимым, а его цветок помогает отыскивать клады. Возможно, неодобрительное отношение к нему объясняется тем, что он рос на болотах, в «гиблых местах». Ракитник (*erwich*) из-за гибкости и мягкости веток считался символом не только доброты, но и распушенности; из его цветов была создана Блодейведд, вероломная жена Ллеу. Утесник, или дрок (*opp*), – невысокий дикорастущий кустарник из семейства бобовых, цветущий желтыми цветами, которые символизировали молодое солнце во время весеннего равноденствия. В эти дни пастухи жгли костры из дрока, чтобы трава вокруг них росла лучше.

⁹⁴² Вереск (*grug*) был медоносным растением и ассоциировался с пчелами и с любовным томлением. У кельтов напиток из вереска (вересковый мед) считался целебным. Возможно, в других странах Европы вереску соответствовала не менее медоносная липа.

⁹⁴³ В переводе Д. Нэша: «Его зовут мощным привратником против врагов». В переводе П. Форда: «Его имя на вощенных табличках». Понять подлинный смысл строфы очень трудно. От слова «дуб» (валл. *degw*, ирл. *dair*) у кельтских народов происходило названия жреческого сословия друидов, обряды которых были тесно связаны с этим деревом. В Галлии и Ирландии были известны священные дубы, повреждение которых строго каралось. В Англии до последнего времени сельские жители не рубили дубы, опасаясь мести духов.

⁹⁴⁴ Ясень (*lludw*) очень почитался у кельтов и германцев, часто выступая символом «мирового древа», как ясень Иггдрасиль в скандинавской мифологии (Игг – одно из имен верховного бога Одина). В Ирландии из пяти священных деревьев (*bile*), срубленных с приходом христианства, три были ясенями. Из ясеня также делались королевские троны, а его ветки надевались целебными свойствами.

⁹⁴⁵ Груша (*gellyg*) и каштан (*castan*) не особенно почитались кельтами и не включены в ирландский список «благородных

деревьев». Вероятно, в данный перечень они попали из-за своих съедобных плодов.

⁹⁴⁶ В оригинале речь идет о гагате – полудрагоценном камне, символе черноты.

⁹⁴⁷ Перевод условный. В оригинале говорится о том, что после некоего крика «великие моря обрели свое место».

⁹⁴⁸ В тексте *Gwarchan Maelderw*, что в переводе означает «Воспевание мудрости дуба». Большинство переводчиков поэмы считают, что речь идет о географическом названии. В то же время в «Книге Анейрина» содержится цикл *gwarchanau* – «воспеваний», посвященных памяти павших в сражениях кельтских героев. Среди них есть и стихотворение под названием «*Gwarchan Maelderw*», автором которого в сопутствующей глоссе называется Талиесин. Вероятно, Мэлдерв – личное имя, включение которого в мифологический контекст «Битвы деревьев» обусловлено его «древесным» характером.

⁹⁴⁹ «Девять элементов» или «девять форм» не раз упоминаются в кельтском фольклоре как материал для сотворения мира или каких-либо волшебных существ. В оригинале речь идет о трех плодах, трех цветах и трех стихиях – земле, воде и воздухе.

⁹⁵⁰ Буквально: «из цветка горной примулы». Примула, или первоцвет, в кельтской традиции считалась волшебным цветком.

⁹⁵¹ Девятая волна в фольклоре европейских народов считалась самой мощной, вобравшей силу всех остальных волн. Возможно, такое представление восходит к кельтской символике числа «девять».

⁹⁵² В тексте говорится: «Меня создали сто и пятьдесят чародеев».

⁹⁵³ Буквально: «Эурис и Эурон, Эурон и Модрон». Перечисляются самые известные чародеи валлийских мифов: Гвидион, сын Дон, Мат, сын Матонви, и Модрон, мать Мабона. Вероятно, в том же контексте упоминаются Эурис и Эурон, хотя об этих персонажах почти ничего не известно. *Eurwys* означает «Одетый в золото» (по другой версии «Золотой кабан»), *Euron* может быть связана со словом *aegon* (плоды), а также с именем древней британской богини войны Агроны. Возможно также, что ее имя соотносится с упомянутой в триаде 66 красавицей Эурброн (Золотогрудой), дочерью Нудда (Ллудда). Возможно, эти двое представляют собой супружескую пару бога света и богини земли и плодородия, аналогичную Бели и Дон-Дану. В поэме «*Kadeir Ceridwen*» из «Книги Талиесина» Эурон и Эуронви (мужской вариант имени Эурон) упомянуты как искуснейшие

чародеи богини Дон. Вероятно, Эурис представляет собой возникшую позже параллель более древнего образа Эурон. Возможна его связь с Эврауком, эпонимом британского города Эборак (нынешний Йорк).

⁹⁵⁴ В переводе Р. Уильямса: «Меня создал вождь с наполовину сожженной головой». В этом случае имеется в виду Бран (Вран) – во время весеннего праздника Белтене в Британии скагивали с холмов горящие колеса, называемые «головой Брана». Однако Бран как представитель враждебного клана богов едва ли принимал участие в сотворении соратника Гвидиона и Ллеу.

⁹⁵⁵ Буквально: «играл в огне печи». Возможно, здесь Талиесин отождествляет себя с брошенным в печь мальчиком Гверном из мабиноги о Бранвен. В переводе Р. Уильямса говорится: «играл в лучах заката», однако стоящее в тексте слово *Loughor* с закатом никак не соотносится и, по всей видимости, представляет собой искаженное *lloshgor* – «печной огонь».

⁹⁵⁶ Во всех переводах: «спал в пурпуре», то есть в королевском одеянии, выкрашенном пурпурной краской. Смысл этой строчки неясен; в тексте стоит слово *roffog*, которое обозначает как пурпур (порфир), так и раковину, из которой его добывали. Второй вариант кажется уместнее, поскольку в следующей строчке упоминается море, и весь отрывок создает картину приключений Талиесина в двух стихиях – водной и огненной.

⁹⁵⁷ См. прим. 243.

⁹⁵⁸ Буквально: «сидел меж колен королей». Имеется в виду не королевское происхождение Талиесина, а то, что с раннего детства он был столь мудр, что короли прислушивались к его советам.

⁹⁵⁹ В переводе Д. Нэша «копья» заменены «песнями», и фрагмент представляет собой рассказ о победе Талиесина в поэтическом состязании, где другие барды спели по триста песен, а он – девятьсот.

⁹⁶⁰ Неясное место. В тексте говорится о копьях, что «вступили в битву с силой восьми десятков (или тысяч) воинов».

⁹⁶¹ В переводе Р. Уильямса этот меч принадлежит самому герою и «залит кровью благородных».

⁹⁶² Совершенно неясное место. Возможно, под «вепрем» имеются в виду противники Талиесина из подземного царства. Как уже говорилось, свинья у кельтов считалась хтоническим животным, тесно связанным с потусторонним миром.

⁹⁶³ В оригинале речь идет о Боге, который «строит, и рушит, и творит языки (то есть народы)».

⁹⁶⁴ Буквально: «Был я пятнистой змеей на холме, был випе-рой в озере».

⁹⁶⁵ В оригинале речь идет о «плаще, красном сверху донизу» и о «чаше, что рождала четырежды двадцать дымов». Красная одежда считалась самой почетной у бардов.

⁹⁶⁶ Анахронизм – в историческое время рабни в Уэльсе (в отличие от Ирландии) не выступали как единица обмена. Текст сильно испорчен. В переводе Д. Нэша фраза звучит так: «Миллион ангелов на острие моего ножа». Дж. Мэттьюз дает еще более странный перевод: «Пять батальонов парней станцуют на лезвии моего ножа».

⁹⁶⁷ В оригинале: «каштановым» (wineu). В переводе Д. Нэша: «кремовым», или «белым».

⁹⁶⁸ В тексте говорится: «В бою (буквально: «в натиске») со мной не сравнится никто, кроме Горонви из Долеу-Эдриви». Это другое имя волшебника Грону Пебира, упоминаемого в повести «Мат, сын Матонви» и в нескольких триадах. Неясно, выступает ли он как противник героя.

⁹⁶⁹ Буквально: «Пальцы мои длинны и белы, давно уже я не был пастухом». Пастушество – основная «черная работа» в средневековом Уэльсе.

⁹⁷⁰ В оригинале: «Я спал на сотне островов, я защищал сотню крепостей».

⁹⁷¹ Единственное упоминание Артура в этой поэме. Буквально: «Друиды пророчествовали Артуру о том, что было, что есть и что случится».

⁹⁷² Буквально: «Я буду вознагражден (или возвышен) золотом».

⁹⁷³ См. прим. 782.

⁹⁷⁴ Последняя фраза искажена и не поддается адекватному переводу. В переводе Д. Нэша последняя строчка звучит так: «Меня радует тяжкий труд золотых дел мастера» (имеется в виду поэтическое искусство). Совершенно недостоверен перевод Р. Уильямса: «Я украшусь золотом и буду избавлен от злобы златокузнецов». Перевод П. Форда: «Золотой, золотокожий, я окружу себя богатством и пребуду в роскоши по пророчеству Вергилия».

⁹⁷⁵ Pedeir Keinc y Mabinogi. Ed. I. Williams. Cardiff, 1930. P. XLII – XLIII.

⁹⁷⁶ Studies in Early British History. Cambridge, 1954. P. 103.

⁹⁷⁷ The Text of the Mabinogion and other Welsh tales from the Red Book of Hergest. Ed. J. Rees, J. Gwenogvryn Evans. Oxford, 1887.

⁹⁷⁸ The White Book Mabinogion. Ed. J. Gwenogvryn Evans. Pwllheli, 1907.

⁹⁷⁹ Pedeir Keinc y Mabinogi. Ed. I. Williams. Cardiff, 1930; Pwyll Pendeuc Dyuet. Ed. R.L. Thomson. Dublin, 1957; Branwen uerch Lyr.

Ed. D.S. Thomson. Dublin, 1961; Cyfranc Lludd a Llefelys. Ed. B.F. Roberts. Dublin, 1972; Breuddwyd Maxen. Ed. I. Williams. Bangor, 1928; Breudwyt Rhonabwy. Ed. G. Melville Richards. Cardiff, 1948; Owein or Chwedyl Iarllles y Ffynawn. Ed. R.L. Thomson. Dublin, 1968; Culhwch and Olwen. Ed. R. Bromwich and D. Simon Evans. Cardiff, 1992.

⁹⁸⁰ Pwyll Prince of Dyfed. Tr. W. Owen Pughe. Cambrian Register, 1795; Math, son of Mathonwy. Tr. W. Owen Pughe. Cambrian Quarterly, 1829.

⁹⁸¹ The Mabinogion. Tr. Lady Charlotte Guest, v. 1 – 3. London, 1838–1849.

⁹⁸² Les Mabinogion. Tr. J. Loth. Paris, 1913.

⁹⁸³ The Mabinogion. Tr. T.P. Ellis, J. Lloyd, v. 1 – 2. Oxford, 1929.

⁹⁸⁴ The Mabinogion. Tr. G. Jones, T. Jones. L., 1949.

⁹⁸⁵ The Mabinogion. Tr. J. Gantz. London, 1976.

⁹⁸⁶ The Mabinogi and other Medieval Welsh tales. Tr. P.K. Ford. Berkeley (Cal.), 1977.

⁹⁸⁷ Мабиногион. Волшебные легенды Уэльса. Пер. В.В. Эрлихмана. М., 1995.

⁹⁸⁸ Кельты. Валлийские сказания. Мабиногион. Пер. Л. Володарской. М., 2000.

⁹⁸⁹ Williams I. Chwedl Taliesin. Cardiff, 1957.

⁹⁹⁰ Ystoria Taliesin. Ed. P.K. Ford. London, 1992.

⁹⁹¹ The Four Ancient Books of Wales, v. 1 – 2. Ed. W.F. Skene. Edinburgh, 1868.

⁹⁹² Canu Aneirin. Ed. I. Williams. Caerdydd, 1938; Canu Llywarch Hen. Ed. I. Williams. Caerdydd, 1935; Canu Taliesin. Ed. I. Williams. Cardiff, 1960.

⁹⁹³ The Book of Taliesin. Ed. J. Gwenogvryn Evans. Oxford, 1910.

⁹⁹⁴ Грейвс Р. Белая богиня. М., 1999.

⁹⁹⁵ Nash D.W. The Book of Taliesin. London, 1858.

⁹⁹⁶ The Four Ancient Books of Wales, v. 1. Ed. W.F. Skene. Edinburgh, 1868.

⁹⁹⁷ The Mabinogi and other Medieval Welsh tales. Tr. P.K. Ford. Berkeley, 1977.

⁹⁹⁸ Taliesin Poems. Tr. M. Pennar. Lampeter, 1988.

⁹⁹⁹ Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. Пер. А.С. Бобовича. М., 1984.

¹⁰⁰⁰ Arthurian Sources. Tr. J. Morris, v. 1 – 6. Chichester, 1995.

¹⁰⁰¹ Brut y brenhinedd. Ed. J. Jay Parry. Cambridge (Mass.), 1937.

¹⁰⁰² Brut y tywysogion. Ed. T. Jones. Cardiff, 1955.

¹⁰⁰³ Welsh Genealogies, v. 1 – 9. Ed. P.C. Bartrum. Cardiff, 1974–1980.

¹⁰⁰⁴ Trioedd Ynys Prydein. Tr. R. Bromwich. Cardiff, 1961.

¹⁰⁰⁵ Ancient Laws and Institution of Wales, v. 1 – 2. Ed. A. Owen. London, 1841.

¹⁰⁰⁶ Evans S. A Grammar of Middle Welsh. Dublin, 1976.

¹⁰⁰⁷ Халипов С.Г. Краткая грамматика валлийского языка. СПб., 1995.

¹⁰⁰⁸ Примеры взяты из книг: Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., «Прогресс», 1992; Грейвс Р. Белая богиня. М., «Прогресс-Традиция», 1999; Сказания Красного Дракона. М., «Менеджер», 1997; Кельты. Валлийские сказания. Мабиногион. М., «Арт-Флекс», 2000.

БИБЛИОГРАФИЯ

1) Издания текстов

- Ancient Laws and Institution of Wales, v. 1 – 2. Ed. A. Owen. London, 1841.
- Armes Prydein. Ed. I. Williams, R. Bromwich. Dublin, 1972.
- The Black Book of Carmarthen. Repr. and ed. J. Gwenogvryn Evans. Pwllheli, 1907.
- The Book of Taliesin. Ed. J. Gwenogvryn Evans. Oxford, 1910.
- Branwen uerch Lyr. Ed. D.S. Thomson. Dublin, 1961.
- Breuddwyd Maxen. Ed. I. Williams. Bangor, 1928.
- Bredwyt Rhonabwy. Ed. G. Melville Richards. Cardiff, 1948.
- Brut y brenhinedd. Ed. J. Jay Parry. Cambridge (Mass.), 1937.
- Brut y tywysogion. Ed. T. Jones. Cardiff, 1955.
- Canu Aneirin. Ed. I. Williams. Caerdydd, 1938.
- Canu Llywarch Hen. Ed. I. Williams. Caerdydd, 1935.
- Canu Taliesin. Ed. I. Williams. Cardiff, 1960.
- Chwedl Taliesin. Ed. I. Williams. Cardiff, 1957.
- Culhwch and Olwen. Ed. R. Bromwich and D. Simon Evans. Cardiff, 1992.
- Cyfranc Lludd a Llefelys. Ed. B.F. Roberts. Dublin, 1972.
- The Four Ancient Books of Wales, v. 1 – 2. Ed. W.F. Skene. Edinburgh, 1868.
- Historia Peredur vab Efracw. Ed. G.W. Goetinck. Cardiff, 1976.
- Llyfr Du Caerfyrddin (The Black Book of Carmarthen). Ed. A.O. Jarman. Cardiff, 1982.
- Owein or Chwedyl Iarllles y Ffynnawn. Ed. R.L. Thomson. Dublin, 1968.
- Pedeir Keinc y Mabinogi. Ed. I. Williams. Cardiff, 1930 (repr. 1994).

- Pwyll Pendueic Dyuet. Ed. R.L. Thomson. Dublin, 1957.
 The Poems of Taliesin. Ed. J. Caerwin Williams. Dublin, 1968.
 The Text of the Mabinogion and other Welsh tales from the Red Book of Hergest. Ed. J. Rees, J. Gwenogvryn Evans. Oxford, 1887.
 The White Book Mabinogion. Ed. J. Gwenogvryn Evans. Pwllheli, 1907 (repr. Cardiff, 1973).
 Ystoria Taliesin. Ed. P.K. Ford. Cardiff, 1992.

2) Переводы

- Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. Пер. А.С. Бобовича. М., 1984 (Лит. памятники).
 Ирландские саги. Пер. А.А. Смирнова. М. –Л., 1961.
 Кельты. Валлийские сказания. Мабиногион. Пер. Л. Володарской. М., 2000.
 Кретъен де Труа. Ивэйн или Рыцарь со львом. Пер. В.Б. Микушевича. В кн.: Средневековый роман и повесть. М., 1974 (Биб-ка всемирной литературы).
 Кретъен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. Пер. Н.Я. Рыковой, В.Б. Микушевича. М., 1980 (Лит. памятники).
 Мабиногион. Волшебные легенды Уэльса. Пер. В.В. Эрлихмана. М., 1995.
 Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974 (Лит. памятники).
 Похищение быка из Куальнге. Пер. Т.А. Михайловой, С.В. Шкунаева. М., 1985 (Лит. памятники).
 Предания и мифы средневековой Ирландии. Пер. С.В. Шкунаева. М., 1991.
 Arthurian Sources. Tr. J. Morris, v. 1 – 6. Chichester, 1995.
 Gerald of Wales. The Journey through Wales. The Description of Wales. Tr. L. Thorpe. London, 1978.
 The Mabinogi and other Medieval Welsh tales. Tr. P.K. Ford. Berkeley, 1977.
 The Mabinogion. Tr. Lady Charlotte Guest, v. 1 – 3. London, 1838 – 1849.
 The Mabinogion. Tr. T.P. Ellis, J. Lloyd, v. 1 – 2. Oxford, 1929.
 The Mabinogion. Tr. G. Jones, T. Jones. L., 1949.
 The Mabinogion. Tr. J. Gantz. London, 1976.
 Les Mabinogion. Tr. J. Loth. Paris, 1913.
 Myvyrian Archaiology of Wales. 2nd ed. Denbigh, 1870.
 Taliesin Poems. Tr. M. Pennar. Llanpeter, 1988.
 Trioedd Ynys Prydein. Tr. R. Bromwich. Cardiff, 1961.
 Welsh Legends and Folk-Tales. Tr. G. Jones. L., 1955.
 Welsh Genealogies, v. 1 – 9. Ed. P.C. Bartrum. Cardiff, 1974 – 1980.

3) Литература

- Грейвс Р. Белая богиня. М., 1999.
- Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992.
- Гюйонварх К., Леру Ф. Кельтская цивилизация. Пер. с фр. Г.В. Бондаренко, Ю.В. Стефанова. СПб., 2001.
- Кальгин В.П., Королев А.А. Введение в кельтскую филологию. М., 1989.
- Комаринец А. Энциклопедия короля Артура и рыцарей Круглого Стола. М., 2001.
- Рис А., Рис Б. Наследие кельтов. Пер. с англ. Т.А. Михайловой. М., 1999.
- Сказания Красного Дракона. Под общ. ред. А. Платова. М., 1996.
- Филип Я. Кельтская цивилизация и ее наследие. Пер. с чешск. Прага, 1961.
- Халипов С.Г. Краткая грамматика валлийского языка. СПб., 1995.
- Шкунаев С.В. Община и общество западных кельтов. М., 1989.
- Alcock L. Arthur's Britain. London, 1971.
- The Arthurian Legend in Medieval Welsh Literature. Cardiff, 1991.
- Ashe G. King Arthur in Fact and Legend. N.Y., 1971.
- Barber R.M. King Arthur in legend and history. London, 1973.
- Chadwick N. The Druids. Cardiff, 1966.
- Davies S. The Four Branches of the Mabinogi. London, 1993.
- Dillon M., Chadwick N. The Celtic Realms. London, 1967.
- Ellis T.P. Legal References, Terms and Conceptions in the Mabinogion. Y Cymmrodor, I, 1928.
- Evans D.S. A Grammar of Middle Welsh. Dublin, 1976.
- Green M.J. The Gods of the Celts. Gloucester, 1986.
- Gruffydd W.J. Math uab Mathonwy. Cardyff, 1928.
- Gruffydd W.J. Rhiannon. Cardyff, 1953.
- Jackson K. Early Irish tradition. London, 1965.
- Jackson K. The International Popular Tale and Early Welsh tradition. Cardiff, 1961.
- Jackson K. Language and History in Early Britain. Edinburgh, 1953.
- Jarman A.O., Hughes G. R. A Guide to Welsh Literature, v. 1. Swansea, 1976.
- Jarman A.O. The Legend of Merlin. Cardiff, 1960.
- Lloyd J.E. A history of Wales, v. 1 – 2. London, 1948.
- Loomis R. Celtic Myth and Arthurian Romance. London, 1938.
- Loomis R. The Development of Arthurian Romance. N.Y., 1970.
- Loomis R. Wales and the Arthurian Legend. Cardiff, 1956.

- Mac Cana P. *Branwen Daughter of Llyr*. Cardiff, 1958.
Mac Cana P. *Celtic Mythology*. Dublin, 1968.
Mac Cana P. *The Mabinogi*. Cardiff, 1977.
Matthews J. *Taliesin: Shamanic Mysteries in Britain and Ireland*. London, 1990.
Morris J. *The Age of Arthur*. London, 1975.
Morris-Jones J. *Taliesin. Y Cymmrodor*, VIII, 1918.
Nash D.W. *The Book of Taliesin. The Bards and Druids of Britain*. London, 1858.
O'Rahilly C. *Ireland and Wales*. London, 1924.
O'Rahilly T.F. *Early Irish History and Mythology*. Dublin, 1948.
Rhys J. *Celtic Folklore*. Oxford, 1901 (repr. 1983).
Rivet A.L., Smith C. *The Place-Names of Roman Britain*. London, 1979.
Ross A. *Pagan Celtic Britain*. London, 1967.
Strachan J. *An Introduction to Early Welsh*. Manchester, 1909.
Studies in Early British History. Cambridge, 1954.
Vaughan-Thomas W. *Wales: a history*. London, 1985.
Wade-Evans A.W. *Welsh Medieval Law*. Oxford, 1909.
Williams A. *Dark Age Britain. A biographical dictionary*. London, 1991.

СОДЕРЖАНИЕ

Четыре Ветви Мабиноги

Пуйлл, король Диведа	7
Бранвен, дочь Ллира	27
Манавидан, сын Ллира	41
Мат, сын Матонви	53

Старина Острова Британии

Видение Максена Вледига	73
Ллудд и Ллевелис	81
Килух и Олвен	86
Видение Ронабви	124

Рыцари Артура

Оуэн, или Хозяйка Источника	139
Передур, сын Эвраука	160
Герайнт, сын Эрбина	198

Волшебная арфа

История Талиесина	237
Битва деревьев (Кад Годдеу)	261

Приложение

<i>Вадим Эрлихман. Мир мабиноги</i>	265
История текста и переводов	275
О передаче валлийских имен и названий	280

Комментарии	285
Библиография	405

МАБИНОГИОН

ЛЕГЕНДЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО УЭЛЬСА

Серия «Наследие кельтов»

Редактор *И. Парина*
Компьютерная верстка *Г. Егорова*

Книга подготовлена при участии *Э. Гареевой*

ИД № 03974 от 12.02.01 г.

Подписано в печать 15.04.2002. Формат 84x108/32
Гарнитура «Times NR Cyr MT». Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 21,84. Тираж 1500 экз. Заказ № 2517.

Издательство «Аграф»
129344, Москва, Енисейская ул., 2
Тел.: (095) 189-17-22, 189-17-35
E-mail: agraf.ltd@ru.net
<http://www.ru.net/~agraf.ltd>

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
на ГИПП «Вятка»
610033, г. Киров, Московская ул., 122.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА,
МЕМУАРЫ, ПРОЗА

ДОН ЖУАН русский: Антология /Сост. А.В. Парин

Книга посвящена русскому вкладу в разработку европейского мифа о Севильском Обольстителе. Первое оригинальное произведение, трактующее Дон Жуана как трагическую фигуру свободолюбивого художника, написал на русском языке великий Пушкин (маленькая трагедия "Каменный гость") – он задавал масштаб этому "вечному образу" в российском контексте. В XIX в. за пушкинской трагедией последовали философская драма А.К.Толстого, популярные на театре пьесы А.Н.Безецкого и А.О.Мордвина-Щодро; в XX веке русскую "донжуаниану" дополнили прозаические пьесы А.В.Амфитеатрова и Б.К.Зайцева, в которых сюжету приданы черты пародии и философского эссе, стихотворные драмы Н.С.Гумилева и последователя футуристов В.Казакова. Особую главу в русском осмыслении образа Дон Жуана вписала лирика – циклы К.Бальмонта и М.Цветаевой; стихотворение А.А.Блока "Шаги командора" по праву встало рядом с трагедией Пушкина. Трактат К.Бальмонта о Дон Жуане как мифе Нового Времени во многом объяснил всплеск интереса к легендарному герою в русской литературе начала XX в. Эссе А.Ахматовой о "Каменном госте" Пушкина закрепило за "маленькой трагедией" репутацию непререкаемой "точки роста" российской "донжуанианы". Многие включенные в том произведения не печатались по-русски с момента первой публикации.

ИВАН ГРОЗНЫЙ: Антология /Сост. А.В. Парин

Новая серия "Золотая маска" предлагает читателям антологии, в которых какое-либо историческое лицо или мифологический персонаж предстают в разных литературных интерпретациях и образуют как бы написанный разными художниками "коллективный портрет".

Первая книга посвящена одной из самых противоречивых фигур русской истории – Ивану Грозному. В нее включены пьесы, написанные за два века русской драматургии (от начала XIX до конца XX), дающие мозаичный портрет властелина – "прогрессивного", служащего делу объединения русских земель и одновременно тиранического, сластолюбивого, садистского, упивающегося властью.

**Баранов В.П. БЕЗЗАКОННАЯ КОМЕТА: Роковая женщина
Максима Горького**

О баронессе Марии Будберг, "агенте влияния", возлюбленной Максима Горького, женщине выдающегося ума и авантюристического склада, о ее связях с ЧК и английской разведкой, и о самом Максиме Горьком – человеке, писателе, о тайне его смерти.

Среди действующих лиц – Ленин, Сталин, Зиновьев, Каменев, Р. Роллан и другие выдающиеся личности.

**Бродская Г.Ю. АЛЕКСЕЕВ-СТАНИСЛАВСКИЙ, ЧЕХОВ
И ДРУГИЕ. ВИШНЕВОСАДСКАЯ ЭПОПЕЯ (в 2-х кн.)**

Герои этой книги – люди знаменитые: Чехов, Станиславский, Немирович-Данченко, Книппер-Чехова, Амфитеатров, другие лите-

раторы и артисты и безвестные родственники Станиславского, которых он считал прототипами персонажей пьесы Чехова "Вишневый сад". В "новой жизни", наступившей после 1917 года, им всем и спектаклю Художественного театра, который шел на этой сцене с 1904 г. до начала 1950-х г., выпали страшные испытания.

В книге использованы документы, найденные автором в архивохранилищах России и фотографии из фондов: Музея МХАТ, Дома-музея К.С.Станиславского, Государственного Исторического музея, Государственной Третьяковской галереи, Государственного Центрального Театрального музея им. А.А.Бахрушина, Центрального архива ФСБ РФ, архивов Управлений ФСБ по Москве, Санкт-Петербургу, Екатеринбург, Ленинградской и Свердловской областей; из коллекции М.В.Золотарева; из личных архивов родственников К.С.Станиславского: К.Р.Барановской-Фальк, Е.В.Готовцевой, Л.Ф.Хлудовой, Л.Г.Штекер, С.С.Балашова.

Вайкль Бернд. О ПЕНИИ И ПРОЧЕМ УМЕНИИ

Бернд Вайкль – выдающийся певец нашего времени, ярчайший представитель вокальной элиты. Его гибкий, красивый, мощный баритон и победительное актерское обаяние открыли певцу двери лучших оперных театров мира. Дон Жуан и Евгений Онегин, Яго и Фальстаф, Голландец и Ганс Сакс – в этих обличьях предстает он перед зрителями Байройта и Вены, Мюнхена и Гамбурга, Милана и Парижа. В своей книге певец пишет о роли пения в жизни человека, о законах правильного вокала, о том, как пение влияет на самоощущение личности. Практические советы; одинаково ценные для профессионалов и любителей, сопровождаются теоретическими экскурсами. Отдельные главы посвящены лечению человеческой психики при помощи пения.

Ефимов Б.Е. МОЙ ВЕК. Как это было

В разные годы выходили в свет мемуары, очерки, статьи, рассказы Б. Ефимова – замечательного мастера политической сатиры. За долгую творческую жизнь (род. 1900 г.) ему довелось многое увидеть, услышать, перечувствовать и пережить. Эта книга о временах, событиях, явлениях и людских деяниях, свидетелем которых довелось быть автору.

Читатель найдет в ней очерки о Л. Троцком, И. Бунине, И. Эренбурге, В. Маяковском, В. Гроссмане, Л. Утесове, Р. Зеленой, В. Лебедеве-Кумаче, А. Коллонтай и многих других.

Кипнис С.Е. ЗАПИСКИ НЕКРОПОЛИСТА: Прогулки по Новодевичьему

Среди исторических некрополей России особое место занимает Новодевичье кладбище, возникшее в XVI веке на территории Новодевичьего монастыря. Со временем оно отделилось от монастыря и стало элитарным местом захоронения, что превратило его в своеобразный пантеон советской эпохи. Но Новодевичье кладбище в течение многих лет оставалось без печатного памятника. Наконец в 1995 году автор данного издания, С.Е. Кипнис, издал свою книгу "Новодевичий мемориал. Некрополь Новодевичьего кладбища". Однако за пределами кратких биографических справок о лицах, чьи останки и прах покоятся на кладбище, остались малоизвестные, а порой и вовсе неизвестные факты, рассказы об удивительных скреплениях судеб, о трагических событиях, любопытные истории, связанные с надгробными памятниками и т.п. И автор "Новодевичьего мемориала", полагая, что многое из оказавшегося "за бортом" заслуживает внимания читателя и может стать интереснейшим дополнением к фактически справочному изданию, создал книгу

"Записки некрополиста. Прогулки по Новодевичьему".

Читатель этой книги совершит увлекательную экскурсию по Новодевичьему в сопровождении доброго, ироничного и эрудированного гида.

ЖАН КОКТО. В трех томах с рисунками автора.

Т.1 ПРОЗА. ПОЭЗИЯ. СЦЕНАРИИ; Т.2 ТЕАТР

Трехтомник произведений Жана Кокто представляет литературное творчество этой уникальной фигуры западноевропейского искусства XX века: поэт и прозаик, драматург и сценарист, критик и теоретик искусства, разнообразнейший художник – живописец, график, сценограф, карикатурист, создатель удивительных фресок, которому, казалось, было всё по плечу. Этот по-возрожденчески одаренный человек стал на долгие годы символом современного авангарда.

В первый том вошли три крупных поэтических произведения Кокто – "Роспев", "Ангел Эртебиз" и "Распятие", а также лирика, собранная из разных его поэтических сборников. Проза представлена тремя произведениями, которые лишь условно можно причислить к жанру романа, произведениями очень автобиографическими и "личными" и в то же время точно рисующими время и бесконечное одиночество поэта в мире грубой и жестокой реальности: "Двойной шпагат", "Ужасные дети" и "Белая книга", а также три киномана Кокто; переведены на русский язык впервые.

Во второй том включены три пьесы: «Адская машина», «Рыцари Круглого Стола» и «Двуглавый орел».

Все три пьесы на русском языке публикуются впервые, что, несомненно, будет интересно театрам и поклонникам творчества оригинальнейшего из лидеров французской литературы XX века.

МИХАИЛ КУЗМИН. Т. 1. Проза 1906-1912 гг.;

Т. 2. Проза 1912-1915 гг.; Т. 3. Эссеистика. Критика

В 1-й том трехтомного издания прозы и эссеистики М.А.Кузмина вошли повести и рассказы 1906-1912 гг.

Во 2-й том вошли наиболее значимые произведения 1910-х годов: романы "Плавающие-путешествующие" и "Тихий страж", а также повесть "Покойница в доме", циклы "Сказки" и "Военные рассказы", в России после смерти автора не переиздававшиеся.

Задача 3-го тома – с возможной полнотой представить творчество Кузмина-критика. Кроме хорошо известных "Условностей", в книге впервые собрано большинство его критических текстов, появившихся в периодической печати и различных изданиях 1900–1930-х гг.: это статьи, эссе, обзоры, предисловия и рецензии, по-новому освещающие образ самого автора и характеризующие литературную, художественную и театральную жизнь России первой трети XX в.

Издание предназначено для самого широкого круга читателей, интересующихся русской литературой Серебряного века.

Липкин С.И. КВАДРИГА: Повесть. мемуары

В книгу известного поэта и прозаика С. Липкина вошли повесть "Записки жильца", основанная на автобиографическом материале, и воспоминания о современниках – Ахматовой, Мандельштаме, Цветаевой, Твардовском, Шенгели, Лиснянской и др.

Маковский С.К. ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННОКОВ.

НА ПАРНАСЕ "СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА". ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КРИТИКА. СТИХИ

В издании впервые в полном объеме публикуются две книги воспоминаний редактора журнала "Аполлон" С.К. Маковского (1877–1962): "Портреты современников" (Нью-Йорк, 1955) и

"На Парнасе "Серебряного века"" (Мюнхен, 1962), принадлежащие к числу основных источников по истории отечественной культуры начала XX в., высоко ценимые специалистами и давно вошедшие в золотой фонд отечественной мемуаристики.

Книга познакомит читателя с лучшими работами Маковского – художественного критика и впервые с достаточной полнотой представит его как поэта.

Михайлова Т.А. СУИБНЕ-ГЕЛЬТ ЗВЕРЬ ИЛИ ДЕМОН, БЕЗУМЕЦ ИЛИ ИЗГОЙ

Это всестороннее исследование – литературоведческое, лингвистическое, историческое – древнейшего памятника ирландской литературы будет интересно не только узкому кругу специалистов. Рассказывая о средневековой саге, собственный перевод которой она публикует в приложении, Т. Михайлова рисует картину жизни и быта отдаленной от нас эпохи, расширяя наше представление о культуре кельтов. Традиции этой культуры, отразившей драматическую историю кельтских народов, живы по сей день и развиваются, а яркая самобытность ее с каждым годом умножает число ее поклонников и почитателей.

Никитин А.Л. ROSA MYSTICA. Поэзия и проза российских тамплиеров

В книге представлены литературные и философские произведения российских тамплиеров, сохранившиеся в следственных делах ОГПУ-НКВД, в частных и государственных архивах. Впервые публикуются философские пьесы-диалоги А.А.Карелина, стихи переводчицы И.Н.Иловойской, прозаика и драматурга М.И.Сизовой, автобиографическая проза художника А.В.Уйттенховена, фантастические новеллы писателя П.А.Аренского, а также стихи композитора С.А.Кондратьева, актера и режиссера МХАТа 2-го – В.С.Смышляева и ряда других рыцарей Ордена тамплиеров. Тексты сопровождаются подробными биографическими справками об авторах и уникальными фотографиями.

Издание рассчитано на литературоведов, философов, историков культуры, а также на широкий круг читателей, интересующихся неизвестными страницами истории и культуры первой половины XX века.

Ошеров С.А. НАЙТИ ЯЗЫК ЭПОХ: От архаического Рима до русского Серебряного века

Книга представляет собой собрание статей и эссе российского филолога С.А. Ошерова, тем самым возрождая это полузабытое имя для широкого круга читателей.

Крупнейший исследователь античной литературы, выдающийся переводчик "Энеиды" Вергилия и произведений Сенеки, требовательный редактор, определивший уровень издательской серии "Античная библиотекa", – все эти три грани Ошерова так или иначе проявляются в его филологической прозе.

Кроме статей собственно по античной литературе, представлены также размышления Ошерова по восприятию и отражению античных текстов в русской поэзии Серебряного века.

Издание предназначено студентам-филологам и всем читателям, интересующимся античной литературой.

Паперный З.С. НЕСМОТЯ НИ НА ЧТО. ОТ ЧЕХОВА ДО НАШИХ ДНЕЙ. Истории, анекдоты, смешные случаи

Сборник, составленный выдающимся российским литературоведом и блестящим остроумцем З. Паперным (1919–1996), не успел выйти

в свет при жизни автора. В книгу вошли смешные истории, рассказанные видными деятелями русской культуры (Чеховым, Маяковским, Цветаевой, Пастернаком и т.д.) или случившиеся с ними. Читатель найдет здесь также меткие выражения или острые комментарии, принадлежащие этим художникам слова. В особый раздел вынесены смешные истории, рассказанные составителем — З.Паперным. Блестящий юмор и нераздельно слитое с ним изощренное словесное мастерство превращают сборник в литературную жемчужину.

Сендерович С.Я. ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: Страницы истории

Книга представляет собой монографию по феноменологии культуры. Мотив Георгия Победоносца рассматривается как культурный комплекс, имеющий следующие измерения: иконографию (иконы, фрески, скульптуры, монеты, печати и т.д.), житийные и литургические церковные тексты, официальный церковно-государственный культ, народно-фольклорный культ (ритуалы и поверья), внецерковную поэзию и сказочно-мифологические antecedенты; дает обширный критический обзор исследований по теме. Сообщается история культа от возникновения и до нового времени на Западе и на Руси. Ряд глав посвящен монографическим исследованиям значимости мотива Георгия Победоносца в конкретных произведениях русского фольклора, литературы и изобразительного искусства от "Слова о полку Игореве" до живописи Василия Кандинского и прозы Бориса Пастернака.

Книга снабжена иллюстрациями.

Синявский А.Д. ИВАН-ДУРАК: Очерк русской народной веры

Удивительно талантливо, с юмором и интеллектуальным блеском вводит автор читателя в огромный и причудливый мир народной веры, православного христианства в его народной интерпретации, мир фольклора, издавна служивший ученому, по его признанию, "эстетическим ориентиром".

О русских сказках, народном быте, русской "демонологии", колдунах и заговорах, раскольниках и сектантах-правдоискателях писали многие, но так увлекательно, пожалуй, никто.

Синявский А.Д. ОСНОВЫ СОВЕТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В книге, в основу которой был положен курс лекций, прочитанный А. Синявским в Сорбонне в 1978–1984 гг., автор исследует не столько историю советской цивилизации, сколько её теорию и даже, скорее, "метафизику" (по его собственным словам).

Подробно рассматриваются основные постулаты или краеугольные камни советской цивилизации, такие как "революция", "государство", "новый человек" и т.д.

Параллельно писатель смотрит на советскую цивилизацию глазами её художественной литературы.

Книга выходит на родине автора впервые.

Абрам Терц /Синявский А.Д./ В ТЕНИ ГОГОЛЯ

"В тени Гоголя" — одна из самых блестящих книг Андрея Синявского, в которой его аналитический талант филолога и философа органично и броско соединился с писательским даром. Как и в нашумевших "Прогулках с Пушкиным", в этом тексте Синявский непредвзято, с озорным любопытством и склонностью к глубинным обобщениям, старается с разных сторон рассмотреть не столько творчество и личность великого Гоголя, сколько распутать отдельные нити в клубке под названием "миф о Гоголе". Книга представляет интерес для всех, кто интересуется русской культурой и ее скрытыми смыслами.

Смирнов И.П. МЕГАИСТОРИЯ. К исторической типологии культуры

Автор книги подводит итог своим многолетним занятиям по моделированию культурной динамики.

Под "мегаисторией" Смирнов подразумевает смену таких ансамблей культуры, как раннее средневековье, Ренессанс, барокко и т.д. Этот диахронический процесс прослеживается на русском материале вплоть до возникновения авангардистской культуры 1910–1930 гг. Авторская претензия состоит в том, чтобы сформулировать на мета-языках логики и риторики правила связанного перехода культуры от ее архаических форм к последующим стадиям развития.

Суконик А.Ю. ТЕАТР ОДНОГО АКТЕРА

Персонаж книги эмигрировал из Советского Союза в начале семидесятых годов. Оказавшись между русской и западноевропейской культурами, глядя на себя и свою культуру со стороны, он произносит, точнее, выкрикивает ряд монологов, которые обращены к его бывшим согражданам. Монологи писались с конца семидесятых до конца девяностых годов.

Шекспир Уильям. КОМЕДИИ И ТРАГЕДИИ

Книга представляет "шекспириану" выдающегося мастера художественного перевода О.Сороки, обладающего редким даром обратить к нам шекспировский оригинал теми гранями, открытыми нашим взорам те дотоле дремавшие скрытые его смыслы, которые оказываются созвучны веяниям современной культуры.

За нового "Лира" ухватился режиссер А.Васильев, пораженный переводом, слегка архаизированная лексика которого неожиданно делала его поразительно современным, а сугубая "русскость" текста помогала приблизиться к сути создания великого британца. Васильев начал репетировать трагедию с А. Поповым в роли Лира на сцене МХАТ, но работа была прервана смертью актера. Через несколько лет "Лир" в переводе О.Сороки был поставлен С.Женовачом в Московском театре на М.Бронной. С тех пор началась театральная слава Сороки-переводчика. В том включены беллетризованное исследование переводчика, в котором он делится своими шекспировскими идеями, а также примечания.

Книги издательства «АГРАФ» оптом и в розницу
можно приобрести в издательстве, а также
заказать наложенным платежом по адресу:

129344, Москва, Енисейская ул., 2

**E-mail: agraf.ltd@ru.net
<http://www.ru.net/~agraf.ltd>**

**т./ф. 189-17-35
т. 189-17-22**

Эта книга представляет собой
значительно исправленное
и дополненное переиздание первого
русского перевода «Мабиногион» —
средневекового сборника
валлийских легенд, в котором
причудливо переплелись
мифологические представления
древних кельтов и реальные события
британской истории.

В течение веков повести
«Мабиногион» оказывали и продолжают
оказывать значительное влияние
на духовную культуру
не только Великобритании,
но и других стран Европы.